

VEDA,
vydavateľstvo
Slovenskej akadémie vied

Recenzenti

prof. PhDr. PAVOL ŽIGO, DrSc.

PhDr. ĽUBOR KRÁLIK, CSc.

Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka

Zborník zo 7. medzinárodnej konferencie
Komisie pre výskum tvorenia slov
v slovanských jazykoch
pri Medzinárodnom komitáte slavistov
(Bratislava 27. 9. - 1. 10. 2004)

Editorky

KLÁRA BUZÁSSYOVÁ

BRONISLAVA CHOCHOLOVÁ

VEDA,
vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied

Bratislava 2013

© Autori

Cvetanka Avramova, Renate Belentschikow, Klára Buzássyová, Stefan Höhbusch, Krystyna Kleszczowa, Alicja Nagórko, Ingeborg Ohnheiser, Martin Ološtiak, Jochen Raecke, Jerzy Sierociuk, Miloslava Sokolová, Krystyna Waszakowa; Юлия Балтова, Валентина Н. Виноградова, Ольга П. Ермакова, † Елена А. Земская, Євгенія А. Карпіловська, Ніна Ф. Клименко, Елена И. Коряковцева, † Елена С. Кубрякова, Аляксандр Лукашанец, Алексей В. Никитевич, Людвиг Селимски, Бранко Тошович, Игорь С. Улуханов, Зинаида А. Харитончик

Editorky

PhDr. Klára Buzássyová, CSc.

Mgr. Bronislava Chocholová, PhD.

Zborník je súborom štúdií z rovnomennej medzinárodnej vedeckej konferencie *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka*, ktorá sa konala 27. 9. – 1. 10. 2004 v Bratislave. Konferenciu organizačne pripravil Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV v spolupráci s Filozofickou fakultou Prešovskej univerzity v Prešove. Do zborníka prispelo 26 autorov.

Prípravu publikácie čiastočne financovala Vedecká grantová agentúra Ministerstva školstva, vedy, výskumu a športu Slovenskej republiky a Slovenskej akadémie vied – grant VEGA č. 2/0018/11 *Slovník súčasného slovenského jazyka – 4. etapa (koncipovanie a redigovanie slovníkových hesiel a s tým súvisiaci lexikologicko-lexikografický výskum)*.

© Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied v Bratislave, 2013

OBSAH

PREDHOVOR	7
ИГОРЬ С. УЛУХАНОВ: Мотивированное слово в лексической системе языка	13
ЕЛЕНА С. КУБРЯКОВА: О мотивированности производных слов (когнитивно-семиотический аспект проблемы)	19
НИНА КЛИМЕНКО: Базові концепти мови і дериваційний потенціал належних їм слів	27
INGEBORG OHNHEISER: Мотивационные связи как системообразующий фактор лексики.....	35
RENATE BELENTSCHIKOW: Мотивационный признак в сопоставительном аспекте	45
АЛЕКСЕЙ В. НИКИТЕВИЧ: О взаимодействии единиц разных уровней в лексических подсистемах языка	54
БРАНКО ТОШОВИЧ: Мотивационное отношение.....	63
ЗИНАИДА А. ХАРИТОНЧИК: Мотивировочные признаки и семантические компоненты лексических значений производных слов	78
СВГЕНІЯ А. КАРПІЛОВСЬКА: Системотвірні параметри української мотивованої лексики та можливості її лексикографічного моделювання	85
АЛЯКСАНДР ЛУКАШАНЕЦ: Запазычанні з блізкароднасных моў і праблема матывацыі.....	93
KRYSTYNA KLESZCZOWA: Derywaty wobec procesów neosemantycznych	101
ALICJA NAGÓRKO: Kalki jako rodzaj słowotwórstwa.....	108
ЮЛИЯ БАЛТОВА: Сложните съществителни имена (composita) и съвременните тенденции в славянските лексикални системи.....	123
KRYSTYNA WASZAKOWA: Aktywność słowotwórstwa hybrydalnego w najnowszej polszczyźnie	129
ЛЮДВИГ СЕЛИМСКИ: Интернационалната лексика в словообразователната система на българския език. Критични бележки	137
MILOSLAVA SOKOLOVÁ: Vzťah morfematickej a derivačnej štruktúry v <i>Slovníku koreňových morfém</i>	145
KLÁRA BUZÁSSYOVÁ: Komplementárnosť slovotvorného významu pri výklade lexikálneho významu vo výkladovom slovníku.....	157
ЕЛЕНА И. КОРЯКОВЦЕВА: Мотивированность деривата: экспликации категориального словообразовательного значения существительных на <i>-ство</i>	169
ЕЛЕНА А. ЗЕМСКАЯ: О некоторых процессах в сфере словообразовательной и лексической мотивации в русском языке рубежа XX–XXI вв.	179
ОЛГА П. ЕРМАКОВА: Коннотация и мотивация	187
ВАЛЕНТИНА Н. ВИНОГРАДОВА: Мотивированное слово в тексте и системе поэтического языка	192

JOCHEN RAECKE: Substantiva augmentativa: Sprachliche Bedeutung und Textfunktionen.....	199
JERZY SIEROCIUK: Wariantywność słowotwórcza a kategorie semantyczne derywatów (na przykładzie gwar).....	208
CVETANKA AVRAMOVA: Univerbáty v lexikálním systéme jazyka.....	214
MARTIN OLOŠTIAK: <i>Slovenská slovtvorba</i> Juraja Furdíka z pohľadu editora.....	225
STEFAN HÖNBUSCH: Проблемы перевода и эквивалентности словообразовательных терминов (на примере перевода работ И. С. Улуханова на немецкий язык).....	235

Predhovor

V publikácii predkladanej čitateľom sú sústredené príspevky zo 7. medzinárodnej vedeckej konferencie, ktorú zorganizovali slovenskí členovia Medzinárodnej komisie pre výskum tvorenia slov v slovanských jazykoch pri Medzinárodnom komitáte slavistov (Bratislava 27. 9. – 1. 10. 2004) s podporou spoluorganizujúcich inštitúcií, Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied a Filozofickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove.

Ústrednou témou je *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka/Мотивированное слово в лексической системе языка*. Predkladaná knižná publikácia, ako sa organizátori nazdávajú, plne potvrdzuje platnosť slov Igora S. Uluchanova, ktorý v referáte napísanom zhodne s témou konferencie a celého zborníka zdôraznil, že táto téma je jedným z centrálnych, ale pritom málo preskúmaných problémov spätosti lexiky a tvorenia slov. Možno a treba ju skúmať z rozličných aspektov. Keďže sa v súčasnej lingvistiky jazykové fakty rekonštruujú v naivnom modeli jazyka, teda aktuálne je kognitívne hľadisko, autor vytýčil ako dosiaľ málo prebádanú otázku skúmanie sémantických skupín slov z hľadiska proporcií motivovaných a nemotivovaných slov, ktoré sú členmi daných skupín. (Nemotivované slová sú napríklad často súčasťou zoskupení nomenklatúrneho charakteru.) – Kognitívno-semiotický aspekt slovotvornej motivovanosti rozvíja Jelena S. Kubriakova v príspevku *O motivovanosti odvodených slov (kognitívno-semiotický aspekt problému)/О мотивированности производных слов (когнитивно-семиотический аспект проблемы)*. Podstate slovotvorného aktu (či už interpretovaného z onomaziologického, transformačno-generatívneho, alebo kognitívneho hľadiska) predchádzajú mentálne procesy, v priebehu ktorých nachádzanie pomenovaní nových reálií získava formu konceptualizácie a kategorizácie skutočnosti. Aktivizujú sa nielen vedomosti o jazyku a o slovotvorných modeloch, ale aj vedomosti o svete.

Viacere príspevky sledujú úlohu motivačných vzťahov v súvisi s derivačným potenciálom slov zjednotených istou sémantickou charakteristikou. – V príspevku *Bázové koncepty jazyka a slovotvorný potenciál slov k nim prináležiacich/Базови концепти мови і дериваційний потенціал належних їм слів* slúžia Nine Klymenkovej koncepty lexém *море, океан, ріка* a kompozít s týmito lexémami v ukrajinskom, ruskom a novogréckom jazyku s ich základnými a prenesenými významami na určenie paralelizmu aj jemných rozdielov v konceptualizácii jazykového obrazu sveta v tomto vybranom segmente. – V príspevku *Motivačné vzťahy ako systémotvorný faktor lexiky/Мотивационные связи как системообразующий фактор лексики* autorka Ingeborg Ohnheiser na základe všestrannej analýzy nemeckého literárneho textu Ch. Wolfovej a jeho prekladu do ruštiny, predstavujúceho svojho druhu metajazykové uvažovanie o čase, ukazuje, ako tvorenie derivátov a zložených slov motivovaných slovami sémantickej skupiny ČAS (ZEIT/ВРЕМЯ) závisí od rozličných faktorov: paradigmaticko-procesuálneho, paradigmaticko-rezultatívneho, derivačno-systémového, derivačno-uzuálneho. Berú sa do úvahy aj formálne možnosti porovnávaných slovotvorných systémov. – *Motivačný príznak v porovnávacom aspekte/Мотивационный признак в сопоставительном аспекте* na príklade nie

blízko príbuzných jazykov s dôrazom na metodický základ synchronného porovnávania je predstavený v príspevku Renate Belentschikowovej. Z hľadiska typologických zhôd a rozdielov medzi týmito jazykmi, ako aj na určenie vzťahov jazykovej ekvivalentnosti je cenným prínosom autorkina jemne diferencovaná klasifikácia miery zhodnosti motivačných príznakov (úplná a čiastočná zhoda) aj divergentnosti motivačných príznakov. – V referáte *O vzájomnom pôsobení jednotiek rozdielných úrovní v lexikálnych podsystemoch jazyka/O взаимодействии единиц разных уровней в лексических подсистемах языка* Alexej Nikitevič na príklade súvzťažnosti deadjektívnych slovičiek v ich základných a prenesených významoch poukazuje na perspektívnosť skúmania úplnosti a neúplnosti nominačných radov (rus. *статья теплым – погреться; статья приветливым – Ø*). Ide aj o iné typy zoskupení odvodených slov a slovných spojení vznikajúcich na základe sémantickej derivácie, teda podsystemov odvodené slovo – spojenie slov s derivačne príbuzným komponentom. Umožňuje sa tak hlbšie poznávať vzájomné vzťahy syntetizmu a analytizmu, gramatiky, lexiky a tvorenia slov v skúmaných jazykoch.

Branko Tošovíc v referáte *Motivačný vzťah/Mотивационное отношение* pokladá za dôležité riešiť problém motivačného vzťahu spolu s objasnením širšieho, nadradeného pojmu derivačného vzťahu (derivационное отношение). Autor zaujíma kritický postoj k doterajšiemu chápaniu pojmu slovotvorná kategória a vymedzuje svoje chápanie derivačných kategórií, ktoré tvoria širokú sieť vzťahov s inými kategóriami (pojmovými, onomaziologickými, sémantickými, gramatickými). Motivačný vzťah vykladá ako procesuálny vzťah. Nie je náhodné, že na základe rozličných vzťahov sa vyčleňujú osobité oblasti výskumu – derivatológia a motivatológia. – Zinaida A. Charitončik zdôrazňuje typovú rôznorodosť medzi motivujúcimi menami a menami, ktoré vznikajú na ich základe. Cieľom jej štúdie *Motivačné príznaky a sémantické komponenty lexikálnych významov odvodených slov/Мотивировочные признаки и семантические компоненты лексических значений производных слов* je prispieť k sémantickej typológii, v ktorej ide o rozdielny stupeň dôležitosti korelácie medzi významom motivujúcej bázy a významom motivovaného slova. Autorka pracuje s pojmami intencionálna motivovanosť, implikacionálna motivovanosť a záporná (negimplikacionálna) motivovanosť, takzvaný záporný implikacionál lexikálneho významu. Naznačená analýza umožňuje dodať opisu motivovanosti explanačno-interpretáčny charakter. – Jevhenija Karpilovska v príspevku *Systémotvorné parametre ukrajinskej motivovanej lexiky a možnosti jej lexikografického modelovania/Системотвірні параметри української мотивованої лексики та можливості її лексикографічного моделювання* predstavuje na základe analýzy širšie spektrum typov motivácií v názvoch paciensa s rozličným charakterom ich sémantických vzťahov s motivantmi. – Al'axandr Lukašanec v príspevku *Výpožičky z blízko príbuzných jazykov a problém motivácie/Запозычання з близькородних мов і проблема матывації* ukazuje, aké problémy vznikajú pri prevzatíach z neslovanských jazykov aj pri prevzatíach z blízko príbuzných jazykov (ruštiny, poľštiny) do bieloruštiny, ako aj to, že tieto výrazy si v cieľovom jazyku zachovávajú motivovanosť, ktorú majú vo východiskových jazykoch. – Krystyna Kleszczowa v príspevku *Deriváty vo vzťahu k neosémantickým procesom/Derwyaty wobec procesów neosemantycznych* skúma, ako neosémantické procesy vplývajú na zmeny v stavbe a zložení slovotvorného systému (oslabovanie a posilňovanie štruktúrneho významu jednotiek v rámci slovotvorných typov a kategórií, vznik nových

formantov vďaka presúvaniu hranice medzi bázou a formantom, oslabovanie motivácie a lexikalizácia derivátu). – Alicja Nagórko analyzuje *Kalky ako druh tvorenia slov/Kalki jako rodzaj slowotwórstwa*. Na ich vznik má dosah jazyková politika podporujúca prvky domáceho jazyka. Kalky predstavujú typ výpožičiek, pričom ich označenia sa v rozličných jazykoch terminologicky odlišujú, najmä z hľadiska intencie diferencovať označením mieru úplnosti, resp. približnosti prevodu z iného jazyka.

Podľa Julie Baltovovej (*Zložené podstatné mená [kompozitá] a súčasné tendencie v slovanských lexikálnych systémoch/Сложные существительные имена [composita] и современные тенденции в славянских лексикальных системах*) tvoria kompozitá v lexike slovanských jazykov špecifickú vrstvu, ich intenzívnejšie tvorenie sa prejavuje najmä v rámci tendencie k intelektualizácii. Internacionalizácia prispieva k zblížovaniu lexikálnych jednotiek v lexikálnych systémoch slovanských jazykov pri rozdielnom využívaní systémovo-štruktúrnych možností. – Krystyna Waszakowa poukazuje na *Aktivność hybridného tvorenia slov v najnovšej poľštine/Aktywność slowotwórstwa hybridnego w najnowszej polszczyźnie*. Z perspektívy zásad normatívnosti tvorenia pomenovaní, v ktorých sa spájajú obidva podsystémy tvorenia (internacionálny a domáci), pojem hybridnosti sa dnes javí ako pochybný. Z perspektívy tendencie k internacionalizácii je termín hybridnosť užitočný, lebo pomocou neho sa ukazujú prejavy internacionalizácie – medziiným stupne adaptácie zdomáčňovania prevzatých jednotiek. – Ludvig Selimski vo svojom príspevku *Internacionalna lexika v slovotvorňom systéme bulharského jazyka. Kritické poznámky/Интернационалната лексика в словообразователната система на българския език*. Kritični beležku upozorňuje na metodologický problém s interpretáciou prevzatých slov (výpožičiek) v bulharskej derivatológii. Kým v 60. rokoch 20. stor. sa prijal názor, že pri prevzatých slovách je adekvátne hovoriť o slovotvornej odvodenosti (motivovanosti), v diele *Словообразователен речник на съвременния български книжовен език* (1999) je časť slov hodnotená neadekvátne z hľadiska protikladu motivované/motivujúce slovo. Odvolávajú sa na I. Uluchanova, aj L. Selimski pokladá za závažný problém prevzatých slov, že v mnohých prípadoch nemáme dostatok údajov na rozhodnutie o tom, či sú obidva členy motivačnej dvojice prevzaté, alebo či sa odvodené slovo utvorilo na domácej (ruskej či bulharskej) pôde.

Podľa Miloslavy Sokolovej a jej príspevku *Vzťah morfeatickej a derivačnej štruktúry v Slovníku koreňových morfém* je tento vzťah v skúmaných súboroch koreňových morfém okolo 66 000 jednotiek väčšinou harmonický. Túto frekventovanú, nepríznakovú, systematickú harmóniu predstavuje rozšírená stupňovitá vzostupnosť morfém o jeden význam a jednu morfému. Disharmonický (asymetrický) vzťah morfeatickej a derivačnej štruktúry vzniká narušením stupňovitej vzostupnosti o jeden význam a jednu morfému medzi motivantom a motivátom a) rozširovaním (interfigovaním) jadrovej morfémy, b) skracovaním morfém. – V príspevku s názvom *Komplementárnosť slovotvorňého významu pri výklade lexikálneho významu slova vo výkladovom slovníku* sa Klára Buzássyová zaoberá otázkou, v akej miere sa môžu výklady lexikálnych významov slovotvorne motivovaných lexikálnych jednotiek opierať o príslušné slovotvorňé významy týchto jednotiek. Problémovú situáciu vyvolávajú pri výkladoch abstraktnej lexiky (s formantom *-ost'*) najmä dve okolnosti. Medzi motiváciou a zavŕšeným procesom lexikalizácie ako dvoma pólmi existuje pomerne široké prechodné pásmo. V slovenčine pri vzťahových

adjektívach (ako motivantoch abstrákt) veľmi rýchlo vznikajú kvalifikačné významy. Pri výkladoch lexikálneho významu v rozpracovanom novom výkladovom slovníku slovenčiny sa používa súbor perifráz, ktoré reflektujú modifikáciu základného významu vlastnosti (*českost'* – český ráz, *adaptovateľnosť'* – schopnosť adaptovať sa), inokedy je vhodná perifráza ako pri type *fázovost'* – vlastnosť toho, čo je fázové, čo sa uskutočňuje vo fázach. Komplementárnosťou slovtvorného významu pri výklade lexikálneho významu autorka zhrňujúco charakterizuje spôsoby, akými sa v derivátoch prechodného pásma v príslušných perifrázach vykladajúcich význam lexikálnej jednotky (jednovýznamovej, polysémickej) uplatňujú motivujúce slová daného významu (lexie), prípadne dvojmotivačnosť.

Jelena I. Koriakovceva v príspevku *Motivovanost' derivátov: explikáty kategoriálneho slovtvorného významu derivátov na -stvo/Мотивированность деривата: экспликации категориального словообразовательного значения существительных на -ство* uviedla argumenty na podporu toho, že explikátmi slovtvorného významu skúmaných slov sú: a) motivátor (motivant), b) rad slov s rovnakou štruktúrou s identickým alebo synonymným formantom, c) lexikálno-gramatické ukazovatele umožňujúce určiť kategoriálny status derivátov. Závažnú úlohu spĺňajú v analýze „prirodzené“ kontexty, v ktorých sa aktualizujú všeobecné alebo čiastkové významy skúmaných slov. – Podľa Jeleny A. Zemskej (*O niektorých procesoch v sfére slovtvornej a lexikálnej motivácie v ruskom jazyku na prelome 20. a 21. stor./О некоторых процессах в сфере словообразовательной и лексической мотивации в русском языке рубежа XX–XXI вв.*) je pre súčasný diskurz (publicistický, hovorový, umelecký, zaznievajúci v TV) charakteristické miešanie jazykových prostriedkov rozličného pôvodu vrátane rozmanitosti grafických prostriedkov (motívom je hra s jazykom). Na druhej strane funkčnú diferenciaciu lexikálnych synonym, ktorých denotatívny význam je zhodný (*доктор – врач, дама – женщина, помидор – томат*), dokumentujú rozdiely v rečovej etikete v súčasnom Rusku v porovnaní s rečou emigrácie (potomkov prvej porevolučnej vlny), ktorá si zachováva úzus charakteristický pre prvú tretinu 20. stor.

Oľga P. Jermakova v príspevku *Konotácia a motivácia/Коннотация и мотивация* poukazuje na to, že motivujúca úloha konotácie sa najzreteľnejšie prejavuje vo sfére sémantickej derivácie, a to iba pri metaforických názvoch osôb, podstatne menej aktívne pri afixálnom tvorení slov. – Valentina N. Vinogradova v príspevku *Motivované slovo v texte a v systéme básnického jazyka/Мотивированное слово в тексте и системе поэтического языка* na materiáli textov ruských básnikov ukazuje, že v básnickom texte nadobúdajú motivované slová osobitnú výraznosť vďaka nezvyčajnej spájateľnosti (bezprostrednej aj dištančnej). Tá vedie k aktualizácii vnútornej formy, k obohateniu zmyslovej stránky slova, k polysémii. – Jochen Raecke analyzuje *Substantívne augmentatíva: jazykový význam a funkcie v texte/Substantiva augmentativa: Sprachliche Bedeutung und Textfunktionen*. Konštatuje, že všeobecne sa augmentatívam venuje v gramatikách a slovtvorných syntetických opisoch slovanských jazykov menej pozornosti ako deminutívam. Ak ide o zachytenie významu augmentatív a fungovanie v textoch, je adekvátne posudzovať ich na rovine rečových použití, a to na stupni, kde sa nachádza význam (príznač) *hanlivý, s odmietavým postojom*, teda v logickej spätosti so *zveličením*, ale nie ako s ním identický.

Jerzy Sierociuk poukazuje v príspevku *Slovotvorná variantnosť a sémantické kategórie derivátov (na príklade nárečí)/Wariantywność słowotwórcza a kategorie semantyczne derywatów (na przykładzie gwar)* na náročnosť skúmania slovotvornej variantnosti v nárečiach – lebo informátori zväčša ako ďalšiu možnosť vyjadrenia uvádzajú hovorové výrazy, nie nárečové. Dá sa tu hovoriť aj o svojho druhu obmedzeniach slovotvornej variantnosti v nárečiach.

Cvetanka Avramova (*Univerbáty v lexikálnom systéme jazyka*) predstavila presné chápanie univerbizácie ako slovotvorného spôsobu tvorenia jednoslovných pomenovaní z paralelne existujúcich viacslovných pomenovaní pomocou formálnych prostriedkov.

Dva príspevky sa svojím žánrom trocha odlišujú od ostatných referátov, ktoré odzneli na bratislavskej konferencii. Tematicky aj z hľadiska „dejín“ činnosti Medzinárodnej komisie pre výskum tvorenia slov v slovanských jazykoch pri Medzinárodnom komitete slavistov však tvoria integrálnu súčasť zborníka (ústrednú tému konferencie navrhol ešte Juraj Furdík). Sú to referáty Martina Ološtiaka a Stefana Höhbuscha. – Martin Ološtiak si v referáte *Slovenská slovotvorba Juraja Furdíka z pohľadu editora* kladie za cieľ oboznámiť čitateľov s okolnosťami spojenými s editovaním posmrtno vydanéj knihy J. Furdíka *Slovenská slovotvorba (Teória, opis, cvičenia)* (2004), ktorú edične pripravil. Uvádza dôvody, prečo sa rozhodol pripraviť uvedené knižné vydanie – učebnicu slovenskej slovotvorby. J. Furdík plánoval zúročiť svoje bohaté, takmer štyridsaťročné skúsenosti z oblasti vyučovania lexikológie; nezostal však po ňom nijaký homogénny materiál, preto musel M. Ološtiak využiť niekoľko parciálnych zdrojov (rukopisný fragment 14 strán, poznámky študentov, publikované štúdie, nepublikované práce z pozostalosti, poznámky editora). V referáte autor predstavuje aj štruktúru knihy, ktorá je primárne učebným textom, ale prezentujú sa v nej nové poznatky v rámci slovanskej slovotvorby. – Stefan Höhbusch v referáte *Problemy prekladu a ekvivalentnosti slovotvorných termínov (na materiáli prekladu prác I. S. Uluchanova do nemeckého jazyka)/Проблемы перевода и эквивалентности словообразовательных терминов (на примере перевода работ И. С. Улуханова на немецкий язык)* predstavuje svoju prekladateľskú skúsenosť s hľadaním i dotváraním slovotvorných termínov v nemčine v súvisi s prekladmi viacerých štúdií I. S. Uluchanova do nemčiny. (Práca sa realizovala ako súčasť projektu, na ktorom sa zúčastnili študenti slavistiky z Univerzity Martina Luthera v Halle, semináre viedla S. Mengel.) Autor v nadväznosti na klasifikáciu Renate Belentschikowovej uvádza príklady na úplnú zhodu ruského a nemeckého slovotvorného termínu, čiastočnú zhodu termínov, napr. keď ruskému derivátu zodpovedá v nemčine kompozitum (rus. *словообразовательная система* – nem. *Wortbildungssystem*), a na rozličné prípady divergentne tvorených termínov.

Poznámka: Vzhľadom na tému bratislavskej slovotvornej konferencie, ktorej dominantným pojmom je motivácia, či už ako slovotvorná motivácia – najuniverzálnejší motivačný typ –, alebo ako širší pojem lexikálna motivácia, v ktorom profesor Juraj Furdík videl jednotiaci princíp a metodologický nástroj na zachytenie syntetického obrazu celej slovnej zásoby a ktorému zasvätil posledné roky svojho vedecky a pedagogicky plodného života, ale svoju teóriu o lexikálnej motivácii už nestihol dokončiť (skonal 7. 8. 2002), editorky tohto zborníka pokladajú za potrebné uviesť na doplnenie tieto skutočnosti. Ak sa v zborníku nachádza stať žiaka profesora J. Furdíka Martina Ološtiaka *Slovenská slovotvorba*

Juraja Furdíka z pohľadu editora, M. Ološtiak je editorom aj ďalších dvoch kníh: vybraných štúdií Juraja Furdíka *Život so slovtvorbou a lexikológiou* (Košice: Vydavateľstvo LG 2005. 472 s. ISBN 80-969447-5-4) a v súvislostiach, ktoré tu spomíname, najmä knihy Juraj Furdík: *Teória motivácie v lexikálnej zásobe* (Košice: Vydavateľstvo LG 2008. 95 s. ISBN 978-80-9697-60-7-2). Editor aj tu vychádzal z viacerých nehomogénnych zdrojov, východiskom sa stal prepis diktafónových nahrávok z posledného prednáškového cyklu J. Furdíka *Problémy lexikálnej motivácie* (letný semester v akademickom roku 2001/2002). Povedané slovami M. Ološtiaka, „Furdíkova teória lexikálnej motivácie, pravdaže, vo všetkých jednotlivostiach nepredstavuje úplné novum... Furdíkovo novátorstvo a originalita však spočívajú v tom, že ako prvý sa pokúsil zastrešiť dovedy vymedzované motivačné typy a ako prvý prichádza s ambíciou komplexným spôsobom, t. j. pomocou jednotnej metodológie, analyzovať, opísať a vysvetliť fungovanie a dynamiku lexikálnej zásoby“ (Motivatológ Juraj Furdík. In: *Teória motivácie v lexikálnej zásobe*, 2008, s. 12). V citovanej knihe je podrobnejšie zdôvodnená typológia lexikálnej motivácie, ktorú Juraj Furdík prvý raz publikoval na medzinárodnom fóre na katovickej slovtvornej konferencii (porov. FURDÍK, Juraj: *Motywacja słowotwórcza między innymi typami motywacji leksykalnej*. In: *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Red. K. Kleszczowa, L. Selimski. Katowice: Wydawnictwo Gnome 2000, s. 59 – 62).

Záver. Editorky zborníka materiálov zo 7. medzinárodnej konferencie konanej v Bratislave 27. 9. – 1. 10. 2004 v rámci činnosti Medzinárodnej komisie pre výskum tvorenia slov v slovanských jazykoch pri Medzinárodnom komitáte slavistov sa ospravedľujú všetkým členom komisie a zároveň autorom referátov a štúdií za to, že materiály z tejto konferencie vychádzajú s takým veľkým oneskorením. Oneskorenie bolo zapríčinené osobnými dôvodmi editorky Kláry Buzássyovej (veľká pracovná zaťaženosť na jednom z hlavných projektov pracoviska a dlhotrvajúce zdravotné ťažkosti, pre ktoré sa aj vzdala členstva v slovtvornej komisii).

Zborník materiálov zo 7. medzinárodnej slovtvornej konferencie *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka* vychádza vďaka finančnej aj celkovej podpore a starostlivosti Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied a Filozofickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove.

Klára Buzássyová – Bronislava Chocholová

Мотивированное слово в лексической системе языка

Игорь С. Улуханов

0. Проблема, названная в заглавии доклада, – это одна из центральных, но малоизученных проблем взаимодействия лексики и словообразования. Изучение системных связей мотивированного слова с другими (мотивированными и немотивированными) может осуществляться в рамках: а) различных семантических групп – лексико-семантических рядов, множеств и подмножеств (единиц семантической классификации лексики, выделенных в РСС 2000); б) лексико-словообразовательной категории (Манучарян 1999); в) лексических функций (Мельчук 1974), в том числе в рамках синонимического (Улуханов 2000) и антонимического рядов. В данном докладе рассматривается первый из названных вопросов.

1. В настоящее время факты языка принято оценивать с точки зрения их участия в реконструкции наивной модели мира, т. е. с когнитивной точки зрения. Реконструкция этой модели «на основе полного описания лексических и грамматических значений рассматривается как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе» (Апресян 1995, с. 6).

Степень и характер мотивированности слов той или иной лексической группы, выделенной без участия каких-либо словообразовательных критериев, являются показателями, отражающими особенности того участка картины мира, который обозначен словами этой лексической группы. Изучение словообразовательного значения с точки зрения языковой картины мира определяется как тем, что «ПС <производное слово. – И. У.> выступает в первую очередь как языковый способ представления СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ и/или ЕГО ОЦЕНКИ» (Кубрякова 1999, с. 26), так и тем, что словообразовательное значение повторяется чаще всего в серии слов, что указывает на актуальность данного значения для носителей языка, т. е. на его активное участие в построении языковой картины мира.

К числу значений, подлежащих описанию и анализу с точки зрения языковой картины мира, относятся и словообразовательные значения. «Словообразование позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» (Вендина 1998, с. 9).

Из сказанного ясно, что анализ семантических групп с точки зрения соотношения мотивированной и немотивированной лексики в их составе является интересной и перспективной задачей. На материале русской диалектной лексики, относящейся к семантическим группам «небо и небесные тела», «земля», «растительный мир» и «животный мир», эта проблема рассмотрена в книге Т. И. Вендиной (Вендина 1998). Изученный материал привел автора к следующему выводу: «Словообразовательные средства привлекаются, как правило, для означивания только тех реалий,

которые *могут оцениваться*, когда необходимо актуализировать признаки, имеющие практическое значение для человека в его освоении мира, причем не только такие, которые имеют хозяйственно важные значения, но и такие, которые помогают ему ориентироваться в сложном и многоликом мире природы» (Вендина 1998, с. 203).

Может быть построена типология семантических групп с указанной точки зрения. Предварительное рассмотрение единиц классификации, содержащейся в РСС (2000), с точки зрения участия в них мотивированных и немотивированных слов показало, что существуют все возможные их виды, т. е. единицы, состоящие только из мотивированных или только из немотивированных слов; единицы, состоящие преимущественно из мотивированных или немотивированных слов; единицы, включающие примерно равное количество мотивированных и немотивированных слов; при этом может быть изучено и участие в создании каждой семантической группы других способов номинации (развитие новых значений, заимствование, возникновение комплексных наименований).

2. Далее рассматриваются свойства семантических групп, способствующие или препятствующие мотивированности входящей в них лексики. Номинативный состав этих групп тесно связан с семантическими принципами их выделения.

2.1. Значения некоторых семантических групп в той или иной мере могут способствовать немотивированности входящих в них слов. Это относится к группам номенклатурного характера, состоящим из названий и терминов, употребляемых в какой-либо четко очерченной отрасли; таковы, например, многие лексико-семантические ряды, включающие названия животных, например, обезьяны: *гibbon, горилла, гусар, капуцин, лемур, макака, мартышка, орангутанг, павиан, резус, шимпанзе* (мотивированы только *игрунка, реву* и *руконожка*); волки, лисицы, собаки и другие хищные животные: *волк, динго, койот, лиса, песец, пес, собака, шакал* (мотивированы только *лисица, огневка* – прост. и обл., *сиводушка*); породы собак: *болонка, борзая, бульдог, бультерьер, доберман, дог, колли, левретка, легавая, мопс, ньюфаундленд, пинчер, пойнтер, пудель, сенбернар, сеттер, спаниель, такса, терьер, фокстерьер, шпиц, эрдельтерьер* (мотивированы только *боксер, водолаз, ищейка, лайка, овчарка*); кошки, большие кошки: *барс, гепард, ирбис, кугуар, лев, леопард, пантера, пума, рысь, тигр, ягуар* (РСС 2000, I, с. 407–415) и др. названия животных (о диалектных названиях см. Вендина 1998, с. 140–161); ср. также, например, названия горных пород, ископаемых (*алебастр, антрацит, апатит, асбест, аспид, базальт, боксит* и мн. др., см. РСС 2000, I, с. 622–624; мотивированы *железняк, змеевик, известняк, ракушечник, супесь*), обозначения «собственно неба и небесных тел» (Вендина 1998, с. 35) и многие другие номенклатурные системы.

В целом в группе названий животных, зафиксированных в РСС 2000, I, с. 396–461, немотивированных слов около 57 % (642 слова), мотивированных – около 43 % (485 слов), причем преимущественно из мотивированных слов состоят отдельные лексико-семантические ряды, значением которых предусмотрена мотивированность: названия животных по характерному признаку: *вредитель, выкормок, людоед, подранок* и т. п., *годовик, двухлеток* и т. п., *вожак, производитель* и т. п.; названия совокупностей животных: *беспозвоночные, выводок, молодежь* и т. п.; классов, подклассов, отрядов (РСС 2000, I, с. 406): *грызуны, парнокопытные* и т. п.; названия самок, дете-

нышей: *львица, львенок*; обиходные названия: *косолапый, сивка, хрюшка* и т. п. Аналогично соотношение мотивированных и немотивированных слов у названий растений (РСС 2000, I, с. 514–563): 60 % (485 слов) немотивированных и 40 % (320 слов) мотивированных.

2.2. Имеются такие лексические классы, которые состоят из разрядов, существенно отличающихся друг от друга с рассматриваемой точки зрения. Таков, например, лексический класс названий лиц. Подмножество «По воинским категориям, чинам, званиям; сами такие чины, звания» (РСС 2000, I, с. 262–266), входящие в этот лексический класс, включают 80 % немотивированных слов и 20 % мотивированных (45:11). Лексико-семантический ряд «Служители культа церкви, их титулы, титулования» (РСС 2000, I, с. 198–202) содержит 69 % немотивированных и 31 % мотивированных слов (60:27). Понятно, что преобладание немотивированных слов в обеих группах объясняется их «номенклатурным» характером: чины и звания чаще выражаются немотивированными (для обеих групп обычно заимствованными) словами (*матрос, офицер, адмирал, генерал, капитан* и т. п.; *аббат, архимандрит, викарий, дьяк, иерей* и т. п.), чем мотивированными (*полковник, подполковник, красноармеец, рядовой* и т. п.; *вероучитель, духовник, звонарь, игуменья, ключарь* и т. п.). В то же время во многих семантических группах, состоящих из названий лиц, преобладают мотивированные слова. Так, группа названий лиц, занятых «В сфере искусства, творчества, по сопутствующим им занятиям» (РСС 2000, I, с. 205–219), имеет лишь 22 % немотивированных слов, а мотивированных – 78 % (79:282). Это объясняется тем, что основные названия данных лиц мотивируются названиями средств или предметов их деятельности (*юморист, акварелист, ваятель, иконописец, пейзажист, дизайнер* и мн. др.). То же можно сказать о названиях лиц, занятых, например, «В хозяйственной, экономической сферах деятельности» (РСС 2000, I, с. 276–312), где рассматриваемое соотношение еще более благоприятно для мотивированных слов (6,2 % : 93,8 % или 56:844), ср. *приемщик, вертолетчик, кораблестроитель, лифтер* и мн. др. В группе лиц, названных «По отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению» (РСС 2000, I, с. 68–73), как ясно из этого перечня мотивирующих признаков, также преобладают мотивированные слова (20 % : 80 % или 17:66): *уроженец, беженец, новосёл, дачник, австралиец, волгарь, горец* и т. д. (ср. немотивированные *абориген, автохтон, туземец, бургер* и некот. др.).

Подмножество «названия лиц по характерным признакам по свойству, состоянию, отношению, по связям, по действию, функции» предполагает преобладание в лексико-семантических рядах (см. схему 9 в РСС 2000, I, с. 66), относящихся к данному подклассу, мотивированных слов (*дачник, мудрец, житель* и мн. др.). Вместе с тем такие «мотивированные» семантические группы, близкие к лексико-словообразовательным категориям (см. раздел 2), обычно включают и немотивированные слова. У таких слов значение, аналогичное дериватеме, «амальгамировано» с лексическим значением слова (*врач* – тот, кто лечит).

2.3. Степень и характер мотивированности слов той или иной лексической группы может зависеть и от достаточно узких и конкретных семантических особенностей этих слов, относящихся как к денотативной, так и к коннотативной сфере значений.

Например, названия мяса в РСС 2000, II, распределены по трем лексико-семантическим рядам, входящим в разные множества, выделенные на денотативной основе (см. схему в РСС 2000, II, с. 264) – мясо млекопитающих (РСС 2000, II, с. 265, 266), птиц (РСС 2000, II, с. 268) и рыб (РСС 2000, II, с. 268, 269). Из них почти исключительно из мотивированных слов одной и той же структуры – название животного + суффикс *-ин(а)/-атин(а)* – состоит первая группа: *баранина, бычати́на* (прост.), *верблюжатина, крольчатина, лосина, лосятина, медвежатина, оленина, поросятина, свинина, телятина, тюленина, кошати́на, псина, собачати́на*. Немотивированными являются лишь *говядина* (входящее в супплетивные пары *корова – говядина, бык – говядина* и имеющее тот же суффикс, что и в остальных названиях: IV степень членимости по шкале М. В. Панова – Словообразование... 1968, с. 214–217), а также *заяц, поросенок, кролик*, у которых имеет место регулярная полисемия (причем имеются параллельные суффиксальные существительные *зайчатина, крольчатина* и *поросятина*), и само слово *мясо*, одно из значений которого – «то же, что *говядина*». Две другие группы («мясо птицы» и «мясо рыбы») состоят преимущественно из слов с регулярной полисемией «название животного» → «название его мяса как пищи»: *гусь, индейка, индюшка, каплун, курица, птица, утка, цыпленок, вальдишнел, глухарь, куропатка, рябчик; анчоус, белорыбица, белуга, бычок, вобла, горбуша, ёри, жерех, зубатка, иваси, камбала, карась, копчушка, корюшка, ледяная, мойва, муксун, навага, налим, плотва, подлецик, селедка, сельдь, семга, сиг, тарань, толстолобик, треска* и мн. др., а также *птица* и *рыба* в значении «мясо птицы, рыбы». Отдельные в разной степени мотивированные слова этих групп (*глухарь, рябчик; белорыбица, белуга, бычок, горбуша, зубатка, копчушка, ледяная, подлецик, толстолобик*) не образуют, в отличие от названия мяса млекопитающих, словообразовательного типа с одним и тем же суффиксом; из названий мяса птицы и рыбы к этому типу принадлежат лишь *гусятина, индюшатина, курятина, утятина, лососина, осетрина, севржюжина, сомятина, стерлятина*; все они имеют параллельные названия мяса, совпадающие с названием животного (*гусь, индюшка, курица, утка, лосось, осетр, севржюга, сом, стерлядь*).

Причины столь существенных различий в структуре названий мяса млекопитающих, с одной стороны, и птицы и рыбы, с другой, следует усматривать, очевидно, в том, что у названных крупных млекопитающих не может действовать семантическая модель «название животного» → «название его мяса как пищи». Эта модель из названий млекопитающих представлена лишь в *заяц, кролик* и *поросенок*, т. е. у названий некрупных млекопитающих (ср. *жареный заяц, кролик* и *поросенок*, но не *жареный козел, медведь, олень* и т. п.). Таким образом, для названий мяса млекопитающих типична словообразовательная мотивация, а для названий мяса птиц и рыб – регулярная полисемия.

Рассмотренные примеры показали зависимость номинативных особенностей семантических групп слов от их денотативного значения. Не меньшее влияние может оказывать наличие/отсутствие в семантике слов коннотативных элементов значения. Так, в подмножестве «Обращения» (РСС 2000, I, с. 346–350) слова, относящиеся к лексико-семантическому ряду «Собственно обращения», являются немотивированными: *господин, мадам, мадемуазель, миледи, милорд, мисс, мистер, пан, сеньор*,

сударь, сэр, товарищ. Мотивированными в этой группе являются лишь корреляты женского рода: *госпожа, пани, сеньора, сеньорита, сударыня*; ср. также *мисс – миссис*. В группе же обращений с элементами коннотации (оценка, эмоция) преобладают обращения, мотивированность которых вызвана наличием этих элементов: *батенька, батюшка, братец, братишка, браток, девонька, дорогуша, дружище, дружок, кормилец, мамаша, мамочка, папаша, сестренка, старик, старина, сынок, голубушка, голубчик, душенька, душечка, зайлька, зайчик, золотко (золотце), киска, котенок, котик, кровинка, лапонька, лапушка, ластонька, милаша, млка, милок, милочка, птичка, роденький, роднуля, рыбка, рыбонька, сердечный, соколик, солнышко, цветик, цветочек, чертяка, чертушка, ягодка* (большую мотивированность оценочных слов по сравнению с идентифицирующими отмечает и Т. И. Вендина; см. Вендина 1998, с. 36), хотя, конечно, коннотативные элементы могут выражаться и словообразовательно немотивированными словами, которых в данной группе меньше, чем мотивированных: *батя, брат, дорогой, друг, мадам, мать, орел, отец, паря, сударь, хозяин; ангел, голуба, голубь, касатик, ласточка, милый, родной, свет, сокол*. При этом важно отметить, что слова употребляются в качестве обращения не в основных переносных значениях, ср. *отец* «почтительное обращение к пожилому мужчине или (в устах женщины) к мужу – главе семьи» (прост.), *сокол* перен. «ласковое обращение к мужчине, юноше, вообще доброжелательное упоминание о таком лице (разг. и нар.-поэт.)». Такие значения свойственны и многим из приведенных мотивированных слов, например, *братец* «в непринужденной речи дружеское и фамильярное обращение к мужчине» и мн. др.

Существуют и такие (немногочисленные) лексико-семантические ряды, которые состоят из слов только в тех значениях, в которых они мотивированы другими значениями тех же слов. Таков, например, лексико-семантический ряд со значением: «По средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, своей среды» (РСС 2000, I, с. 123): *герой (нашего времени), дитя (своего века), дочь, сын (своей родины)*; «По положению в какой-нибудь общественной среде, по социальной значимости, авторитету или их отсутствию» (РСС 2000, I, с. 135): *авторитет (крупный авторитет в науке), звезда (экрана), знаменитость (местная знаменитость), имя (в литературе появились новые имена), кит (общества), королева (красоты), король (эстрады), лев (светский лев), львица (светская львица), оракул (оракулы вновь оконфузились), столп (столпы науки), туз (городские тузы), шишка (он стал большой шишкой)*; «По отсутствию социальной значимости, по социальной незначительности» (РСС 2000, I, с. 137): *винтик (не винтик, а создатель), никто (у себя в доме он никто), ничто (в искусстве он ничто), ноль (нуль) (в науке он нуль), пешка (в политической игре), статист, фигурант (статист, фигурант в политике), шестерка (ходить в шестерках)*.

3. Одной из особенностей современного этапа изучения словообразования является, как известно, выход за пределы словообразовательной системы и изучение взаимодействия словообразования с другими сферами языка. Целесообразно, в частности, изучение мотивированных слов на фоне всего лексического состава, т. е. изучение взаимодействия мотивированной и немотивированной лексики (в том числе всех промежуточных стадий между мотивированностью и немотивированностью).

Выше такое взаимодействие было рассмотрено в рамках семантических групп.

Была сделана попытка выявить некоторые номинативные свойства различных семантических групп и причины, влияющие на эти свойства. В дальнейшем целесообразно провести исследование всех семантических групп (например, по материалам РСС, 2000) с точки зрения степени и характера мотивированности входящих в них слов. Такое исследование было бы одним из этапов создания языковой картины мира.

Литература

- АПРЕСЯН, Юрий Д.: Образ человека по данным языка: попытка системного описания. In: Вопросы языкознания, 1995, № 1.
- ВЕНДИНА, Татьяна И.: Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (микрокосм). Москва 1998.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ними правила инференции (семантического вывода). In: Новые пути изучения словообразования славянских языков. 2-ое заседание Международной комиссии по славянскому словообразованию. *Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen*. Band 3. Frankfurt am Main etc. 1999.
- МАНУЧАРЯН, Рубен С.: Лексические и словообразовательные группировки. In: Новые пути изучения славянских языков. 2-е заседание Международной комиссии по славянскому словообразованию. *Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen*. Band 3. Frankfurt am Main etc. 1999.
- МЕЛЬЧУК, Игорь А.: Опыт теории лингвистических моделей «смысл & текст». Семантика, синтаксис. Москва 1974.
- МЕЛЬЧУК, Игорь А.: Курс общей морфологии. Т. I. Москва – Вена 1997.
- РСС = Русский семантический словарь. Т. I, II. Москва 2000.
- Словообразование современного русского литературного языка. Под ред. М. В. Панова. Москва 1968.
- УЛУХАНОВ, Игорь С.: Мотивированное слово в синонимическом ряду. In: *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów*. Katowice 2000, с. 9–16. ISBN 83-87819-31-X.

проф. Игорь С. Улуханов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, ул. Волхонка 18/2, 119019
Москва, Россия

e-mail: istepu@mail.ru

О мотивированности производных слов (когнитивно-семиотический аспект проблемы)

Елена С. Кубрякова

Мотивированность производного слова (далее – ПС) – одно из ключевых понятий теории словообразования, но кажущаяся простота его содержания все же обманчива – и не только потому, что в трактовке понятия возможны существенные расхождения, но и потому, что сам подход к его определению может быть нетождественным. Немало крупных лингвистов прошлого обращались к разъяснению понятия, и это тоже не случайно. Представление о мотивированности знаков возникает, прежде всего, в связи с обсуждением проблем произвольности/непроизвольности знака, и то, что в настоящей работе я возвращаюсь к рассмотрению семиотических аспектов ПС, – это, собственно, продолжение тех традиций, которые были заложены еще Ф. де Соссюром.

Не вдаваясь специально в историю термина, я все же хочу напомнить слова Ф. де Соссюра о том, что «основной принцип произвольности знака не препятствует различать в каждом языке то, что в корне произвольно, то есть немотивировано, от того, что произвольно лишь относительно, так как знак может быть относительно мотивированным» (Соссюр 1977, с. 163). Рассматривая французское числительное *dix-neuf* ‘девятнадцать’, он разъясняет, что оно является относительно мотивированным знаком, поскольку «вызывает представление о словах, из которых составлено». Однако в качестве относительно мотивированных знаков им приводится не только сложное слово, но и ряд обозначений деревьев типа *poirier* ‘груша’, *pommier* ‘яблоня’, *cerisier* ‘вишневое дерево’, и специально отмечается, что не только корни этих слов, но и суффикс *-ier* «вызывает в памяти» ассоциированный с ним ряд слов (Соссюр 1977, с. 164).

На то, что мотивированность слова связана с любым из его конститuentов, обращает внимание спустя более полувека и В. Флайшер (Fleischer 1969, с. 8). Точно так же, цитируя Ф. де Соссюра об относительной мотивированности ПС, Д. Кастовский обращает внимание на зависимость семантики ПС от его составных частей и на связь этих комбинаций знаков с параллельными конструкциями. Именно это позволяло Ф. де Соссюру видеть роль мотивированных слов в лексике языка, усматривая ее во введении «принципа порядка и регулярности в некоторые участки всей массы знаков» (Соссюр 1977, с. 165; Kastovsky 1982, с. 19–20; Fleischer 1969, с. 11; см. также подробнее Norecký – Buzássyová – Bosák 1989, с. 28 и сл.). Понятие мотивированности может, таким образом, по мнению указанных лингвистов, применяться ко всем тем комбинациям знаков, значения которых так или иначе складываются из значения их частей; это относится, конечно, не только к производным словам, но и к предложениям. Производное же слово можно считать мотивированным как потому, что оно семантически «прозрачно», так и потому, что оно самообъяснимо (self-explanatory)

и интерпретируется по своим частям (Kastovsky 1982, с. 153). Мотивированность тесно связана с анализируемостью (членимостью) единиц; невозможность разложить дериват на части означает его демотивацию (там же, с. 164).

К убедительности именно этой трактовки мотивированности комбинации знаков я еще вернусь ниже, отметив здесь лишь вскользь, что подобное ее понимание позволяет считать мотивированными и звукоподражательные слова, поскольку набор их фонологических конститuentов помогает сделать заключение о их семантике; мотивированными, с другой стороны, могут считаться и любые другие конструкции, о значениях которых мы догадываемся по значениям составляющих их частей – словосочетания и предложения. Это, конечно, позволяет, в свою очередь, расширить области применения понятия мотивированности и **дериватологии**, включая в нее образование всех мотивированных конструкций языка на разных уровнях его системы и делая словообразование одной из сфер дериватологии.

В отечественной теории словообразования трактовка понятия мотивированности приобретает, однако, начиная с работ Г. О. Винокура, иной характер. Подходя к мотивированности по-другому, он обращает внимание, прежде всего, на принципиальное отличие производных основ от непродизводных. Удивительно современно звучат и сегодня его слова о том, что «слово может обозначать известный предмет действительности или непосредственно, или через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими». «*Стол, коса, алый, нести*, – продолжает он, – обозначают нечто, независимо от того, какие отношения существуют у каждого такого нечто с другими явлениями действительности.»... «В отличие от этого, – указывает он далее, – отношения между словом и обозначаемым им предметом мысли, в случаях вроде *настольный, косить, алеть, поднести*, обнаруживают такое обозначение идеи, в котором данная идея раскрывается в известной хотя бы части своих связей, формирующих ее в живой действительности». Слова этого рода он и называет **мотивированными**, см. Винокур 1959 (а фактически 1949, с. 420–421). Таким образом, для него главным оказывается тот факт, что «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое отношение соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» (там же, с. 421).

Это положение Г. О. Винокура во многом определяет развитие теории словообразования в отечественном языкознании, но нельзя не отметить и того, что оно же предвосхищает осмысление ПС с когнитивных позиций. Если в практике людей очень долгое время крупницы опыта фиксируются как **отдельно** стоящие и выделенные в своей собственной качественной определенности сущности, то с приобретением познавательного опыта люди начинают осмыслять мир в его связях и отношениях. Картирование мира, при котором происходит обозначение отдельных **точек** пространства, уступает постепенно картированию (*mapping*), в котором конкретные обозначения формируются как учитывающие **связи** отдельных объектов с их признаками, объектов с другими объектами, объектов с процессами и т. п. Основную часть словарного состава развитых языков и начинают составлять, как в современ-

ных славянских языках, **производные (комплексные, вторичные)** единицы номинации, указывающие на системные связи сущностей в объективном мире, «живой действительности».

Естественно, что любая трактовка мотивированности слова – и как семантически обусловленного всеми его частями, и как семантически обусловленного связью производных основ с непродными, – требовала установления понятия словообразовательной пары слов и, вообще, **сравнения** производного слова с непродным. В прекрасной статье И. С. Улуханова о словообразовательной мотивации, где мотивированность связывается с наличием в составе ПС так называемой отдельной части, подробно разъясняются типы отношений между мотивирующим и мотивированными словами и описываются возникающие при этом значения; подчеркивается, что словообразовательная мотивация представляет собой итог связи двух слов с одинаковыми корнями, проявляющих черты семантического сходства (Uluchanov 2000, с. 579 и сл.).

Такая точка зрения была выдвинута и у польских ученых. В работах Е. Куриловича 30-ых гг., где он характеризует явления деривации в словообразовании и словоизменении, он вводит противопоставление первичных (исходных) и вторичных (производных) форм языка и рассматривает отношения между ними в терминах **обоснованности** одной формы другою, отмечая, что именно производная форма является маркированной и мотивированной [Курилович 1962 (1936), с. 60 и (1949), с. 92].

В трудах М. Докулила мы уже находим – со ссылкой на Г. О. Винокура – детальное описание понятия мотивированности как определяющего свойства словообразовательной формы, которое, собственно, и позволяет строить представления о семантике ПС как моделируемой черте ПС. Интересно отметить, что хотя М. Докулил и указывает на тот факт, что словообразовательная мотивировка предполагает фиксацию ПС в системе из **двух** координат – по связи слов с тождественными основами, с одной стороны, и тождественными формантами, с другой, – характеризует далее типы мотивировочных отношений, он приводит примеры исключительно на мотивацию одного слова другим. Само наличие словообразовательной связи между словами он усматривает лишь в такой ситуации, «когда форма и значение одного слова даны (мотивированы) формой и значением другого» (Dokulil 1962, с. 192). В классической теории словообразования, таким образом, закрепляется более узкое понимание мотивированности, связанное с пониманием словообразовательного акта как происходящего, якобы, при порождении слова от слова и как отражающего вследствие этого формально-семантическую зависимость между мотивирующим и мотивированными словами. Считалось также, что подобная зависимость между словами одного корня особенно ярко проявляется в словообразовательном гнезде, которое по этой причине демонстрирует не только набор мотивированных одним источником единиц, но и разные типы отношений мотивации между ними (см., например, Norecký – Buzássyová – Bosák 1989, с. 28 и сл., 36 и сл.). При этой трактовке мотивированности акцент, таким образом, делался на полнозначные единицы языка (семантику корней).

Возникновение новых парадигм знания заставило, однако, поставить эти теоретические положения под сомнение. Так, если с позиций генеративизма можно было

предположить, что образование, например, отглагольных имен типа *строительство* происходит отнюдь не только в ходе трансформации слова *строить*, но и в случае свертки гораздо более сложных источников (разных синтаксических структур), то дальнейшее обращение к текстам и дискурсу подтвердило: источниками деривации являются скорее либо суждения об обозначаемом, либо менее или более полные пропозициональные (функционально-аргументные) структуры. Для их трансформации (свертки) требуются специальные формальные операции. Точно так же можно было усомниться в правильности бытующих взглядов на сущность словообразовательного акта с ономаσιологических и – тем более – когнитивных позиций, поскольку и то, и другое направления показали, что словообразовательному акту предшествуют достаточно сложные речемыслительные процессы, в ходе которых поиски наименования для новых реалий принимают форму концептуализации и категоризации действительности. При этом то, что мы наблюдаем в языке в виде отношений в словообразовательной паре или в словообразовательном гнезде, – это только метонимические результаты имевших место в преддверии словообразовательного акта процессов и операций (главным образом, по трансформации **полного** источника сведений о рождающейся и фиксируемой ПС структуре знания).

Свою роль в новом понимании мотивированности и семантики производного слова сыграло и возрождение традиций Г. Фреге, впервые подчеркнувшего, что значение любого комплексного знака формируется как **композиционное**, т. е. возникающее на основе частей целого и отношений между ними.

Справедливости ради здесь следует напомнить и о мыслях Р. Jakobsona, касающихся мотивированности знака. Принятие обществом языкового знака, – писал он в середине 60-ых гг., – означает, что связь между телом знака и его содержанием становится облигаторной: она, быть может, и не всегда мотивирована, но уже и не произвольна. В словообразовании же такая связь мотивирована, а поэтому, изучая комбинаторику знаков в сфере словообразования, мы раскрываем сами мотивы обозначения [Jakobson 1971 (1965), с. 348]. Стремление же сделать речь мотивированной – это общая тенденция всей речевой деятельности, а поскольку с семиотической точки зрения речь есть линейное развертывание цепочки знаков во времени, в организации таких цепочек и в предложениях, и в части предложений, и в словах должен срабатывать принцип их мотивированности. В стремлении реализовать свои интенции наиболее благоприятным способом и быть понятным говорящий должен использовать как можно больше мотивированных аранжировок знаков. Там, где он не уверен, что его поймут, он должен объяснить мотивы использования или же **создания** мотивированных форм языка. На этом принципе была основана и вся процедура синхронной реконструкции словообразовательного акта (см. Кубрякова 1976а), подтверждаемая также генетическими данными (так, чисто исторически многие типы сложных слов восходят к придаточным предложениям и другим синтаксическим реконструкциям). По всей видимости, знак может считаться тем более мотивированным (по степени своей мотивированности), чем больше «следов» исходного суждения об объекте (или другого источника деривации) остается в его наименовании. Наши ранние работы по теории словообразования (Кубрякова 1976а, 1976б) уже давали основания предполагать, что мотивированность ПС – это не только следствие

наличия в его составе определенных **полнозначных** конституентов, но и «следа» той формальной операции, благодаря которой был совершен словообразовательный акт. Таким образом, для меня мотивированность – это прежде всего отражение деривационной истории в формальной структуре слова, позволяющее догадываться о его семантике; в этом смысле языковая форма может, на мой взгляд, считаться мотивированной, т. е. **обоснованной**, когда для использующего эту форму она содержит ключи к ее пониманию.

В итоге, из двух трактовок мотивированности, одна из которых связывает мотивированность слова исключительно с наличием у него особой **отсылочной** части, а другая – со **всеми составляющими** ПС, я полагаю более адекватной именно вторую. Иначе говоря, мотивированность ПС создается и за счет отсылочной, и за счет **формантной** частей ПС и, конечно же, за счет их **связи**.

Почему следует считать сегодня, что такой подход отвечает также принципам когнитивной парадигмы знания? С одной стороны, это так, поскольку в определении мотивированности учитывается **восприятие** языковой единицы говорящими. С другой, учитывается, что в акте семиозиса происходит такое порождение нового знака, которое принимает форму комбинаторики знаков, подчиняющихся правилам синтактики, семантики и прагматики. Наконец, когнитивный взгляд на вещи сказывается и в том, что степени **мотивированности** определяются соответственно тому, насколько легко или сложно опознается в ПС стоящая за ним структура знания, а также идентифицируется **категориальная принадлежность** ПС. В этом свете следует увидеть возможность прямого угадывания семантики ПС как только по корню или только по аффиксу (например, по суффиксу, как это делают дети), так и, наконец, по общей модели его построения.

Новый ракурс рассмотрения проблем мотивированности я, следовательно, связываю с тем, что принимаю во внимание стратегии говорящих, проявляемые ими как при порождении, так и при восприятии (понимании) речи, и расцениваю мотивированность/немотивированность слова с позиции говорящих. В актах порождения новых единиц номинации говорящий стремится объективировать необходимую ему структуру знания в возможно более понятной для адресата форме: для отражения **нового** опыта им используются **старые**, т. е. готовые знаки языка. Использование или создание мотивированной формы происходит интенционально и служит целям оптимизации общения.

В актах восприятия в качестве мотивированной выступает та форма, которая самодостаточна (или почти самодостаточна) для ее понимания и которая благодаря ее организации, ее внутреннему устройству, семантически более или менее прозрачна. С этой точки зрения оказывается безразличным, по какому именно компоненту или признаку угадывается значение ПС, лишь бы **что-то** подсказывало говорящему его семантику. Тогда в принципе здесь можно наметить **три** разных стратегии говорящего в распознавании семантики ПС: по отсылочной части, по формантной части и, наконец, по **связи** компонентов или **строению словообразовательной модели** в целом.

О первой из этих стратегий мы прекрасно знаем из всех традиционных работ, посвященных типам отношений в словообразовательной паре, – о них я уже говорила

выше. О второй и третьей стратегиях скажу немного подробнее. Вторая стратегия – распознавание семантики ПС по форманту (обычно: суффиксу) – лучше всего описана исследователями детской речи, но в принципе она связана с процессами обработки информации в речи и с особой ролью того, что приходится на **конец слова**; Д. Слобин говорит в связи с этим об особом оперативном принципе в восприятии речи (Слобин 1984, с. 167).

Появление у ребенка самой категории производного слова должно быть приурочено к тому моменту, когда он осознает, что многие известные ему обозначения, бывшие для него дотоле **простыми** названиями соответствующих реалий, их ярлыками, снабжены на деле особыми приметам в конце слова – суффиксами и флексиями, – а потому начинают выступать для него как мотивированные. В осознании этого факта играют роль прежде всего семантически ясные суффиксы – со значениями производителя действия или невзрослых существ (детенышей животных), уменьшительные суффиксы и т. д. С когнитивной точки зрения это означает, что слово, содержащее категориальную примету, осознается как принадлежащее этой определенной категории, и ключом к пониманию слова становится суффикс. По мнению А. М. Шахнаровича, Н. М. Юрьевой и других представителей этой школы психолингвистов, речь здесь идет о «генерализации образца». Нам же важно подчеркнуть, что сама мотивированность слова осознается в данном случае по его форманту, по его категориальной примете, которая позволяет угадать не столько конкретное значение всего ПС, но его связанность с какими-либо другими обозначениями, его принадлежность той или иной категории. В этой ситуации и взрослые говорящие могут понимать категориальную принадлежность слова, но вообще не знать точное значение его отсылочной части. Ср. *макияж* и *татуаж* в рекламах косметических кабинетов и объявляемую в них борьбу с *целлюлитом*, ср. также ряд обозначений типа *пессимист*, *оптимист*, *окулист* и пр.

В случае незнания составных частей слова (т. е. его полной неразложимости для говорящего) – ср. *солнце*, *перчатка*, *рододендрон* и т. п. – и когда говорящий вообще не связывает внутреннюю форму слова с ее значением, слово выступает как **немотивированное**. Наконец, возможна и такая (третья) ситуация, когда какие-либо из частей воспринимаемой единицы (или даже все такие части) говорящему и знакомы, но общий смысл этой единицы от него ускользает или понятен лишь в каких-то самых общих чертах. Обычно это случается в условиях непонимания конкретной **связи** между составляющими. В этом последнем случае речь идет о сложности композиционной семантики ПС, и в действие должна вступить **третья** стратегия понимания ПС – попытка угадать, как именно связаны отдельные составляющие ПС между собой, как оно сконструировано в целом, и как и почему в нем все-таки отражена определенная стоящая за ним структура знания. С когнитивной точки зрения следует признать, что в таком процессе должны быть активизированы не только знания языка и знания о существующих моделях ПС, но и **знания о мире**.

Приведу только один пример (остальные можно посмотреть в hand-out'e). На консервах тунца в США иногда встречается надпись *dolphin-safe*, и они называются *dolphin-safe tuna*, буквально 'тунец, дельфино-безопасный', что оставляет значение целого непонятным. Оказывается, что этот сложный комплекс значит 'тунец, вылов-

ленные сетями, не представляющими опасность (безопасными) для дельфинов’, т. е. не вредящими дельфинам [пример Ив Суитсер, прокомментированный Д. Ли (Lee 2002, с. 74 и 96)]. Ср. также английский неологизм *cybercrimes*, буквально значащий ‘кибернетические преступления’, но реально означающий ‘преступления, совершенные (хакерами) с помощью компьютеров’. Такие и аналогичные им примеры демонстрируют не только возрастающую сложность семантических структур неологизмов и сложность стоящих за ними структур знания и, соответственно, сложность мотивов обозначения в подобных единицах. Они свидетельствуют неоспоримо и о том, что понимание таких единиц и используемых в них мотивировок определяется не владением лексическими значениями их частей, но знанием **фреймов**, связанных со всей семантической структурой каждой из соединяющихся между собой частей.

Обычно мы не замечаем, что в семантике ПС задействована только **часть** фрейма, поскольку легко угадываем в родном для нас языке, о каком взаимодействии фреймов можно сделать умозаключение. Слово *двор* имеет, например, два значения (1. земельный участок между домами или вокруг дома и 2. крестьянский двор), но в ПС *дворник* использовано только первое из них. В слове *сердечник* в одном случае активизируется фрейм *сердце* со слотом *болеть*, а в другом – со слотом *лечить*, а в третьем из фрейма суффикса *-ник* использовано значение объекта, а из фрейма *сердце* – только значение средоточия чего-то; а общее же значение ПС разъясняется как метафора – это ‘стержень, внутренняя часть чего-то, на которую навинчивается или надевается что-либо’.

В каком-то смысле можно утверждать, что во всех описанных случаях мы имеем дело с механизмом **метонимии**: в ПС то, что выступает в качестве отсылочной части, действительно связывает только с частью исходной семантической структуры, т. е. буквально целое (лексический знак) стоит вместо его части (*totum pro parte*). С когнитивной же точки зрения в акте словообразования активизируется один из слогов фрейма исходной единицы, а в процессы понимания мотивировки ПС включается **инференция**, т. е. необходимость додумать, используя выводные данные, что может означать слияние разных готовых знаков в единый комплексный знак.

Заключая, хотела бы еще раз сказать: мотивированным для говорящего представляется тот комплексный знак, то ПС, при восприятии которого он делает заключение о содержании единицы, по ее форме, т. е. извлекая это содержание из значений частей знака и отношений между ними. Степени мотивированности ПС выступают в таком случае как являющиеся результатом простоты или же сложности правильного распознавания семантики единицы. Для определения семантики ПС необходимы знания не только о языке, но и о мире: за взаимодействием частей ПС стоит взаимодействие структур знания, с ними ассоциируемых; соответствующий процесс этого взаимодействия должен быть описан как взаимодействие фреймов.

И, наконец, главное: изучая семантику ПС, мы постигаем не только внутреннюю организацию этих единиц и ее связь с передаваемыми этими единицами номинации значением, – мы выходим в сложнейшую область композиционной семантики и формально-семантического правила устройства сочетаемости языковых знаков. Словообразование, как всегда, оказывается при этом важнейшим полигоном для наших исследований, демонстрируя возможности обнаружить на его более простом и обо-

зримом материале сложнейшие закономерности строения, организации и функционирования языка как такового.

Литература

- БАЛЛИ, Шарль: Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Иностранная литература 1955. 416 с.
- ВИНОКУР, Григорий О.: Заметки по русскому словообразованию. In: ВИНОКУР, Григорий О.: Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз 1959, с. 419–442.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Текст и синхронная реконструкция словообразовательного акта. In: Лингвистика текста. (Научные труды Московского государственного педагогического института иностранных языков. Вып. 103.) Москва 1976а, с. 23–32.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Теория мотивации и определение степени мотивированности производного слова. In: Актуальные проблемы русского словообразования. II. (Научные труды, т. 174.) Ташкент 1976б, с. 76–83.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Язык и знание. Москва: Языки славянской культуры 2004.
- КУРИЛОВИЧ, Ежи: Очерки по лингвистике. Сборник статей. Москва: Иностранная литература 1962. 456 с.
- СЛОБИН, Дэн И.: Когнитивные предпосылки развития грамматики. In: Психолингвистика. Москва: Прогресс 1984, с. 143–207.
- СОСЦИОР, Фердинанд де: Труды по языкознанию. Москва: Прогресс 1977.
- DOKULIL, Miloš: Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha: Nakladatelství ČSAV 1962. 263 s.
- FLEISCHER, Wolfgang: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut 1969. 327 S.
- HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda 1989. 436 s. ISBN 80-224-0047-5.
- KASTOVSKY, Dieter: Wortbildung und Semantik. Düsseldorf – Bern: Pädagogischer Verlag Schwann 1982. 334 S.
- JAKOBSON, Roman: Quest for the essence of language. In: JAKOBSON, Roman: Selected Writings. II. Word and Language. The Hague – Paris 1971, pp. 345–359.
- LANGACKER, Ronald W.: Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – New York: Mouton de Gruyter 1991. 395 pp. ISBN 3110128632.
- LEE, David: Cognitive Linguistics. An Introduction. Oxford: Oxford University Press 2002. 223 pp.
- ULUCHANOV, Igor S.: Wortbildungsmotivation. In: Handbuch zu den modernen Theorien der russischen Wortbildung. Hrsg. H. Jelitte – N. Schindler. Frankfurt a. M.: Peter Lang 2000, S. 579–593.

† проф. Елена С. Кубрякова
Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Базові концепти мови і дериваційний потенціал належних їм слів

Ніна Ф. Клименко

Окреслення мовно-концептуального простору відображення уявлень про певний об'єкт у мові вимагає аналізу, зорієнтованого на встановлення семантичної структури концепту з його складниками, зв'язків останніх у синонімічному полі слів, в асоціативних рядах одиниць, словотвірного потенціалу об'єднаних концептом лексем.

Розкриття словотвірного потенціалу одиниць можливе в межах гніздового підходу до пояснення словотворення шляхом виявлення похідності між одиницями гнізда, реалізацій словотвірних категоріальних значень і засвоєння похідними одиницями одного гнізда семантики його вершинного слова.

Супровідним етапом аналізу повинне стати з'ясування дериваційного потенціалу розгляданих одиниць. Останній передбачає встановлення здатності лексем, охоплених певним концептом, утворювати різні типи парадигм у мові – лексичних, а також словосполучень (вільних, термінологічних і фразеологічних).

Зіставний аналіз словотвірного і дериваційного потенціалу одиниць одного концепту в кількох мовах допомагає виявити особливості механізму породження парадигм у кожній мові. Отже, йдеться про породження лексичних та фразеологічних парадигм, парадигм словосполучень, а також про парадигми словопородження (докладніше про це Клименко 2004).

За матеріали нашого дослідження правила тлумачні, синонімічні, фразеологічні, словотвірні, частотні словники східнослов'янських та новогрецької мов, що дозволили врахувати лексичну, словотвірну, семантичну характеристику аналізованих одиниць, а також їхні текстові ознаки (за частотними словниками текстів і тими лексикографічними джерелами, які відбивають сполучуваність слів).¹

Море є складником концепту *вода* і має різні реалізації в східнослов'янських та новогрецькій мовах. До нього входять в українській лексеми *море*, *океан*, у російській *море*, *океан*, у новогрецькій *η θάλασσα*, *το πέλαγος*, *ο πόντος* (відкрите море), *η αλς* (море, яким його бачать з суші), *ο ωκεανός*.

У словотвірному гнізді з вершинним словом *море* в українській та російській мовах похідні слова реалізують значення назв територій, прилеглих до моря, розташованих за, над ним або біля нього: укр. *замор'я*, *надмор'я*, *помор'я*, *примор'я*, рос. *помо-*

¹ Словник української мови. Т. 1–11. Київ 1970–1981; Словник синонімів української мови. Т. 1–2. Київ 1999; Фразеологічний словник української мови. Т. 1–2. Київ 1993; КЛИМЕНКО, Ніна Ф. – КАРПЛОВСЬКА, Євгенія А. – КИСЛЮК, Лариса П.: Шкільний словотвірний словник української мови. Київ 2003; Етимологічний словник української мови. Т. 1–4. Київ 1982–2003; Частотний словник сучасної української художньої прози. Т. 1–2. Київ 1981; ТИХОНОВ, Александр Н.: Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. Москва 1985; ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ, Γεώργιος: Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα 1998; ΚΡΙΑΡΑΣ, Εμμανουήλ: Νέο Ελληνικό Λεξικό της Σύγχρονης Δημοτικής Γλώσσας. Αθήνα 1995; ΑΝΔΡΙΩΤΗΣ, Νικόλαος: Ετυμολογικό Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη 1995.

рве, примор'є; ознак стосовно цих територій: *заморський, надморський, поморський, приморський*; осіб – мешканців цих районів: *помор, поморка, поморянин, поморянка, приморець* чи тих, хто професійно пов'язаний з морем: *моряк, морячка*; рідко – найменування істот, що живуть біля моря: *морянка* (полярний птах з родини качок).

До десятка композитів – складників цього словотвірного гнізда з першою основою *мор-*, є найменуваннями дій, здійснюваних на морі: *мореплавання* та *мореплаводство* (плавання на судні по морях; мистецтво кораблеводіння); осіб, що подорожують морями: *мореплавець, мореходець*; ознак стосовно мореплавання, здатності плавати і зберігати маневреність у будь-яку погоду: *мореплавний, морехідний* та абстрактних ознак, оформлених іменниками: *мореплавність, морехідність*.

Жодне з похідних гнізда від іменника *море* у сучасній українській мові не реалізує його переносних значень: моря як міри – дуже великої, неозначеної кількості та неозорого, неоглядного простору.

Серед похідних гнізда від іменника *η θάλασσα* ‘море’ в грецькій мові, подібно до української, багато композитів. Групу афіксальних похідних формують нечисленні прикметники, іменники та дієслова. Три відносні прикметники – *θαλασσινός, θαλασσής, θαλάσσιος* – утворюють парадигму словосполучень, що вказують на зв'язки явищ, дій, подій, речей з морем. Своєрідність її порівняно з українською парадигмою виявляється в структурі цієї парадигми, зокрема в тому, що названі прикметники порізно характеризують зв'язок предметів (у широкому розумінні цього слова) з морем. Так, прикметник *θαλασσής* підкреслює подібність кольору предметів до кольору моря, причому моря спокійного, теплого, отже з відтінками світло-синього кольору, подібного до голубого (*γαλάζιος*), блакитного (*γαλανός*), сіро-зеленого (*γλαυκός*): *το θαλασσί πουκάμισο* ‘сорочка кольору моря’, *οι θαλασσιές χάντρες* ‘намисто, бісер такого ж кольору’. Цей прикметник увіходить до продуктивного в новогрецькій мові ряду слів на позначення кольорів, подібних до кольору певних предметів, що мають свою, відмінну від інших прикметників словозмінну парадигму: *βυσσινής* ‘вишневий’, *λεμονής* ‘лимонний’ і т. д.

Прикметник *θαλασσινός*, утворений від іменника *θάλασσα* за допомогою суфікса *-ινός*, стосується явищ, що виникають на морі, над морем: *θαλασσινό νερό* ‘морська вода’, *θαλασσινός αέρας* ‘морське повітря’, *θαλασσινές μυρωδιές* ‘морські запахи’; істот, що живуть біля нього: *το θαλασσινό πουλί* ‘морський птах’ (на протигагу птахові гірському – *βουνίσιο πουλί*); подій, місцем здійснення яких є море: *θαλασσινό εμπόριο* ‘морська торгівля’, *θαλασσινό ταξίδι* ‘морська подорож’.

Список афіксальних похідних у гнізді від іменника *η θάλασσα* продовжують інші іменники: *η θαλασσίλα* ‘запах або смак морської води’, *το θαλάσσωμα* ‘метушня, безлад’; два зменшено-пестливі іменникових похідних *η θαλασσίτσα, το θαλασσάκι* ‘моренько’ та дієслова *θαλασσώνω* ‘кидатися в море, перевертати все догори ногами’, *θαλασσώ* ‘топити, занурювати у воду’.

У грецькому гнізді з вершинним словом *η θάλασσα*, крім двох уже названих афіксальних дієслів, є кілька композитних утворень: *θαλασσοδέρνω* ‘боротися з морською стихією’, *θαλασσοκρατώ* ‘топити, володарювати на морі’, *θαλασσοπνίγω* ‘топити в морі’, *θαλασσοπνίγομαι* ‘тонути в морі’, *θαλασσοποιώ* ‘кидатися в море, метушитися’, *θαλασσομαχώ* ‘боротися з морською стихією’.

Це відрізняє грецьке гніздо від співвідносного за значенням українського гнізда з вершинним словом *море*. У ньому взагалі відсутні дієслова, що зумовлено особливостями синтаксичної будови української мови. Встановлено, що в ній прості афіксальні дієслова, мотивовані іменниками, рідко мають значення ‘поміщати, розташовувати’ в місце, назване твірним словом, типу *госпіталізувати* (Клименко 1984). У новогрецькій така семантична модель продуктивна і реалізована багатьма словами: *τσεπώνω* ‘класти в кишеню’, *αποθηκεύω* ‘розміщувати на складі’. Цьому сприяє втрата в новогрецькій мові місцевого відмінка і перебирання знахідним функцій інших відмінків (давального, місцевого, орудного). Зміна валентних особливостей іменника спричинила зміну в їхній словотвірній поведінці. Композитні дієслова з таким значенням теж відсутні в українській мові, оскільки локативні словосполучення співвідносні з усією предикативною основою речень, тому рідко згортаються в композити (Клименко 2000). Винятки становлять деякі прикметники, що виражають локальну семантику: *водоплавний від який плаває у воді*.

У полі базового поняття *море* в новогрецькій перебуває значно більше, ніж в українській мові, словотвірних гнізд, оскільки в нього численніше синонімічне поле. Такі гнізда утворюють іменники *ο ωκεανός* ‘океан’, *το πέλαγος*, *ο πόντος*, *η αλς* ‘відкрите море’; їхній словотвірний потенціал описаний у науковій літературі (Клименко 2003). Різне наповнення синонімічних рядів слів цього концептуального поля зумовлює відмінність структур його семантики. Двочленний ряд синонімів української мови і шестичленний новогрецької виявляють подібність у тому, що слова-домінанти рядів *море* та *η θάλασσα* виявляють найвищий словотвірний потенціал, об’єднуючи найпотужніші гнізда в цьому семантичному просторі.

У новогрецькій мові словотвірне гніздо з вершинним словом *η θάλασσα* потужніше, ніж в українській. Це відіменникове гніздо має 41 похідне слово (укр. 34), серед них переважають композити (31 проти 10 афіксальних утворень). В українському гнізді значно більше афіксальних похідних, ніж композитних (20 з 34 слів). Це свідчить про те, що багато напівствійких, але часто вживаних у повсякденній мові словосполучень, які називають одну реалію, згортаються у грецькій мові в складні слова.

Частина таких композитів має словотвірні паралелі в українській мові: *η θαλασσοπλοΐα* – мореплавання; *η θαλασσοπορία*, *η ποντοπορία*, *η πελαγοπορία* – мореплавання; *ο θαλασσοπόρος* – мореплавець. Іншій їх частині в українській мові відповідають запозичення, що не є композитами: *η θαλασσογραφία* – марина (запозичення з італійської), *ο, η θαλασσογράφος* – мариніст, мариністка; *ο θαλασσοκόρακας* (буквально ‘морський ворон’) – баклан (запозичення в українській з тюркських мов); або похідні, що належать до інших гнізд: *ο θαλασσαετός* – орлан (від іменника *орел*).

Зіставний аналіз дериваційного потенціалу одиниць того самого концепту в кількох мовах допомагає виявити паралелізм семасіологічного розвитку значень лексем одного семантичного ряду, який виявляється в можливостях однотипного формування у них подібних переносних значень. Так, у концепті *кількість* зіставлені поняття точної та приблизної кількості. Паралелізм вираження поняття точної кількості в слов’янських мовах показано в праці Лукінової «Числівники в слов’янських мовах (порівняльно-історичний нарис)» (Лукінова 2002). Ми проаналізували вираження приблизної кількості іменниками, що не є похідними від числівників

у східнослов'янських та новогрецькій мовах. Вони упорядковані протиставленням великої (дуже великої або незліченної) та малої (мізерно малої і такої, що тяжіє до нуля) кількості. Приблизна кількість реалізована в переносних значеннях слів і виступає як приблизна міра об'єму, розміру, інтенсивності прояву певного явища і под. Метафора, що лежить в основі переносних значень аналізованих слів, дозволяє порівнювати назви явищ природи, здатних до бурхливого розвитку, з найменуваннями інших явищ у плані кількісного виміру чи інтенсивності прояву деяких ознак. Такими є іменники, що називають водні простори (укр. *море, океан, ріка, потік*, рос. *море, океан, река, поток* і, відповідно, грецькі *η θάλασσα, το πέλαγος, ο πόντος, ο ωκεανός, ο ποταμός, ο χειμάρρος*) та стихійні явища, пов'язані з водою (укр. *дощ, злива, буря, шторм, повінь, хвиля*, рос. *дождь, ливень, буря, шторм, наводнение*, грец. *η βροχή, η καταγίδα, ο καταγισμός* 'шквал', *η θύελλα* 'буря з сильним вітром і дощем', *η τρικυμία, η φουρτούνα* 'буря-шторм на морі', *η πλημμύρα, το κύμα*).

Характерною ознакою організації цієї лексики в систему є кількісна перевага назв, асоційованих з приблизно великою кількістю. На протилежному полюсі опозиції опиняється кілька слів, що асоціюються з малою кількістю чого-небудь, незначним ступенем прояву ознак певного явища (укр. *крапля, краплина, ріска, росинка*, рос. *капля, капелька, росинка*, грец. *η στάλα, η σταλαγματιά, η σταγόνα*).

Іменники *море, океан* виражають значення міри чогось безмежного, незліченно-го, великих просторів чого-небудь (укр. *море пшениці, трав, лісів, океан хребтів*, рос. *море пшеницы, трав, лесов*), а також вони вказують на психічний чи фізичний стан людини (укр. *море почуттів, думок, знань, океан думок*, рос. *море чувств, мыслей, знаний, океан мыслей*). У східнослов'янських мовах з більшою активністю в переносних значеннях кількості використовується іменник *море*, ніж *океан*. Натомість у новогрецькій у порівняннях частіше використовується іменник *ο ωκεανός*: ~ *γνώσεων* 'океан знань', ~ *σοφίας* 'океан мудрості'. Відповідником українського фразеологічного сполучення *крапля в морі*, рос. *капля в море*, у грецькій є *η σταγόνα στον ωκεανό*, отож, *крапля в океані*. Синонімічні іменники *η θάλασσα* (загальна назва моря) та *το πέλαγος* (море між островами або островами і сушею) у своїх переносних значеннях (щось, що велике в об'ємі, розмірі, кількості, протяжності) стосуються абстрактних понять: *πλέαμε όλοι μας σε πελάγη ευτυχίας* – *всі ми купалися в морі щастя* або певного фізичного стану людини: *ήπιε θάλασσα καθώς πάλεψε με τα κύματα* – *випив море, тоді як боровся з хвилями*.

Паралелізм формування переносного значення великої кількості виявляють український іменник *ріка*, російський *река* і грецький *ο ποταμός*: *в неї сльози текли рікою, у неє слезы текли рекою* – *έτρεχαν τα δάκρυα της ποτάμι; ним тік рікою, пот тек рекой* – *έτρεχε ο ιδρώτας ποταμάκι*. Підтвердженням існування паралелізму в семасіологічному розвитку значень іменника укр. *ріка*, рос. *река* та грец. *ο ποταμός* є прислів'я у *тихому болоті чорти водяться* – *в тихом болоте черти водяться* – *τα στανά ποτάμια (ποταμάκια) να φοβάσαι*, де в українському та російському еквівалентах замість іменника *ріка* вжито слово *болото*.

Такий паралелізм переносних значень засвідчують іменники, що спеціалізуються на підкресленні великої сили, масового способу прояву якогось фізичного чи суспільного явища: укр. *потік*, рос. *поток*, грец. *ο χειμάρρος*: *потік слів* – *поток слов*

– *ο χείμαρρος λέξεων*; *потік сліз – поток слез – χείμαρρος δακρύων*; згадаємо ще скальковані з грецького словосполучення *ο χείμαρρος ευλογίας* – укр. *потік красномовства*, рос. *поток красноречия*, а також укр. *хвиля*, рос. *волна*, грец. *το κύμα*: *хвиля холоду, спеки – волна холода, жары – κύμα ψύχους, ζέστης*; *хвиля страйків, урбанізму, осуду, чуток, паніки, терору – волна стачек, урбанізма, осуждений, сплетен, паники, террора – το κύμα απεργιών, αστυφιλίας, επικρίσεων, φημών, πανικού, τρομοκρατίας*. Вони характеризують ще інтенсивне виявлення почуттів людини: *хвиля ентузіазму, радості, гніву – волна энтузиазма, радости, гнева – κύμα ενθουσιασμού, χαράς, θυμού*; її інтелектуального стану: *хвиля спогадів – волна воспоминаний – κύμα αναμνήσεων*, указують на велику кількість людей чи речей: *хвиля піску – волна песка – κύμα άμμου*, *хвиля людей, прихильників – волна людей, сторонников – κύμα λαού, οπαδών*.

Інтенсивність вияву окремих явищ, велику кількість певних предметів підкреслюють також іменники, що є назвами явищ природи, пов'язаних з водою: *потік, злива образ – поток оскорблений – καταγίδα ύβρεων*; *буря протестів – буря протестов – θύελλα διαμαρτυριών*; *буря, шквал аплодисментів – буря, шквал аплодисментов – θύελλα χειροκροτημάτων*; *шквал стріл, куль, вогню – шквал стрел, пуль, огня – βελών, σφαιρών, πυρών*.

Іменник *η βροχή* ‘дощ’ у новогрецькій мові виявляє значно більшу активність використання в переносному значенні приблизної великої кількості порівняно з українською (*дощ зірок, дощ квітів і конфеті, свинцевий дощ куль*) та російською (*дождь метеоритов*). Грецькому *η βροχή* в переносному значенні відповідають українські іменники *злива, потік*, російські *поток, град*: *βροχή πληροφοριών – злива інформації – поток информации*; *~ τηλεγραφημάτων – злива телеграм – поток телеграмм*; *~ μηνύσεως – злива скарг – поток жалоб*; *οι σφαίρες έπεφταν βροχή – град куль, град пуль, кулі сипалися градом*; *τα κτυπήματα έπεφταν σα(v) βροχή – удары сыпались градом*; *η βροχή από σχόλια – потік тлумачень – поток толкований*; *~ καταγγελίες – потік замовлень – поток заказов*; *~ φιλοφρονήσεις – потік компліментів – поток комплиментов* і под.

У асоціативному полі назв приблизної кількості (об'єму, розміру) чого-небудь, організованого навколо семантичного центру *вода*, ширше *ρίδινα*, виразники мізерної кількості чого-небудь об'єднані в невелику групу. В порівнюваних мовах іменники укр. *крапля, краплина, росинка, ріска*, рос. *капля, капелька, росинка*, грец. *η σταγόνα, η σταλιά, η σταλαγματιά, η ρανίδα* здатні передавати схожі прямі значення: *η στάλα της βροχής – краплина дощу – капля дождя*; *η σταγόνα νερού, κρασιού, κεριού – крапля води, вина, воску – капля воды, вина, воска*. Вони можуть градувати переносне значення малої кількості до ще меншої кількості або повного заперечення її в контексті заперечних часток укр. *ні, ані*, рос. *ни*, грец. *ούτε*: *(α)ні краплі, ані краплиночки – ни капли, ни капельки – ούτε μια σταγόνα*, що особливо помітно в паралельних фразеологізмах: *δεν έχει στάλα μυαλό – у нього немає й краплі розуму – у него нет и капли ума*; *ως την τελευταία σταλιά του αίματος – до останньої краплі крові – до последней капли крови*.

Зіставлення приблизно великих і малих кількостей за допомогою переносних значень іменників ґрунтується на понятті незліченності, що неозначена в обох випадках, лише в першому випадку ця кількість губиться за об'рями безліку, а в другому вона прямує до повного заперечення кількості (до її нуля).

Іменники, що своїми переносними значеннями виражають приблизну велику або малу кількість, асоційовану з водними просторами чи явищами природи, пов'язаними з випаданням води, мають виразний розмовний характер. Їхні значення наближені до наївних уявлень кількості у вимірах: є чогось багато – мало – немає зовсім.

Словотвірний потенціал цих слів, ужитих у переносних значеннях, виявляє ознаки подібності. Від іменників, що називають приблизні великі кількості, не утворюється інших похідних із цим значенням, оскільки вони виражають граничне кількісне значення. Від тих із них, що вказують на малі кількості, утворюються зменшено-пестливі іменники, в яких часто співіснують значення зменшеності та одиничності: *хмара, хмарина, хмаринка – туча, тучка, облако, облачко – то σύννεφο, то συννεφάκι; οι μύγες πετούσανε σύννεφο – мухи кружляли хмарами – мухи летали тучами.*

У цьому плані до них подібні ті іменники, що виступають мірою об'єму твердих, крихких, сипких та ін. речовин і малої кількості: укр. *крихта, крихточка*, рос. *кроха, крошка, крошечка*, грец. *η ψίχα, η ψιχούλα; шмат, шматок, шматочок – кусок, кусочек – то κομμάτι, το κομματάκι; зёрня, зернятко – зернышко – ο κόκκος, το κοκκούτσι; δεν έχει κοκκούτσι μυαλό – у нього немає і крихти (зёрня) розуму – у него нет ни грамма ума.*

Паралелізм виявляється також у здатності номенів, належних одному концепту в мові, утворювати фразеологічні одиниці різного типу, що еквівалентні за значенням у порівнюваних мовах. Він характерний для словосполучень: укр. *море світла*, рос. *море света*, грец. *το πέλαγος από φώτα; куна роботи – куча роботи – ο σωρός δουλειές; гора сміття – куча мусора – το βουνό σκουπίδια; морський вовк – морської волк – ο θαλασσοσκυλος*. Його засвідчують численні паремії: *витати в хмарах – витать в облаках – πετάω στα σύννεφα; над ним збираються чорні хмари – над ним сгущаются черные тучи – κάτι πάει σύννεφο, τα απειλητικά νέφη στον ορίζοντα* (буквально *загрозливі хмари на горизонті*).

Вивчення однієї концептуалізованої ділянки в окремій мовній картині світу дозволяє повніше окреслювати характерологію словотворення мов. Так, наприклад, серед іменників, здатних бути мірою приблизного об'єму або кількості, трапляються назви посуду для їжі, її приготування, зберігання рідин, знарядь праці, перевезення речей тощо. У порівнюваних мовах такими є іменники типу *тарілка, каструля, чашка, склянка – тарелка, кастрюля, чашка, стакан – το πιάτο, η κατσαρόλα, το φλιτζάνι, το ποτήρι*, які використовують у словосполученнях на зразок: укр. *з'їсти тарілку супу*, рос. *съест тарелку супа*, грец. *έφαγα ένα πιάτο σούπα; випив склянку води – выпил стакан воды – ήπια ένα ποτήρι νερό.*

Характерною ознакою новогрецької є наявність у ній на відміну від східнослов'янських мов словотвірного типу іменників з суфіксом *-ιά* для позначення вмісту, одноразової порції чого-небудь, мотивованих словосполученням двох іменників, останній з яких оформлений у знахідному відмінку зі значенням вмісту, пор.: *ένα κουτάλι ζάχαρη – ложка цукру і μια κουτάλιά ζάχαρη* (де *κουτάλιά* оформляє значення ложки як міри), згадаймо ще *μια βαποριά ξύλα – судно дров; μια φουρνιά ψωμί, κουλούρια – випічка хліба, бубликів; δυο τηγανιές πατάτας – дві сковорідки картоплі; μια караβιά κάρβουνου – корабель дров; μια κοφινιά σταφύλια – кошик винограду і под.*

Серед цих слів представлені також похідні від іменників-назв знярядь дії: *μα φτωριάτης* ‘кількість землі, що вміщується на одній лопаті’, *μα καμινιά μετάλλων* ‘піч (горн) металу’, *μα δρεπανιά σιταριού* ‘те, що можна вижати за один раз серпом’; та один іменник, мотивований іншим іменником, що є назвою установи – *η ταβερναριά* зі значенням приблизної кількості відвідувачів, яких здатна вмістити за один раз таверна.

У східнослов'янських мовах трапляються поодинокі приклади афіксального оформлення похідних іменників, використовуваних як назви приблизної міри, пор.: укр. *наவில்ник* від *вила*, рос. *наவில்ник* від *вилы*, які мають значення ‘кількість трави, сіна і под., що їх можна підібрати за один раз вилами’. Отже, цей словотвірний тип належить до рідкісних, характерологічних у сучасних українській та російській мовах.

Нереалізованою в українській та російській мовах і типовою для грецької в концепті *дія* є семантична схема творення слів, представлених як співвідношення «назва предмета – дія за допомогою цього предмета – наслідок дії». Остання назва оформлена суфіксом *-ιά*. Предметне значення залишається вираженим у всьому словотвірному ланцюжку і його носієм виступає корінь, співвідносний з іменником: *το δόντι* ‘зуб’ – *δοντιάζω* ‘кусати зубами’ – *η δοντιά* ‘укус зубами’; *το ψαλίδι* ‘ножиці’ – *ψαλιδιάζω* ‘різати ножицями’ – *η ψαλιδιά* ‘розріз ножицями’. Активність цього словотвірного типу в новогрецькій мові настільки значна, що він стає зразком творення похідних слів за аналогією, з пропуском відіменникового дієслова в ланцюжку: *το κεφάλι* ‘голова’ – *η κεφαλιά* ‘удар головою’, *το μολύβι* ‘олівець’ – *η μολυβιά* ‘лінія, проведена олівцем’, *η πέννα* ‘ручка’ – *η πεννιά* ‘розчерк пера’. Чи не єдиною словотвірною паралеллю цього типу в східнослов'янських мовах є ланцюжок укр. *павук* – *павутина*, рос. *паук* – *паутина*, грец. *η αράχνη* – *η αραχνιά*, в якому твірне слово називає істоту, а похідне – наслідок виконуваної нею дії без мотивації дієсловом у сучасних мовах.

Серед складників концепту *рослини* в новогрецькій мові виділяється численна група утворень, які називають дерева. Ці іменники похідні від слів-назв плодів і оформлені суфіксом *-ιά*: *το αχλάδι* ‘груша (плід)’ – *η αχλαδιά* ‘груша (дерево)’. Подібно до цього оформлені назви в парах слів: *το βύσσινο* – *η βυσσινιά* (вишня), *το δαμάσκηνο* – *η δαμασκηνιά* (слива), *το λεμόνι* – *η λεμονιά* (лимон), *το μανταρίνι* – *η μανταρινιά* (мандарин), *το πορτοκάλι* – *η πορτοκαλιά* (апельсин), *το ροδάκινο* – *η ροδακινιά* (персик) і под. Такий напрямок похідності засвідчують також запозичення у новогрецькій мові, що є найменуваннями плодів: від іменника *η μπανάνα*, запозиченого через посередництво португальської мови, де є *banana*, з мов Африки, згодом утворилося похідне слово-назва дерева *η μπαναλιά*; від назви плоду *η πατάτα* ‘картопля’, запозиченого через посередництво іспанської *batata* з однієї з мов Гаїті – найменування куща *η πατατιές*; від *το καλαμπόκι* ‘качан кукурудзи’, можливо від албанського *kallamboq* чи турецького *kalembek* – назва рослини *η καλαμποκιά*. У східнослов'янських мовах існують такі поодинокі пари слів: укр. *яблуко*, *яблуня*, рос. *яблоко*, *яблоня*, білор. *яблык*, *яблыня*, що в сучасних мовах пояснюються як непохідні морфемно подільні слова.

Проведений аналіз дериваційного потенціалу тих самих концептів (вода, кількість, дія, рослини) у східнослов'янських та новогрецькій мовах виявляє подібні

й характерологічні явища в мовно-концептуальному просторі відображення уявлень про певні явища дійсності, що розкриваються через словотвірний потенціал належних концептам одиниць, у їхній здатності об'єднуватися в певні лексичні та фразеологічні парадигми, в паралелізмі семасіологічного розвитку їхніх лексичних значень.

Література

- КЛИМЕНКО, Ніна Ф.: Концепт море у сучасній українській та новогрецькій мовах. In: Мова і культура. Київ 2004, с. 34–40.
- КЛИМЕНКО, Ніна Ф.: Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. Київ 1984. 251 с.
- КЛИМЕНКО, Ніна Ф.: Синтаксичні потенції частин мови та їхній вплив на реалізацію словотвірних категоріальних значень. In: Лінгвістичні студії. Вип. 7. Донецьк 2000, с. 112–118.
- КЛИМЕНКО, Ніна Ф.: Словотвірний потенціал слів-виразників концепту море у сучасній українській та новогрецькій мовах. In: Мовні і концептуальні картини світу. Вип. 11, ч. 1. Київ 2003, с. 17–26.
- ЛУКІНОВА, Тетяна Б.: Числівники в слов'янських мовах (порівняльно-історичний нарис). Київ 2002. 307 с.

проф. Ніна Ф. Клименко

Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні Національної академії наук України, вул.

Грушевського 4, 01001 Киев 1, Україна

e-mail: klymenkonina@mail.ru

Мотивационные связи как системообразующий фактор лексики

Ingeborg Ohnheiser

0. Целые разряды лексики базируются на результате деривационных процессов. Так, словообразовательные типы и конститулируемые ими словообразовательные категории представляют собой лексические микросистемы, соотносенные, в свою очередь, с лексическими микросистемами производящих/мотивирующих слов.¹ При анализе мотивационных отношений были, наряду с типами и категориями, изучены соотношения словообразовательного потенциала и его реализации, и то с точки зрения как лексического значения мотивирующих, так и семантики производных (И. С. Улуханов, Е. А. Земская и др.), а также под углом зрения существующих в лексической системе непроизводных слов того же семантического разряда. Деривационный потенциал слов, объединенных лексико-семантической общностью, а также факторы, объясняющие словообразовательные лакуны, были изучены в рамках так называемых словообразовательных парадигм (К. Buzássyová, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова и др.), причем и здесь важным оказалось различие между типовыми и реализованными парадигмами (Е. А. Земская). Упомянутые системные единицы словообразования (типы, категории, отчасти и парадигмы) рассматривались и в сопоставительном плане (ср., напр., Ohnheiser 1987). Менее последовательно в сопоставительном плане были изучены словообразовательные гнезда как системные единицы словообразования, которые являются одновременно мощным организующим фактором лексической системы, лексико-семантических групп.

1. Для настоящего доклада я выбрала отрывок из повести Кристи Вольф «Leibhaftig» и ее русского перевода «На своей шкуре», который обилует производными и сложными словами, а также словосочетаниями, связанными между собой общим элементом, а именно немецким ZEIT 'время' (ср. ниже). Данный текст содержит своего рода метаязыковое размышление о времени, которое отражается и в словообразовательных связях.² Последние, однако, не служат, как мне кажется, поддержке когерентности изложения и не выполняют исключительно стилистической функции. Производные и сложные слова соотносятся с разными значениями (лексико-семантическими вариантами) мотивирующего слова *Zeit/время*, с протеканием и течением времени, с измерением времени и его интервалами.

¹ Мотивация, однако, не ограничивается отношениями, базирующимися на формальной производности; специфическая мотивация налицо и при разных способах переноса значений, т. е. при так называемой семантической деривации.

² Следует отметить, что преобладающее количество выделенных слов, в том числе и сложных, относится к узальной лексике, а не к авторским окказионализмам.

Christa Wolf, *Leibhaftig*. München 2002, S. 68 ff.³.

Vorgriff auf eine *Zeit*, in der das **Wort „Zeit“** (0) **wieder einen Sinn haben**, in der *Zeit vergehen* (a), *sich bündeln* (b) oder *ausbreiten* (c) wird, in der es *Zeitgitter* (1) geben wird, *Zeitgewinne* (2) und *Zeitverluste* (3), *Zeitabschnitte* (4), *Zeitpunkte* (5) und *Zeiträume* (6), *Zeitmessung* (7) und *Zeitfestsetzung* (8), *Halbzeiten* (9) und *Verfallszeiten* (10), in der es ein *Vorher* (A) und ein *Nachher* (B) geben wird, *Tage* (C), die aus *Morgen* (D) und *Abend* (E) werden⁴, *Gleichzeitigkeiten* (11) und *Zwischenzeiten* (12), in der ich mich *zeitweilig* (13) *absondere*, dann wieder *zeitgenössisch* (14) *betragen*⁵, *beizeiten* (15) *anwendend sein*, immer *zur rechten (oder unrechten) Zeit* (16) *kommen werde*, in der ich mir *Zeit lassen* (17) oder *begreifen würde*, daß es *allerhöchste Zeit* (18) sei, *den rechten Zeitpunkt treffen* (19) oder mich *zur falschen Zeit* (20) *einmischen konnte*, mich wie ein *Vorzeitfossil* (21) *empfinden*, an das neue *Zeitalter* (22) *glauben* oder im Gegenteil die *Endzeit* (23) *für gekommen erachten würde*.

Jetzt aber gelten weder *Ur-* (24) noch *Vorzeit* (25), nicht *die gute alte Zeit* (26) und erst recht nicht die *nüchterne Jetztzeit* (27), keine *Neuzeit* (28), keine *Probezeit* (29) und kein *Zeitgeschehen* (30). Alle meine *Zeitlichkeit* (31) ist in *Zeitlosigkeit* (32) *versunken*, meine *Zeit verstreicht* mir als *Unzeit* (33), direkt aus dem Operationssaal ist sie mit ihrem Krankenhausbett in eine *Zeitlücke* (34) *hineingeglitten*, die von bleichem *Zwielicht* und *Gesichtern* erfüllt, aber keiner *Zeitrechnung* (35) *unterworfen* ist [...] Es gibt keine *Rechtzeitigkeit* (36) *mehr* und kein *Versäumnis*, es gibt eine *Befreiung vom Zeitgeschehen* (37), das wird nur der *bezweifeln*, der es noch nicht *erfahren*, der sich noch nicht mit letzter *Kraft an der Zeitgeraden* (38) *entlang vorwärts geschleppt* hat. [...] *Kraftlos, entschluß- und verantwortungslos* bin ich aus dem *Zeitnetz* (39) *gefallen*. *Zeitlos* (40) *läßt sich zwar sagen*: Ja, ich bin wach, ja, ich habe Schmerzen, nein, unerträglich sind sie nicht – aber *erzählen läßt sich nichts ohne Zeit* (41). [...]

Dies war nun ein *Einbruch in ihre Abzeitigkeit* (42) und *Schonzeit* (43), den sie *schlecht ertrug*.

Криста Вольф, *На своей шкуре*. ИЛ 9/2003, с. 16 и сл. Перевод Н. Федоровой.

Я *забежала вперед*, в то *время*, когда **слово «время»** (0) **снова заполнится смыслом**, когда *время будет течь* (a'), *сжиматься* (b'), *расширяться* (c'), когда опять возникнут *временные сетки* (1'), *выигрыши времени* (2') и *его потери* (3'), *отрезки времени* (4'), *его моменты* (5') и *промежутки* (6'), *замеры времени* (7') и *договоренности о времени* (8'), *периоды спортивных встреч* (9') и *периоды уадака* (10'), когда опять будут *До* (A') и *После* (B'), а будут *дни* (C'), *слагающиеся с утра* (D') и *вечеров* (E'), будет *одновременности* (11') и *межвременья* (12'), когда я *буду на время* (13') *обособляться*, потом опять *возвращаясь в настоящее* (14'), *приходить заблаговременно* (15'), *вовремя* (или *невовремя*) (16'), когда смогу с чем-нибудь *повременить* (17') или, наоборот, пойму, что *теперь самое время* (18'), когда смогу *улучить время* (19') или *вмешаться не ко времени* (20'), *чувствовать себя пережитком древних времен* (21'), *верить в новые времена* (22') или, напротив, *считать, что настал конец времени* (23'), *конец света*.

Однако ж теперь не существует ни *доисторических* (24'), ни *древних времен* (25'), ни *доброго старого времени* (26'), ни тем паче *трезвого настоящего* (27'), не существует ни *нового времени* (28'), ни *времени испытаний* (29'), ни *хода времени* (30'). Все *бренное, временное* (31') *утонуло для меня в безвременье* (32'), мое *время свернулось, претерпело коллапс* (33') – прямо из операционной она *скользнула во временной провал* (34'), *наполненный бледным полусветом и видениями*, но *неподвластный исчислению времени* (35') [...] Нет больше ни *своевременности* (36'), ни *упущения*, есть *освобождение от хода времени* (37'), *усомнится* в этом лишь тот, кто пока не *изведал* такого, кому пока еще не *доводилось из последних сил тащиться вперед по границе времен* (38'). [...] *Без сил, без решительности, без ответственности* я *выпала из временной сетки* (39'). *Вне времени* (40') можно кое-что *сказать*: Да, я *проснулась*, да, мне *больно*, нет, вполне *терпимо*, – а вот *рассказать вне времени* (41') *ничего не расскажешь*. [...]

Это вот *вторжение в ее вневременье* (42'), в ее *запретный срок* (43') она *едва стерпела*.

³ Все выделения мои. – I. O.

⁴ Аллюзия с немецким текстом 1-ой книги Моисея (1, 5): «Da ward aus Morgen und Abend der erste Tag», которая не может быть сохранена при переводе; ср. русскую версию библейского текста: «И был вечер, и было утро: день один».

⁵ Дословно: 'вести себя по-современному'.

1.1. Приведенный текст лишний раз показывает, что известное разделение системных отношений лексики на парадигматические, синтагматические и эпидигматические (ассоциативно-derivационные) отношения (ср. Шмелев 1977, с. 225) является, естественно, абстракцией, способствующей последовательному изучению частных систем, но лексическая система в целом базируется на всех отношениях и их переплетении. Подобное переплетение наглядно вырисовывается и при сопоставлении разных языков.

Рассмотрим под этим углом зрения наш текст:

1.1.1. Относительно производных наблюдается ряд структурно-мотивационных параллелей, где ZEIT – ВРЕМЯ (ВРЕМЕН-) выступает как производящая основа или же в составе производящих основ второй или третьей ступеней производности, как, напр.: *Gleichzeitigkeit* – *одновременность* (11, 11'), *Zwischenzeiten* – *межвременья* (12, 12'), *Zeitlosigkeit* – *безвременье* (32, 32'), *Rechtzeitigkeit* – *своевременность* (36, 36'), *Abzeitigkeit* – *вневременье* (42, 42') [не зафиксировано в словаре А. Н. Тихонова (1985); по данным Google (20.09.2004): 330 результатов].

1.1.2. Встречаются, однако, и русские производные, не имеющие формального соответствия в нем., как, напр., *повременить* (17') – *sich Zeit lassen* (17).

1.1.3. Различная мотивация встречается у эквивалентов *beizeiten* (но ср. синоним: *rechtzeitig*) – *заблаговременно* (15, 15') [не зафиксировано Тихоновым; по Google (20.09.2004): 72 000 результатов], а также при выборе субстантивированных прилагательных *бренное*, *временное* в качестве эквивалента нем. отвлеченного слова *Zeitlichkeit* (31, 31'). Таким образом, несмотря на упомянутые лакуны, исчерпается относительно большой пласт лексики гнезда *время*, как показало сравнение с данными упомянутого выше словаря Тихонова.

1.1.4. Некоторые способы образования отчасти предсказывают тип эквивалента в русском переводе. При сложении двух автосемантических слов в немецком языке *Zeit* выступает как в качестве определяющего слова (14 раз), так и определяемого (7 раз) – это, прежде всего, словосочетания, в составе которых *время* встречается или в структуре определяющего прилагательного, или же как именное определение (напр., 1', 2', 4', 7', 8', 21'–23' и др.).

1.1.5. С другой стороны, наблюдается разрыв мотивационных связей синонимами (отчасти и гипонимами) слова *время*, а именно а) немотивированными словами [*срок* (43')], б) словами с другой мотивацией [*промежуток* (6')] и в) заимствованиями [*момент* (5'); *период* (8', 9')].

1.1.6. Далее, встречается узуальное пропускание слова *время* (*настоящее* Ø) или же – естественно, только на уровне текста – его прономинальная замена (3', 5').

1.1.7. Несколько раз употребляется в русском переводе множ. число *времена*: *das neue Zeitalter* ‘новые времена’, *Vorzeit* ‘древние времена’ (подробнее об употреблении множественного числа см. Плуныян 1997).

1.1.8. Кроме того, можно проследить, как слово *Zeit/время* входит в синтагматические связи в сочетании с глаголами [*die Zeit vergeht* – *время течет* (а, а')], или же как оно выступает в составе устойчивых сочетаний, не теряя при этом своего исходного значения [ср. *allerhöchste Zeit* – *самое время* (18, 18'), *die gute alte Zeit* – *доброе старое время* (26, 26')]. Это касается и русского фразеологически связанного сочетания *улучить время* – нем. *den rechten Zeitpunkt treffen* (19'/19).

1.1.9. Как уже было сказано, рассмотренные производные отсылают нас к разным семемам лексем *Zeit/время*. Это касается также встречаемых в русском переводе синонимов, в том числе в составе (частично) лексикализованных эквивалентов, напр., *период упадка* (9'), *запретный срок* (43').

1.1.10. Наряду с синонимами следовало бы учесть и такие слова, которые тематически связаны с понятием *ZEIT/ВРЕМЯ*. В нашем тексте – это, напр., *Tag, Nacht, Morgen, Abend* ('день, ночь, утро, вечер'), а также субстантивированные нем. наречия *Vorher, Nachher* и, соответственно, субстантивированные русские предлоги *До* и *После*.

Такие же взаимосвязи между словообразованием и лексикой отражаются при подборе немецких эквивалентов для тех слов, которые – кроме упомянутых – входят в «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова (1985). Ср., напр.:

а) Одному производному могут соответствовать синонимы (исконное vs. заимствованное слово), напр., *время* (грамм.) – *Zeit, Tempus*, также как и у русского прилагательного *временной (темпоральный)* по отношению к грамматике (нем. *Zeit-, Tempus-, temporal*). Нет заимствованного синонима к производному прилагательному *временный* при наличии нем. эквивалентов *zeitweilig, provisorisch, temporär*.

в) Общий элемент встречается в образованиях *временник* 'Zeitschrift, Jahrbuch', при отсутствии такого в нем. эквивалента производного слова *временщик* 'Günstling, Favorit'.

г) Калькой надо считать *современник, современный* < франц. *contemporain*, с другой «расшифровкой» в нем. *Zeitgenosse, zeitgenössisch*. Нем. прилагательное *gegenwärtig* и компонент сложных слов *Gegenwarts-* соответствует русск. *современный* (напр., *Gegenwartssprachen* 'современные языки') лишь в некоторых сочетаниях; во многих случаях предпочитается заимствование *modern* (и только с ним возможна префиксация, как, напр., *ultramodern* 'сверхсовременный' (при отсутствии нем. **ultrazeitgenössisch*). В русском языке *modern*, в свою очередь, ограничено в своей сочетаемости, можно, однако, наблюдать активизацию употребления формально адаптированного прилагательного *модерный*⁶. Наконец, глаголу *осовременить* соответствуют в нем. исключительно глаголы, основанные на заимствованиях: *modernisieren, aktualisieren*, аналоги которых встречаются и в русском языке.⁷

д) Целый ряд структурно-семантических параллелей встречается у сложных слов (и их производных), по-видимому, калек типа *времяисчисление* 'Zeitrechnung', *времяпрепровождение, времяпровождение* 'Zeitvertreib', а также *кратковременный, одновременный*, при расхождении эквивалентов прилагательных *долговременный*⁸ и др.

Общая картина дополняется заимствованиями типа *хроника* – *Chronik, хронический* – *chronisch, хронометр, -метрия* – *Chronometer*⁹, *-metrie*. Из относительно но-

⁶ По данным Google: 499 результатов. *Modern* встречается гораздо чаще, что объясняется, прежде всего, употреблением слова в качестве названия фирм, товарных знаков и т. п.

⁷ *Sich vergegenwärtigen* – это ('ясно) представлять себе', т. е. данное производное относится к другому значению слова *Gegenwart*, а именно 'присутствие'.

⁸ 'Auf lange Dauer, lange während' в отличие от компонента сложных слов *Langzeit-* (напр., *Langzeitflug* 'длительный полет').

⁹ Соответствующую кальку *Zeitmesser*, как и, отчасти, само заимствование можно считать устаревшим.

вых заимствований (из англ. языка) можно привести русск. *тайм* (в спорте) – в нем., как ни удивительно, все еще употребляется *Halbzeit*, зато широко распространены англицизмы *Prime-time*, *Timing*, *timen*, которые встречаются и в русском: *прайм-тайм*, *тайминг*, *таймить*.

1.2. Таким образом, говоря о мотивированном слове в лексической системе, мы лишний раз видим, что (и как) производство дериватов и сложных слов, мотивированных словами определенной семантической группы, – в нашем случае: ЗЕИТ/ВРЕМЯ, – зависит от различных факторов. До сих пор подобные наблюдения проводились, прежде всего, на материале одного лишь языка или же разных языков, но не в сопоставительном плане, а типы ограничений демонстрировались на материале слов разных семантических групп, т. е. более или менее случайно. Что это за факторы?

1.2.1. Парадигматико-процессуальный фактор, т. е. **парадигматические связи производящего слова** (или, при многозначности соответствующей мотивирующей семемы), что отражается также в заполнении деривационных лакун синонимами и/или заимствованиями в качестве производящего слова.

Многозначность мотивирующего слова иногда наглядно отражается в формальных различиях производных и в словообразовательной структуре эквивалентов в другом языке. Ср., напр., *временный* ‘ограниченный во времени, относящийся к определенному сроку, периоду’ – нем. *zeitweilig*, но и *vorübergehend* (‘преходящий’), – в отличие от эквивалентов значения *временной*, напр., в составе лингвистических терминов (*Zeit-*, *Tempus-*, *temporal*).

1.2.2. Парадигматико-результативный фактор, т. е. **парадигматические связи (потенциального) производного слова**. При этом следует учесть потребность в новой номинации (заполнение номинативных лакун) или же непотребность. В этой связи обычно отмечались существующие уже синонимы или же избежание возможных омонимов.

При рассмотрении обоих факторов (1.2.1., 1.2.2.) следует также иметь в виду разного рода прагматические факторы, напр., релевантность понятия, обозначаемого исходным словом, которая может отражаться в соответственном количестве производных. Так, напр., при предварительном анализе бросалась в глаза большая, экстралингвистически обусловленная, словообразовательная активность слова *зима* в русском языке, и то не только в сопоставлении с немецким, но и в сопоставлении с производными от русских обозначений остальных времен года.

1.2.3. Деривативно-системный фактор, т. е. наличие/отсутствие отношений производности и мотивационных связей у слов определенной части речи, определенной семантики, напр., образование существительных от относительных прилагательных в русском и отсутствие подобных возможностей в системе немецкого словообразования.

Ср., напр.: *временка*. Самый общий немецкий эквивалент – это субстантивированное прилагательное *etw. Zeitweiliges* (‘что.-л. временное’) или же заимствование *Provisorium*. Ввиду системно-деривационных ограничений в немецком языке нет соответствующего суффиксального образования. В зависимости от конкретного значения, заданного контекстом, возможны другие компенсации в виде описательных

оборотов, в составе которых выступает указание на временность, напр., прилагательное *zeitweilig* и т. п.

1.2.4. Деривативно-зуальный фактор. Данным фактором объясняется отсутствие производных, несмотря на системные возможности, как, напр., менее частотное и прагматически ограниченное образование/употребление деминутивов в немецком языке.

Ср., напр., *времечко*, которое, по «Словарю русского языка» (т. 1, 1981), относится к ряду значений слова *время*. В нем нет производного **ein Zeitchen*, а деминутив *ein Weilchen* подчеркивает – в соответствии со значением *Weile* – ограниченность, краткость срока.

1.2.5. Синтагматико-деривационные факторы, напр., сочетаемость существительного с глаголами и возможность/невозможность образования на этой основе сложного производного:

а) Существительное = дополнение в мотивирующем словосочетании, напр., *sich die Zeit vertreiben – Zeitvertreib, препровести время – времяпрепровождение*, ср. также *Zeitrechnung – времяисчисление* (в данной связи вопрос, кальки ли приведенные примеры или нет, не является существенным).

Ср. также в словарях (еще) незафиксированное производное от метафорического сочетания *убить время – die Zeit totschiagen* и *времяубийство*: «...интересные знакомства, флирт, любовь, отдых, проведение досуга и просто **времяубийство!** ... *Вас приветствует автор рассылки **Времяубийство** за пределами портала TIMEKILLER...*» [по Google (24.09.2004) 385 результатов]. Перед немецким *Zeittotschlag* я бы поставила астериск (*), но в Google (24.09.2004) слово засвидетельствовано (72 результата), напр.: «...sie sind meisterinnen des mienenspiels. anfangs schwer durchzuhalten, verselbstaendigt sich dieses verhalten bei langwierigem **zeittotschlag**».

б) Существительное = подлежащее в мотивирующем сочетании (реже), напр., нем. *Zeitläufe* ‘время, времена’, *Zeitfluss – времятечение*.

Субстантивные сложения (*Zeitfluss, времятечение*) от общей для обоих языков метафоры *время течет* не зафиксированы ни в немецких, ни в русских словарях, между тем как в Google нем. слово *Zeitfluss* засвидетельствовано 4 920 раз, а рус. *времятечение* 23 раза (24.09.2004), ср., напр., «...Очень сложно почувствовать специфическое **времятечение** этой оперы: она вся – как... и не лопаты, конечно, нет. Да и вообще, очень болезненно именно это время, **времятечение...** Обсуждения: Как вы правы!!! Беременность это абсолютно иное измерение и **времятечение**» (всего 23 результата).

Исходя из текста Кристи Вольф и его перевода на русский язык, нас до сих пор интересовали выбранные мотивированные слова с общим корнем и их место в лексической (микро-)системе. В приведенных нами случаях временное значение обусловлено лишь семантикой корня/приводящей основы. Под этим углом зрения можно было бы дополнить анализ целым рядом слов и их производных, относящихся к обозначению времени, отрезков времени (напр., *год, весна, день, ночь* и т. п.).

2. Второй аспект, это **формальные возможности, предоставленные словообразовательной системой для выражения/обозначения временного, временных от-**

ношений, причем основа должна содержать семантический элемент «время» – в денотативном плане, или же в категориальном (как у глаголов). К таким возможностям относятся, как известно, следующие:

2.1. Префиксация – префиксы с темпоральным значением

Так, система (от-)глагольного образования распоряжает префиксами темпорального значения (напр., *пере-*), а также аффиксы определенных способов глагольного действия служат временной модификации действия. Примером из немецкого языка может служить, наряду с другими, образование глаголов с префиксом *nach-*, не имеющим префиксального соответствия в русском языке, ср., напр., *nachsitzen* ‘(в наказании) оставаться после урока’.

Вслед за «Русской грамматикой. I» (далее – РГ; 1980, с. 229 и сл.) можно привести и ряд **именных** префиксов с темпоральным значением, ср. такие префиксы существительных, как: *pra-* – нем. *Vor-, Ur-, pred-* – *Vor-* (*предромантизм, предыстория – Vorgeschichte*), хотя встречаются различия между реализованными образованиями в разных языках, ср., напр., нем. *Vorfrühling* и польск. *przedwiosna*; русское образование является окказиональным: «В тревоге пред-войны и **пред-весны**» (Ахматова; по РГ I, с. 230). Далее, следует отметить *пере-* – *Nach-* (*перевыборы* ‘повторные ~’ – *Nachwahlen*), в немецком еще *Zwischen-* (*Zwischenzeit* ‘промежуточный срок’). Параллели между языками наблюдаются и при заимствованных именных префиксах типа *прото-* – *Proto-*, *экс-* – *Ex-* (подробнее об этом см., напр., К. Kleszczowa, которая прослеживает обогащение именной префиксальной системы славянских языков заимствованиями).

Как показывают примеры из обоих языков, темпоральные префиксы выступают также в сочетании со словами, метонимически обозначающими определенное время, напр., нем. *Vorkurse* ‘подготовительные курсы’ и т. п. Подобная префиксация в немецком языке широко распространена в составе первых компонентов сложных слов, как, напр., *Vorschulalter* ‘дошкольный возраст’, которым в русском языке соответствуют префиксально-суффиксальные образования, очень активные и в других славянских языках.

2.2. Префиксально-суффиксальное образование

К префиксально-суффиксальным типам темпорального значения принадлежат в русском словообразовании **адъективные типы**, напр., до-ТЕМП-н-, между-ТЕМП-н-, по-ТЕМП-н (*пожизненный*) и др. (напр., *средисезонный*), а также **субстантивные типы**, как, напр., меж-/между-ТЕМП-*j-e/-ij-e* (*межсезонье, межвременье* – немецкие соответствия относятся к префиксации: *Zwischensaison, Zwischenzeit, междуцарствие* (при заимствовании в нем.: *Interregnum*), *пере-ТЕМП-ij-e* (*перемирие* ‘временный мир’).

2.3. Деривационно-метонимические связи

Наряду с «унаследованием» относительной темпоральности/аспектуальности у отглагольных именных образований, на которое указывали, напр., Кубрякова и др., наблюдаются метонимические переносы, ср. Гак (1997, с. 125): «Всякое слово, обозначающее процесс, может метонимически указывать на временной промежуток» (*за обедом, в обед*), что, в свою очередь, отражается в сочетании с темпоральными аффиксами при образовании производных от подобных слов (напр., *послеобеденный*).

3. Комплементарность, взаимное дополнение обоих подходов, т. е.:

а) анализ лексики, слов, обозначающих время, временные отрезки и т. п., а также анализ их производных,

б) анализ словообразовательных средств, носящих временное значение, может привести к объединению результатов в одном семантическом поле, к своего рода синонису лексических и словообразовательных средств для выражения темпоральности в самом широком смысле.

3.1. Ввиду приведенных примеров, а также возможных направлений их обобщения, меня удивило определенное пренебрежение словообразованием в большом количестве работ, занимающихся семантическими полями или т. наз. лексическими концептами, в том числе полем ВРЕМЯ.

3.1.1. Так, языку и времени был посвящен специальный том серии «Логический анализ языка» (1997). В предисловии Н. Д. Арутюнова отмечает, что язык «располагает богатейшим арсеналом внутренних – грамматических и лексических – средств для обозначения темпоральных аспектов действительности. [...] Поэтому темпоральные компоненты присущи не только обозначениям действий и состояний, но также семантике многих имен предметов и их атрибутов» (Арутюнова 1997, с. 9). Но в разделах «Семантическое поле времени» и «Слова времени» нельзя, или только побочно можно, найти ссылки на словообразование.

3.1.1.1. Среди работ, посвященных **семантическому полю времени**, такие ссылки встречаются лишь в статье В. Г. Гака (1997). По Гаку, внешняя структура поля времени определяется его связями с иными семантическими полями. Эти связи проявляются в переходах от понятия времени к иным понятиям и в переходе от иных понятий к понятию времени. В рамках анализа «Переход от других понятий к понятию времени» (с. 124 и сл.), в том числе, «движение → время», отмечается сама этимологическая мотивация слова *время*, при анализе перехода «занятие → время» упоминается о метонимии «процесс → временной промежуток (*за обедом, в обед*)», что, как уже было сказано выше, касается также и производных, которые Гак, однако, не приводит в качестве примеров. При рассмотрении перехода «время → другие поля» большое место занимает отражение подобных переходов в синтагматических связях слова *время*, напр., «время → становление, исчезновение» (*время покажет, проверка временем, время залечивает раны* и др.; с. 126). Лишь некоторые отношения отражаются в дериватах. Так, напр., в реляции «время → пора, удобный момент» (с. 127) отмечается, наряду со словосочетаниями (*самое время идти обедать, время подошло* и др.), также дериват *безвременно*; отношение «время → отрезок времени» отражено, напр., в производном слове *временный*. Среди примеров отношения «время → предмет» приводятся производные типа *временка, временник*, а при отношении «время → человек» – такие, как *временщик* (← «отрезок времени»), *современник* (← «эпоха»; с. 129). Отношение к словообразованию имеет и следующий пример: «время → оценка, экспрессивность». Так, по Гаку, «в русском языке одно и то же действие с помощью префиксов *по-/про-* может быть представлено как краткое и приятное или как слишком долгое и вызывающее досаду: *посидеть часок, просидеть час* (здесь существительное семантически согласуется с глаголом [...])» (там же).

Во всех этих примерах контексты и словообразовательные связи имеют лишь целью проследить семантическую структуру понятия/слова «время», т. е. производные не представляют собой предмет изучения, а используются как доказательство разветвления значения в результате развития концепта.¹⁰

3.1.1.2. Словообразовательные отношения не находят отражения в работах, посвященных «словам времени». Так, напр., Яковлева (1997, а также 1995) описывает *час* в системе других показателей времени: *миг, минута, момент, время, пора*. При этом она приближается значениям и возможности/невозможности замены слова *час* другими словами через контексты, условия употребления, которые способствуют, напр., такой дифференциации, как «бытовое» : «надбытовое» время.

3.1.2. Монография Тани Анстатт «Zeit» (Anstatt 1996) посвящена этимолого-семантическим мотивациям и структурам значений обозначений времени в славянских и других языках. В результате диахронного анализа сложных процессов изменения значений Анстатт приходит, напр., к выводу, что в этих процессах ведущими оказались метонимия и синекдоха, менее значимым приемом оказалась метафоризация. Однако и в данной монографии не учитывается словообразование, и то ни как свидетельство развития отдельных значений (ср. этот аспект в процитированной выше работе Гака), ни как фактор, который мог бы поддерживать позицию одного из конкурирующих слов.

3.2. Интересующему нас вопросу, т. е. включению словообразовательных аспектов в изучение семантического поля времени, была посвящена, поскольку нам известно, лишь одна статья Яхнова (Jachnow 1993). Его концепция функционально-семантического описания темпоральной лексики исходила из намерения приписать каждому языковому репрезентанту временности место в «темпоральном лексиконе» всех славянских языков и, тем самым, проследить языковую манифестацию наивно-понятия времени. При этом Яхнов предложил включить: а) грамемы (темпоральные морфемы), б) лексемы, в) синтагемы, г) фраземы, д) контексты¹¹ (ср. Jachnow 1993, с. 18 и сл.). По моим сведениям, работа над этими вопросами не вышла за рамки концепции. Идея эта заслуживает, однако, на мой взгляд, особого внимания именно из-за того, что, как было отмечено нами, в многочисленных работах по лексическому полю или концепту времени словообразование ни в результативном, ни в процессуальном аспекте (почти) не учитывается. Наш подход отличался от идеи Яхнова известными ограничениями, а именно выбором мотивационных отношений и их взаимосвязью с лексикой, как вклад в изучение тематики конференции «Мотивированное слово в лексической системе языка».

¹⁰ Это вытекает также из заключительного замечания Гака: «Понятие времени имеет разветвленные и многообразные связи с широким кругом иных понятий и лексических полей – от логических отношений до отдельных людей и предметов – что объясняется несомненно универсальностью и важностью самого этого понятия» (с. 130). Подобным образом В. А. Плунгян (1997) преследует цель выделить «из всего многообразия контекстов употребления слова *время* [...] пять наиболее употребительных „метафорических блоков“», которые опять-таки объясняются на базе синтагматики, напр., «время-путник» (*время идет, проходит*) или «время-имущество» (*терять время, тратить время*; ср. с. 161).

¹¹ Напр., выражение одновременности/последовательности при помощи видовой корреляции (*Он сидел и ел/Он сел и выпил кофе*).

Литература

- АРУТЮНОВА, Нина Д.: От редактора (Предисловие). In: Логический анализ языка. Язык и время. Ред. Н. Д. Арутюнова – Т. Е. Янко. Москва: Издательство «Индрик» 1997, с. 5–16.
- ВОЛЬФ, Криста: Но своей шкуре. Повесть. Перевод Н. Федоровой. Online: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/9/volf-pr.html>
- ГАК, Владимир Г.: Пространство времени. In: Логический анализ языка. Язык и время. Ред. Н. Д. Арутюнова – Т. Е. Янко. Москва: Издательство «Индрик» 1997, с. 122–130.
- ПЛУНГЯН, Владимир А.: *Время и времена*: к вопросу о категории числа. In: Логический анализ языка. Язык и время. Ред. Н. Д. Арутюнова – Т. Е. Янко. Москва: Издательство «Индрик» 1997, с. 158–169.
- Русская грамматика. Т. 1. Москва: Наука 1980.
- Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Москва: Русский язык 1981.
- ТИХОНОВ, Александр Н.: Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1, 2. Москва: Русский язык 1985.
- ШМЕЛЕВ, Дмитрий Н.: Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). Москва: Наука 1977.
- ЯКОВЛЕВА, Елена С.: *Час* в русской языковой картине времени. In: Вопросы языкознания, 1995, № 6, с. 54–76.
- ЯКОВЛЕВА, Елена С.: *Час* в системе русских названий времени. In: Логический анализ языка. Язык и время. Ред. Н. Д. Арутюнова – Т. Е. Янко. Москва: Издательство «Индрик» 1997, с. 281–296.
- ANSTATT, Tanja: 'Zeit'. Motivierungen und Strukturen der Bedeutungen von Zeitbezeichnungen in slavischen und anderen Sprachen. (Specimina Philologiae Slavicae. Supplementband 43.) München: Verlag Otto Sagner 1996.
- JACHNOW, Helmut: Zu den klassifikatorischen Voraussetzungen der Erforschung slavischer Temporallexika. In: Zeitschrift für Slawistik, 1993, 38/1, S. 17–25.
- OHNHEISER, Ingeborg: Wortbildung im Sprachvergleich: Russisch-Deutsch. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie 1987.
- WOLF, Christa: Leibhaftig. München: Luchterhand 2002.

Prof. Dr. Ingeborg Ohnheiser

Institut für Slawistik, Universität Innsbruck, Innrain 52/IV, A-6020 Innsbruck, Österreich

e-mail: ingeborg.ohnheiser@uibk.ac.at

Мотивационный признак в сопоставительном аспекте

Renate Belentschikow

0. Данная статья посвящена мотивирующим признакам (МП) языковых номинаций как предмету синхронного сопоставления неблизкородственных языков. В центре внимания стоят цели и методические основы подобного анализа и возможные выводы для изучения словообразования и других полей лингвистических исследований.

1. Мотивационное значение и МП

1.1. Языковой знак можно считать мотивированным, если отбор его формата в какой-то степени определяется (а) свойствами обозначаемого и/или (б) оценкой объекта номинации номинатором (ср. Schippan 1975, с. 53), напр., (а) *медвежатина* «мясо медведя как пища» (Б-17) и (б) *умник* «1. умный, толковый человек», 2. «Ирон. Тот, кто умничает, считает себя умнее других». В связи с этим Schippan (1992, с. 97) говорит о «мотивах номинации» («Benennungsmotive», «die Merkmale, die wir für den Benennungsprozess nutzen»). Fleischer – Barz (1992, с. 19) вслед за другими авторами подчеркивают, что мотивационное значение производного слова связано с «непосредственно составляющими», используемыми в данном единичном случае [«die Motivationsbedeutung... ist an die Bedeutung der im jeweiligen Einzelfall verwendeten UK (= unmittelbaren Konstituenten. – P. B.) gebunden»]. Так, немецкие синонимы *Wegwerfflasche* и *Einwegflasche* отличаются своими МП, которые сочетаются в мотивационном значении: *Wegwerfflasche* «бутылка, которая (после употребления) выбрасывается», *Einwegflasche* «бутылка [одного пути (от торговца к покупателю и не обратно, т. е. торговец при продаже не требует залога за стоимость посуды и не принимает ее обратно после употребления)]».

Вклад в мотивационное значение производного слова вносят и мотивирующая основа, и сам формант как носитель категориального семантического признака (на это указывает и Е. С. Кубрякова в своей статье в настоящем сборнике). Так, к выше-названной группе (б) принадлежит также *nomen augmentativum* *медведище* (Б-17: «просторечное, увеличительное к *медведь*»), где оценка объекта номинации номинатором выражается именно модификационным суффиксом. (Как известно, наличие суффиксов с оценочным значением является одним из типологических различий русского и других славянских языков от немецкого.)

1.2. В данной статье понятие самого МП рассматривается нами уже, чем мотивационное значение. Мы связываем МП с мотивирующей основой (основами) производного или сложного слова, которая – по сравнению с формантом как носителем категориального семантического признака – указывает на индивидуальную характеристику обозначаемого. По концепции Улуханова, как компоненты значения мотивированного слова можно различить мотивирующую и формантную части, кроме этого – дополнительные семантические компоненты (Улуханов 1991, с. 100–105).

Мотивирующая часть значения мотивированного слова по нашему определению и соответствует МП. Однако, в отличие от мотивационного значения, МП определяется нами на понятийном уровне. Если следовать ономасиологическому подходу Докулиля (Dokulil 1962), то в ономасиологической структуре МП соответствует (а) при модификации ономасиологическому базису (ОБ) и (б) при мутации ономасиологическому признаку (ОП), напр.:

(а) *медвеж/онок*₁ (ОБ) *медвеж-* «медведь» (ОП) *-онок* «незрелый»

(б) *медвежатина* (ОБ) *-ат/ин(а)* «мясо...» (ОП) *медвеж-* «медведь»

Слова одной словообразовательной парадигмы отличаются одним и тем же МП.

1.3. Обсуждаемая под 1.1. и 1.2. словообразовательная мотивация (ср. Лопатин – Улуханов 1980, с. 133) считается нами специфическим видом морфематической (морфосемантической) мотивации¹. Кроме того, мотивированные слова с одним и тем же МП могут быть мотивированными и семантически, напр., в результате метафорического переноса:

(2) *медвежонок*₂ [разг., «О человеке (обычно ребенке) полном и неуклюжем» (БТС)], ср. с тем же МП *медведь*₂ [разг., «О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке» (БТС)]; *медведица*₂ [«созвездие»: *Большая м.* (*Ursus major*), *Малая м.* (*Ursus minor*)].

2. Исходным пунктом наших рассуждений являются возможные подходы внутриязыкового сопоставления МП номинаций.

Как объект сопоставительного исследования МП целесообразно выбрать синонимические ряды и семантические поля. При анализе синонимов одного ряда как *tertium comparationis* выступает одинаковое референтное (денотативное) значение, синонимы являются немотивированными или отличаются своими МП. Такой анализ может выявить коннотативную и прагматическую дифференциацию, а также различия в лексико-семантической сочетаемости синонимов с разными МП. Так, синонимы *безлюдный*, *глухой* и *пустынный* имеют общее значение «такой, где отсутствуют люди, которых естественно ожидать в данном месте, или они не видны» (Апресян 1999, с. 1). Одновременно, мотивированные прилагательные *безлюдный* и *пустынный*, обозначающие состояние, и возникший в результате семантической деривации лексико-семантический вариант *глухой*, обозначающий свойство, отличаются между собой (ср. Апресян 1999, с. 1–3): места и помещения, характеризуемые словами *безлюдный* и *пустынный*, являются скорее открытыми, просторными и могут вызывать в человеке «ощущение печали и одиночества». *Глухие* места и помещения являются «скорее замкнутые, лишённые простора» и могут производить «впечатление мрачности». Прилагательное *пустынный* указывает на наблюдателя и характеризует «пространство, которое просматривается насквозь». С МП связан и различный объем значения (Bedeutungsexension): словом *безлюдный* «описывается... только отсутствие людей», а словами *глухой* и *пустынный* «вообще замершая жизнь». *Глухой* употребляется только в атрибутивной позиции, а слова *безлюдный* и *пустынный* – и в атрибутивной, и в предикативной.

¹ Ср. соответствующие термины у Schippan (1992, с. 100) и Fleischer – Barz (1992, с. 15). В нашем понимании, морфематическая мотивация является свойством не только «производных» слов, «мотивированных» по дефиниции Гр-80 (Лопатин – Улуханов 1980, с. 133), а всех членимых на морфемы слов.

Наименования с идентичным денотативным значением и различными МП вступают в разные парадигматические отношения в языковой системе и могут по-разному актуализироваться в тексте.

Наоборот, внутриязыковое сопоставление наименований с одинаковыми МП может выявить случаи демотивации и ремотивации, а также развитие новых значений в них.

Например, по данным Б-20 слово *безгласный* с МП «без голоса» имеет значения:

1. (устаревшее) «молчаливый, неразговорчивый», ср. также устаревший фразеологизм *безгласное тело* (об умершем) и актуальные в определенных коллокациях значения «бессловесный (о животных)», «не издающий звуков (о предметах)» и «не оглашаемый звуками»; 2. «не высказывающий самостоятельного мнения, не смеющий подать голос, протестовать». Мотивированное этим прилагательным абстрактное существительное *безгласность* также является носителем этих двух значений, ср. приведенные в Б-20 в словарной дефиниции синонимы: 1. «молчание», 2. «безропотность, покорность».

Существительное же *безгласие* носит только второе из этих значений и в этом лексико-семантическом варианте является устаревшим. Кроме того, оно зафиксировано в новом значении: «отсутствие свободы слова»; ср. следующий контекст: «Или наш переход заложит крутую петлю и вновь выведет нас к бесправию и безгласию» («Правда», 18.05.1989; цит. по Н-89). Этот пример показывает, как МП могут специализироваться относительно определенных сем (семантических признаков) и входить в определенные парадигматические отношения, ср. место лексико-семантического варианта *безгласие* (2) в семантическом поле вместе со словами *гласность* (антонимические отношения) и *бесправие*.

3. Сопоставительные исследования неблизкородственных языков, во-первых, могут выявить характерологические и типологические сходства и различия сравниваемых языков; во-вторых, они служат установлению отношений языковой эквивалентности.

3.1. В первом случае в основе исследований лежит, как правило, двусторонний метод сравнения (*bilateraler Vergleich*). В сопоставительном изучении словообразования и – шире – языковой номинации как *tertia comparationis* в «плане содержания» предпочитают понятийные категории (ономасиологические категории по М. Dokulil) или категории словообразования (словообразовательные категории, парадигмы и гнезда), ср. обзор Ohnheiser (2000). Таким *tertium comparationis* может служить и МП. При этом должна быть охвачена не только мотивация слов, т. е. морфематическая (морфосемантическая) мотивация, но и мотивация фразеологических оборотов и неидиоматических многословных наименований.

3.1.1. *Определенный МП или группа сходных МП.*

В сравниваемых языках проверяются продуктивность определенных МП и связь совпадающих или сходных МП с различными денотативными, коннотативными и прагматическими значениями. Так, например, МП «элита» в настоящее время является продуктивным и в немецком, и в русском языках.

В немецком языке слово *Elite* в значении «самые наилучшие, отбор» (DWDS: «die Besten, die Auslese») активно участвует в словосложении существительных

как компонент, по-разному детерминирующий опорное слово, напр., (а) «являющийся элитой»: *Elitearmee* (синонимы: *Elitetruppe*, *Eliteverband*, ср. также *Elitekommando*, *Eliteinheit*), *Elitefahrer*, (б) «предназначенный для элиты, развивающий элиту»: *Eliteschule*, (в) «принадлежащий к отбору, к элите»: неологизм *Eliteuniversität* (синоним: *Spitzenuniversität*). Как главный компонент это слово образует коллокации (самые частотные из них по данным DWDS: *intellektuelle*, *geistige*, *politische Elite*).

Для русского слова *элитный* в ТСРЯ (1998, с. 688) выявлено два значения: «1. (разговорное) прил. к элита, предназначенный для элиты. *Элитная школа. Элитная офисная мебель. Элитный микрорайон*», ср. также *элитный дом*, *элитное жилье*; «2. лучший, отборный», напр., *элитная дивизия*. Нам кажется, что первое, реляционное значение (относительного прилагательного) в приведенных коллокациях уже переросло в самостоятельное значение качественного прилагательного (3.), соответствующее названным в словаре синонимам *престижный*, *экслюзивный* и выражающее положительную оценку.

Такое значение в немецком языке с МП «элита» не связывается. По данным GWDS, мотивированное *Elite* прилагательное *elitär* имеет значения: 1. «принадлежащий к элите, образующий элиту», 2. «обоснованный на (мнимой) принадлежности к элите» [«eine (vermeintliche) Zugehörigkeit zu einer Elite begründend, sie kennzeichnend»], напр., *elitäres Bewußtsein*, *elitäre Vorrechte*. В контексте данное слово может выразить отрицательную коннотацию: *elitäres* (= *dünnelhaftes, überhebliches*) *Benehmen* «застыдное поведение».

Как показывает пример, подобное сопоставление наименований с одинаковыми МП особенно интересно в сфере т. н. «интернациональной лексики», где оно может выявить межъязыковые семантические различия, вплоть до явления т. н. «ложных друзей переводчика», ср. русский семантический неологизм *кодировать* «2. внушать кому-л. психологическую установку на определенное поведение, отказ от чего-л. и т. п.» (БТС), напр., *кодировать кого-л. от пьянства*. (Немецкий частично эквивалентный глагол *kodieren* не имеет подобного значения.)

3.1.2. Как и внутриязыковое, так и межъязыковое сопоставление может выявить различие МП при совпадении центральных семантических компонентов наименований. Объектом сопоставительного исследования МП опять же могут служить синонимические ряды, а также семантические поля и группы.

Подобные исследования известны в области фразеологии. Можно сопоставить, например, устойчивые сравнения: *schlafen wie ein Murmeltier* (*спать как сурок*), *schlafen wie ein Bär* (**спать как медведь*); рус. *спать без задних ног* (**schlafen ohne Hinterbeine*); нем. *hungrig wie ein Wolf* (*голодный как волк*), *hungrig wie ein Bär* (**голодный как медведь*); нем. *Hundekälte* (*собачий холод*), *Bärenkälte* (**медвежий холод*). Приведем пример из области словообразования:

В русском языке очень продуктивным оказывается префиксально-суффиксальный словообразовательный тип абстрактных существительных с *без-/-j(e)* и со словообразовательным значением «отсутствие того, что названо мотивирующим словом». В системе немецкого словообразования подобное словообразовательное значение выражается при помощи мотивированных прилагательных с суффик-

соидом *-los* и производных от них *nomina abstracta* на *-losigkeit*, напр. *hoffnungslos* – *Hoffnungslosigkeit*. Тем не менее, как немецкие эквиваленты русских мотивированных слов названного типа функционируют скорее сложные слова, опорные компоненты которых указывают не на полное отсутствие, а на низкую степень наличия чего-л., напр.: *безветренный* → *безветренность*, *безветрие* – *windstill* → *Windstille*; *безводный* → *безводье* – *wasserarm* → *Wasserarmut*, ср. синонимы *Wassermangel*, *Wassernot*; *безденежье* – *Geldmangel*; ср. демотивированные в русском языке *безвременье*, *безвременница* – *schwere Zeiten*.

Результаты подобных анализов могут интерпретироваться в аспекте культурно-специфической языковой концептуализации мира, что до сих пор обсуждалось преимущественно на материале немотивированных лексем определенных семантических групп (напр., «дух, душа, тело», «свобода – воля», «истина – правда»).

При интерпретации результатов подобных сопоставлений следует учесть, что продуктивность МП подвергается влиянию со стороны возможностей и ограничений словообразовательных систем сравниваемых языков, действия словообразовательных образцов. Так, вокруг МП «без выхода» относительно ситуации в русском языке благодаря разным словообразовательным типам организовалось семантическое микрополе из прилагательных *безвыходный*, *безысходный* и производных от них существительных *безвыходность*, *безвыход* (разговорный неологизм), *безвыходняк* (в молодежном жаргоне), *безысход* и *безысходка* (разговорные неологизмы). В немецком им соответствует только словообразовательная пара *ausweglos* – *Ausweglosigkeit* (помимо идеографических синонимов с другими периферийными семами типа *aussichtslos* – *Aussichtslosigkeit* и др.).

Как было показано в когнитивной лингвистике, словообразовательные категории участвуют в воспроизведении определенной языковой концептуализации мира.

3.2. Во-вторых, сопоставительная лингвистика занимается вопросом функциональной эквивалентности единиц исходного и сравниваемого языков. Функциональная межъязыковая эквивалентность определяется как идентичность центральных семантических компонентов единиц языковых систем разных идиом (ср. Einführung... 1983; Гладров 1994 и др.).² Так, путем одностороннего сопоставления для наименования исходного языка разыскиваются номинационные соответствия в системе сравниваемого языка. Как и при двустороннем сравнении, отношения эквивалентности могут устанавливаться между единицами разных языковых уровней.

3.2.1. Относительно сопоставления МП односторонний анализ может проводиться на двух этапах: на первом этапе для определенного наименования подбираются соответствия в сравниваемом языке; на втором этапе найденные соответствия характеризуются по степени соответствия их МП с МП исходной единицы.

Исходя из рассуждений Wilske (Вильске 1990; ср. также Wilske 1988), который различил в наименованиях с одинаковым денотативным значением в сопоставля-

² В работах последнего десятилетия предметом сопоставительной лингвистики считаются не только эквиваленты системных (напр., лексических) значений, но и регулярно выраженные соответствия для узальных текстовых значений. Этот вопрос не является предметом данного изложения.

Ср. соответствующие термины у Schippan (1992, с. 100) и Fleischer – Barz (1992, с. 15).

емых языках три степени соответствия отобранных МП³, ниже предлагаем более дифференцированную классификацию, добавляя указание на соотношение способов номинации и ономаσιологическую структуру (место ОП, ср. выше, 1.2.)

I. Полное соответствие отобранных (чаще всего – двучленных) МП:

<i>первоклассник</i>	<i>Erstklässler</i>
<i>пылесос</i>	<i>Staubsauger</i>
<i>полноценный</i>	<i>vollwertig</i>
<i>золотая осень</i>	<i>goldener Herbst</i>

Сюда входят и случаи взаимной компенсации способов номинации – немецкого словосложения и русских многословных наименований с одинаковыми МП, напр.:

<i>книжный шкаф</i>	<i>Bücherschrank</i>
<i>рыночная экономика</i>	<i>Marktwirtschaft</i>

II. Частичное соответствие («сходство») отобранных МП:

II.1. Выражение в МП «различной семантической перспективы в сравниваемых языках»:

<i>мусоропровод</i> (представление об орудии)	<i>Müllschlucker</i> («тот, кто глотает») (представление об агенсе)
<i>кухонное полотенце</i> («локальное представление»)	<i>Geschirrtuch</i> («для посуды») («перспектива объекта применения»)

II.2. Комбинация *одного идентичного* МП с *одним дополнительным* МП в мотивации наименований в одном из языков; сюда входят русские аффиксальные производные и их немецкие эквиваленты – сложные слова. При этом ономаσιологическая структура русских производных и их немецких эквивалентов может различаться, ср. случаи II.2.1.а) и II.2.2.а) (жирным шрифтом выделяется компонент, выражающий ОП):

II.2.1. Мутационный тип аффиксации в русском:

а) <i>желток</i>	<i>Eigelb</i>
б) <i>подоконник</i>	<i>Fensterbrett</i>
в) (при наличии метафорического компонента в немецком наименовании) <i>подснежник</i>	<i>Schneeglöckchen</i>

II.2.2. Модификационный тип аффиксации в русском:

Относительно модификационных словообразовательных категорий в русском языке наблюдается асимметрия МП (который соответствует ономаσιологическому базису) и ономаσιологического признака (ОП).

а) <i>медвежонок</i>	<i>Bärenjunges</i>
б) (выражение ОП немецким опорным компонентом, здесь – метафорическим) <i>тихохонький</i>	<i>mäuschenstill</i>

III. Дивергентные МП

III.1. Морфологическое словообразование: Прямое значение МП

<i>первоклассник</i>	<i>Lernanfänger</i>
----------------------	---------------------

³ Wilske (1988, 1990) говорит в связи с этим о степенях «эквивалентных отношений». Это кажется нам не целесообразно, так как термин «эквивалентность» (Äquivalenz) в контрастивной лингвистике и теории перевода прикреплен к семантическому отношению языковых или речевых единиц. Мотивация же не тождественна с семантикой.

грудной ребенок
водобоязнь

Säugling
Tollwut

III.2. Морфологическое словообразование: Переносное значение по меньшей мере одного из МП в одном из сравниваемых языков (выделенное ниже жирным шрифтом):

бабник

Schürzen/jäger

III.3. Лексико-семантическое словообразование в одном из языков (выделенное ниже жирным шрифтом):

(электрическая) вилка
горка

(elektrischer) Stecker
Rutschbahn

3.2.2. (Не)соответствие сравниваемых единиц по степени их мотивации и по совпадению их МП называлось иногда как один из факторов, определяющих степень эквивалентности. Данное мнение следует рассматривать более дифференцированно: функциональная эквивалентность может ограничиваться/уменьшаться несовпадением МП, если этот МП определяет семантическую специфику данного наименования в синонимическом ряду. Так, напр., наименование в исходном языке с определенным содержанием значения (*Bedeutungsintension*) может иметь больший объем значения (*Bedeutungsextension*), чем его частичный эквивалент в сравниваемом языке, напр., *бездомная собака – herrenloser Hund*, но: *бездомный ребенок – obdachloses Kind*. Подобные случаи являются одним из видов межъязыковой диверсификации, когда МП исходной единицы и ее частичного эквивалента («без дома») совпадают, а МП других соответствий различны, ср. также: (*einen Jungen*) *adoptieren – усыновить кого-н.*, (*ein Mädchen*) *adoptieren – удочерить кого-н.*

Наименования исходного языка часто входят в другие парадигматические и синтагматические отношения номинационной системы, чем частично эквивалентные наименования в сравниваемом языке, отличающиеся своими МП. Однако, многие наименования, несмотря на несоответствие их МП с выражениями исходного языка, функционируют как полные эквиваленты – тем более, если они тяготеют к специальной лексике, ср., напр., *безвоздушный – luftleer*, *безвоздушное пространство – Vakuum*.

Кроме того, предикатные номинации часто мотивированы в большей степени, чем номинации идентифицирующие, которые мотивированы только частично или претерпели демотивацию, напр., идентифицирующие номенклатурные названия в ботанике: *безвременник – Herbstzeitlose*, *Bärenklau* (1) – *акант, борщевик, Bärenrobbe – морской котик*, и предикативные наименования с уже упомянутым МП «медведь» (рус. *медвежий корень, медвежий лук, медвежьи ушки*). В немецком языке этот зверь ассоциируется со свойствами здоровья, силы (разг. *Bärenstärke, Bärengesundheit, Bärennatur*), а – в отличие от русского языка – также с ленью, спокойствием (*Bärenruhe, bärenruhig*, устар. *Bärenhäuter* «лежебока»).

4. Трудности могут возникать при попытке создания коммуникативной эквивалентности путем перевода текста, напр., при передаче определенного окказионального значения мотивированной единицы исходного языка, для которой в языке перевода не имеется узальных соответствий, опирающихся на тот же МП.

Это касается, в частности, случаев ремотивации в речевом акте, напр., в каламбурах, ср. следующий отрывок из сатиры под заглавием «Полный разбор. Урок русского языка»: «Изменяются деньги... по лицам: наличные, безналичные, и принадлежащие высокопоставленному лицу. У которого все время почему-то хочется спросить – откуда при такой мизерной зарплате он их все-таки взял?» [«Литературная газета», № 36 (5987), 15.–21.09.2004, с. 16]. Когерентность микротекста опирается на повторение слов с МП «лицо». Благодаря использованию омонимии формата «лицо» (официальное обозначение человека/грамматический термин) и одновременной ремотивации слов *наличный* и *безналичный* создается юмористический эффект. При переводе на немецкий язык с употреблением немецких узуальных эквивалентов терялся бы смысл текстового отрезка. Передача этого смысла в немецком возможна только на уровне коммуникатов.

Литература

- АПРЕСЯН, Юрий Д. (ред.): Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Т. 1. Москва 1999.
- Б-17 = Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Москва – Ленинград 1948–1965.
- Б-20 = Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. Тт. I–IV. Москва 1992–1993.
- БТС = Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург 1998.
- ВИЛЬСКЕ, Людвиг: Актуальные проблемы конфронтативно-типологического описания лексики русского и немецкого языков. In: Potsdamer Forschungen (Reihe A), 1990, Heft 104, S. 41–47.
- ГЛАДРОВ, Вольфганг: Специфика употребления методов и приемов в сопоставительном изучении русского языка. In: Русский язык за рубежом, 1994, № 5/6, с. 17–23.
- ЛОПАТИН, Владимир В. – УЛУХАНОВ, Игорь С.: Основные понятия морфемики. Словообразование. In: Русская грамматика. Т. I. Москва 1980.
- Н-89 = Новое в русской лексике. Словарные материалы-89. Под ред. Н. В. Соловьева. Санкт-Петербург 2001.
- ТСРЯ = Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Гл. ред. Г. Н. Складневская. Санкт-Петербург 1998.
- УЛУХАНОВ, Игорь С.: Словообразование и семантика. In: Die Beziehungen der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen. (Beiträge zur Slavistik. 16.) Hrsg. H. Jellite – G. Nikolaev. Frankfurt a. M. etc. 1991, S. 97–121.
- DOKULIL, Miloš: Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha 1962. 263 s.
- DWDS = Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften (www.dwds.de).
- Einführung in die konfrontative Linguistik. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Reinhard Sternemann. Leipzig 1983.
- FLEISCHER, Wolfgang – BARZ, Irmhild: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen 1992. 375 S. ISBN 3-484-10243-8.

- GLADROW, Wolfgang: Die Spezifik des Äquivalenzbegriffs in der konfrontativen Linguistik. In: Zeitschrift für Slawistik, 1990, Jg. 35, S. 476–481.
- GUTSCHMIDT, Karl: Kategorien und Einheiten des Sprachvergleichs. In: Linguistische Studien des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft, 1982, Bd. 94/I, S. 24–34.
- GWDS = Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache in zehn Bänden. Mannheim et al. 1999.
- OHNEISER, Ingeborg: Словообразование и конфрагнативная лингвистика. In: Die Beziehungen der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen. (Beiträge zur Slavistik. 16.) Hrsg. H. Jelite – G. Nikolaev. Frankfurt a. M. etc. 1991, S. 221–239.
- OHNEISER, Ingeborg: Wortbildung und Sprachvergleich. In: Handbuch zu den modernen Theorien der russischen Wortbildung. (Beiträge zur Slavistik. 43.) Hrsg. H. Jelite – N. Schindler. Frankfurt a. M. et al. 2000, S. 111–120.
- SCHIPPAN, Thea: Semasiologie. Leipzig 1975.
- SCHIPPAN, Thea: Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen 1992. 306 S. ISBN 3-484-73002-1.
- WILSKE, Ludwig: Konfrontative Analyse von Benennungsmotivationen im Russischen und Deutschen. In: Zeitschrift für Slawistik, 1988, Jg. 33, S. 173–177.

Prof. Dr. Renate Belentschikow

Otto-von-Guericke-Universität Magdeburg, Institut für fremdsprachliche Philologien,
Rennweg 25 A, D-39130 Magdeburg, Deutschland

E-Mail: renate@belentschikow.de

О взаимодействии единиц разных уровней в лексических подсистемах языка

Алексей В. Никитевич

В теории словообразования, как известно, сложилась определенная система описания и классификации родственных единиц. Мотивирующее, мотивированное, основа, формант, словообразовательная пара, тип, парадигма, цепочка, гнездо – все это известные для сознания дериватолога «формулы» фиксации лингвистического опыта исследования свойств системы словообразования и основных ее единиц, прежде всего производных слов и их объединений.

Однако совершенно очевидно, что, являясь неотъемлемой частью лексики, мотивированные слова «включены» в поле действия активно проявляющих себя свойств и отношений лексических подсистем, – таких, как различные группы синонимов, антонимов, единиц, связанных отношениями конверсии и т. п. Уже на уровне выявления и классификации собственно словообразовательных характеристик производных единиц мы констатируем, что есть, к примеру, глаголы с синонимичными и антонимичными префиксами, есть типы словообразовательных значений, противопоставляемых, строго говоря, на основе лексических параметров (сравните: глаголы, обозначающие действие, направленное вниз/вверх, над предметом/под предмет, внутрь/наружу и т. п.). Целые группы производных, словообразовательные типы могут не только различаться между собой словообразовательной структурой, но и быть противопоставлены семантически (*белеть* – *белишь*, *чернеть* – *чернишь*).

С другой стороны, производные единицы с различной словообразовательной структурой и различной деривационной историей могут оказаться тождественными семантически (ср.: *толстеть* и *утолщаться*). В условиях коммуникации на первый план выходит семантика, необходимость заполнения некоторого семантического «места», а «слов образовательный» или аналитический статус номинации отходит на второй план. Уже на уровне собственно словообразования, к примеру, значение ‘становиться каким’ может быть представлено глаголом иного словообразовательного типа, способа словообразования и даже иного, чем отадъективы, класса единиц (например, приведенный выше глагол *утолщаться* может рассматриваться и как от-вербатив). При словообразовательной же недостаточности хорошо известные значения и различные типы их оппозиций будут представлены не словами, а словосочетаниями, либо комбинированным использованием различных по своей образующей структуре единиц. Ср.: 1) *делать неинтересным* – ∅, *становиться неинтересным* – ∅, *делать огнеупорным* – ∅, *становиться огнеупорным* – ∅. 2) *рыхлить*, *делать рыхлым* – ∅, *становиться рыхлым* (ср., однако, *разрыхляться*); *делать правым* (по социально-политической ориентации), ∅ – *праветь*, *становиться правым*; *делать розовым*, ∅ – *розоветь*, *становиться розовым*; *горбатить*, *делать горбатым* – ∅,

становиться горбатым; виноватить (РГ 70), *делать виноватым* – Ø, *становиться виноватым* [ср.: Кому хочется *становиться* (или *быть, оказаться*) *виноватым*].

Лексическая семантика, анализируя существующие связи и отношения между словами как элементами известных парадигматических подсистем, констатирует случаи «невыражения» некоторых значений в составе известных оппозиций. Так, значительная часть глагольной лексики представляет собой такой тип квазиконверсивов, когда при словно выраженном результате значение каузации действия может быть представлено только словосочетанием. Ср.: Ø, *бросать в дрожь* – *дрожать*; Ø, *бросать в пот* – *потеть*. Семантический анализ антонимов и таких известных их типов как ‘начинать’ – ‘переставать’, ‘действие’ – ‘уничтожение, результат действия’ показывает, что собственно лексические свойства могут объединять не только пары мотивированных слов, но и мотивированные слова и эквивалентные им словосочетания. Другими словами, свойства, характеризующие различные лексические подсистемы, могут распространяться и на межуровневые связи и отношения, что для нас делает актуальным исследование уже собственно деривационных подсистем «производное слово – словосочетание с деривационно родственным компонентом».

Как известно, в свое время в теории словообразования немало сторонников нашла идея о подобии производного слова синтаксическим единицам – словосочетанию и/или предложению. Причем исследование изоморфизма производных слов и синтаксических единиц в большинстве работ акцентировалось на изучении мотивированности производных слов синтаксическими конструкциями, результатами которого являлись прямо противоположные ответы. С одной стороны, здесь было распространено мнение о том, что все производные знаки создаются (или были когда-то созданы) синтаксическим путем (Сахарный 1980, с. 31). С другой стороны, многие исследователи придерживались той точки зрения, что единицы номинации в области синтаксиса бытуют более как сосуществующие синонимические единицы, чем как единицы, связываемые деривационными отношениями. По мнению Е. С. Кубряковой, одни типы производных создаются на синтаксической основе, другие же образуются несинтаксическим путем (Кубрякова 1981, с. 50). Существенно важным представляется и простое «расширение» темы «слово и его родня», а именно: исследование различных объединений производных слов и деривационно родственных им словосочетаний без акцентирования внимания на вопросах, что от чего образовано и можно ли возникающие отношения описывать в терминах производности (Никитевич 2004, с. 167).

Компонентный анализ лексического значения (включая сюда и его ранние варианты) базируется на положении о том, что толкование некоторого выражения X – это тождественное ему по значению выражение, в котором это значение выражено *более эксплицитно*. Причем совершенно справедливо признается, что многие слова могут быть описаны семантически только в составе *выражений, больших по объему, т. е. словосочетаний* или предложений. В дополнение к сказанному, не следует забывать, что известный в лексической семантике метод синонимического перифразирования основывается на реально существующих связях между единицами различной структуры, прежде всего словами и словосочетаниями. Поэтому в состав лексико-семантической парадигмы вполне могут быть включены на правах полноправных членов и эквивалентные производным словам словосочетания.

Последнее обстоятельство существенно, так как отношения, обнаруживающиеся между словами как лексемами, достаточно многообразны и не сводятся к традиционно рассматриваемым в лексике отношениям синонимии, антонимии. Многочисленны отмечаемые в лексической семантике и корреляции семантической производности, количество и «качество» которых варьируется в зависимости от специфики того или иного семантического поля (подполя). И хотя определенные типы семантических корреляций полностью или частично находят отражение в словообразовательной системе посредством некоторого набора аффиксальных средств в различных по степени абстракции словообразовательных значениях, не следует забывать, что многие типы оппозиций, изначально заданных аффиксацией и характеризующих лексическую систему или, точнее, положение и функционирование мотивированных слов в данной системе, получают необходимое завершение не только с помощью производных аффиксации, но и посредством деривационно родственных словосочетаний.

Так, важной особенностью производных глаголов развивающегося состояния является их опосредованная связь с основами имен прилагательных, что отчетливо видно по характеру переменного компонента соответствующих словосочетаний. Ср.: *побледнеть* – *стать бледным*, *потеплеть* – *стать теплым*, *помрачнеть* – *стать мрачным*. Деривационное сочетание *стать каким* соответствует определенному уровню семантической абстракции и далеко не всегда способно явиться коммуникативным эквивалентом соответствующего глагола. И, в первую очередь, это связано с *многозначностью* слов производящей и производной частей речи. К примеру, среди глаголов, обозначающих изменение цвета, окраски предмета, типична ситуация, когда деривационное сочетание с компонентом *стать* соответствует лишь одному из значений. Например: *побледнеть* ‘1. стать бледным, потерять румянец, свежесть лица (о человеке)’, 2. ‘потерять яркость цвета, окраски; потускнеть’, 3. ‘утратить свое значение, яркость, выразительность’. Это косвенно подтверждает тот факт, что в ряде случаев автоматическая замена глагола *побледнеть* на конструкцию *стать бледным* либо невозможна, либо требует каких-то дополнительных трансформаций. Ср.: Мы видели (в Индии) замечательные храмы, дворцы и крепости. Перед этими сооружениями *бледнеют* (*вряд ли возможно *становятся бледными*) египетские пирамиды (Чирков). Париж и Вена *побледнеют* (**станут бледными*) перед той деревней (Гончаров). В ряде случаев словосочетание *стать каким* отмечается и в прямом, и в переносном значениях. Ср.: *позеленеть* ‘1. стать зеленым; приобрести зеленый цвет’, ‘3. перен. стать бледным под влиянием гнева, злости, нездоровья’. Крысин *позеленел*: у него всего две пули – мало (Шишков). Однако, как нетрудно увидеть, словосочетание *стать бледным* не является деривационным по отношению к глаголу *позеленел* и не образует с ним единого номинативного ряда, поскольку не связано с глаголом отношениями эксплицитной связи. Оно соответствует, как уже это было отмечено, глаголу *побледнеть*.

Одним из важнейших следствий семантической многозначности в лексике является возможность обнаружения таких деривационных сочетаний, которым нет соответствий в сфере суффиксального и префиксального словообразования. Так, у глагола *потеплеть* в составе словарной дефиниции также выделяется два сло-

восочетания с компонентом *стать*. Ср.: 1. ‘стать теплым’, 3. перен. ‘стать приветливым, нежным; проникнуться теплым чувством’. Однако, если в прямом значении конструкция *стать теплым* является деривационной по отношению к глаголу *потеплеть*, то в переносном значении деривационное сочетание *стать приветливым* является единственным способом проекции в глагол признака *приветливый* и образует неполный номинативный ряд. Ср.: *стать теплым – потеплеть, стать приветливым – ∅*. Аналогично, рядом стоящее в синонимическом ряду: *стать нежным – ∅* (однако ср.: *быть нежным, проявлять нежность – нежничать*). При чем в обоих случаях речь идет об аналитизме целой деривационной цепочки, своеобразной оппозиции по виду неполных номинативных рядов. Ср.: *приветливый – ∅, становиться приветливым – ∅, стать приветливым*.

Среди номинаций, обозначающих изменение внешнего вида, физических и психических свойств предметов, немало как случаев чисто аналитического представления глагольной семантики, так и различных типов избирательного присутствия деривационного сочетания *стать каким* как коммуникативного соответствия производного глагола. Например: *почерстветь – стать черствым* (о лице и предмете, например, хлебе) и *∅ – стать бездушным, ∅ – стать бесчувственным; похрабреть – стать храбрым (храбрее)* (только о лице, живом существе), *повеселеть – стать веселым (веселее)* (только о лице, живом существе), *подорожать – стать дороже* (только о предмете), *подешеветь – стать дешевым, более дешевым* (только о предмете). Избирательность употребления (не говоря о наличии) словосочетания *стать каким*, безусловно, зависит от особенностей лексической семантики имен прилагательных как базовых производящих единиц для данных глаголов. Ср., например, интерпретацию глагола *похорошеть* как ‘стать красивее’ (не *стать хорошим) и, в свою очередь, отсутствие глагола для деривационного сочетания *стать красивее – ∅*. При чем несложно увидеть, что неполный номинативный ряд является единственным способом «проекции» в глагол формы сравнительной степени лексемы *красивый*. Аналогично сравним дефиниции к глаголу *помертветь* ‘1. стать неподвижным, безжизненным, бесчувственным’, ‘3. стать пустынным’ и «образующую» роль соответствующих деривационных сочетаний в составе неполных номинативных рядов: *стать неподвижным – ∅, стать безжизненным – ∅, стать пустынным – ∅*.

Особенности лексической семантики производящих имен прилагательных также определяют возможность наличия других словосочетаний в деривационной функции, а также отсутствие таковых. Так, в одном из значений к глаголу *позеленеть* в словарной дефиниции приводится дискретное соответствие *покрываться чем-либо зеленым*, к глаголу *потеплеть* в переносном значении – последовательность *проникнуться теплым чувством*. Правда, в этих случаях возникает вопрос о коммуникативной мобильности подобных единиц. И если во втором примере при определенных условиях замена глагола словосочетанием возможна [ср.: Его чувства к нему заметно *потеплели*. Он *проникся* к нему *теплым* (отеческим) *чувством*], то в первом дополнительный комплекс *чем-либо* не позволяет в условиях текста заменить глагол. Неслучайно в тексте дефиниции сразу же приводится оттенок значения (покрыться травой, листвой), представляющий собой лексически конкретизирован-

ные словосочетания с именами существительными и содержательно иные неполные номинативные ряды. Ряд же значений у глаголов с префиксом *по-* вообще не может быть представлен развернутой конструкцией в деривационной функции. Так, целому ряду глаголов (*потемнеть, потеплеть, похолодеть* и др.) в одном из значений приводятся дефиниции типа «о наступлении темноты, сумерек», «о наступлении теплой погоды», «о наступлении холодной погоды», которые, естественно, не содержат в своем составе каких-либо деривационных сочетаний.

Гипонимические корреляции в лексике, характеризующие родо-видовые отношения между словами, также могут найти свое «продолжение» и в составе более сложных, деривационно связанных групп единиц различной структуры. Так, в небольшой микрогруппе глаголов со значением ‘исполнить что-нибудь’ (*спеть, сыграть, сплясать, станцевать*) отмечаются словосочетания с глаголом *исполнить* в деривационной функции. Ср.: *сплясать – исполнить пляску, станцевать – исполнить какой-либо танец*. При столь мизерном количестве самих глаголов может «высветиться» большая, чем кажется на первый взгляд, роль словосочетаний в деривационной функции. И связано это может быть со спецификой самого имени. Так, имя *танец* представляет собой родовое понятие, видовыми по отношению к которому являются различные названия танцев: *танго, фокстрот, румба, полька* и др. Естественно, что границы собственно аналитического представления действия существенно расширяются. Ср.: *свальсировать – исполнить вальс*, но *исполнить румбу – ∅, исполнить танго (фокстрот, польку) – ∅*. Даже единичные, редкие случаи не должны остаться без внимания, поскольку характеризуют те или иные нереализованные возможности словообразовательного синтеза.

К примеру, словосочетания с глаголом *сказать* не приводятся в качестве примеров устойчивых глагольно-именных словосочетаний, и это понятно. Тем не менее, если не со статусом собственно деривационных, то лексически конкретизированных словосочетаний в деривационной функции они должны быть учтены, поскольку образуют достаточно регулярные коммуникативные соответствия глаголам речи. Так, подавляющему большинству глаголов указанного семантического класса (например: *соврать, солгать, сбрехать, сострить, съязвить, сдерзить, сгрубить, сбалагурить, скаламбурить, съябедничать, съехидничать, соткровенничать, снасмешничать*) соответствуют словосочетания в деривационной функции с глаголом *сказать*. Ср.: *сдерзить – сказать дерзость, сгрубить – сказать грубость, скаламбурить – сказать каламбур*. Другое дело, что далеко не все дискретные соответствия с глаголом *сказать* являются деривационно родственными данным глаголам. Об этом красноречиво свидетельствуют дефиниции следующих глаголов: *соврать* ‘сказать неправду’, *сбрехать* ‘сказать ложь, неправду’, *сбалагурить* ‘сказать что-либо забавное, шутовское’. Правда, становятся очевидными в этой связи деривационный статус словосочетаний *сказать ложь* (ср. *солгать*) и *сказать неправду – ∅* (равно как и *сказать правду – ∅*), а также возможное «направление» развертывания соответствующих неполных номинативных рядов.

Целому ряду глаголов соответствуют более сложные, трехкомпонентные словосочетания. Например: *съязвить – сказать что-либо язвительное, съехидничать – сказать что-либо ехидное, снасмешничать – сказать что-либо насмешливое*.

Учитывая тот факт, что ряд имен сами представляют известное «сжатие» более сложных и развернутых номинаций (ср. *что-либо глупое – глупость*), то естественно признать наличие деривационной функции и у этих трехкомпонентных словосочетаний – коммуникативных эквивалентов глаголам речи. Ср.: *сгрубить – сказать грубость (что-либо грубое)*. С той лишь существенной разницей, что у многих именных дискретных структур также может не быть однословных синтетических имен. Ср.: *что-либо глупое – глупость, что-либо язвительное – ∅, что-либо ехидное – ∅*. Поле «анализиума», представленное системой неполных номинативных рядов, существенно расширяется, если увидеть, что деривационно неродственные дискретные соответствия ряду глаголов также представляют собой по сути аналитические структуры лексико-деривационного типа. Ср.: *сострить и сказать что-либо остроумное – ∅* (правда, ср. *сказать какую-либо остроумно*), *сбалагурить и сказать что-либо шутливое – ∅* (ср. также *пошутить – сказать шутку*), *сказать что-либо забавное – ∅*.

Как известно, на основе родо-видовых корреляций можно строить *эндоцентрические ряды*, в которых каждое следующее слово ряда представляет собой *гипоним* по отношению к предыдущему слову и *гипероним* по отношению к последующему. При этом, как уже было продемонстрировано выше, если гипероним, как правило, получает «проекцию» в глагол (*танец → танцевать, пляска → плясать*), то далеко не все согипонимы способны обозначить действие посредством обычной аффиксации [*исполнить румбу – ∅, исполнить танго (фокстрот, польку) – ∅*].

Однако возможны и более сложные случаи отражения собственно лексических свойств в процессе создания новых единиц. Именная семантика по-разному может транспонироваться в другие классы слов. Если, для примера, взять названия музыкальных инструментов (*барабан, труба, скрипка, гитара, флейта, колокол, пианино*), то любопытно сравнить их деривационный потенциал:

1. *барабан* – а) *барабаничик*; б) *барабанить*; в) *барабанный бой*; г) *бой барабана*;
2. *труба* – а) *трубач*; б) *трубить*; в) *трубный (звук)*; г) *звук трубы*;
3. *скрипка* – а) *скрипач*; б) ∅, *играть на скрипке*; в) *скрипичный (мастер, ключ)*; г) *мастер по изготовлению скрипок*;
4. *гитара* – а) *гитарист*; б) ∅, *играть на гитаре*; в) ∅; г) *звук гитары (*гитарный)*;
5. *флейта* – а) *флейтист*; б) ∅, *играть на флейте*; в) ∅; г) *звук флейты*;
6. *колокол* – а) ∅, *тот, кто бьет в колокол*; б) ∅, *бить в колокол*; в) *колокольный (звон)*; г) *звон колокола*;
7. *пианино* – а) *пианист*; б) ∅, *играть на пианино*; в) ∅; г) *звуки пианино*.

Практически все имена существительные, обозначающие музыкальные инструменты, образуют суффиксальные названия лиц. Лишь отсутствует наименование того, *кто бьет в колокол(а)*. Для обозначения действия музыканта из приведенных семи слов лишь два имеют аффиксно образованные глаголы (*барабанить, трубить*), в остальных же случаях есть только один способ – транспозиция в глагол посредством словосочетания с выступающим в этом случае в деривационной функции глаголом *играть*. Ср.: ∅, *играть на скрипке*; ∅, *играть на гитаре*; ∅, *играть на флейте*; ∅, *играть на пианино*. Лишь для слова *колокол* имеется более конкретное и весьма специфическое словосочетание – *бить в колокол*.

Бедны и средства собственно словообразования для «перевода» данных имен существительных в имена прилагательные. Причем и возникающие здесь значения довольно специфичны и безусловно «избирательны»: *барабанный бой*, *трубный звук*, *скрипичный мастер (ключ)*, *колокольный звон*. И лишь посредством транспозиции падежной формы существительного можно передать следующие «прилагательные» значения: Ø, *звук гитары (*гитарный)*; Ø, *звук флейты*; Ø, *звуки пианино*. К слову сказать, и само родовое понятие (музыкальные инструменты) в силу своей дискретной структуры не может иметь однословного обозначения действия. Ср.: Ø, *играть на музыкальных инструментах*.

Лексико-деривационный анализ как явление может оказаться следствием не только учитываемой по традиции сочетаемости/несочетаемости словообразовательного аффикса и производящей основы, но и результатом взаимодействия семантики данного аффикса и *другого слова* (слов), или единиц, образующих *парадигму слов*, имеющих прямое отношение к данной *деривационной функции* (ср. понятие *лексической функции* у Ю. Д. Апресяна). Как известно, «под лексической функцией (ЛФ) понимается функция, ставящая в соответствие данному слову или словосочетанию X другое слово или словосочетание Y, определенным образом связанное с X-ом по смыслу» (Апресян 1995, с. 43). Ю. Д. Апресян выделяет два типа лексических функций: *лексические замены* и *лексические параметры*. «Лексические замены – это функции, ставящие в соответствие данному слову X такое слово Y, лексическое значение которого (в переводе на семантический язык) совпадает, целиком или частично, с лексическим значением X-а (семантическая связь на парадигматической оси языка)». Причем, «лексические замены суть средства равнозначного перифразирования, т. е. средства лексической синонимии в широком смысле слова. К их числу относятся собственно синонимы, конверсивы и чисто синтаксические дериваты, т. е. производные другой части речи, полностью сохраняющие лексическое значение исходного слова» (Апресян 1995, с. 43). Причем автор обращает внимание на то, что «производность типа X₀(Y) можно усмотреть в любой паре слов, которые принадлежат разным частям речи и имеют одинаковый перевод на семантический язык. При этом совершенно неважно, содержат ли они один и тот же корень или нет» (выделено мною. – А. Н.; Апресян 1995, с. 43). Однако для словообразования принципиально важным является ограничение, при котором *деривационные замены* строятся на основе учета *родственных по корню слов и словосочетаний*.

Так, глагол *дерзить*, судя по словарной дефиниции, может быть эксплицирован лексически конкретизированным словосочетанием *говорить дерзости*, однако совершенно ясно, что *дерзить* – это и *быть дерзким*, и *вести себя дерзко*, и *проявлять дерзость*. В составе единого номинативного ряда различные словосочетания, безусловно сохраняя свои особенности, способны синонимизироваться. Но если говорить о *номинативных рядах* как о *системе*, то она строится через целый комплекс кардинальных для глагола семантических и грамматических оппозиций. Так, глаголу *дерзить* хорошо известным грамматическим «оппонентом» является глагол *дерзнуть*, также входящий в состав многокомпонентного номинативного ряда, с необходимой модификацией по виду соответствующих деривационных сочетаний (*повести себя дерзко, проявить дерзость*). А регулярная для глаголов-отадъективов

оппозиция «каузатив» – «инхоатив» в данном случае представлена лишь аналитически, деривационными сочетаниями в составе неполных номинативных рядов. Ср.: *Ø, делать дерзким – Ø, становится дерзким*. Любопытно, что в собственно аффиксальное поле глагола *дерзить* входят лишь два глагола: *надерзить* и *сдерзить* [по данным «Словообразовательного словаря» А. Н. Тихонова (1985, с. 154)], а среди устойчивых сочетаний в словаре В. М. Дерибаса указывается еще *иметь дерзость* (Дерибас 1975, с. 180). Вывод, который можно сделать, состоит в том, что система центральных для производных глаголов-отадъективов значений и организуемая посредством их противопоставления группа тесно взаимосвязанных оппозиций может быть реализована посредством *сложных деривационных структур синтетико-аналитического типа*, а в ряде случаев – лишь аналитически. Причем возможны самые различные случаи и схемы реализации важнейших деривационных линий глагольного пространства отадъективов. Так, к примеру, глагол *пустовать* эксплицируется аналитической номемой *быть пустым*. Данный номинативный ряд «бытия» противопоставлен номинативному ряду «становления» *пустеть – становится пустым* и номинативному ряду с каузативной семантикой, который представлен лишь аналитической составляющей: *Ø, делать пустым*.

Система деривационных отношений и средства ее выражения демонстрируют *более глубокое взаимодействие* синтетизма и аналитизма, грамматики, лексики и словообразования, ведущую роль в котором (взаимодействии) играют дифференцирующие и интегрирующие возможности различных типов словосочетаний.

Хотя словосочетание, в отличие от производного слова, представляет собой структуру расчлененную, оно также есть *синтез компонентов*. И подобно тому, как может по каким-то причинам отсутствовать производное слово, *может оказаться незавершенным процесс синтеза словосочетания* как структуры, деривационно связанной с соответствующим глаголом. К примеру, глаголу *замостить* соответствуют словосочетания *покрыть камнем, покрыть брусчаткой*. Но они лишь имплицитно представляют семантику глагола *замостить*. Фактически деривационно родственного ему словосочетания нет, равно как нет и деривационно родственных глаголов приведенным выше словосочетаниям. Другими словами, данный участок глагольного номинативного пространства представлен системой неполных номинативных рядов, характеризующих два полярных арсенала номинативных средств – аффиксацию и аналитизм. Ср.: *замостить – Ø, Ø – покрыть камнем, Ø – покрыть брусчаткой*.

Наиболее яркими примерами незавершенности процесса синтеза словосочетания являются случаи *неконкретизированного*, «размытого» представления объекта действия. Ср.: *замазать* ‘покрыть слоем красящего вещества’. Глагол *замазать*, в отличие от глаголов типа *заасфальтировать, забетонировать*, «по образованию» не имеет поддержки со стороны имени. Деривационная связь с существительным *мазь* лишь генетическая и явно недостаточная, чтобы глаголы *мазать, замазать* получили «продолжение» в таком деривационном объединении как номинативный ряд. Отсутствуют такие словосочетания с именами *мазь, замазка*, которые бы дискретно представили семантику глагола *замазать*, и, что самое существенное, при этом обнаружили бы деривационную связь с ним. «Слой красящего вещества» – необходимое отвлечение от конкретных веществ. «Замазать» можно и глиной, и чем угодно,

но все эти «объекты» в сочетании с глаголом *покрыть* не являются родственными глаголу *замазать*, а также не соответствуют уровню деривационного обобщения, необходимого в данном случае для отражения семантики этого глагола.

Производные слова есть неотъемлемая часть лексической системы. Связи и отношения производных единиц со своими производящими, с единицами смежных уровней, безусловно, находят свое отражение и в парадигматических подсистемах лексики. Отношения синонимии, антонимии, конверсивности как проявления лексической системы языка получают свое «подтверждение» и «продолжение» во взаимоотношениях единиц смежных уровней – производных слов и словосочетаний с деривационно родственным компонентом.

Литература

- АПРЕСЯН, Юрий Д.: Лексическая семантика (Синонимические средства языка). 2-ое, дополненное изд. In: АПРЕСЯН, Юрий Д.: Избранные труды. Т. 1. Москва: Языки русской культуры 1995.
- ДЕРИБАС, Василий М.: Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Москва: Русский язык 1975.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Типы языковых значений: Семантика производного слова. Москва: Наука 1981.
- НИКИТЕВИЧ, Алексей В.: Производное слово и словосочетание: взаимодействие дериватов с общим корнем. In: Проблемы тэоры і гісторыі славянскага словаўтварэння. Доклады Шостай Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь, 2–6 сакавіка 2003 г. Мінск 2004, с. 166–175.
- САХАРНЫЙ, Леонид В.: Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование производного слова в русском языке). Автореферат диссертации на соискание научной степени доктора филологических наук. Ленинград 1980.
- ТИХОНОВ, Александр Н.: Словообразовательный словарь русского языка в 2-х томах. Москва: Русский язык 1985.

д. ф. н. Алексей В. Никитевич

Гродненский госуниверситет, Кафедра русского языка, Ул. Ожешко 22, 230023 Гродно, Беларусь

e-mail: anikit@grsu.grodno.by

Мотивационное отношение

Бранко Тошович

1. При подготовке данной темы мы столкнулись с проблемой, можно ли объяснить мотивационное отношение (МО), не объяснив более широкое понятие – деривационное отношение (ДО). Мы поняли, что это является трудным и что целесообразнее пойти от более широкого к более узкому, т. е. рассмотреть МО в рамках ДО. Но оказалось, что и ДО нельзя всесторонне, полностью и комплексно осмыслить, если его не соотнести с другими языковыми отношениями, в первую очередь с лексическим, морфологическими и синтаксическими. Так как этот анализ превосходит рамки настоящей работы, мы текст сократили и разделили на три части: в первой даются предварительные наблюдения и размышления о месте ДО в системе языковых отношений, во второй определяется и толкуется его структура, а в третьей рассматривается МО. Корпусом для исследования послужили: 1. лингвистические словари и энциклопедии, 2. словари словообразовательных терминов, в первую очередь «Основные понятия словообразования в терминах» (Немченко 1985), 3. ГАН 1980/1, 4. книги по словообразованию, в частности Улуханов 1975, 1977, Янко-Триницкая 2001, Немченко 1984, 1985, Fleischer – Barz 1995, 5. сборники с конференций Комиссии по словообразованию (Ohnheiser 1987; Słowotwórstwo... 2000; Проблемы... 2004), 6. отдельные статьи. Кроме того, в течение работы этой конференции мы следили за тем, насколько ДО и МО представлены в выступлениях. Оказалось, что эти слова не так часто звучали в зале, тем более не были теоретически затронуты и рассмотрены. Но некоторые доклады оказались ближе к данной теме, например, выступление И. С. Улуханова (взаимодействие мотивированного слова с другим), Е. С. Кубряковой (метонимическое отношение), М. Соколовой [отношение морфемной и деривационной структур, гармоничные и дисгармоничные (асимметричные) отношения], З. А. Харитончик (отношение между интенциональной и импликационной мотивированностью), В. А. Никитевича (взаимодействие единиц разных уровней, отношение синонимии и антонимии), А. Нагурко [МО в кальках (отношение калькирования)], А. Лукашанца (МО в заимствованиях), О. П. Ермаковой (коннотация как мотивация). В общем, проблема ДО и МО затрагивалась и рассматривалась по-разному, в результате чего получились и различные доклады, соответствующие следующим «типам»: 1. доклад-молот (который делает сильный удар), 2. доклад-ножницы (который критически относится к рассматриваемому вопросу), 3. доклад-сгущенка (который превращает тему в концентрат), 4. доклад – острый перец (в котором вопрос рассматривается имплицитно, и поэтому является каверзным, так как может ввести в заблуждение) и 5. доклад-лимонд (который рассматривает проблемы в разбавленном виде).

Толчком к данному анализу и подходу послужил тот факт, что мы пока не нашли ни одной отдельной статьи, посвященной ДО или МО как теоретической проблеме.

2. Что касается первого вопроса (ДО в кругу языковых отношений), приведем лишь некоторые факты и наблюдения. В книге «Корреляционный синтаксис» (Тошовић 2003) упоминается около 900 различных отношений, а, с другой стороны,

словарь основных словообразовательных понятий (Немченко 1985) дает 30 словарных статей об отдельных видах словообразовательных отношений. Это подсказывает вывод о том, что ДО является более простым, чем синтаксическое отношение. В пользу такого вывода выступает и то, что полное ДО, т. е. отношение полных деривационных единиц, имеет явно выраженный двухчленный, бинарный и однопольный характер ($A \rightarrow B$, т. е. мотивирующее слово \rightarrow мотивированное слово), в то время как полное синтаксическое отношение, т. е. отношение полных синтаксических единиц (словосочетаний и предложений), отличается многочленной структурой. Разница наблюдается и в частичных единицах: частичные деривационные единицы (форманты) образуют связанное, зависимое отношение с определенной последовательностью (приставка, корень, суффикс, интерфикс, окончание, постфикс), а частичные синтаксические единицы (члены предложения) создают более свободное отношение и последовательность. Но синтаксическое отношение является очень важным для описания ДО.¹ Подобные связи образуют ДО и морфологическое отношение. Одно из несопадений между ними состоит в том, что ДО сильно ограничивает взаимозаменяемость деривационных единиц (напр., префикса суффиксом), в то время как отношения словоформ это позволяют (меньше в падежной, а больше в глагольной системе). Лексические и словообразовательные отношения отличаются системностью почти одинакового характера и сходятся в обоюдной реализации одних и тех же явлений, например, многозначности в форме регулярной полисемии (*кураца* 1. животное, 2. мясо курицы). Следующее положение, точнее, предположение надо проверить на конкретном материале: ДО имеет менее выраженную системность, чем морфологическое и синтаксическое отношения. В пользу такого вывода выступает следующее высказывание: «Определенный языковой уровень (ярус) будет тем системнее, чем меньшее количество правил требуется для его полного описания и чем большее количество фактов охватывается каждым из правил [...] Известно, что связи в словообразовании менее стандартизованы, чем в грамматике. Еще Н. В. Крушевский так писал о степени системности словообразования: „Все то, что известно в грамматике под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении“» (Улуханов 1977, с. 14).

3. В словаре «Основные понятия словообразования» ДО определяется как 1. словообразовательное отношение («то же, что отношение словообразовательной производности между словами»), 2. отношение словообразовательной производности («формально-семантические взаимоотношения между определенными словами, одно из которых образовано от другого или представляется говорящим как образованное на базе последнего») – Немченко 1985, с. 75. Е. С. Кубрякова определяет словообразовательное отношение как отношение производного слова к производящему (Кубрякова 1972, с. 377). «...Деривационные отношения есть одновременное обязательное сочетание формальной производности и семантической мотивированности» (Кубрякова 1974, с. 196). «Словообразовательные отношения, представляя собой отношение производного слова к слову производящему, являются разновидностью междусловных отношений» (Кубрякова

¹ В частности существует деривация синтаксическая – изменение частеречной принадлежности (*белый снег* \rightarrow *белизна*).

1972, с. 377). В. В. Лопатин считает словообразовательное отношение формально-семантической связью: «Словообразовательные отношения (отношения словообразовательной мотивации) есть отношения формально-семантические [...]» (Лопатин 1977, с. 18). Г. П. Цыганенко дает такое толкование: «Словообразовательное отношение – это отношение семантической и материальной выводимости производного слова из производящего [...]» (Цыганенко 1978, с. 13). При определении ДО мы исходим из его общей структуры, представленной в схеме 1, а именно считаем, что речь идет о связи 1. как минимум двух словообразовательных сущностей (доминант) – словообразовательных форм, словообразовательных значений, словообразовательных категорий и словообразовательных функций, 2. в вертикальной (парадигматической) и горизонтальной (синтагматической) плоскостях, 3. языка и речи, 4. в гомогенных или гетерогенных формальных, семантических, категориальных и функциональных комбинациях, 5. создающих подчинительные и/или сочинительные, зависимые и/или независимые взаимодействия, 6. при использовании определенного приема (добавления, усечения, конверсии...) и способа образования (префиксации, суффиксации...). Короче говоря, деривационное отношение является такой связью, при которой деривационная единица_а соотносится с деривационной единицей_б в процессе образования нового слова.

Что касается структуры ДО (схема 1), оно выступает как формальное, функциональное, семантическое и категориальное. Деривационные формы, значения, функции и категории образуют общую систему словообразовательных отношений, которую мы назвали деривационным корреляционалом. В нем существуют совместимые связи, создающие деривационный категориал. Деривационный корреляционал отличается от словообразовательной системы тем, что она является совокупностью всех словообразовательных единиц языка и словообразовательных типов (Немченко 1985, с. 145), а деривационный корреляционал является совокупностью только отношений словообразовательных единиц.

В исследованиях наблюдается терминологическая пестрота, так как в значении ДО используются (полностью или почти в таком же значении) другие названия – отношение деривации, деривационная и словообразовательная связь, словообразовательное отношение, отношение производности [между словами], отношение словообразовательной (деривационной) производности между словами, отношение выводимости [одного слова из другого]², мотивационная связь [слов] и т. п. В теории словообразования используются, прежде всего, четыре термина, относящиеся к ДО: словообразовательное, деривационное, производное и мотивационное отношение. В то время как первые два обладают высокой совместимостью (и поэтому функционируют как синонимы), два последних отличаются тем, что 1. являются более узкими по отношению к предыдущим и 2. отличаются семантически: мотивированное отношение имеет более выраженный корреляционный характер, так как

² «Отношения выводимости [одного слова из другого]. То же, что отношения словообразовательной производности между словами. Отношения выводимости обуславливают объединение однокорневых слов в пары, в ряды родственных слов, в словообразовательные гнезда, отражающие иерархическую зависимость производных слов от исходного для них слова (по соответствующим линиям и ступеням родства). Все это свидетельствует о том, что словообразовательные отношения не статичны, а динамичны [...]» (Цыганенко 1978, с. 77). «Отношения выводимости одного слова из другого являются определяющими для уровня словообразования» (Цыганенко 1978, с. 77).

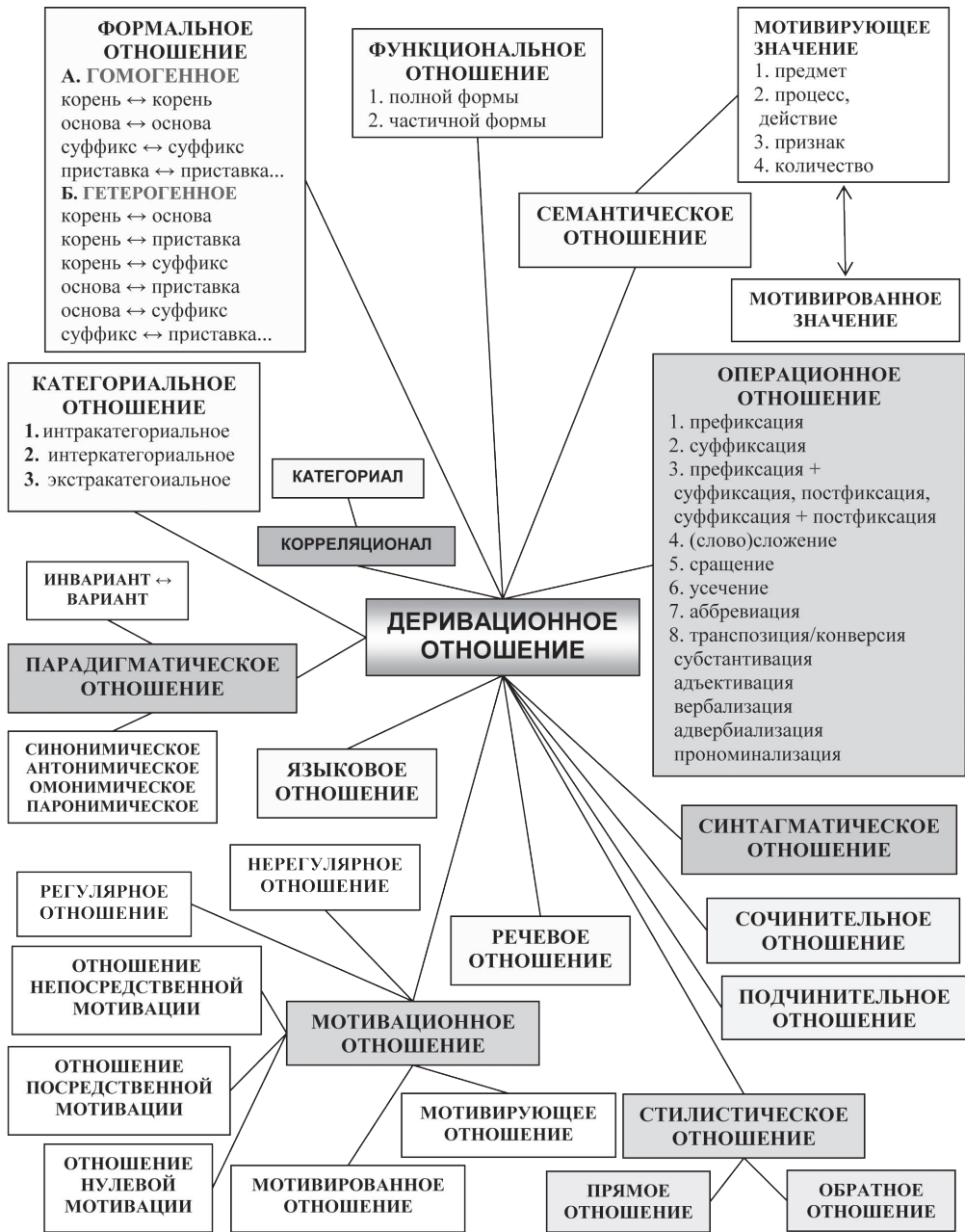

Схема 1

подразумевает причинно-следственную связь, а производное – процесс порождения, выводимости. Интересно, что Немченко (1985) толкует 46 типов производных слов и не приводит ни одного типа мотивационного слова (нет также типологии производящих слов, что как-то можно понять).

4. Деривационное отношение может выступать как парадигматическое и синтагматическое отношение. Парадигматическое деривационное отношение является нереализованной, потенциальной корреляцией, основанной на селекции и ассоциативной близости деривационных единиц. Оно проявляется в словообразовательной парадигме и в словообразовательном гнезде.³ Парадигматические отношения могут быть синонимического, антонимического, омонимического и паронимического типа. Синтагматическое деривационное отношение является реализованной линейной цепью, состоящей из корня и определенных формантов (приставки, корня, суффикса, инфикса, постфикса и т. п.). Оно выступает в форме словообразовательной цепочки.⁴ Существуют семантические ограничения сочетаемости формантов (системные и нормативные).

5. ДО связано с четырьмя языковыми доминантами – формой, значением, категорией и функцией; соответственно существуют формальные, семантические, категориальные и функциональные ДО.

6. Формальное ДО может быть полным и частичным. В полное ДО вступают два слова – исходное (мотивирующее) и производное (мотивационное). Из-за наличия обратной связи одно и то же слово может иметь двойную корреляцию, например, *работник* по отношению к *работать* является мотивированным, а по отношению к *работница* – мотивирующим.

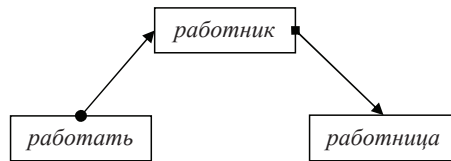

Схема 2

³ Во всех толкованиях словообразовательного гнезда стержнем считается отношение, в одном случае это отношение мотивации, в другом – отношение производности: 1. «Словообразовательное гнездо – это совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации. Вершиной (исходным словом) гнезда является немотивированное слово. Гнездо может быть определено и как совокупность словообразовательных цепочек, имеющих одно и то же исходное слово» (ГАН 1980, I, § 194). 2. «Словообразовательное гнездо – совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями словообразовательной производности [...]. Каждое слово в гнезде занимает предсудомательной системой языка и закрепленное в норме [...] место. Каждое слово вступает в словообразовательные отношения с одним или несколькими однокоренными словами... Отношения слов в С. г. несут упорядоченный характер [...]. В словообразовательных цепочках действует принцип иерархии, т. е. последовательного подчинения одних единиц другим [...]. Члены словообразовательной парадигмы находятся в отношении равнопроизводности» (Лопатин – Улуханов 1997, с. 503–505).

⁴ Словообразовательная цепочка определяется корреляционно – как отношение последовательной мотивированности: 1. «Словообразовательная цепочка – это ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированности. Начальным, исходным звеном цепочки является немотивированное слово. Чем дальше от исходного слова цепочки какое-нибудь входящее в нее мотивированное слово, тем выше ступень его мотивированности. Например, *устарелость* – слово IV ступени мотивированности: оно входит в цепочку: *старый* → *ста^aреть* → *уста^aреть* → *устар^{III}елый* → *уста^{IV}релость*» (ГАН 1980, I, § 193). 2. «Ряд однокоренных слов, находящихся в отношении последовательной мотивированности, представляет собой словообразовательную цепочку, напр.: *учить* → *учитель* → *учительница*. Исходное слово цепочки – немотивированное; каждое последующее слово отличается от предшествующего только одним формантом» (Лопатин – Улуханов 1997, с. 501).

Существуют два типа полных ДО (МО) – мотивирующее и мотивированное. В мотивирующем отношении на первый план выступает исходное слово (мотивирующее слово), в мотивационном – производное (мотивационное слово).

Частичное ДО образуют сегментарные словообразовательные единицы. Оно может быть гомогенным (отношение одних и тех же единиц, напр., корень ↔ корень, основа ↔ основа, приставка ↔ приставка, суффикс ↔ суффикс и т. д.) и гетерогенным (напр., корень ↔ основа, корень ↔ приставка, корень ↔ суффикс, основа ↔ приставка, основа ↔ суффикс, приставка ↔ окончание и т. п.). Гомогенное ДО выступает в форме сочинительных (равноправных) и подчинительных (неравноправных) отношений. Сочинительное отношение образуют равноправные основы (*юго-восток*, *железобетон*), подчинительное – неравноправные основы, т. е. одна из них имеет уточняющий, конкретизирующий характер (*пожароопасный*, *круглогодной*). На формальном уровне выделяются регулярные и нерегулярные соотношения основ. «Словообразовательная регулярность – это повторяемость формальных и семантических отношений словообразовательно соотносительных слов. Например, *влажный* так относится к *влажность*, как *прочный* к *прочность*, *седой* к *седеть*. Формальная и семантическая регулярность является тем свойством, которое определяет словообразовательный тип» (ГАН 1980, I, § 199). Нерегулярное соотношение основ образуют: 1. имена существительные (*судно – суда*), 2. глагол и существительное (*любить – любовь*), 3. прилагательное и существительное (*негодный – негодяй*), 4. прилагательное и глагол (*трезвый – трезветь*).

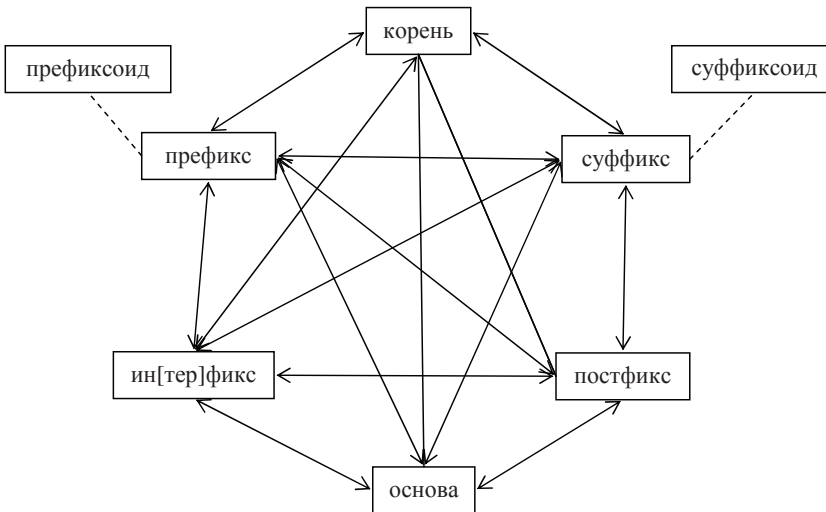

Схема 3

В ДО вступают различные сегменты слова и образуют количественно различные связи – двухчленные: корень ↔ основа, приставка ↔ корень, корень ↔ суффикс, основа ↔ приставка, основа ↔ суффикс, приставка ↔ суффикс, суффикс ↔ инфикс, суффикс ↔ постфикс; трехчленные: приставка ↔ корень ↔ суффикс, приставка

↔ основа ↔ суффикс, приставка ↔ суффикс ↔ инфикс, приставка ↔ суффикс ↔ постфикс; четырехчленные: приставка ↔ корень ↔ суффикс ↔ инфикс, приставка ↔ корень ↔ суффикс ↔ постфикс; пятичленные: приставка ↔ корень ↔ суффикс ↔ инфикс ↔ постфикс и т. д. Если надо выделять самое типичное, самое важное, центральное ДО на уровне числа коррелятов, то мы бы выбрали четырехчленную корреляцию корня, основы, приставки и суффикса.

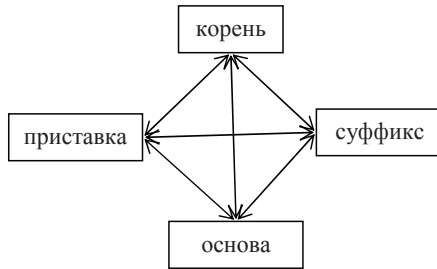

Схема 4

На парадигматическом уровне отсутствует зависимость между корнем, приставкой и суффиксом, в то время как в синтагматической цепи приставка и суффикс не могут быть без корня. Кроме того, корень является во всех лексемах облигаторным (нет слов без корня).⁵ Приставка и суффикс зависят от корня, но зато приставка по отношению к суффиксу (и наоборот) образует независимое отношение (наличие одного не предполагает наличия другого). В корреляции корень ↔ основа важным является тот факт, что основа выражает категориальную отнесенность к одной из полнозначных частей речи (что иногда и формально выражается при помощи словообразующего элемента – тематической гласной или согласной). Корень и основа могут совпадать (в случаях простых основ, имеющих только одно составляющее – корень) или отличаться (в случаях комплексных основ, имеющих более одного составляющего). Корень порождает два вида отношений – независимое и зависимое. Независимое отношение лежит в основе т. наз. свободного корня (автономного слова без сопровождающих аффиксов), совпадающего с непроизводной основой, напр., *стол, дом, кофе, здесь, около* (так называемые корневые слова). Зависимое отношение появляется в связанном корне (когда корень существует только в сочетании с аффиксами, он принудительно связан со словообразующими аффиксами и употребляется только в сочетании с приставками и/или суффиксами; таких слов довольно много, напр. *гот-ов-; до-бав-и-ть, при-слон-ить, тур-ист*).⁶ В корреляции приставка ↔ корень основная отличительная черта в том, что приставка всегда находится в препозиции по отношению к корню. В некоторых языках бывают и другие случаи, например, в немецком существуют приставки, которые отде-

⁵ Единственным исключением А. Н. Тихонов считает глагол *вынуть*, в котором выделяется префикс *вы-*, суффикс *-ну-* и суффикс инфинитива *-ть* (Тихонов 1997, с. 203). Р. С. Манучарян считает, что корень слова может быть нулевым («пустым, опустошенным, десемантизированным»), например, в словах *вынуть, предок, переборщить, отбояриться* (Манучарян 2004).

⁶ Иногда вместо *связанный корень* говорится о *связанной основе*.

ляются от корня и используются в постпозиции, ср. *Rufen Sie mich bitte an* (буквально *Звоните* мне, пожалуйста, *по*). Что касается основ, они могут быть 1. мотивированными (значение можно объяснить с помощью основы однокоренного слова, напр., *садик*), 2. немотивированными (такое объяснение является невозможным – *вода*) и 3. мотивирующими (производящими) – часть мотивированной основы, которая является общей с основой мотивирующего слова (напр., в *лесок* – мотивирующей основой является *лес-*).⁷

7. Семантическое ДО образуют значения полных деривационных форм (мотивированного и мотивирующего слова) и/или частичных деривационных форм (формантов). Что касается первого, в зависимости от значения мотивированного и мотивирующего слов мотивационные отношения могут быть тождественными и нетождественными. Тождество возникает тогда, когда мотивированное и мотивирующее слово во всех словах или в подавляющем большинстве слов семантически одинаковы. Основной корреляцией на семантическом уровне является отношение «мотивирующее (исходное) значение ↔ мотивированное (новое) значение», т. е. семантическое соотношение мотивирующего и мотивированного слов, а именно мотивирующих (объединяемых) основ.⁸

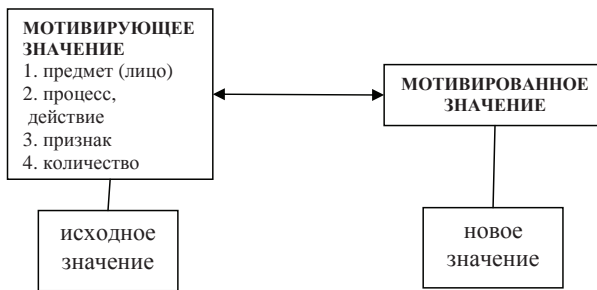

Схема 5

8. Категориальное ДО возникает в связи единиц одной и той же словообразовательной категории или различных категорий. Словообразовательная категория – это совокупность, которая в плане содержания обладает общим словообразовательным признаком, а в плане выражения словообразовательными средствами. В плане выражения любая словообразовательная категория должна иметь формальный словообразовательный показатель.⁹

⁷ См. ГАН 1980, I. В других подходах используются термины *непроизводная*, *производная* и *производящая основа* (1. непроизводная основа – основа, в составе которой не выделяется живых аффиксов, 2. производная основа – основа, образованная от другой основы, 3. производящая основа – основа, являющаяся источником дальнейшего словообразования и формообразования).

⁸ Более подробно об этом см. в разделе «Словообразование» ГАН 1980, I.

⁹ Понятие словообразовательной категории надо использовать в строгом терминологическом смысле, а именно как предельное общее понятие уровня других доминант в языке (формы, значения и функции) и не провозглашать категорией любые объединения любых единиц. Исходя из этого положения, нет смысла называть словообразовательной категорией то, что не является сугубо категориальным и преимущественно словообразовательным, точнее, не надо во что бы то ни стало искать и находить сло-

В словообразовательных категориях отсутствует отношение интердепенденции или взаимной зависимости (обязательности, облигаторности), так как одна словообразовательная категория не предполагает наличия другой и наоборот, т. е. словообразовательные категории не присутствуют вместе и могут существовать друг без друга. Также отношение детерминации (односторонней зависимости) для них не характерно (напр., категория уменьшительности не требует наличия категории увеличительности). Таким образом, для словообразовательных категорий характерно отношение констелляции или независимости.

Деривационное категориальное отношение может быть интракатегориальным (соотношение единиц одной и той же деривационной категории, напр., суффиксов субъективной оценки), интеркатегориальным (соотношение единиц различных деривационных категорий, напр., уменьшительных и увеличительных суффиксов) и экстракатегориальным (соотношение деривационных и недеривационных категорий, скажем, грамматических). Деривационные категории образуют широкую сеть отношений с другими категориями, среди которых в первый план выступают понятия, ономаσιологические, семантические и грамматические (морфологические и синтаксические). Некоторые из них являются явными или скрытыми, классифицирующими или словоизменительными.

9. Функциональное ДО является такой связью, при которой одна деривационная форма, относящаяся к определенной деривационной категории и обладающая определенным значением, используется в определенной деривационной функции.¹⁰ Так как функцию выполняет определенная форма, деривационная функция таксономически повторяет структуру деривационной формы. Поэтому здесь в первую очередь выделяется функция полной деривационной формы (мотивированного слова) и функция частичной деривационной формы (формантов). Функция полной деривационной формы исходит из назначения производного слова – передавать определенное значение. Функция частичной деривационной формы – выступать средством образования нового слова. Основным функциональным отношением в словообразовании

вообразовательные категории по образцу других уровней, прежде всего грамматического, на котором категории выделяются по строгим критериям, ведущим к выделению очень ограниченного количества (категория числа, рода, падежа, лица, склонения, залога и т. п.). Лучше отказаться от этого понятия, чем превращать его в выражение с стертой семантикой, тем более что в словообразовании существует целый ряд терминов, которые могут успешно и адекватно выразить то, что обозначается словообразовательной категорией (имеем в виду, в первую очередь, словообразовательный тип, словообразовательное поле, словообразовательную группу и словообразовательный разряд). Некатегориальное использование словообразовательной категории приводит к неблагоприятному результату – выделению огромного количества таксономических единиц. Если строго придерживаться критериев, по которым определяется словообразовательная категория, только некоторые из упоминаемых в литературе можно отнести к категориальной системе. На наш взгляд, бесспорными словообразовательными категориями являются категория субъективной оценки, а также категория увеличительности и категория уменьшительности. Категорию собирательности, которую А. М. Пешковский называет «чистой словообразовательной категорией», более оправдано считать морфо-деривационной, чем словообразовательной. Если под категорией подразумевать общие свойства, признаки, то также можно назвать словообразовательными категориями усиленность (интенсивность), ослабленность, неполноту качества. Названия типа *nomen actionis*, *nomen agentis* не выполняют условия для их включения в словообразовательные категории.

¹⁰ Проблема деривационной функции не рассматривалась так широко в теории словообразования, как вопрос деривационного значения и деривационной категории.

является объединение этих двух функций и их реализация. Конкретными являются, скажем, вопросы, как соотносится функция приставки с функцией суффикса. Так, **аффикс** является частичной деривационной формой (служебной морфемой, т. е. частью слова; все морфемы за исключением корня), с деривационным значением (носят изменения в значении или же его нюансируют) и функцией [используется для видоизменения лексического или грамматического значения корня (основы) или для выражения отношения между словами в словосочетании и предложении]. Функционально они могут быть 1. словообразовательными (словообразующими), используемыми для образования новых слов (*старость*), 2. формообразующими, служащими для создания форм слов (*прочитать, быстрее*), 3. словоформообразующими, совмещающими в себе функции словообразования и формообразования – *переписать* (приставка, меняющая лексическое и грамматическое значение основы), *книжечка* (суффикс, выражающий реальную уменьшительность и эмоциональную оценку).

10. На процессуальном уровне основным видом ДО является МО, т. е. ДО представляет собой более широкое понятие, чем МО, по следующим соображениям. 1. ДО может быть и немотивированным (ср. *домик* – *домовой*), но любое МО является деривационным (поэтому говорится о нулевом МО). В докладе на этой конференции И. С. Улуханов показал, что в некоторых лексико-семантических группах больше немотивированных слов, чем мотивированных (напр., 60 % у растений, 57 % у животных). Он раньше писал: «...далеко не все отношения между членами гнезда являются отношением словообразовательной мотивации» (Улуханов 1977, с. 6). Или: «Отношения между однокоренными словами, каждое из которых имеет как общие с другим словом, так и различные компоненты значения („пересечение значений“), не являются, согласно нашему определению, отношением мотивации. Так, слова *домик* („маленький дом“) и *домище* („большой дом“) не находятся в отношении мотивации, поскольку каждое из них имеет компоненты значения („большой“, „маленький“), отсутствующие в другом слове» (Улуханов 1977, с. 7–8). Неслучайно то, что на базе различных отношений выделяются две особые области исследования – дериватология и мотиватология. 2. МО является процессуальным отношением, в то время как доминантой ДО может быть не только процесс, но и множество, пространство, операция, исходный или конечный пункт, результат и т. п. 3. ДО является уровневым отношением первой степени и соотносится с другими языковыми отношениями такой же степени (лексическими, морфологическими, синтаксическими и т. д.), а МО – уровневым отношением второй степени, которое соотносится с такими же лексическими, морфологическими и синтаксическими отношениями (напр., синтаксическим отношением координации и субординации или морфологическим облигаторным отношением типа *девушка с черными глазами*). 4. МО является, как правило, однонаправленным бинарным отношением (А → Б), в то время как ДО часто бывает многочленным и разнонаправленным. 5. МО существует в рамках одного языка, поэтому оно не затрагивает контрастивный уровень, где ДО не теряет своей силы и значения. Однако некоторые ставят знак равенства между ДО и МО, сводят их к отношению формально-семантическому (напр., Лопатин 1977, с. 18).

МО или отношение мотивации (ОМ) определяется по-разному. 1. «Из двух соотносящихся друг с другом слов, имеющих общий корень, одно является более про-

стым, первичным, а другое – более сложным, вторичным. Отношения между этими словами есть отношения мотивации» (ГАН 1970, с. 37). 2. МО – это а) отношение синхронической словообразовательной производности между словами (Немченко 1984, с. 202), б) отношение словообразовательной производности между словами (Немченко 1985, с. 56). 3. «Отношение мотивации устанавливается между двумя однокоренными словами, одно из которых синхронически является с формальной и семантической точек зрения первичным, мотивирующим, а другое – вторичным, мотивированным, выводимым из него» (Лопатин – Улуханов 1997, с. 500). 4. «Слова делятся на мотивированные и немотивированные, или простые. Из двух соотносящихся друг с другом слов, имеющих общий корень, одно является более простым, первичным, а другое – более сложным, вторичным. Отношения между этими словами есть отношения мотивации: одно из них – более простое, первичное – выступает как мотивирующее, а другое – как мотивированное» (ГАН 1970, с. 37). 5. «В словообразовательных рядах *учить* – *учитель*, *комсомолец* – *комсомолка*, *синий* *синь*, *ходить* – *ходьба*, *смелый* – *смело* одно (первое) слово является более простым, первичным, а другое (второе) – более сложным, вторичным. Отношения между этими словами есть отношения мотивации: слова *учить*, *комсомолец*, *синий*, *ходить*, *смелый* выступают как мотивирующие, а слова *учитель*, *комсомолка*, *синь*, *ходьба*, *смело* – как мотивированные» (Молочко и др. 1978, с. 61, 62). Таким образом, стержневым элементом деривационного отношения является мотивация.¹¹

Синтагматически МО является необратимым отношением, которое происходит слева направо. Парадигматически оно является обратимым.

Схема 6

11. В основе МО находится мотивация, которая является центральным понятием в теории словообразования (Лопатин – Улуханов 1997, с. 500).¹² Словообразовательная мотивация представляет собой сугубо корреляционное понятие, так как она подразумевает отношение между двумя однокоренными словами, в котором значение (кроме значения части речи) одного слова тождественно значению другого, т. е. значение одного слова определяется через значение другого. В толковании этого понятия невозможно обойтись без ее корреляционного компонента, т. е. мотивация всегда является видом отношения. Поэтому почти во всех подходах она считается отношением, чаще всего формально-семантическим: – 1. «Словообразовательная мотивация – это отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из

¹¹ Некоторые используют термин отношение мотивированности (ГАН 1980).

¹² И в ГАН 1980 мотивация является центральным понятием. К основным понятиям теории словообразования Е. С. Кубрякова относит два понятия, которые используются почти всегда как синонимы: мотивация и производность (Кубрякова 1990, с. 467). Мы также считаем, что их надо различать. К сожалению, в последнее время во многих словообразовательных работах механически заменяется более старое понятие (производность) более новым и модным (мотивированность).

которых либо а) определяется через значение другого (*дом* – *домик* ‘маленький дом’, *победить* – *победитель* ‘тот, кто победил’), либо б) тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи (*бежать* – *бег*, *белый* – *белизна*, *быстрый* – *быстро*)» (ГАН 1980, I, § 191); – 2. «Формально-семантические, словообразовательные отношения синхронически производного слова с его производящим; то же, что словообразовательная производность слова синхроническая (синхронная)» (Немченко 1985, с. 57); – 3. «Словообразовательная мотивация (в дальнейшем – просто мотивация) – это отношение между двумя словами, обладающими следующими признаками: 1. оба слова имеют один и тот же корень; 2. значение одного из слов или полностью входит в значение другого (*дом* – *домик* „маленький дом“; *победить* – *победитель* – „тот, кто победил“), или тождественно лексическому значению другого, но либо синтаксические позиции этих слов различны (сюда относятся пары типа *бежать* – *бег*, *белый* *белизна*, *быстрый* – *быстро*, образуемые словами разных частей речи; второй член этих пар представляет собой, по Е. Куриловичу, синтаксический дериват), либо эти слова различаются стилистически (при тождестве синтаксических позиций): *книга* – *книжка*, *книженция*; *вор* – *ворюга*, *комната* – *комнатуха*, *колени* – *коленка*, *столовая* – *столовка*, *Ваня* – *Ванюха* и т. п.» (Улуханов 1977, с. 7)¹³; – 4. «Отношения (семантические и формальные) между мотивированным (производным) словом и мотивирующим (производящим) называются мотивацией (производностью)» (Молочко и др. 1978, с. 5). – 5. «Понятие деривационного шага является динамическим осмыслением словообразовательных отношений, т. е. отношений производящего и производного» (Соболева 1972, с. 13). – 6. Мотивация обозначает семантическую обусловленность значения производного и сложного слов значениями их составляющих (Кубрякова 1990, с. 467).

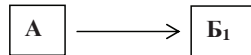
12. МО порождает словообразовательную цепочку – ряд однокоренных слов в отношениях последовательной мотивированности. В этом плане выделяются три типа мотивационной корреляции – отношение непосредственной мотивации, отношение опосредованной мотивации и отношение нулевой мотивации (ГАН 1980, I, § 196). Отношение непосредственной мотивации возникает в случаях, когда одно слово отличается от другого одним формантом (*крахмалить* ↔ *накрахмалить*). Отношение опосредованной мотивации появляется, если одно слово отличается от другого совокупностью формантов (*крахмал* ↔ *накрахмалить*). Отношение нулевой мотивации выступает в однокоренных словах, лишенных непосредственной или опосредованной мотивации (*водичка* ↔ *водица*).

13. Что касается структуры МО, мы выделяем два его основных вида – мотивирующее и мотивированное отношение. Разница между ними состоит в том, что исходным членом мотивирующего отношения является мотивирующее слово (*дом* → *домик*), а исходным членом мотивированного отношения – мотивированное слово (*домик* ← *дом*).

¹³ И. С. Улуханов продолжает: «В случае многозначности слов отношения мотивации устанавливаются, естественно, между их отдельными значениями, например, *праветь* – „становиться правым (политически реакционным)“». Как видим, отношения мотивации устанавливаются между членами одного и того же словообразовательного гнезда – совокупности слов с тождественным корнем».

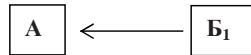
14. Если исходить из положения «сколько типов мотиваций, столько и типов МО», то в каждой таксономии число типов будет различным, напр., В. Н. Немченко упоминает 13 видов мотивации: взаимная, двойственная, единственная, исходная, множественная, неединственная, неисходная, непосредственная, нерегулярная, однонаправленная, опосредствованная (опосредованная), регулярная, словообразовательная (Немченко 1985, с. 57–59), соответственно должно быть и 13 видов МО. Но нам кажется, что МО укладывается в небольшое число структурных моделей. На данном этапе исследования мы выделяем шесть таких схем.

Первая модель¹⁴

представляет (1) отношение непосредственной мотивации и отношение первичной производности, в котором **А** и **Б** отличаются одним формантом или равным количеством формантов (*стол* → *столик*, *писать* → *написать*), (2) отношение опосредованной мотивации, в котором **А** и **Б** отличаются совокупностью формантов: *крик* → *закричать*.

Вторая модель

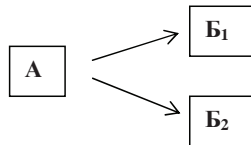
выражает обратное МО: *машинист* 'переписчик на машинке' ← *машинистка*, *дояр* ← *доярка*, *косьба* ← *косить*, *кинопутешествовать* ← *кинопутешествие*. Из-за наличия обратной связи одно и то же слово может иметь двойную корреляцию, напр., *работник* по отношению к *работе* является мотивированным, а по отношению к *работница* – мотивирующим.¹⁵ Существует и обратное стилистическое отношение, которое создает экспрессивное слово с суффиксом и нейтральное бессуффиксальное слово: *тётя* (разг.) ← *тётка*. В прямом соотношении бессуффиксальное слово является нейтральным, а суффиксальное – окрашенным (*мама* → *мамочка*).

Третья модель

выражает отношение взаимной мотивации (взаимонаправленной зависимости по производности) между словами, имеющими одинаковый связанный корень и одинаковое количество аффиксов: *принести* ↔ *отнести*.

Четвертая модель

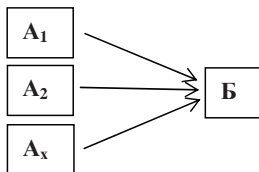

отражает отношение параллельной (двойственной) мотивации, напр., *учить* → *учитель*, *учить* → *учительница*.

¹⁴ **А** обозначает мотивирующее слово, **Б** – мотивированное.

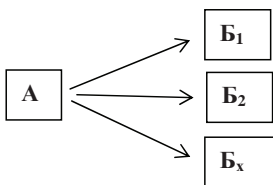
¹⁵ Об обратной или регрессивной деривации см. Немченко 1985, с. 39.

Пятая модель

выражает отношение множественной производности и неединственной мотивации (несколько мотивирующих слов → одно мотивированное слово), напр., *торговать, торговаться* → *заторговаться*. В эту схему укладывается большое количество видовых соотношений, в которых мотивирующими словами являются глаголы, а мотивированным словом существительное (*проверить* и *проверять* → *проверка*) или глагол (*бросить/отбросить* и *бросать/отбрасывать* → *отбрасывать*).

Шестая модель

выражает отношение равнопроизводности или взаимной мотивированности (отношение между словами одной и той же ступени), напр., *МХАТ* → *мхато-вец, мхатовка, мхато-вский* (здесь речь идет о связанной основе).

Сокращения

ДО – деривационное отношение
 МО – мотивационное отношение
 ОМ – отношении мотивации

Литература

ГАН 1970 = Грамматика современного русского литературного языка. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука 1970. 767 с.
 ГАН 1980 = Русская грамматика. Т. 1. Под редакцией Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука 1980. 783 с.
 КУБРЯКОВА, Елена С.: Словообразование. In: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Москва: Наука 1972, с. 344–393.
 КУБРЯКОВА, Елена С.: Основы морфологического анализа (на материале германских языков). Москва: Наука 1974. 318 с.
 КУБРЯКОВА, Елена С.: Словообразование. In: Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия 1990. 432 с.
 ЛОПАТИН, Владимир В.: Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. Москва: Наука 1977.
 ЛОПАТИН, Владимир В. – УЛУХАНОВ, Игорь С.: Словообразование. In: Русский язык. Энциклопедия. Главный ред. Ю. Н. Караулов Москва: Большая Российская энциклопедия – Дрофа 1997, с. 503–505.

- МАНУЧАРЯН, Рубен С.: Нулевые корни. In: Проблемы теории і гісторыі славянскага словаўтварэння. Мінск: Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа 2004, с. 194–197.
- МОЛОЧКО, Галина А. – ФОМИНА, Александра П. – ХМЕЛЕВСКАЯ, Евгения С. – КОЗЫРЕВ, Иван С.: Современный русский язык: Словообразование. Минск: Вышэйшая школа 1978. 150 с.
- НЕМЧЕНКО, Василий Н.: Современный русский язык. Словообразование. Москва: Высшая школа 1984. 255 с.
- НЕМЧЕНКО, Василий Н.: Основные понятия словообразования в терминах. Красноярск: Издательство Красноярского университета 1985. 208 с.
- Проблемы теории і гісторыі славянскага словаўтварэння. Навуковыя рэдактары А. А. Лукашанец – З. А. Харытончык. Мінск: Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа 2004. 276 с.
- СОБОЛЕВА, П. А.: Элементарная единица словообразовательного уровня. In: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск 1972.
- ТИХОНОВ, Александр Н.: Корень. In: Русский язык. Энциклопедия. Главный ред. Ю. Н. Караулов. Москва: Большая Российская энциклопедия – Дрофа 1997, с. 202–203.
- УЛУХАНОВ, Игорь С.: О словообразовательной категории (на материале глаголов, мотивированных именами). In: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Том 14, № 1. Москва 1975, с. 27–35.
- УЛУХАНОВ, Игорь С.: Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Москва: Наука 1977. 256 с.
- ЦЫГАНЕНКО, Галина П.: Состав слова и словообразование в русском языке. Киев: Радянська школа 1978. 152 с.
- ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, Надия А.: Словообразование в современном русском языке. Москва: Индрик 2001. 504 с.
- FLEISCHER, Wolfgang – BARZ, Irmhild: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag 1995. 382 S.
- OHNEISER, Ingeborg: Wortbildung im Sprachvergleich: Russisch-Deutsch. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie 1987. 154 S.
- Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Redaktorzy tomu K. Kleszczowa – L. Selimski. Katowice: Gnome 2000. 208 S.
- TOŠOVIĆ, Branko: Korelaciona sintaksa. Projekcional. Graz: Institut für Slawistik der Universität Graz 2001. 456 S.
- Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. Hrsg. I. Ohnheiser. Innsbruck: Kommission für Slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee 2000. 313 S.

Prof. Dr. Branko Tošović

Institut für Slawistik, Universität Graz, Merangasse 70, A-8010 Graz, Österreich

e-mail: tosovic@kfunigraz.ac.at

Мотивировочные признаки и семантические компоненты лексических значений производных слов

Зинаида А. Харитончик

В изучении мыслительной деятельности и структур сознания, ставшем в последние десятилетия приоритетным направлением многих наук, в том числе и лингвистики, исследованию мотивированности лексических единиц как определенного следа когнитивных процессов, завершившихся в актах языковой номинации, несомненно, принадлежит одно из ведущих мест. И хотя ученым, как мне кажется, еще предстоит выявить во всей ее полноте и оценить принципиальную значимость мотивированности при рождении, запоминании и распознавании лексических единиц, в организации ментального лексикона и лексической системы языка, в целом для овладения языком, его знания и успешного использования, гносеологическая и семиологическая роль мотивированности не вызывает никаких сомнений.¹ Благодаря сохранению в той или иной степени² и на современном этапе функционирования языка формально-семантических отношений лексических единиц, возникающих в момент образования вторичных наименований, область реконструкции первоначальных форм в ходе этимологического анализа ограничивается лишь именами первообразными, т. е. именами, потерявшими вследствие разных причин (о них со времен Платона написано немало) свою мотивированность. Для большинства же имен (как показывают количественные данные, их доля в разных лексических группах может варьироваться в пределах от 50 до 90 и более процентов от всего состава группы; Крот 2000) мотивированность сохраняется в течение всей их жизни в языке, что подчеркивает ее семиотическую важность, и является своеобразной манифестацией лексического значения имени и тем самым знания об обозначаемом, положенного в основу обозначения. Поскольку информация, закодированная в составных частях имени, имеет, как доказано экспериментально, «высокую степень салиентности в репрезентациях, хранящихся в памяти» (Sandra 1994, с. 18; здесь и далее перевод наш. – З. Х.), столь значимо сравнение мотивировочных признаков как обозначений некоторых предметов, аспектов, свойств и т. д., ассоциативным путем положенных в основу вторичных наименований, и соответственно формирующих в них наследие номинативных процессов, и лексических значений мотивированных единиц.

В лингвистической литературе имеется немало интересных наблюдений о разнообразии взаимоотношений между семантикой мотивирующих баз и лексическими значениями производных слов, о влиянии типа словообразовательных процес-

¹ См. многочисленные наблюдения о роли словообразовательных единиц в организации лексического состава в работах Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, И. С. Улуканова и других дериватологов. О роли морфологии в организации ментального лексикона см. подробнее работы К. Холла (Hall 1992), Д. Сандры (Sandra 1994) и др.

² См. доклад Е. С. Кубряковой на данной конференции, а также типологию мотивированных слов, предложенную Д. Сандрой (Sandra 1994, с. 18).

сов и типа производящих баз на характер этих взаимоотношений, о разной степени важности значения мотивирующей базы в конструировании лексического значения деривата.³ Думается, что дополнить имеющиеся данные можно, предложив семантическую типологию мотивированности, в которой фундаментом для ее таксономического описания становится многообразие семантических связей мотивирующих имен с именами, возникшими на их основе. На базе включения мотивирующих признаков в соответствующие структурные части, или доли лексического значения, в терминологии М. В. Никитина, предложившего данное описание структуры лексического значения слова как сложного образования, вплетенного в когнитивные структуры сознания (Никитин 1997), можно выделить интенциональную, импликациональную и неимпликациональную мотивированность. В отличие от широко известной типологии, в которой устанавливаются фонетическая, морфологическая и семантическая мотивированность, и ее различных вариантов, предложенных И. С. Торопцевым, В. В. Гаком и другими, отражающей избранные создателем имени приемы или способы номинации, семантическая типология указывает на разное место мотивирующих признаков в структуре лексического значения и тем самым на разную степень важности корреляции значения мотивирующей базы и значения мотивированного имени.

Вхождение мотивирующих признаков в интенционал лексического значения имени, т. е. содержательное ядро, предопределяющее его экстенционал, или область того, что может быть названо именем, лежит в основе интенциональной мотивированности, которая характерна, в первую очередь, для производных имен транспозиционного и модификационного типов (например, *проектирование*, *сопротивление*, *косьба*; *отцовский*, *соседкин*; *рыхлить*, *скирдовать*, *монашествовать*; *домик*, *избушка*, *котенок*; *хриловатый*, *богачейший*, *строжайший*; *выбелить*, *наклеить*, *пересеять* и многие другие). Импликациональная мотивированность возникает в том случае, если мотивирующий признак входит в импликационал лексического значения, т. е. ту его часть, в которой заключены периферийные семантические признаки, включающие стереотипные ассоциации, истинные или ложные, традиционно связываемые с каким-то классом и обычно требующие определенного контекста для своей реализации. Импликациональная мотивированность широко распространена среди компаративной производной лексики типа *змеевик* ‘трубка, обычно изогнутая спиралью, употребляемая при перегонке жидкости в различных тепловых установках; плотная горная порода зеленого цвета с пятнами’, *утюжить* ‘гладить утюгом; нажимая, прессуя, проводить чем-нибудь по поверхности (*Каток утюжит асфальт*)’, *отцовский* ‘принадлежащий отцу; свойственный отцу, такой, как у отца (*отцовские чувства*)’ и т. д. В семантике этих слов уживаются достаточно часто два значения: в первом мотивирующий признак входит в интенционал лексического значения мотивированного имени, во втором – в его импликационал. Ко второму типу, по-видимому, можно отнести производные типа *песчанка*, *зеленка*, *дубовик*, *моховик* и др.

Специфическим типом мотивированности является неимпликациональная мотивированность, имеющая место в том случае, если значение мотивирующей базы

³ См. детальный их анализ в Бузашнива (1982).

или баз входит в так называемый отрицательный импликационал, или негемпликационал лексического значения мотивированного слова, образуя несовместимые с интенционалом и импликационалом признаки. Это идиоматизированные слова типа *мать-и-мачеха*, *пересмешник*, *свинушка* ‘гриб’, компоненты которых соотносимы с существующими в языковой системе полнозначными наименованиями, но семантической связи с их лексическими значениями не обнаруживают, вследствие чего нарушаются правила референции, что в целом свойственно идиомам. Иными словами, внутренняя форма данных слов все еще жива, но не находит отражения в лексическом значении целого, и это не позволяет пользователям языка судить, как говорили древние, о правильности имен, т. е. о соответствии имени сущности обозначаемого, и на основе формальных свойств имени установить его референцию.

Естественно, что степень мотивированности лексических единиц является производным от ее семантического типа: она наиболее высока при интенциональной мотивированности и приближается к или равняется нулю при негемпликациональной.

Продолжая принятую линию семантического анализа мотивированности, можно, по-видимому, свести воедино и наблюдения об актуализации в значениях производной единицы лексического значения производящей базы во всей его полноте, только его интенциональных или импликациональных семантических компонентов и тем самым разработать еще одну семантическую типологию мотивированности.

Систематизация факторов, детерминирующих тот или иной тип мотивированности⁴, несомненно, – дело будущего. В данной работе нам бы хотелось подчеркнуть, что положенное в основу предложенного построения линейное представление значений лексических единиц как определенных наборов необходимых и достаточных семантических признаков (Jackendoff 1983) требует своего развития.

Дальнейшим его продолжением должен стать, на наш взгляд, концептуальный анализ как дополняющий описанную выше семантическую типологию мотивированности более детальной дескрипцией содержательной стороны корреляции мотивирующих баз и мотивированных имен.

Сегодня семасиологи единодушны в том, что кажущиеся бесконечными в своем разнообразии идиосинкретические значения лексических единиц представляют собой построения по определенным концептуальным схемам из некоторого конечного числа концептуальных строительных блоков. Как пишет А. Вежбицка, «даже у самых сложных структур конкретных концептов имеется простой стержень, стержень, присущий многим, если не всем концептам данной области, вследствие чего все концепты данной области могут быть представлены как разные ответы на одинаковые базисные концептуальные вопросы. Отвечающий не всегда внимателен: в каждом концепте он опускает некоторые вопросы и добавляет новые, сообщает дополнительные детали по некоторым аспектам и т. д. Тем не менее, в большинстве случаев он создает впечатление следования некоторому своду вопросов, таким образом, что внутри одной семантической области, например, наименований животных или наименований фруктов, различные концепты при их экспликации выглядят как вариации на ту же самую тему» (Wierzbicka 1985, с. 332).

⁴ О некоторых из них уже упоминалось в начале доклада. См. также некоторые наблюдения о значимости функционально-семантических характеристик производящих баз и производных в Kharitonchik (1998).

Тезис о существовании простого и универсального набора семантических строительных блоков, обуславливающих в значительной мере человеческую способность с легкостью справляться с комплексными концептуальными структурами, воплощенными в употребляемых ежедневно словах (Wierzbicka 1985, с. 338), подтверждается близостью или даже тождеством семантических описаний, предложенных различными семантическими школами.⁵

Естественно, что для каждой семантической области этот набор, или концептуальная схема, оказывается индивидуальным как по составу, так и комбинаторике своих компонентов. Так, для предметной лексики он насчитывает до 19 компонентов, из которых в семантике слов той или иной подгруппы реализуется не более 9 семантических признаков. Ведущими среди них являются «цель использования (или функциональное назначение)», «общая организация», «материал», «место», «размер» и некоторые другие. Для наименований веществ концептуальная схема также включает 9 типов признаков, а именно: «использование (или функциональное назначение)», «метод обработки», «физические свойства» и др.⁶

Сравнение мотивирующих признаков тех или иных классов имен с концептуальными схемами, лежащими в основе их семантики, приносит интересные результаты. Очевидна, во-первых, тесная корреляция мотивирующих признаков и компонентов концептуальных схем. Наименования лиц по их деятельности дают нам пример практически полного соответствия семантических типов мотивирующих признаков и концептуальной схемы деятельности (Кубрякова 1997), включающей вид деятельности, агенс, пациенс, объект труда, орудие, место, время, способ и результат труда и образующей глагольный фрейм. Мотивированные слова типа *переписчик, шляпник, скрипач, басист, шарманщик, садовник, карикатурист, призер, ремонтник, звонарь, лихач* [ср. также новообразования типа *поздравлянт* 'тот, кто поздравляет', *фанерщик* 'тот, кто исполняет песни под фонограмму, фанеру', *кафешник, пиццаерист* (Плотникова 2004, с. 16), *кое-какер, дядебятник* (Зайченкова 1988), а также данные английского языка], передавая в целом всю гамму знаний о разных сторонах человеческой деятельности, фиксируют с помощью мотивирующих баз тот или иной квант этого знания, в то время как словообразовательный формант выступает в качестве носителя обобщенного категориального и словообразовательного значений.⁷

Для наименований естественных видов картина остается принципиально той же, т. е. мы вновь устанавливаем тесную взаимосвязь между концептуальной схемой

⁵ Ср. лексикографические дефиниции А. Вежбицкой (Wierzbicka 1985), Квалиа-структуры Дж. Пустейковского (Pustejovsky 1995), результаты семантических исследований Московской семантической школы (Рахилина 1999), семантические описания конкретной лексики в разных языках (Олейник 2001), а также наборы фундаментальных во всех и для всех языков мира семантических признаков, структурирующих классификационные системы имен существительных: +/-Human, Human @ Social Status, Human @ Kinship relation, +/-Animate, Sex, Shape, Dimension, Size, Consistency, Function, Arrangement, Habitat, Number/Amount/Mass/Group, Measure, Weight, Time, Action, +/-Visible (Senft 2000, с. 24). Ср. также Нореcký (1994).

⁶ Данные о составе концептуальных схем разных лексических классов получены как из указанных ранее опубликованных источников, так и из неопубликованных еще исследований Т. В. Василюк, Н. Н. Придорожной, а также на основе собственных наблюдений.

⁷ Ср. описание Е. Д. Бесценной (1980) существительных с суффиксами *-щик* и *-ник* в современном русском языке.

лексических значений наименований и типами мотивировочных признаков. Так, наименования грибов моделируются с опорой на следующие мотивировочные признаки: цвет (*белыш, рыжик*), место произрастания (*болотовик, боровик, березовик*), форма, особенности строения (*красноголовик*), время произрастания (*колосовик*), способ произрастания (*глубинка*), консистенция (*плотнячок*), вкус (*кислушки*), оценка (*поганка*), запах (*вонючка*), звук (*скрипуля*), особенности употребления (*чищенник, мочуха, сушонок*).⁸

Следует, однако, учесть, что мотивированные лексические единицы – это единицы, в основном, третьего и четвертого уровней языковой стратификации (видового и разновидностного), среди которых значительное число – составные наименования. Если соответственно расширить область анализируемой лексики и включить в круг рассматриваемых явлений не только производные слова, но и составные наименования, формирующие во многих лексических подсистемах, особенно в их терминологической части, подавляющее число единиц, изоморфизм мотивировочных признаков наименований и концептуальной схемы их лексических значений еще более очевиден. Так, для наименований растений концептуальная схема, включающая, как показывает их семантический анализ, следующие параметры: структурные свойства, или строение, перцептивные характеристики целого и частей, место и способ произрастания, время (продолжительность жизни), использование человеком, способ размножения, символическую функцию, наличие специфических признаков, обуславливает аналогичное направление выбора и диапазон мотивировочных признаков. Например, *аралия сердцевидная, канавалия мечевидная, ревень дланевидный, касатик низкий, капуцин большой, подорожник большой, тысячелистник обыкновенный, гадючий лук гроздевидный, бадан узколистный, розог широколистный, тюльпан душистый, фиалка душистая, ясменник душистый, козелец сладкий корень, полынь горькая, поручейник сладкий корень, люцерна посевная, арника горная, незабудка болотная, земляника лесная, катран приморский, лимонная мята аптечная, новозеландский лен прядильный, одуванчик аптечный, неон лекарственный, адонис весенний, золотарник поздний, пулавка благородная, окопник шершавый, бегония клубневая, бегония месячная, кислица клубненосная, морозник зеленый, морозник черный, солодка голая, сыть съедобная, шпорник многолетний* (Гиляров 1986).

Таким образом очевидно, что выбор мотивировочных признаков предопределяется признаками выражаемого понятия, а мотивированность есть ни что иное как отражение одного или нескольких свойств обозначаемого в его названии средствами языка.

Существует, как показывают предварительные наблюдения, зависимость между концептуальной примарностью и салиентностью того или иного компонента и частотностью использования того или иного мотивировочного признака в мотивированных словах, а тем самым и длиной ряда слов, мотивированных идентичным типом признака. Так, для наименований растений главными мотивировочными признаками оказываются признаки формы, среды обитания и цвета, в то время как вре-

⁸ См. подробнее Батурина (2004).

мя цветения, запах, вкус и некоторые другие менее употребительны в номинации данной области естественных видов.

Привлекает внимание то обстоятельство, что область мотивировочных признаков для той или иной категории наименований может, однако, оказаться шире концептуальной схемы, обобщающей наиболее типичные свойства соответствующих референтов, и включать какие-то их признаки, трактуемые как их важные особенности или как специфическое знание об обозначаемом. Это подводит нас ко второму выводу – выводу о нежесткости связи между мотивировочными признаками и лексическими значениями мотивированных единиц.

Подытоживая, хотелось бы подчеркнуть, что мотивированность как ответ на когнитивную необходимость установления референта имени представляет собой важный шаг от обобщенного в виде грамматических и словообразовательных значений к индивидуальному (лексическому) и тем самым референции имени. Эта индивидуализация осуществляется главным образом по тем же концептуальным схемам, в которых организуется накопленный в течение веков отобранный и отсортированный индивидуальный и общий человеческий опыт. Анализ мотивировочных признаков на фоне этих концептуальных схем, лежащих в основе лексических значений мотивированных слов, позволяет не только установить тип и диапазон семантических признаков, выбираемых из общей структуры знания об обозначаемом в качестве идентификаторов соответствующих референтов, но и создает возможность придать описанию мотивированности объяснительно-интерпретативный характер.

Литература

- БАТУРИНА, Ольга В.: Идиоматичность словообразовательной формы (на материале микологической лексики русского языка). Дис. канд. филол. наук. Кемерово 2004. 252 с.
- БЕСЦЕННАЯ, Елена Д.: Существительные с суффиксами *-щик* и *-ник* в современном русском языке (к проблеме синонимичных словообразовательных типов). АКД, Москва 1980.
- БУЗАШИОВА, Клара: Взаимоотношение между словообразовательным и лексическим значениями транспозиционных производных. In: *Recueil linguistique de Bratislava*, 1982, vol. VI, с. 35–53.
- ГИЛЯРОВ, Меркурий С.: Биологический энциклопедический словарь. Москва 1986. 893 с.
- ЗАЙЧЕНКОВА, Маргарита С.: Экспериментально-ономазиологическое исследование словообразовательного контекста (на материале современного русского языка). АДД. Свердловск 1988.
- КРОТ, Лариса Г.: Мотивированность лексических единиц и структура лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка). АКД. Минск 2000.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Части речи с когнитивной точки зрения. Москва 1997.
- НИКИТИН, Михаил В.: Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург 1997.
- ОЛЕЙНИК, Мария И.: Семантика предметных имен (на материале современного английского языка). АКД. Минск 2001.
- ПЛОТНИКОВА, Лариса И.: Словотворчество как феномен языковой личности (порождение, функционирование, узуализация нового слова). АДД. Белгород 2004.

- РАХИЛИНА, Екатерина В.: Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике. АДД. Москва 1999.
- HALL, Christopher J.: Morphology and Mind. A Unified Approach to Explanation in Linguistics. London 1992. 221 pp. ISBN 0-415-04142-2.
- HORECKÝ, Ján: Semantics of Derived Words. Prešov 1994. 74 pp.
- JACKENDOFF, Ray: Semantics and Cognition. The Massachusetts Institute of Technology 1983. 297 pp.
- KHARITONCHIK, Zinajda A.: Idiomaticity of Derived Lexical Units. In: Proceedings of the XVth International Congress of Linguists. Ed. B. Caron. 20–25 July 1997. Pergamon, Oxford. Paper No. 0303. CD.
- PUSTEJOVSKY, James: The Generative Lexicon. Cambridge, Massachusetts 1995. 298 pp. ISBN 0-262-16158-3.
- SANDRA, Dominiek: Morphology in the Reader's Mental Lexicon. Frankfurt a. M. 1994.
- SENF, Gunter: What do we really know about nominal classificatory systems? In: Systems of Nominal Classification. Ed. G. Senft. Cambridge 2000, pp. 11–49.
- WIERZBICKA, Anna: Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor 1985.

проф. Зинаида А. Харитончик

Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова 21, 220034

Минск, Беларусь

e-mail: zkharitonchik@mail.ru

Системотвірні параметри української мотивованої лексики та можливості її лексикографічного моделювання

Євгенія А. Карпіловська

Мотивована лексика незмінно перебуває під пильною увагою мовознавців. І це цілком зрозуміло, адже саме мотивовані слова, або слова з подвійною референцією становлять потужний шар в лексиконі будь-якої мови. Склад сучасного українського лексикону переконливо це твердження доводить. Наприклад, 93,2 % складу комп'ютерного генерального реєстру українських слів, сформованого в Інституті мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України за матеріалами різнотипних словників української мови другої половини ХХ століття, або 155 023 з наявних у ньому 166 385 слів становлять словотвірно мотивовані лексеми (див. докладніше про реєстр та виконані на його основі дослідження морфеміки та словотворення української мови в: Клименко – Карпіловська та ін. 1990; Klymenko – Karpilovska 1994). Потужну питому вагу словотвірно мотивованих слів засвідчують і словники нової української лексики, низка яких опублікована на початку ХХІ століття (Мазурик 2002; Віняр – Шпачук 2002; Колоїз 2003). Наприклад, у словнику «Нове в українській лексиці» Д. В. Мазурик, реєстр якого налічує близько 1 300 лексем, на 1 немотивоване слово припадає в середньому 4–5 словотвірно мотивованих. Показник мотивованої лексики в цьому і в інших неологічних словниках можна збільшити, якщо врахувати мотивацію не лише похідних, а й непохідних слів з подільними основами на зразок *іміджмейкер*, *євроленд* або неосемантизмів типу *формат* чи *залізо*. Перевагу мотивованої лексики в оновлюваних шарах лексиконів відзначають і дослідники інших слов'янських мов (Земская 2000; Martincová 2003; Waszakowa 2003).

З огляду на це успішна розбудова лексикону української мови в нових умовах її функціонування як мови держави неможлива без всебічного опису та систематизації наявних у сучасній українській мові моделей словотвірної мотивації. Такі моделі трактуємо як зразок виведення з певних класів мотиваторів певних класів мотивативів за системотвірними (інтегральними) ознаками формально-семантичної будови останніх. Як системотвірні, придатні для моделювання розглядаємо саме регулярно відтворювані, серійні ознаки форми та семантики мотивативів, які і дають змогу встановлювати їхні типи. Моделі мотивації виділяємо на тлі сітки словотвірних категорій, властивих окремим частинам мови. Така сітка, у свою чергу, моделює властивий певній мові механізм концептуалізації та категоризації світу. У межах конкретної моделі словотвірної мотивації стає можливим і з'ясування активності окремих засобів словотворення. Систематизація похідних зі спільним категорійним значенням, але з різними формантами і різним характером семантичних зв'язків з мотиватором унаслідок в полі реалізації певної моделі мотивації центр, який складають похідні з типізованою формально-семантичною будовою та високою регулярністю творення, і периферію, яку формують похідні з нетиповими ознаками форми й семантики,

творення яких виявляє певні обмеження в реалізації моделі. Завдяки класифікації наявних у лексиконі похідних за ступенем регулярності їхнього творення встановлені моделі словотвірної мотивації набувають не лише класифікаторно-інтерпретаційної, а й евристичної, прогностувальної сили.

Накопичені в україністиці відомості про словотвірний потенціал певних класів мотиваторів та про спектр дії засобів творення мотиватів у межах певних словотвірних категорій з допомогою окремих словотвірних формантів найзручніше і найдоцільніше узагальнити у вигляді словника моделей словотвірної мотивації. У комп'ютерній формі він становитиме базу знань про моделі породження певних класів мотиватів і, крім того, фактографічне підґрунтя для подальшого їхнього вивчення і укладання інших типів словотвірних словників. Крім того, такий словник може служити надійною базою та знаряддям для творення й аналізу нової мотивованої лексики. Роботу над реєстром словника варто, на наше переконання, розпочати саме з тих частин мови і в їхніх межах з тих словотвірних категорій та розрядів слів, склад яких сьогодні активно змінюється. Численні новотвори, зокрема, пропонують автори деяких термінологічних словників. Вони потребують виваженої оцінки мовознавців саме щодо відповідності нормам української дериваційної граматики. Такої ж обережності вимагає і вилучення з сучасного українського лексикону певних словотвірних кальок. С. М. Толстая в одній з недавніх своїх праць слушно підкреслила той новий живильний струмінь, який вивчення мотиваційних моделей лексики дає взагалі для розуміння національномовної картини світу, для з'ясування співвідношення в процесах концептуалізації та категоризації дійсності загальнолюдського, закономірного й національного, особливого (Толстая 2002). Для лексикографічного моделювання мотивованої лексики в українській дериватології вже створено належне теоретичне й практичне підґрунтя. Його складають описи системи сучасного українського словотворення з погляду як перспективного (основоцентричного), так і ретроспективного (формантоцентричного), виконані впродовж другої половини ХХ – початку ХХІ століття (Ковалик 1958; Клименко 1973; Словотвір... 1979; Возний 1981; Ірещук 1995; Карпіловська 1999; Соколова 2003). За останні 20 років українські дериватологи вже здійснили кілька спроб лексикографічного моделювання різноманітних словотвірних комплексів: словотвірних пар (Сікорська 1985), словотвірних рядів (САМУМ 1998), словотвірних та кореневих гнізд (Карпіловська 2002).

Для обговорення принципів укладання пропонованого словника моделей мотивації ми обрали віддієслівні іменники зі значенням пацієнса в межах словотвірної категорії об'єкта дії. Такий вибір зумовлений появою в деяких нових українських термінологічних словниках численних новотворів з цим категорійним значенням, що викликають великі сумніви стосовно їхньої життєстійкості. Нагадаємо, що в славістиці немає єдиної думки щодо самої доцільності виділення мотиватів з об'єктним значенням і, вужче, зі значенням пацієнса в самостійну словотвірну категорію. Натомість ми цілком поділяємо висновок К. Бузашшівової, зроблений внаслідок аналізу словацьких девербативів, що хоча творення подібних мотиватів не відзначається регулярністю та застосуванням спеціалізованих словотвірних засобів, потребу у виділенні окремої словотвірної категорії об'єкта дії і – в її межах – пацієнса зумовлює

сама інтенційна структура певних розрядів дієслів (Buzássyová 1974, с. 58–59). Її існування в логічній схемі категоризації дійсності беззаперечно доводять серії мотиватів, що реалізують категорійне значення об'єкта «в чистому вигляді», пор.: назви предметів *ноша, тягар, питво, їжа* або осіб *гонець, учень, мученик, обранець*. Аналіз реалізованих мотиватів з цікавим для нас категорійним значенням здійснюємо в межах як спільнокореневих, так і спільноформантних словотвірних комплексів, а саме: 1) конкретних віддієслівних парадигм у зіставленні як з дієсловом-мотиватором, так і зі спільнокореневими мотиватами з тим же або з іншими категорійними значеннями; 2) конкретних словотвірних гнізд у цілому, тобто у зіставленні з мотиватами у складі інших віддієслівних парадигм спільного гнізда та 3) словотвірних рядів мотиватів з тим же значенням, а також спільноформантних мотиватів з іншим категорійним значенням. Врахування такого «тла» системних відношень членів певної словотвірної категорії дає змогу з'ясувати причини наявності/відсутності мотиватів від певних дієслів, а також пояснити тенденції формування їхньої словотвірної та лексичної семантики.

Обстежений мовний матеріал засвідчує два можливі шляхи творення в межах віддієслівних парадигм іменників зі значенням пацієнса і, відповідно, два типи таких мотиватів: 1. іменники, безпосередньо мотивовані дієсловом (*гонити – гонець, послати – посол, учити – учень, арештувати – арештант, в'язати – в'язень*) та 2. іменники, мотивовані формою пасивного дієприкметника минулого часу (*обрати – обраний – обранець, шалити – шалений – шаленець, мучити – мучений – мученик, кохати – коханий – коханець*). Перехідний тип становлять іменники, формально мотивовані пасивним дієприкметником минулого або теперішнього часу, а семантично співвідносні з дієсловом-мотиватором, оскільки дієприкметникова форма або маловживана, або втратила процесуальну ознаку внаслідок ад'єктивізації (*знати – знайомий – знайомиць, брати – браний – бранець*). Виділені моделі мотивації виявляють різну потужність і регулярність у створенні іменників-назв пацієнса. Мотивати з цим значенням, утворені безпосередньо від дієслів, поодинокі і не виявляють типових ознак у своїй формально-семантичній будові. Вони можуть утворюватися від дієслів, що виражають дію з обов'язковими активним (відправник) та пасивним (одержувач) учасниками, напр.: *учити – учитель* (агенс) і *учень* (пацієнс) або *адресувати – адресант* (агенс) і *адресат* (пацієнс). Іменники на позначення пацієнса можуть успадковувати семантику мотиватора в повному обсязі, як вищезгадані *учень* або *адресат*. Проте здебільшого вони засвідчують звуження або спеціалізацію семантики мотиватора, а також відсутність кореляції з семантикою назв агенса, пор.: *в'язальник* 'робітник, який в'яже снопи, виготовляє вироби з вовни або ниток за допомогою гачка, спиць'¹ і *в'язень* 'особа, яка перебуває у в'язниці (тюрмі)', *гонитель* 'переслідувач, гнобитель' і *гонець* 'той, кого послали з тимчасовим дорученням'. Нетиповість віддієслівних назв пацієнса, а отже, і необхідність формулювання додаткових умов для їхнього творення доводить їх зіставлення з іншими спільноформантними мотиватами у складі відповідних словотвірних рядів. За нашими даними,

¹ Використовуємо тлумачення, подані в 11-томному академічному «Словнику української мови» (1970–1980).

з 45 віддієслівних дериватів із суфіксом *-ень* у генеральному реєстрі українських слів лише 2, *учень* та *в'язень*, позначають пацієнса (САМУМ 1998, с. 136–139). Іменники цього словотвірного ряду виражають переважно значення об'єкта дії як результату її виконання (*викидень* 'викинутий плід', *зализень* 'випнута частина чогось у формі клина') або агенса (*сидень*, *лежень*). Деякі словотвірні гнізда містять назви агенса із суфіксом *-ень* та назви об'єкта дії з іншими суфіксами. Причому назви агенса мають спеціалізоване лексичне значення, а назви об'єкта дії засвідчують збіг лексичного та категорійного словотвірного значення, пор.: *сидень* 'малорухлива, бездіяльна людина; домувальник' (пор. також його синонім *сидун* з іншим суфіксом) і *сидіння* 'те, на чому сидять' або *лежень* 'нероба, лінок' і *лежанка*, *лежак* 'те, на чому лежать'. Зауважимо, проте, що назва агенса *лежень* має омонім зі значенням об'єкта дії, синонімічний до слів *лежанка*, *лежак*, а в парадигмі від слова *сидіти* «Словарь української мови» за редакцією Б. Д. Грінченка (1907–1909) засвідчив назву об'єкта такої дії зі спеціалізованим значенням, пор.: *сидушка* 'маленький стілець із засувам спереду, в який садять дітей'.

На відміну від віддієслівних віддієприкметникові назви пацієнса демонструють вищу регулярність творення й однотипність своєї формально-семантичної будови. Цьому сприяє успадкована від дієприкметника стала ознака іменованого об'єкта дії, його виокремлення з-поміж інших саме як носія ознаки за здійсненою над ним дією. Регулярність творення дієприкметників, їхня здатність до субстантивації сприяють типізації форми й семантики таких мотиватів. За спостереженнями дослідників віддієслівної деривації у слов'янських мовах, такої субстантивації набувають ті дієприкметники, в яких ознака пацієнса в безпосередньому перебігу дії, або динамічна (тимчасова) ознака пасивного учасника дії перетворюється на його статичну (постійну) ознаку, незалежну від процесу виконання дії (Buzássyová 1974, с. 105; Вихованець – Городенська 2004, с. 286–288). Опозиції субстантивованого дієприкметника та утвореного від нього іменника можуть складати мотивати з тотожною лексичною семантикою, пор.: *шалений* – *шаленець*, *обраний* – *обранець* (*обранка*, *обраниця*). Завдяки здатності субстантивованих форм дієприкметника до спеціалізації ознаки об'єкта у багатьох віддієслівних парадигмах процес творення назв пацієнса «зупинився» на стадії саме субстантивованого дієприкметника, напр.: *переможець* – *переможений*, *в(у)бивця* – *в(у)битий*, *гнобитель* – *гноблений*. Крайнім виявом такої спеціалізації семантики стає втрата субстантивованою формою процесуальності ознаки, напр.: *учений*, *повірений*, *знайомий*. Подібну спеціалізацію значення демонструють і назви об'єктів дії-неістот, мотивовані дієприкметниками, напр.: *варена* і *варенуха* з тотожним значенням 'горілка, зварена з медом і сухими фруктами та ягодами'. Здебільшого ж субстантивовані дієприкметники позначає клас об'єктів дії-неістот, а утворений від нього іменник – певного представника цього класу, пор.: *смажене* 'будь-яка смажена страва' і *смаженина* 'смажене посічене м'ясо; печеня', *смаженця* 'смажені курячі яйця; яєчня'.

Відсутність у віддієслівній парадигмі субстантивованої форми пасивного дієприкметника сприяє ще більшій спеціалізації семантики мотиватів цього типу. Її демонструють, наприклад, такі іменники, як *виведенець* 'селянин, переселений на іншу землю', *зведеня* (*зведенята*) 'зведені брат і сестра', *зведенюк* 'зведений брат',

зведенця ‘покритка’. Інколи специфіку значення іменника спричиняє його мотивація не самим дієсловом, а фразеологізмом з його участю, напр.: *помазати чоло миром на царювання* і *помазаник, помазанець (помазанка, помазаниця)* ‘християнський монарх’. Часом потреба в різній аспектуалізації дії, виконуваної над певним об’єктом (істотою або предметом), призводить до диференціації лексичних значень дериватів, мотивованих тим самим дієприкметником, пор.: *посланець* ‘той, кого послали з терміновим дорученням’ і *посланник* ‘той, кого послали в іншу країну представляти інтереси своєї держави’. Деякі віддієприкметникові іменники засвідчують повне семантичне розходження з мотиватором, пор.: *коханий* ‘той, кого кохають’ та *коханець* ‘той, хто перебуває у позашлюбному зв’язку’ з синкретичним значенням агенса і пацієнса. Таким чином, розглянуті приклади унаслідують широкий спектр типів мотивації назв пацієнса з різним характером їхніх семантичних зв’язків з мотиватором.

Іменники *бранець (бранка), знайомець* займають серед назв пацієнса особливе місце. Їм властивий незбіг формальної та семантичної мотивації: за формальною структурою вони співвідносні з віддієприкметниковими мотиватами, а за семантичною – з віддієслівними. Спеціалізоване значення іменників *бранець, бранка* ‘полонені’ сформоване на основі семантики сталої сполуки з дієсловом-мотиватором *брати в полон*. «Словарь української мови» за редакцією Б. Д. Грінченка фіксує це слово також у значеннях ‘рекрут; людина, найнята для вибирання конопель’, пор. також *бранка*, зареєстроване у «Словнику української мови» Д. І. Яворницького (1920, т. 1) зі значенням ‘сваха, що веде молодих у дім молодого’. Формальний мотиватор іменника *знайомець* – пасивний дієприкметник теперішнього часу *знайомиий* – ад’єктивізувався і в сучасному вжитку його замінив пасивний дієприкметник минулого часу *знаний*. Особливість семантики таких назв пацієнса ще більше увиразнюється в межах парадигми в зіставленні з назвами агенса, напр.: *знавець, знайко* ‘той, хто добре знає щось’ і *знайомець* ‘той, кого знають, з ким знайомі’; *бральник (бральниця, браля)* ‘ті, хто збирають льон, коноплі’ і *бранець (бранка)* ‘полонений; рекрут; найманий робітник’. Відсутність для таких назв пацієнса назв агенса, співвідносних за ознакою виконуваної дії, засвідчує крайній ступінь спеціалізації (ідіоматичності) їхньої семантики. Наприклад, дієслово *помазати* мотивує іменник зі значенням агенса *помазуха*, проте він на відміну від назви пацієнса *помазанець, помазаник (помазанка, помазаниця)* означає робітницю (мазальницю), яка професійно займається мазанням чогось (шкіри, будівлі). Інші назви агенса у гнізді від базового дієслова-мотиватора *мазати* також виявляють ознаки суб’єкта дії, відмінні від наявних у згаданих назвах пацієнса, напр.: *мазепя, замазура* ‘нечепура, неохайна людина’, *мазальник (мазальниця)* ‘робітник, що професійно займається мазанням чогось (шкір, будівель)’, *мазун (мазунка, мазуха), мазій (мазійка)* ‘пестун, улюбленець’, а також *мазій* у значенні ‘поганий художник’. Одержані відомості про типи віддієслівних мотиватів з категорійним значенням пацієнса узагальнено в схемі, поданій на рис. 1. Вона містить зразки моделювання аналізованих мотиватів за системотвірними ознаками їхніх форми та семантики. Типи мотиватів розміщено за спадною регулярності їхнього творення, а в межах окремого типу – за характером їх співвідношення з формою та семантикою мотиватора (мотиваторів).

Тип мотиватора	Тотожність	Спеціалізація	Розходження
дієприкметник	<i>обраний = обранець</i> <i>шалений = шаленець</i>	<i>пошаний < пошанець,</i> <i>пошанник</i>	<i>коханий ⊥ коханець,</i> <i>виведений ⊥ виведе-</i> <i>нець</i>
дієслово	<i>учити = учень</i>	<i>пошати < пошол</i>	<i>в'язати ⊥ в'язень,</i> <i>гонити ⊥ гонець</i>
дієслово+дієприкметник	<i>знати – знайомий –</i> <i>знайомиць</i>	<i>брати < бранець</i> <i>збочити < збоченець</i>	<i>годувати, годований ⊥</i> <i>годованець</i>

Рис. 1. Типи мотиватів з категорійним значенням пацієнса у сучасній українській мові

Використаємо подану на рис. 1 класифікацію способів творення мотиватів зі значенням пацієнса як інструмент аналізу новотворів з «Російсько-українського словника наукової та технічної мови: Термінологія процесових понять» О. Войналовича та В. Моргунока (Київ 1997). Ця праця свого часу збурила гостру дискусію як серед мовознавців, так і серед представників технічних наук саме через прагнення її авторів до граничної регулярності в реалізації певних словотвірних моделей. Це стосується серед іншого численних іменників-новотворів з категорійним значенням пацієнса і взагалі об'єкта дії. Такі мотивати подано як еквіваленти до російських пасивних дієприкметників теперішнього часу, напр.: *ведень, тяжень, руханець* – рос. *ведомый; збільшуванець* – рос. *увеличиваемый* та ін. Подані на рис. 1 моделі мотивації назв об'єктів дії, зокрема пацієнса, дають підстави для таких аргументів на доказ недоцільності введення пропонуваніх слів до українського лексику. Автори обговорюваного словника, передусім, не беруть до уваги вимогу до усталення ознаки об'єкта за виконуваною над ним дією, а, як ми намагалися показати вище, дотримання саме цієї вимоги уможливило появу спеціальної номінації об'єкта дії. У семантиці іменників на позначення агенса, створених від дієслів *вести – водити, тягти – тягати, рухати, збільшувати*, обов'язково присутня вказівка на такі умови, за яких виражена ними дія стає постійною ознакою її виконавця, напр.: *водій* 'той, хто водить автомобіль', *вожак, вожай, вождь* 'керманіч, керівник певної групи людей (племіні, війська, політичного або соціального угруповання)', *рушій* 'пристрій для надання руху певному транспортному засобу', *збільшувач* 'проекційний апарат для збільшення розміру фотознімків'. Українська мова для дієслів на зразок *рухати, вести – водити, тягти, збільшувати*, що передбачають широке коло об'єктів своєї дії, використовує інші моделі мотивації. Це, зокрема, моделі творення композитів на базі сполук дієслів з іменниками – постійними або узагальненими об'єктами дії, напр.: *водовід, воловід, родовід; екскурсовод, коновод, лиховод; воєвода, голотовода; полководець, флотоводець; гріховодник, письменоводитель; фотозбільшувач* та ін. О. Войналович та В. Моргунок не враховують і тих обмежень, що їх система мови накладає на функціонування словотвірних моделей з певними формантами, зокрема із суфіксом *-ень*. Крім того, в семантиці композитів, мотивованих сполуками з дієсловами руху, переміщення наявна не лише вказівка на конкретний об'єкт дії, а й на спосіб його пересування, пор.: *порохотяг, сінотяг; вітрогін, водогін, коногін, макогін; лісовоз, молоковоз, цементовоз* (Клименко 1984, с. 100–135). Назви пацієнса *рухомість/нерухомість* в парадигмі від дієслова *рухати* мотивовані не дієсло-

вом, а пасивним дієприкметником теперішнього часу *рухомий* і мають спеціалізоване лексичне значення 'майно'. Висловлені аргументи змушують визнати невідповідність новотворів *руханець, збільшуванець, ведень, тяжень* моделям творення віддієслівних мотиватів з об'єктним значенням, наявним у системі сучасної української мови.

Корпус обговорюваного словника моделей словотвірної мотивації покликаний унааявити: 1) класи мотиваторів, від яких можливе творення номінацій з певним категорійним значенням; 2) спектр словотвірних моделей і конкретних засобів, залучених до створення таких мотиватів; 3) ступінь регулярності виведення певних типів мотиватів з певних типів мотиваторів; 4) умови реалізації окремих моделей словотвірної мотивації; 5) характер співвідношення семантики мотивата та мотиватора. Його формування передбачає подальший поглиблений аналіз певних типів мотиватів з урахуванням усього спектру їхніх системних відношень в лексиконі сучасної української мови.

Література

- ВИХОВАНЕЦЬ, Іван – ГОРОДЕНСЬКА, Катерина: Теоретична морфологія сучасної української мови: Академічна граматики української мови. За ред. І. Вихованця. Київ: Університетське видавництво «Пульсари» 2004.
- ВІНЯР, Ганна М. – ШПАЧУК, Любов Р.: Словник новотворів української мови кінця ХХ століття. Вип. 2. Кривий Ріг: КДПУ 2002.
- ВОЗНИЙ, Теодозій М.: Словотвір дієслів в українській мові у порівнянні з російською та білоруською. Львів: Видавництво Львівського державного університету «Вища школа» 1981. 187 с.
- ВОЙНАЛОВИЧ, Олександр – МОРГУНЮК, Виталь: Російсько-український словник наукової і технічної мови (термінологія процесових понять). Київ: Вирій – Сталкер 1997. 256 с. ISBN 966-7295-00-1.
- ГРЕЩУК, Василь В.: Український відприкметниковий словотвір. Івано-Франківськ: Плай 1995.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Активные процессы современного словопроизводства. In: Русский язык в конце ХХ столетия (1985–1995). Под ред. Е. А. Земской. 2-ое изд. Москва 2000, с. 90–141.
- КАРПІЛОВСЬКА, Євгенія А.: Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови: будова та реалізація. Київ: Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України 1999.
- КАРПІЛОВСЬКА, Євгенія А.: Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями. Київ: Видавництво «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана 2002.
- КЛИМЕНКО, Ніна Ф.: Система афіксального словотворення сучасної української мови. Київ: Наукова думка 1973.
- КЛИМЕНКО, Ніна Ф.: Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. Київ: Наукова думка 1984.
- КЛИМЕНКО, Ніна Ф. – КАРПІЛОВСЬКА Євгенія А. та ін.: Морфемно-словотвірний фонд української мови як дослідницька та інформаційно-довідкова система. In: Мовознавство, 1990, № 6, с. 41–50.

- КОВАЛИК, Іван І.: Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами. Ч. 1. Львів: Львівський державний університет ім. Ів. Франка 1958. 153 с.
- КОЛОЇЗ, Жанна В.: Тлумачно-словотвірний словник okazionalizmів. Кривий Ріг: ТОВ «ЯВВА» 2003. 168 с.
- МАЗУРИК, Данута В.: Нове в українській лексиці: Словник-довідник. Львів: Світ 2002.
- САМУМ = КЛИМЕНКО, Ніна Ф. – КАРПІЛОВСЬКА, Євгенія А. – КАРПІЛОВСЬКИЙ, Віктор С. – НЕДОЗИМ, Тетяна І.: Словник афіксальних морфем української мови. Київ: Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України 1998. 435 с. ISBN 966-02-0427-2.
- СІКОРСЬКА, Зінаїда С.: Українсько-російський словотвірний словник. Київ: Радянська школа 1985. 188 с.
- Словарь української мови. Ред. Б. Грінченко. Т. I–IV. Київ 1907–1909.
- Словник української мови. Т. 1–11. Київ: Наукова думка 1970–1980.
- Словотвір сучасної української літературної мови. Київ: Наукова думка 1979.
- СОКОЛОВА, Світлана О.: Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. Київ: Наукова думка 2003. 283 с.
- ТОЛСТАЯ, Светлана М.: Мотивационные семантические модели и картина мира. In: Русский язык в научном освещении. № 1 (3). Москва: Языки славянской культуры 2002, с. 112–127.
- ЯВОРНИЦЬКИЙ, Дмитро І.: Словник української мови. Т. 1 (А–К). Катеринослав: Слово 1920.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 1974. 240 s.
- KLYMENKO, Nina F. – KARPILOVSKA, Jevgenija A.: Computer Morpheme-Word-Formative Database of the Ukrainian Language and Its Applications. In: Journal of Quantitative Linguistics, 1994, Vol. 1, № 2, pp. 113–131.
- MARTINCOVÁ, Olga: Obecná charakteristika lexikografického přístupu k neologizmům. In: Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, s. 34–39. ISBN 83-86881-35-6.
- WASZAKOWA, Krystyna: Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zachodniosłowiańskich. In: Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, s. 78–102. ISBN 83-86881-35-6.

проф. Євгенія А. Карпіловська

Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні Національної академії наук України, вул.

Грушевського 4, 01001 Київ 1, Україна

e-mail: vkarp@i.com.ua

Запазычанні з блізкароднасных моў і праблема матывацыі

Аляксандр Лукашанец

Запазычанне актуальнай лексікі разам з словаўтварэннем з'яўляецца адной з найбольш важных крыніц папаўнення слоўнікавага складу мовы. Адначасова запазычаная лексіка аказвае таксама істотны ўплыў і на словаўтваральную сістэму мовы (запазычаныя словы ўключаюцца ў словаўтваральны працэс ў якасці базавых, прадвызначаюць актывізацыю пэўных словаўтваральных сродкаў і паяўленне новых, уплываюць на марфаналогію словаўтварэння і інш.). Гэтыя з'явы, звязаныя з уваходжаннем неславянскай лексікі ў лексічныя сістэмы славянскіх моў, як можна меркаваць, у асноўным аднолькавыя для ўсіх славянскіх моў на сучасным этапе.

Для сучаснай беларускай мовы таксама характэрна актыўнае папаўненне слоўнікавага складу за кошт актуальных запазычанняў як з неславянскіх (у першую чаргу англійскай), так і ў значнай ступені суседніх славянскіх (рускай і польскай) моў. Пры гэтым запазычанні з блізкароднасных моў, як правіла, захоўваюць у прымаючай мове сваю зыходную матываванасць, г. зн. успрымаюцца як матываваныя і захоўваюць выразную сувязь з матывавальнай базай. Акрамя таго, большасць запазычанняў з неславянскіх моў пранікаюць у беларускую мову таксама праз пасрэдніцтва рускай мовы, што часта стварае ўражанне рускамоўнага ўплыву. Усё гэта ў сваю чаргу стварае шэраг праблем, звязаных з уваходжаннем сучасных запазычанняў у словаўтваральную сістэму беларускай мовы і характарам іх матывацыйных сувязей з іншымі лексічнымі адзінкамі.

1. Адной з самых істотных з'яўляецца праблема размежавання ўласна запазычанняў з блізкароднасных моў, словаўтваральных калек і ўнутрымоўных утварэнняў. Так, у розных даследаваннях, прысвечаных развіццю лексічнага складу беларускай літаратурнай мовы ў XX ст., заўсёды падкрэсліваецца значнасць рускага і польскага ўплыву на лексічную і словаўтваральную сістэмы беларускай мовы. Параўн.: «Найбольш значны ўплыў на маладую беларускую літаратурную мову аказвала блізкароднасная руская мова, адкуль браліся пераважна кніжныя словы, якія не мелі адпаведнікаў у беларускіх гаворках або цяжка паддаваліся калькаванню... Пра маштабнасць і глыбіню гэтага ўплыву ў пачатку XX ст. можа сведчыць хоць бы той факт, што запазычваліся часта не асобныя словы, а цэлыя групы слоў, утвораных па адной словаўтваральнай мадэлі, напр.: *абвініцель, вучыцель, збавіцель, дзвігацель, заваявацель, настаяцель, папачыцель, прадсядацель, следавацель, чытацель* і інш. <...> З польскай, як і з рускай, мовы пранікалі цэлыя рады слоў, утвораных па адной мадэлі, напр.: *друкарня, капальня, кнігарня, майстэрня, малатарня, сячкарня* і інш.» (Лексікалогія... 1994, с. 94–95).

Не аспрэчваючы ў цэлым справядлівасць гэтых сцверджанняў, адзначым тым не менш, што з пазіцыі сінхроннага словаўтварэння адзначаныя намінацыйныя адзінкі цалкам адпавядаюць усім прыметам матываванага слова: маюць адпавед-

ную словаўтваральную базу і вядомы словаўтваральнай сістэме беларускай мовы словаўтваральны фармант: *малаціць* → *малатарня*, *кніга* → *кнігарня*, *заваяваць* → *заваявацель*. Таму іх «запазычанасць» у пэўным сэнсе адступае на другі план і яны маюць усе падставы разглядацца як уласныя утварэнні. Руская і польская моўныя плыні толькі спрыялі станаўленню ў беларускай мове агульных для ўсіх трох моў словаўтваральных тыпаў ці павышэнню іх прадуктыўнасці. Параўн.: бел. *друкарня*, *чытальня*, *умывальня*, *капальня*, *кнігарня*, *майстэрня*, *малатарня*, *сячкадня*, *пякарня*, *такарня* і інш.; рус. *умывальня*, *давільня*, *читальня*, *прядільня*, *гладільня*, *молельня*, *кочегарня*, *токадня*, *поварня*, *пекарня*; польск. *drukarnia*, *kopalnia*, *ksiegarnia*, *sieczkarnia*; бел. *абвініцель*, *вучыцель*, *збавіцель*, *дзвігацель*, *заваявацель*, *настаяцель*, *папячыцель*, *прадсядацель*, *следавацель*, *чытацель*; рус. *повелитель*, *мыслитель*, *хранитель*, *строитель*, *даритель*, *усмиритель*, *властитель*, *устроитель*, *расхититель*; польск. *grabiciel*, *wieściciel*, *zbawiciel*, *nauczyciel*, *usynowiciel*, *wodziciel*, *nagrodziciel*, *niszczyciel*, *krzywdziciel*.

Тым больш сказанае датычыцца запазычанняў з рускай мовы пасляваеннага перыяду. Вельмі цікавым і паказальным для ацэнкі рускіх запазычанняў у беларускую мову гэтага перыяду з’яўляецца наступнае выказванне: «Матэрыялы паказваюць, што неалагізмаў рускага паходжання ў пасляваенны час засвойваецца беларускай мовай у нязменнай форме значна больш, чым у 20–30-я гады. Асноўнай прычынай тут з’явілася тое, што пад уплывам агульнай тэндэнцыі да тэрміналагізацыі лексікі пераважная большасць новых слоў у рускай мове ўтвараецца шляхам спалучэння рускіх і інтэрнацыянальных або толькі інтэрнацыянальных словаўтваральных элементаў, якія не паддаюцца калькаванню нават на блізкароднасную мову, а таму словы з такімі структурнымі элементамі, як правіла, не перакладаюцца, а запазычваюцца ў нязменнай форме. Для прыкладу, з адным інтэрнацыянальным элементам *гідра*-беларускай мовай у пасляваенны час было запазычана з рускай каля сотні такіх складаных утварэнняў, як *гідраавіяцыя*, *гідраагрэгат*, *гідраакустыка*, *гідрачыстка*, *гідрааэрадром*, *гідрааэрапорт*, *гідрабіёніка*, *гідрабіялогія*... Павелічэнню ў пасляваенны перыяд чыстых запазычанняў рускага і іншамоўнага ўтварэння садзейнічала і значнае аслабленне тэндэнцыі да „адштурхоўвання ад рускай мовы“, якая досыць выразна праяўлялася ў даваенны час...» (Лексікалогія... 1994, с. 286–297). Параўн. таксама: «На развіццё словаўтваральных працэсаў у беларускай мове (у другой палове XX ст. – А. Л.) вялікае ўздзеянне аказвае руская мова. У рускай мове... выпрацоўваюцца новыя ўзоры словаўтварэння і з’яўляюцца новыя неабходныя лексічныя сродкі для адлюстравання змен, што адбываюцца ў жыцці грамадства. Тэя тэндэнцыі, якія характарызуюць развіццё словаўтваральнай сістэмы рускай мовы, так ці інакш выяўляюцца і ў беларускай мове. Гэта значыць, што руская мова не толькі служыць для беларускай мовы... крыніцай непасрэднага запазычання гатовага лексічнага матэрыялу, але і ўплывае на выяўленне і актывізацыю патэнцыяльных словаўтваральных магчымасцей, садзейнічае выпрацоўцы гнуткіх і дасканалых словаўтваральных спосабаў і сродкаў» (Шакун 1978, с. 118). Так, у беларускім словаўтварэнні адзначанага перыяду выключную прадуктыўнасць атрымалі «тыпы вытворных, што абазначаюць асоб жаночага полу паводле прафесіі, роду заняткаў (*артыстка*, *лабарантка*, *студэнтка*; *дыпломніца*, *правадніца*; *выкладчыца*,

прадаўшчыца, эмаліроўшчыца; дактарыца, канькабежыца, фельдшарыца), назвы працэсаў, утвораныя ад дзеяслоўных асноў (*бракоўка, маркіроўка, наладка; бурэнне, затапленне, счапленне*), назвы памяшканняў паводле іх прызначэння (*апаратная, закусачная, насосная; дыспетчарская, кандуктарская, настаўніцкая*)» (Шакун 1978, с. 119).

«Павялічваецца прадуктыўнасць ужо вядомых словаўтваральных марфем, з дапамогай якіх утвараюцца новыя актуальныя намінатыўныя адзінкі, напрыклад назвы асоб паводле роду дзейнасці, заняткаў, а таксама разнастайныя абстрактныя найменні: *-іст/-ыст: актывіст, турыст, шпажыст, -(н)ік: вячэрнік, сезоннік, -чык/-шчык: атамшчык, бетоншчык, ракетчык*; прэфіксаў (прэфіксаідаў) *анты-: антыгуманізм, антыпатрыятызм, звыш-: звышгалактыка, звышдзяржава, звышмагістраль, ультра-: ультраакустыка, ультрагук, ультрачасціца...*» (Шакун 1978, с. 119).

Выходзячы з гэтых пазіцый, да запазычанняў з рускай мовы можна аднесці і сучасныя інавацыі ў беларускай мове: *акцыяніраванне, акцыянерна-біржавы, бартэрны, бізнес-цэнтр, антырэклама, антыдэмакрат, наркабізнес, наркадоллары, наркамафія, лабіст, камп'ютэршчык, рэкецір, рэкецірства, дылерства, экакатастрофа, шоу-бізнес, інтэрнет-кафэ* і інш. Параўн. адпаведныя рускія лексічныя адзінкі: *акционирование, акционерно-биржевой, бартерный, бизнес-центр, антиреклама, антидемократ, наркобизнес, наркодоллары, наркомафия, лоббист, компьютерщик, рекетир, рекетирство, дилерство, экокатастрофа, шоу-бизнес, интернет-кафе* (Słowotwórstwo/Nominacja 2003, с. 64–69).

Аднак, калі нават прызнаць, што прыведзеныя вышэй прыклады лексічных адзінак з'яўляюцца запазычаннямі з рускай мовы, асабліваці іх уваходжанні ў лексічную і словаўтваральную сістэмы беларускай мовы відавочныя. Так, выразныя запазычанні з неславянскіх моў, напрыклад, англіцызмы тыпу *кілер, дылер, спікер* у сучаснай беларускай мове атрымліваюць статус нематываваных (хаця ў моведонары яны з'яўляюцца, безумоўна, матываванымі аддзеяслоўнымі адзінкамі: *to kill* → *a killer, to deal* → *a dealer, to speak* → *a speaker*) і ўключаюцца ў словаўтваральную сістэму мовы толькі ў якасці базы для новых лексічных адзінак, утвораных ужо на ўласнай моўнай глебе: *кілер* → *кілерства, кілерскі; дылер* → *дылерства, дылерскі; спікер* → *спікерскі*. І толькі некаторыя з такіх запазычанняў, напрыклад *рымейкер*, маюць двухбаковую суаднесенасць: не толькі могуць служыць базай для ўтварэння новых лексічных адзінак, але і самі захоўваюць сваю матываванасць, што тлумачыцца запазычаннем і папярэдняга звяна словаўтваральнай пары ў мове-донары (*to remake* → *a remaker*): *рымейк* → ***рымейкер*** → *рымейкерскі, рымейкерства*.

У адрозненне ад большасці запазычанняў з неславянскіх моў, запазычанні з блізкароднасных моў, як правіла, захоўваюць матывацыйныя адносіны мовы-донара, таму і ў мове-рэцыпіенце яны маюць двухбаковую суаднесенасць. Так, запазычанні з рускай мовы ўступаюць у адпаведныя матывацыйныя адносіны з ужо вядомымі беларускай мове лексічнымі адзінкамі, якія могуць разглядацца як словаўтваральная база для апошніх. Напрыклад, у беларускай мове словы *ракетчык, бетоншчык, атамшчык, вячэрнік, наладка, бурэнне, антырэклама, лабіст, дылерства* атрымліваюць з пункту погляду матывацыйных сувязей статус уласных утварэнняў, паколькі ў яе слоўнікавым складзе функцыянуюць лексічныя адзінкі,

якія могуць выступаць словаўтваральнай базай для названых інавацый (*ракета, бетон, атам, вечар, наладзіць, бурыць, рэклама, лобі, дылер*), а словаўтваральнай сістэме беларускай мовы вядомы словаўтваральныя элементы **-чык, -нік, -к(а), -іст, -ств(а)**. Фактычна матываваныя русізмы ў беларускай мове ўключаюцца ў словаўтваральную сістэму беларускай мовы ў якасці другога (не зыходнага!) кампанента словаўтваральнага ланцужка і могуць працягваць яго. Напрыклад: *вячэрнік* (*вечар* → **вячэрнік** → *вячэрніца*), *наладка* (*наладзіць* → **наладка** → *наладачны*), *антырэклама* (*рэклама* → **антырэклама** → *антырэкламны*) і інш.

Такім чынам, «запазычанасць» разглядаемых лексічных інавацый, у тым ліку і самых навейшых, у беларускай мове ў пэўным сэнсе адступае на другі план, а іх месца ў сістэме словаўтварэння (у складзе комплексных адзінак словаўтварэння) і характар матывацыйных сувязей ствараюць імідж «уласнамоўных» намінацый. Таму, нягледзячы на відавочнасць рускамоўнага ўплыву, падобнага роду лексічныя інавацыі маюць тэндэнцыю да змены свайго статусу блізкароднасных запазычанняў ў бок словаўтваральных калек і нават уласнамоўных утварэнняў. Фактычна мы маем справу з разыходжаннем дыяхранічнай і сінхроннай трактоўкі гэтых лексічных адзінак.

Тэндэнцыя да набыцця статусу ўласнамоўных утварэнняў тым больш характэрна для выразных калек з рускай мовы: *постперабудовачны* (рус. *постперестроечный*), *наркасродкі* (рус. *наркосредства*), *інтэрнет-залежнасць* (рус. *интернет-зависимость*), *нарказалежнасць* (рус. *наркозависимость*) і інш. Усе гэтыя інавацыі таксама натуральна ўпісваюцца ў сістэму матывацыйных сувязей у беларускай мове і займаюць адпаведнае месца ў структуры словаўтваральнага гнязда.

2. Магчымасць суаднясення структурных частак матываванага запазычання з блізкароднаснай мовы з адпаведнымі структурнымі элементамі ў мове-рэцыпіенце ў некаторых выпадках можа весці да змен у сістэме словаўтварэння. Напрыклад, уведзенае ў беларускую моўную практыку запазычанне з украінскай мовы *напрыканцы* (укр. *наприкінці*) выразна суадносіцца з беларускім назоўнікам *канец*, які з сінхроннага пункту погляду павінен разглядацца як матывавальная база гэтага прыслоўя (*канец* → *напрыканцы*). Аднак у дадзеным выпадку ўзнікае праблема трактоўкі словаўтваральнай структуры гэтага слова. Калі лічыць прыслоўе *напрыканцы* прыставачна-суфіксальным дэрыватам, то тады неабходна канстатаваць паяўленне ў сістэме словаўтваральных сродкаў беларускай мовы новага словаўтваральнага фарманта – камбінаванага (складанага) прэфікса **напры-**, невядомага да гэтага часу беларускай мове. Паяўленне ж у вуснай і пісьмовай практыцы яшчэ аднаго прыслоўя *напрыпачатку* (*пачатак* → *напрыпачатку*), якое, відавочна, утворана па аналогіі з *напрыканцы* і не з’яўляецца запазычаннем, дае падставы для таго, каб лічыць фармант **напры-** не уніфіксам, а звычайным прэфіксам. Праўда, можна дапусціць і яшчэ адно рашэнне: лічыць, што дадзеныя прыслоўі ўтвораны паводле новага ў беларускім словаўтварэнні прыставачна-прыставачна-суфіксальнага спосабу. Аднак гэта ўжо праблема інвентарызацыі спосабаў словаўтварэння і іх падзелу на нарматыўныя (узвальныя) і аказіянальныя.

3. Уключэнне блізкароднаснага запазычання ў лексічную і словаўтваральную сістэмы мовы можа прывесці да змены ўсяго словаўтваральнага ланцужка

і паяўлення паралельнага раду намінатыўных адзінак. Напрыклад, у канцы XX ст. у беларускамоўную практыку дастаткова трывала ўвайшло слова *выстава*, якое зараз паспяхова канкуруе з нарматыўным у 80-я гады мінулага стагоддзя *выстаўка* (параўн. рус. *выставка*). Так, ТСБМ (1977–1984) фіксуе толькі *выстаўка*, а ССБМ (2000) ўжо прыводзіць побач з суфіксальным дэрыватам *выстаўка* і нульсуфіксальнае ўтварэнне *выстава*. З’яўляючыся запазычаннем з польскай мовы (параўн. польск. *wystawa*), назоўнік *выстава* ў беларускай мове тым не менш захоўвае выразную матывацыйную сувязь з дзеяслоўнымі лексемамі *выставіць/выстаўляць: выставіць/выстаўляць* → *выстава*. Аднак у такім выпадку павінен змяніцца ўсё словаўтваральны ланцужок, таму што прыметнік *выставачны* (параўн. рус. *выставочный*) не можа разглядацца як матываваны назоўнікам *выстава*. Гэта супярэчыць правілам беларускага словаўтварэння. Ад *выстава* могуць быць утвораны толькі прыметнікі *выстаўны* ці *выставовы*. Такім чынам, або ў моўнай сістэме замацоўваюцца два рады аднакарэнных лексічных адзінак з выразна акрэсленымі адносінамі словаўтваральнай матывацыі (*выставіць/выстаўляць* → *выстава* → *выстаўны* (*выставовы*); *выставіць/выстаўляць* → *выстаўка* → *выставачны*), або выцясненне з актыўнага ўжытку лексемы *выстаўка* прывядзе ў будучым да выцяснення і адпаведнага прыметніка *выставачны*.

Параўн. яшчэ прыклады паралельнага функцыянавання ў лексічнай сістэме беларускай мовы намінатыўных адзінак, якія звязаны з уплывам блізкароднасных польскай і рускай моў. Так, у слоўнікавым складзе беларускай літаратурнай мовы функцыянуе цэлы рад матываваных адзінак, утвораных ад слова *формула*, якое ўзыходзіць да лац. *formula* (Булыка 1999, т. 2, с. 583): *фармулёўка*, *фармуліроўка*, *фармуляванне*, *фармуляваны*, *фармулявацца*, *фармуляваць* (ТСБМ). Пры гэтым дзеяслоў *фармуляваць* падаецца як запазычанне з польскай мовы: *фармуляваць* (польск. *formulować*, ад лац. *formula* = форма, правіла, палажэнне) – кратка і дакладна выражаць якую-н. думку, рашэнне (Булыка 1999, т. 2, с. 543). У гэтым радзе лексем «лішнім» аказваецца дзеяслоў *фармуліроўка*, які з’яўляецца поўным сінонімам да дзеяслова *фармулёўка* і фактычна не «ўпісваецца» ў словаўтваральнае гняздо *формула*. У адпаведнасці з семантыкай пазіцыя слова *фармуліроўка* ў гняздзе павінна адпавядаць пазіцыі дзеяслова *фармулёўка*, аднак тады ўзнікаюць праблемы яго словаўтваральнай інтэрпрэтацыі. Неабходна або рэканструяваць пачатковае звязно адпаведнай словаўтваральнай пары русізмам *фармуліраваць* (*фармуліраваць* → *фармуліроўка*), або выдзяляць у слове *фармуліроўка* штучны суфіксальны фармант *-іроўк-* і ўстанаўліваць адносіны апасродкаванай матывацыі з зыходным назоўнікам *формула*:

формула → *фармуляваць* → *фармулявацца*
фармуляванне
фармулёўка
фармуляваны...
 (*фармуліраваць*) → *фармуліроўка*

Параўн. рус. *формулировать* → *формулировка*.

Яшчэ больш складаныя адносіны суіснавання ў лексічнай і словаўтваральнай сістэме беларускай мовы дэманструюць лексічныя адзінкі, якія суадносяцца з дзеясловамі *фармаваць* і *фарміраваць*, што ўзыходзяць да назоўніка *форма* лацінскага

паходжання. Параўн.: ФОРМА (лац. *forma*); ФАРМАВАЦЬ (лац. *formare*) – надаваць чаму-н. пэўную форму; ФАРМІРАВАЦЬ (рус. *формировать*, ад лац. *formare*): 1) арганізоўваць, ствараць, састаўляць (напр. *ф. дывізію*, *ф. урад*, *ф. таварны састаў*), 2) выпрацоўваць у каго-н. адпаведныя рысы характару, светапогляд і інш. (Булыка 1999). Адразу заўважым, што хаця дзеяслоў *фармаваць* узводзіцца непасрэдна да лацінскай формы, польскае пасрэдніцтва тут відавочнае. Слоўнікі беларускай мовы фіксуюць значную колькасць лексем з гэтым каранем, аднак з зыходным *форма* паводле сваёй семантыкі ў сучаснай беларускай мове звязана толькі адгалінаванне з дзеясловам *фармаваць*. Параўн.: *фармавальны* (прызначаны для фармавання, фармоўкі), *фармаванне* (дзеянне па знач. дзеясл. *фармаваць*), *фармаваны* (дзеепрым. да *фармаваць*), *фармавацца* (1. набываць якую-н. форму; 2. зал. да *фармаваць*), *фармаваць* (1. апрацоўваючы, адліваючы, штампуючы, надаваць чаму-н. адпаведную форму; 2. рабіць форму для адліўкі, ліцца чаго-н.), *фармавы* (1. прыгодны для адліўкі ў формах; 2. зроблены па форме) і г. д.:

форма → *фармаваць* → *фармавацца*
фармаванне
фармоўка → *фармовачны*
фармоўшчык → *фармоўшчыца*...

Дзеяслоўная частка *фарміраваць* фактычна выдзелілася ў самастойнае гняздо са сваёй спецыфічнай семантыкай і лексічнай спалучальнасцю:

фарміраваць → *фарміравацца*
фарміраванне
фарміроўка → *фарміровачны*...

Такім чынам, розныя шляхі пранікнення ў беларускую мову іншамоўнай лексікі абумоўліваюць не толькі асаблівасці яе афармлення (дзеяслоўныя кампаненты *-ава-* і *-ірава-*), але і спецыфіку матывацыйных адносін і розныя словаўтваральныя магчымасці, а таксама своеасаблівае месца ў лексіка-семантычнай сістэме мовы. Менавіта апошнія пацвярджае немэтазгоднасць і неабгрунтаванасць паслядоўнай замены дзеяслоўных форм на *-ірава-* формамі на *-ава-*, што выклікана тэндэнцыяй адштурхоўвання ад рускай мовы.

4. Паралельнае запазычанне з блізкароднасных рускай і польскай моў стварае ў беларускай мове праблему канкурэнцыі намінацыйных сродкаў і ўплывае на напрамак словаўтваральнай матывацыі на катэгарыяльным узроўні. Параўнаем словаўтваральныя пары *пасол* → *пасольства* (назва асобы → назва ўстановы) і *амбасада* → *амбасадар* (назва ўстановы → назва асобы). Больш таго, замацаванне нормаў словаўжывання той ці іншай пары найменняў адначасова будзе сведчаннем збліжэння намінацыйнай і словаўтваральнай сістэм беларускай мовы з адной мовай і адначасова адштурхоўвання ад другой (параўн. рус. *посол* → *посольство* і польск. *ambasada* → *ambasador*). Менавіта тэндэнцыяй адштурхоўвання ад рускай мовы абумоўлена пашырэнне ў беларускай мове канца ХХ ст. лексем *міліцыянт* замест *міліцыянер* (рус. *милиционер*, польск. *milicjant*), *лётнік* замест *лётчык* (рус. *лётчик*, польск. *lotnik*), *каментар* замест *каментарый* (рус. *комментарий*, польск. *komentarz*) і інш., што ў сваю чаргу вядзе да ўзмацнення канкурэнцыі словаўтваральных тыпаў у сістэме беларускага словаўтварэння:

-альн/-ав-: суфіксальны – суфіксы;

-н/-ов-: рэкламны – рэкламовы, канцэртны – канцэртковы;

-ісцк/-ов-: мадэрнісцкі – мадэрновы і інш. (Najnowsze dzieje... 1998).

5. Асобную праблему ўяўляе ўваходжанне ў сістэму беларускага словаўтварэння рускамоўных абрэвіятур, у тым ліку і навейшых. Многія абрэвіятуры-запазычанні і абрэвіятуры-калькі, захоўваючы фармальныя прыметы складанаскарочаных слоў, тым не менш не могуць быць уключанымі ў адносіны словаўтваральнай матывацыі з адпаведнымі намінацыямі неаднаслоўнымі адзінкамі.

Як правіла, запазычанне або калькаванне абрэвіятуры суправаджаецца калькаваннем адпаведнага намінацыянага словазлучэння, на базе якога абрэвіятура ўтворана. Параўн.: бел. **ААН** – *Арганізацыя Аб'яднаных Нацый* (рус. **ООН** – *Организация Объединенных Наций*, англ. **UNO** – *United Nations Organization*), **БАМ** – *Байкала-Амурская магістраль* (рус. **БАМ** – *Байкало-Амурская магистраль*), **самба** – *самаабарона без зброі* (рус. **самбо** – *самооборона без оружия*), **МГУ** – *Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава* (рус. **МГУ** – *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*). Такім чынам, абрэвіятуры **ААН** і **БАМ** захоўваюць і ў беларускай мове фармальную і семантычную суаднесенасць з адпаведным неаднаслоўным намінацыянавым словазлучэннем і павінны разглядацца як матываваныя адзінкі. З другога боку, абрэвіятуры рускамоўнага паходжання тыпу **МГУ** захоўваюць знешнія прыметы складанаскарочанага слова (пішуща з вялікай літары і чытаюцца па назвах адпаведных літар – *эмгэу*), семантычна суадносяцца з адпаведнай (калькаванай з рускай мовы) неаднаслоўнай намінацыянай адзінкай, але не маюць фармальнай суаднесенасці з ёй. У выніку яны не могуць быць уключаны ў сістэму словаўтваральных адносін і набываюць у беларускай мове статус нематываванага слова. Параўн. таксама **ЮНЕСКА** – *Арганізацыя Аб'яднаных Нацый [на пытаннях] адукацыі, навукі і культуры* (англ. **UNESCO** – *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*). Нарэшце, абрэвіятуры тыпу **самба**, **лаўсан** (рус. *лавсан*) наогул страчваюць у беларускай мове прыметы складанаскарочанага слова і ўключаюцца ў разрад нематываваных лексічных адзінак.

Такім чынам, запазычанні з блізкароднасных моў, садзейнічаючы ў цэлым папаўненню і абагачэнню слоўнікавага складу беларускай мовы, у значнай ступені ўплываюць на яго словаўтваральную сістэму і характар матывацыйных адносін паміж лексічнымі адзінкамі. З запазычаннем матываванай лексікі з блізкароднасных моў у сучасным беларускім словаўтварэнні звязаны праблемы канкурэнцыі словаўтваральных тыпаў і сродкаў, наяўнасці паралельных радоў намінацыяных адзінак, а таксама праблемы вызначэння адносін словаўтваральнай матывацыі паміж аднакарэннымі адзінкамі.

Літаратура

БУЛЬКА, Аляксандр М.: Слоўнік іншамоўных слоў. У 2-х тт. Мінск 1999.

Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Пад рэд. А. Я. Баханькова. Мінск 1994.

ССБМ = БАРДОВІЧ, Анатоль М. – КРУТАЛЕВІЧ, Міхась М. – ЛУКАШАНЕЦ, Аляксандр А.: Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. Мінск 2000.

ТСБМ = Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5-ці тт., 6-ці кн. Мінск 1977–1984.

ШАКУН, Леў М.: Словаўтварэнне. Мінск 1978.

ШАКУН, Леў М.: Моўныя арыенціры і словаўтваральны працэс. In: Беларусь паміж Усходам і Захадам. Ч. 2. Мінск 1997, с. 118–122.

Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Беларуская мова. Red. naukowy A. Lukašanec – M. Pri-godzič – L. Sjameška. Opole 1998.

Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003. ISBN 83-86881-35-6. ISBN 83-86881-35-6.

проф. Аляксандр А. Лукашанец, член-карэспандэнт НАН Беларусі

Інстытут мовазнаўства НАН Беларусі, вул. Сурганова 1, корп. 2, 220072 Мінск, Беларусь

e-mail: alukashanets@tut.by

Derywaty wobec procesów neosemantycznych

Krystyna Kleszczowa

Studia nad zmianami znaczeń mają długą tradycję w lingwistyce, swymi korzeniami sięgają początków refleksji nad językiem. W polskiej lingwistyce powszechnie znana jest monografia Danuty Buttler, syntetyzująca dotychczasowy dorobek, proponująca własną typologię, przede wszystkim zaś – dostarczająca niezwykle interesującego materiału przykładowego i wnikliwych, trafnych studiów szczegółowych (Buttler 1978). Bogactwo możliwych przewartościowań znaczeniowych sprawia, że nie sposób zrealizować postawionego w tytule zadania bez przyjętych z góry założeń i ograniczeń. Te dyktuje cel mojego referatu. Jest nim prezentacja i interpretacja procesów słowotwórczych. Chodzi o pokazanie przemian systemu słowotwórstwa z uwzględnieniem jednej z podstawowych technik nominacji – procesów neosemantycznych.

Nieustanne wahania sensu to immanentna właściwość każdego leksemu, zatem również derywatu. Wszak „my w naszej mowie nieustannie – według naszej woli – tworzymy, kreujemy słowa. Każdy bowiem znak słowny użyty na oznaczenie zawartości poznawczej w określonym kontekście psychicznym (poznawczym i emocjonalnym), jest właściwie znakiem użytym jedynie raz, albowiem w użycie tego znaku wchodzi taki zespół elementów znaczących, że nie sposób tego znaku jako identycznego w identycznych kontekstach użyć po raz drugi” (Krapiec 1985, s. 45–46). Z teoretycznego punktu widzenia nierealna jest zatem stabilność znaczenia leksemu, zwłaszcza gdy przyjmujemy odległą perspektywę czasową. W praktyce, gdy mówimy, iż wyraz przetrwał przez wieki bez zmian, bierzemy pod uwagę tylko jedno ze znaczeń, zwykle podstawowe, przemilczając drugorzędne sensory, tych bowiem każdy leksem miał tak dużo, że bez uogólnień nie można by o nim nic powiedzieć. Musimy zatem skupić uwagę na wybranych problemach neosemantyzacji, zastanowić się, które przekształcenia znaczeniowe w istotny sposób wpływają na ewolucję systemu słowotwórczego, które zaś, choć istotne dla relacji między wyrazem fundowanym a fundującym, mają znaczenie drugorzędne.

1. Oczywistym faktem jest polisemia znaków językowych – łatwiej wskazać leksemu wieloznaczne niż te, którym przypisujemy jeden sens. Każde zatem przesunięcie znaczenia, czy to leksemu-derywatu, czy jego bazy, powoduje zakłócenia w motywacji. Konsekwencją powyższego jest przesuwanie się leksemów-derywatów na skali motywacji – na jednym krańcu mamy derywaty o silnej motywacji, na drugim rola znaczenia strukturalnego ogranicza się do sensów drugorzędnych. Łatwo wskazać przykłady na rozluźnienie fundacji wskutek procesów neosemantycznych. Słowniki etymologiczne pełne są zaskakujących więzi między leksemami, czasem całkowicie już zerwanych, często śladowych, odkrywanych dopiero po lekturze, powiedzieć można – należących do wiedzy niejawnej, por. *świeca* i *świat*, *pstrąg* i *pstry*, *nęcza* i *nudny*, *pycha* i *puchnąć*, *glina* i *glista*, *gniew* i *gnić*.

Z reguły zmiana znaczenia podstawy stymuluje zmianę znaczenia derywatu bądź prowadzi do leksykalizacji. Ale bogactwo języka sprawia, że niemal każde zjawisko znajdu-

je swoje wyjątki, a czasem wręcz zaprzeczenie uogólnieniu. Bo mimo iż mnożyć można przykłady na zrywanie więzi wyrazu fundującego i fundowanego, zdarza się również coś całkiem przeciwnego – znaczenie derywatu wywołuje proces neosemantyzacji w podstawie słowotwórczej, w efekcie zaś – prowadzi do zacieśniania relacji między wyrazem fundowanym a fundującym. Przykładem może być czasownik *modlić (się)*, jeszcze w XVIII wieku mógł znaczyć ‘prosić człowieka’ (Kleszczowa 1989, s. 141), gdy tymczasem derywat *modlitwa* już w najstarszej polszczyźnie znaczył tylko ‘prośba skierowana do Boga’. Prawdopodobnie właśnie znaczenie derywatu spowodowało zawężenie znaczenia czasownika *modlić (się)*.

Oba procesy, zarówno te, które prowadzą do leksykalizacji, jak i wzmacniające motywację (rzadsze), sprawiają, że w historii języka obserwuje się nieustający ruch, ciągle przesuwane się formacji słowotwórczej z obszaru centralnego na zewnątrz, rzadziej – z obszaru peryferycznego do centrum. Sprawa byłaby dość banalna, gdyby nie inne procesy dotyczące systemu słowotwórczego, w sposób immanentny związane z poruszonymi wyżej kwestiami.

Jak wykazują studia nad ewolucją polskiego słowotwórstwa, obserwuje się wzmacnianie derywacji odrzeczownikowej, stopniowe odchodzenie od pierwotnie dominującego typu derywacji adwerbalnej (od początku do dnia dzisiejszego derywacja odprzymiotnikowa była słabsza od odczasownikowej i odrzeczownikowej). Sprawa wydaje się ważna dla związków słowotwórstwa z procesami zmienności znaczeniowej.

Rzeczowniki w przeciwieństwie do czasowników i przymiotników cechuje zdolność nie tylko predykcji, ale też do indeksowania. Właśnie ta predyspozycja mocniej wiąże rzeczowniki ze światem zewnętrznym, a to powoduje, że język szybciej reaguje na przekształcającą się rzeczywistość ekstralingwistyczną. Przymiotniki i czasowniki, zwłaszcza gdy nie są związane z rzeczownikiem, mocniej osadzone są w rzeczywistości językowej, są bardziej plastyczne pod względem semantycznym, bardziej „rozciągliwe” semantycznie. Czasownik łatwiej podlega procesom neosemantycznym przy jednoczesnym zachowaniu pierwotnego sensu, jest znaczeniowo pojemniejszy. Natomiast sztywność semantyczna rzeczowników sprzyja zrywaniu więzi między wyrazem fundującym a fundowanym, co działa destrukcyjnie na poziom słowotwórczy (zmniejsza się waga znaczenia strukturalnego) (Kleszczowa 1998, s. 57–60).

Opisywany tu proces destrukcji dotyczy derywacji rzeczownikowej. W derywacji przymiotnikowej i czasownikowej obserwuje się zmniejszanie roli rzeczownika jako podstawy słowotwórczej, przy czym – jeszcze raz należy przypomnieć, że w stawianych tu kwestiach pomija się derywację typu transpozycyjnego jako zjawisko natury gramatycznej, a nie leksykalnej. W derywacji czasowników i przymiotników relacje między wyrazem fundującym a fundowanym są silniejsze, bardziej klarowne pod względem semantycznym. Efektem jest wzmocnienie klasy przymiotników odprzymiotnikowych oraz czasowników odczasownikowych.

Tak więc w derywacji przymiotników pojawiają się nowe formanty, głównie za sprawą pożyczek (*antynarodowy*, *arcybanalny*, *ekstranowoczesny*, *hiperpoprawny*, *irracjonalny*, *inadekwatny*, *postkolonialny*, *preromantyczny*, *superciężki*, *transatlantycki*, *ultranowoczesny*), choć nie tylko, bo do nowych zaliczyć można rodzime: *niedo-* (*niedokwaśny*), *pod-* (*podczerwony*, *podostry*), *przy-* (*przyciężki*). Rozszerza się zakres gradacyjnego pra-

(*prastary, pradawny*), krystalizuje się funkcja *-awy* (*białawy*), rozrasta się klasa ekspresywnych formantów *-utki, -uški, -uteńki, -uczki, -uchny* (Kleszczowa 2003). Jeśli chodzi o derywaty odczasownikowe, tu obserwuje się ograniczenia (Kurkowska 1954, s. 65–66), ale to nie dziwi, skoro wykształca się w polszczyźnie nowy układ imiesłowów.

Wiadomo, że prefiksacja w czasownikach pojawia się w późnej fazie prasłowiańszczyzny. Na gruncie polszczyzny następuje wzmocnienie jej, pojawiają się nowe sensory prefiksów, co prowadzi niejednokrotnie do ograniczenia polisemii bezprefiksalnych podstaw. Z obserwacji Aleksandry Janowskiej wynika, że znaczenia, które u progu polszczyzny mieściły się w szerokim wachlarzu czasownika bezprefiksального, przejmowane są przez czasowniki prefiksalne¹. Uszczuplanie polisemii to także proces neosemantyczny.

2. Szczególną wagę dla ewolucji systemu słowotwórczego mają regularne wieloznaczności. Mam na myśli przesunięcia znaczeniowe typu: ‘nazwa czynności’ → ‘rezultat czynności’ (por. *jedzenie, ubranie*), ‘nazwa miejsca’ → ‘ludzie znajdujący się na tym miejscu’ (*szkoła* ‘budynek’ wobec użycia: *Cała szkoła poszła do teatru*), ‘nazwa cechy’ → ‘obiekt, dla którego dana cecha jest znamieną’ (por. *budynek otulony zielenią*) itd. Regularność przesuwania sensu zasada się na „rodowodzie” składniowym. O nominalizacjach anaforycznych mówiłam na konferencji w Innsbrucku (Kleszczowa 2000), dodać można jeszcze zerowanie jednego ze składników (zerowany może być tylko składnik wynikający w sposób oczywisty z kontekstu, stąd seryjność substancytywizacji, np. nazwy osobowych nosicieli cech, por. *bogaty, ociemniały (człowiek)*, nazwy pociągów (*pośpieszny, osobowy pociąg*), nazwy potraw (*pomidorowa, kalafiorowa, fasolowa zupa*)). Składniowa geneza regularnych wieloznaczności to problem otwarty, wymagający szczegółowych głębszych studiów i mocnej argumentacji. Na tym etapie chciałabym jedynie podkreślić teoretyczną zasadność postawionej tu tezy.

Nie zawsze i nie wszystkie regularne wieloznaczności są istotne dla przekształceń systemu słowotwórczego. Muszą one spełnić określone warunki. Pierwszy warunek to specyficzne i w miarę regularne nacechowanie morfologiczne kategorii wyjściowej, wszak gra między bazą a formantem to podstawa rozważań nad słowotwórstwem. Drugi warunek to zbieżność kategorii semantycznej z morfologiczną. I tak np. istotne dla słowotwórstwa jest regularne przesuwanie sensu: ‘nazwa cechy’ → ‘nazwa zbioru ludzi, dla których cecha ta jest istotna’ (np. *chamstwo, bieda* ‘ludzie niezamożni, (...)’, *inteligencja, starszyna* (*rodowa, w wojsku*), czy ‘bycie tym, na co wskazuje podstawa’ → ‘ludzie reprezentujący urząd, godność, funkcję’ (*advokatura* ‘zawód, stanowisko adwokata’ i ‘ogół adwokatów’, *kupiectwo* ‘handel’ i ‘kupcy’, *episkopat* z łac. *episcopatus* ‘godność biskupa’ i ‘ogół biskupów danego kraju (...)’, *profesura, rycerstwo* itd.); obie kategorie odnaleźć można na poziomie słowotwórczym i w obu klasach mamy wyraźnie nacechowaną morfologicznie kategorię wyjściową. Natomiast nie mają np. znaczenia regularne przesunięcia sensu: ‘obiekt wydający dźwięk’ → ‘dźwięk wydawany przez ten przedmiot’, np. *dzwonek, gwizdek* (np. *gwizdek sędziego* ‘to, ze gwizdże’), *syrena, trąbki* czy *wiolonczelce* czy ‘część ciała’ → ‘czynność wykonana tą częścią ciała’, por. *główka* ‘odbicie piłki głową’, *ręka* ‘dotknięcie

¹ Przykładami bazowych czasowników, których znaczenia zostały przejęte przez derywaty prefiksalne, niech będą staropolskie: *kazać* wobec dzisiejszego *pokazać* czy *przekazać* ‘powierzyć’; *isć* wobec dzisiejszego *wejść* i *przyjść*; *mieszać* wobec (*nie*) *omieszać*; *słuchać* wobec *wysłuchać*; *leżeć* wobec *zależeć* (*od kogoś*).

piłki ręką’, albo: ‘część ciała’ → ‘część ubrania, też buta okrywająca tę części ciała’, por. *palce* ‘przednia część buta’, *pięta* (por. *buty bez pięt*), *plecy* (*plecy marynarki*). Inny przykład to: ‘nazwa miejsca’ → ‘nazwa towaru’: *browar* ‘piwo’, *żywiec* ‘piwo produkowane w mieście Żywiec’. Takie wieloznaczności dla ewolucji systemu słowotwórczego nie mają istotnego znaczenia, mogą co najwyżej zmieniać stosunki motywacyjne. Choć są regularne, konsekwencje są takie, jak w poprzednio omawianej klasie (1.).

Warto teraz zapytać, jakie konsekwencje wynikają ze zbiegu regularnych wieloznaczności z nacechowaną morfologicznie kategorią słowotwórczą.

2.1. Przede wszystkim fakt ten interpretuje polisemię formantów. Skoro są klasy nacechowane morfologicznie, które w sposób regularny tworzą derywaty semantyczne odpowiadające innym kategoriom słowotwórczym, wieloznaczność formantu należy traktować jako immanentną właściwość systemu słowotwórczego. To między innymi tłumaczy, dlaczego nie ma kategorii słowotwórczej z jedynym wykładnikiem morfologicznym. Typowo słowotwórczym zjawiskom, mam tu na myśli produktywność, towarzyszą zjawiska neosemantyczne, a te fundują formanty polisemiczne.

2.2. Regularność procesów słowotwórczo-semantycznych pozwala na prognozowanie. Skoro pojawia się jakiś nowy wykładnik formalny w kategorii, która stanowi punkt wyjścia dla regularnych wieloznaczności, można przewidywać, że z czasem nowy wykładnik formalny pojawi się w innych kategoriach słowotwórczych (por. *-cja*, *-izm*, teraz *-ing*).

2.3. Regularne wieloznaczności mogą potwierdzić bądź zanegować zasadność genezy formantu. Jeżeli hipoteza uwzględnia semantyczną regularność zjawiska, siła argumentacji jest większa, jeżeli nie – można wątpić w jej zasadność, por. mocno wątpliwą hipotezę, jakoby nazwy środka czynności na *-aczka* wywodziły się od nazw żeńskich². Polski system słowotwórczy nie przewiduje takiej drogi rozwojowej, mamy tu jedynie do czynienia z homonią słowotwórczą. Natomiast zasadne jest przypuszczenie, że przyrostek *-aczka* powstał wskutek nałożenia na formant *-acz* o funkcji nazwy czynności dodatkowo morfemu *-ka*, także o funkcji nazwy czynności. Potwierdza to przegląd funkcji formantu *-aczka* w językach słowiańskich – nazwy te mogły mieć nie tylko znaczenie narzędzia, ale też rezultatu i miejsca, zatem dają się interpretować jako derywaty semantyczne od nazw czynności (Kleszczowa 1999).

2.4. Zjawiskiem przeciwnym do polisemii formantów jest specjalizacja niektórych środków słowotwórczych. Są kategorie słowotwórcze szczególnie mocno wypełnione środkami im tylko właściwymi. Do takich w polszczyźnie należą nazwy wykonawców czynności (*-iciel*, *-ca*), nazwy miejsc (*-isko*, *-arnia*, *-alnia*) oraz nazwy instrumentów (*-dło*, *-aczka*, *-arka*). Szansę na specjalizację uzyskuje formant wtedy, gdy forma słowotwórcza znajdzie się na końcu łańcucha derywacyjnego, gdy dana kategoria słowotwórcza nie stanowi punktu wyjścia dla procesu neosemantycznego. Problem poruszony w tym miejscu weryfikowany był na materiale języka polskiego. W przypadku nazw wykonawcy czynności mówić można o regularnym zjawisku w całej słowiańszczyźnie, czego dowodzą studia M. Wojtyły-Świerzowskiej (1974). Píše ona, że źródłem nominów agentis są:

² Tak w Gramatyce historycznej języka polskiego: „... formant wyosobniony z typu *kolejarka*, *pielęgniarka*, tj. rzeczowników, które nazywają kobietę na podstawie odnośnej nazwy osoby od wykonywania zawodowej pracy na nieżywotnego sprawcę czynności w postaci narzędzia” (Klemensiewicz – Lehr-Splawiński – Urbańczyk 1965, s. 209).

skonkretyzowany lub zsubstantywowany przymiotnik dewerbalny oraz skonkretyzowane abstractum dewerbalne, przy czym regularności te mają charakter nie tylko ogólnosłowiański, ale też panchroniczny.

3. Swój referat zaczęłam od uwag na temat względnej stabilności znaczenia jednostki leksykalnej w języku, zwłaszcza gdy stoimy na gruncie językoznawstwa historycznego. Zdarza się, że zmiana znaczenia derywatu jest ledwie zauważalna. Chodzi o sytuację, gdy stosunki motywacyjne zmieniają się wskutek pojawienia się drugiej motywacji, co z czasem może doprowadzić do reinterpretacji. Już pojawienie się drugiej motywacji jest sygnałem przemian w rozumieniu jednostki słowotwórczej, tym bardziej w przypadku, gdy wyraz rozumiany jest jako pochodny od innego leksemu. Zmianę motywacji także należy traktować jako zmianę znaczenia. Dla historii słowotwórstwa są to procesy ważne, procesy mające skutki formalne, zwłaszcza że przy sprzyjających warunkach może dojść do przemian całych kategorii słowotwórczych.

3.1. Konsekwencją zakłócenia pierwotnej relacji między derywatem a bazą wskutek pojawienia się podwójnej motywacji mogą być **narodziny nowego formantu**. Mogą, choć nie muszą. Z całą mocą trzeba tu podkreślić, że przez całą historię słowotwórstwa polszczyzny, także we współczesnym języku, obserwuje się mało znaczące rozszerzenia formantów, czego źródłem może być właśnie podwójna motywacja. Przykładem mało znaczących rozszerzeń wskutek pojawienia się podwójnej motywacji są przyrostki *-erski* i *-arski* w takich derywatach, jak: *pasterski*, *piekarski*, *pisarski*. Można je wywodzić od rzeczowników *pasterz*, *piekarz*, *pisarz*, ale też od czasowników: *paść*, *piec*, *писаć*. Która motywacja była pierwotna, tego nie da się rozstrzygnąć na podstawie danych historycznych. Poruszałam ten problem na zeszłorocznej konferencji w Mińsku, próbując obalić mit o jednym z celów słowotwórstwa historycznego (absolutna prawda rodowodu formy słowotwórczej) (Kleszczowa 2004).

Przykładem wyemancypowanego formantu jest przymiotnikowy przyrostek *-czy* (dziś: *odkrywczy*, *odżywczy*, *porywczy*, *wyborczy*). Owszem, przymiotniki zakończone na *~czy* spotykamy już w najstarszej polszczyźnie (*barañczy*, *gończy*, *kolczy*, *kupczy*, *owczarczy*, *parobczy*, *popieliczy*, *potwarczy*, *strzelczy*, *wątrobczy*, *żebraczy*), ale zdecydowaną ich większość można interpretować dwojako: jako utworzone drogą derywacji paradygmatycznej (od *baraniec*, *goniec*, *kolec*, *owczarz*, *parobek*, *popielica*, *potwarca*, *strzelec*, *wątróbka*, *żebrak*), albo od czasowników (*żebrać*, *strzelać*, *gonić*) lub rzeczowników bez zakończenia *~k* bądź *~c* (*baran*, *owca*, *parób*, *wątroba*). Przyrostek *-czy* wyodrębnia się jako efekt reinterpretacji. Wskutek „przeskoku” jednego ogniwa derywacji przymiotniki powstałe drogą konwersji zaczynają być rozumiane jako powstałe bezpośrednio od czasownika (por. *kupczy* ← [*kupiec* ←] *kupić*) lub od rzeczownika (*barañczy* ← [*baraniec* ←] *baran*).

Do reinterpretacji rzeczowników dochodzi bardzo często wówczas, gdy u podstaw derywatu stoi przymiotnik odrzeczownikowy. Takie podstawy są chwiejne, co tłumaczy hierarchia typów derywacji. W słowiańskim systemie derywacyjnym należy wyróżnić dwa podstawowe typy derywatów rzeczowników: silniejszy typ predykatywny, mający u podstaw strukturę zdaniową (*białko* ‘coś, co jest *białe*’) oraz typ nominalny – chodzi o rzeczowniki powstałe na bazie grupy nominalnej (mówimy wtedy o uniwerbizacji, por.

gotówka od stp. *gotowe pieniądze*). W układzie diachronicznym obserwuje się ciążenie w kierunku typu predykatywnego, czego konsekwencją jest pojawianie się drugiej motywacji, rzeczownikowej (por. *żaglówka* od *żaglowy* lub *żagiel*). Efektem tych procesów są nowe formanty mieszczące w swej strukturze morfemowej elementy właściwe przymiotnikom: *-n-* oraz *-ow-*, np. *-nie*, *-nica*, *-alnia*, *-arnia*, *-nik*, *-awica*, *-awka*, *-adlnia*, *-owisko* czy *-ownia*, *-owisko*.

3.2. Wspomniałam wcześniej, że konsekwencją pojawienia się nowego formantu może być krystalizacja nowej kategorii słowotwórczej. Dzieje się tak wtedy, gdy procesy reinterpretacji (te traktujemy tu jako szczególny typ procesy neosemantyzacji) dotyczą większych klas, przy tym wsparte są innymi zmianami, zmianami o dużej sile i znaczącej wadze. Przykładem może być rozpad prasłowiańskiego systemu imiesłowów, co pociągnęło za sobą masowe adiektywizowanie się imiesłowów, a w dalszej kolejności – reinterpretacje na poziomie słowotwórczym.

Wiadomo, iż w okresie prasłowiańskim za pomocą formantu *-jb* tworzone były derywaty od imiesłowów biernych czasu przeszłego strony biernej. Staropolskie derywaty z zakończeniami *~nie*, *~enie*, *~cie* w wielu wypadkach należy traktować jeszcze jako nazwy cech (np. *obnażenie* ‘nagość’; *obrócenie* ‘przemiana’, *oczyszczenie* ‘czystość, (...), blask’). Większość derywatów już wtedy funkcjonowała jako nazwy czynności. W ciągu kilkunastulecnej historii polszczyzny funkcja formantów *-nie*, *-enie*, *-cie* krystalizuje się. Mamy zatem do czynienia z derywatami tylko pozornie przejętymi bez zmian – forma jest identyczna, ale wartość kategoriałna przesunęła się od nazwy cechy do nazwy czynności. W rozwoju polszczyzny doszło zatem do krystalizacji dwóch podstawowych klas transpozycyjnych: nazwy czynności i nazw cech. Jedną z przyczyn tej zmiany językowej były właśnie zjawiska neosemantyzacji.

Zakończenie

Mam świadomość, że poruszane w referacie kwestie są ledwie „tknięte”, wymagają głębszej argumentacji, szerszej dokumentacji. Moim celem było pokazanie, że nakładanie się różnych technik nominacji ma istotne konsekwencje w ewolucji poziomu słowotwórczego. Pokazuje też korzyści, jakie płyną dla słowotwórstwa z przyjęcia nadrzędności procesów semantycznych. Poruszane w moim wystąpieniu problemy są istotne dla dynamicznego wizerunku słowotwórstwa, wskazują siły napędowe sterujące zmianami systemu słowotwórczego. Ale związki procesów słowotwórczych z semantycznymi wydają się istotne nie tylko dla słowotwórstwa historycznego. Historia języka ma nie tylko wartość rejestracyjną, ale też interpretującą zjawiska dziejące się na naszych oczach. Opis dziejów języka może być kluczem do wyjaśnienia aktualnego stanu poziomu słowotwórczego.

Bibliografia

- BUTTLER, Danuta: *Rozwój semantyczny wyrazów polskich*. Warszawa 1978.
 KLEMENSIEWICZ, Zenon – LEHR-SPLAWIŃSKI, Tadeusz – URBAŃCZYK, Stanisław: *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Wyd. 3. Warszawa 1965.
 KLESZCZOWA, Krystyna: *Verba dicendi w historii języka polskiego. Zmiany znaczeń*. Katowice 1989. ISBN 8322602405.

- KLESZCZOWA, Krystyna: Staropolskie kategorie słowotwórcze i ich perspektywiczna ewolucja. Rzeczowniki. Katowice 1998. ISBN 8322608349.
- KLESZCZOWA, Krystyna: W sprawie genezy formantów kategorii nazw środka czynności. In: Język. Teoria – dydaktyka. Materiały 21. konferencji językoznawczej, zorganizowanej przez IFP WSP w Rzeszowie w dniach 27–29 maja 1998 r. w Trzciniicy koło Jasła. Rzeszów 1999, s. 35–43.
- KLESZCZOWA, Krystyna: Влияние синтаксиса на форму и категории дериватов. In: Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, Innsbruck, 27. 9. – 2. 10. 1999. Hrsg. I. Ohnheiser. Innsbruck 2000, s. 175–184. ISBN 3-85124-200-9.
- KLESZCZOWA, Krystyna: Staropolskie derywaty przymiotnikowe i ich perspektywiczna ewolucja. Katowice 2003. 212 s. ISBN 8322612842.
- KLESZCZOWA, Krystyna: Faktografia we wnioskowaniu o ewolucji systemu słowotwórczego. In: Проблемы теории і гісторыі словаўтварэння. Рэд. А. А. Лукашанец – З. А. Харытончык. Мінск 2004, s. 110–116.
- KRAPIEC, Mieczysław A.: Język i świat realny. Lublin 1985.
- KURKOWSKA, Halina: Budowa słowotwórcza przymiotników polskich. Wrocław 1954.
- WOJTYŁA-ŚWIERZOWSKA, Maria: Prasłowiańskie nomen agentis. Wrocław 1974.

prof. dr hab. Krystyna Kleszczowa
Uniwersytet Śląski w Katowicach, Wydział Filologiczny, Instytut Języka Polskiego, Pl.
Sejmu Śląskiego 1, PL-40-032 Katowice, Polska
e-mail: krystyna.kleszcz@us.edu.pl

Kalki jako rodzaj słowotwórstwa

Alicja Nagórko

I. Kilka uwag wstępnych

Kalkowanie może być operacją słowotwórczą, w jego wyniku powstaje w części przypadków nowa, złożona struktura nazwowa. Jest to na ogół zabieg świadomy, dokonywany przy biurku, często przez tłumacza lub pisarza, jednostkę o wysokim poziomie świadomości językowej, przy tym wielojęzyczną. Kalki są często autorskie (tj. ich twórca jest znany) i miewają piętno wyrazów książkowych, które jednak z czasem ulega zatarciu – jak pol. *nastolatek* utworzone przez Władysława Kopalińskiego na wzór ang. *teenager*. *Nastolatek* dał impuls żartobliwemu tworowi *małolatek*, który następnie w drodze ucięcia cząstki *-ek* (odbieranej przez niektórych jako znamię infantylizmu) stał się chętnie używanym przez młodzież zgrubieniem *malolaty* (zwykle w liczbie mnogiej). Rzecz jasna, nikt już nie pamięta o twórcy tej nazwy.

O tym, że jakiś wyraz jest kalką innego, przekonuje dopiero analiza porównawcza odwołująca się do materiału obcojęzycznego. Innymi słowy: monolingwalni użytkownicy języka nie zdają sobie z tego sprawy. Chodzi przy tym o genetyczne pytanie: co z czego? Wbrew pozorom odpowiedź na nie nie jest taka prosta. Trzeba mieć na uwadze, że poza domniemanym wpływem obcym możliwe są procesy paralelnego, niezależnego słowotwórstwa. Względnie łatwo jest ocenić, czy dana struktura powiela dostępny w systemie model słowotwórczy, czy też od niego w czymś odbiega. Na przykład B. Walczak (1999, s. 127) widzi w rzeczowniku *przedpokój* kalkę na tej podstawie, że odziedziczony z prasłowiańskiego wzór

wyrażenie przymkowe + formant *-'e* (< *-bje*) = n. loci

powinien dać formę *przedpokoje*, analog. do *przedmieście*, *przedpiekle*, *podwale*¹. Trudniej o geolingwistyczny dowód, z jakiego konkretnie języka pochodzi ta kalka. Walczak opowiada się za wzorem francuskim, A. Bańkowski (2000, II, s. 833) za niemieckim (ten drugi dodaje, że z kolei niem. *Vorzimmer* powiela franc. *antichambre*; podobnego zdania był W. Doroszewski 1962, s. 262). M. Rammelmeyer (1975, s. 259) uznaje także serbsko-chorwacki odpowiednik *predsoblje*, słoweński *predsoba* za kalkę z niemieckiego, choć na drugim miejscu stawia francuski². Podobnie należałoby oceniać czeskie *předpokoj*. Wydaje się zatem, biorąc pod uwagę całą regionalną mapę wpływów, że i w polszczyźnie mamy

¹ Wyraz *przedpokój* upowszechnia się w drugiej połowie XVIII w., jednak już wcześniej notuje Knapiesz (1621) zgodną ze wzorcem formę *przedpokoje*. Walczak (1999, s. 127) traktuje ją jako neologizm autorski. Dodajmy, że już w zasobie staropolskich derywatów (do XV w. włącznie) znaleźć można dublety typu *przedpiekle* i *przedpiekło*, *przeddroże* i *przeddroga*, nie mówiąc o nierzadkim już wtedy typie męskim *przystrzech*, *przedzen*, *podnóż*, *podbiał* (przykłady za: Słowotwórstwo... 1996). Tak więc żywotności modelu prasłowiańskiego w polszczyźnie nie można absolutyzować, tym bardziej, że ów formant *-'e* jest w gruncie rzeczy końcówką neutrum.

² Przy ustalaniu wzorca dla danego wyrazu nie wyklucza Rammelmeyer oddziaływania dwu języków na raz, np. na chorwackim wybrzeżu bardziej prawdopodobne były wpływy włoskie, podczas gdy w głębi kraju trzeba przyznać pierwszeństwo niemieckiemu, który promieniował z Wiednia, stąd np. chorwackie *vjerovnik* ma zarówno oparcie we włoskim *creditore*, jak i w niem. *Gläubiger* (Rammelmeyer 1975, s. 11).

do czynienia z germanizmem. Dociekanie prawdy wymaga wręcz detektywistycznej dociekliwości, poszukiwania poświadczeń tekstowych, a dowody negatywne (brak wcześniejszych poświadczeń) nie przesądzą jeszcze niczego. Stosowanie wyłącznie metody filologicznej zatem nie wystarcza.

Choć kalkowanie wynikać może ze świadomej polityki językowej mającej za cel zachowanie pozorów rodzimości języka, spotyka się ono z negatywną oceną normatywną: słowniki poprawnościowe nie zalecają używania jawnych kalk³, zwłaszcza gdy wraz z nimi wchodzi do języka obce typologicznie modele struktur wyrazowych. Na przykład *światopogląd* za niem. *Weltanschauung* powiela typ z prawostronnym nadrzędnikiem, podczas gdy polszczyzna reprezentuje język „lewostronny” (por. Nagórko 1997, 1998). Zgodnie z nim byłoby zatem wyrażenie *pogląd na świat*⁴, choć mniej poręczne i niedopuszczające dalszej derywacji (tylko od *światopogląd* można utworzyć przymiotnik *światopoglądowy* z jego przysłówkowym tworem *światopoglądowo*, co jest nie do pogardzenia ze względu na tekstotwórczą rolę słowotwórstwa, bowiem derywaty te pozwalają unikać rozwlekłych sformułowań). Współczesna norma, biorąca pod uwagę przede wszystkim kryterium funkcjonalne, kalki tej nie tępi. Anachroniczne są natomiast dziś względy purystyczne, które niegdyś pobudzały do radosnej twórczości nie tylko w językach zagrożonych w swym bycie jak czeski lub górnołużycki, lecz również w niemieckim, wzbogacanym na fali XIX-wiecznego i późniejszego nacjonalizmu o liczne wyrazy-zamienniki (*Ersatzwörter*).

Mimo zastrzeżeń normatywnych uważam, że analizą tego zjawiska powinno się zająć słowotwórstwo porównawcze, i to zarówno z historycznego punktu widzenia, dostarczającego wiedzy na temat wędrówek wyrazów i historii kultury, jak i aktualnej problematyki języków w kontakcie i dokonujących się na tej podstawie procesów konwergencji nie tylko systemów leksykalnych, lecz także stopniowo i kognitywnych⁵. Dużo uwagi poświęca się w sławistyce procesowi internacjonalizacji leksyki, która jest zjawiskiem dość powierzchownym w zestawieniu z kalkowaniem, ale przez to łatwiejszym do uchwycenia. Dopracowano się też synchronicznego ujęcia internacjonalizmów: nieistotne staje się źródło, wystarczy stwierdzenie obecności danego słowa w co najmniej trzech niebezpośrednio spokrewnionych językach. Mechanizm kalkowania zasługuje na podobny opis, zarówno od strony refleksji teoretycznej⁶, jak i w miarę systematycznych studiów materiałowych. W ten sposób można wykazać istnienie europejsko-amerykańskiej (albo lepiej: amero-europejskiej) ligi słownikowej, bazującej w przeszłości na greko-latynizmach, a dziś na anglo-amerykanizmach.

³ Demaskatorskie zapędy zdradza w swoim słowniku A. Bańkowski (2000, II, s. 833), który np. pod hasłem *przedrostek* zamieszcza komentarz: „nowotwór purystów niedorzeczny i antypolski (bo wzorowany na germanizmach przekładowych, jak **przedpokój**, **przedpole**)”. Pytanie, czy domniemany „niepolski” twór musi być zaraz „antypolski”?

⁴ Takie zalecenie formułował Słownik poprawnej polszczyzny (Doroszewski – Kurkowska 1973).

⁵ Wielu współczesnych badaczy uznaje za stosowne uciec się do Humboldtowskiego pojęcia formy wewnętrznej, *innere Form*, por. „interior linguistic form” (Molnár 1985, s. 38), „vnitřní forma” (Martincová 1974, s. 172) przy rozważaniach na temat kalk. Ciekawe jest też spojrzenie na problem od strony językowej kategoryzacji czy też językowego obrazu świata.

⁶ Próbę taką podjął przed piętnastu laty J. Obara (1989), który – poza będącymi rezultatem mrówczej pracy zestawieniami terminologicznymi (na materiale polskim, angielskim, francuskim, niemieckim, rosyjskim) – zajął się takimi problemami, jak identyfikacja i ekscerpcja kalk oraz ich ocena normatywna.

O kalkach pisze się głównie w opracowaniach historycznojęzykowych i to w odniesieniu do wcześniejszych stadiów rozwoju języka. W słowiańszczyźnie uderza na przykład stare dziedzictwo form, które uważane są za narodowe kontynuanty leksyki odziedziczonej z prasłowiańskiego, jak pol. i staroczes. *muchomor*, współczesne czes. *muchomůrka*, ros. *muhomor*⁷. Jednak i tu opinie uczonych na temat rodzimości bądź obcości struktur wyrazowych są podzielone. I tak Šlosar (1996, s. 103) traktuje pol. *dziewięćsił*, czes. *devětsil*, ros. *devâsil*, chorw. *devesilj* jako kompozycje przetrwałe od czasów prasłowiańskich, zaś w Etymologicznym słowniku języka polskiego Bańkowskiego (2000, I, s. 330) znajdujemy przypuszczenie, że może to być nawiązanie do niem. *Neun-kraft*, a to z kolei jest śladem prastarego dziewiętnego systemu liczenia (toteż ‘9’ znaczy tu ‘wiele’). Autor ten zresztą dość często ucieka się w objaśnieniach etymologicznych do hipotezy wpływów niemieckich bądź francuskich, nawet jeśli języki te dawały jedynie bliżej nieokreślony impuls do utworzenia rodzimego derywatu, np. *mieszkaniec* „przekłada” zdaniem tego leksykografa niem. *Einwohner*, *Bewohner*, franc. *habitant*.

Słowotwórstwo współczesne określające czasem swoją metodę jako „dynamiczną synchronię” temat kalk jako zdecydowanie genetyczny raczej omija. Tymczasem kalkowanie można uznać za rodzaj analogii – zainteresowanie tą ostatnią co rusz powraca w lingwistyce⁸, choć wywodzi się ona, jak wiadomo, z przedstrukturalistycznej szkoły młodogramatyzmu. Analogia rozumiana bywa najczęściej jako proces wyrównania wewnątrz tematu (tzw. analogia wewnętrzna, regulująca na przykład występowanie alternacji tematycznych) bądź jako uproszczenie w systemie odmiany polegające na redukcji liczby paradygmatów pod wpływem jakiegoś dominującego wzorca⁹. H. Jelitte (2000), idąc tropem prac Nikitiny, Kubrjakowej, Sinkiewiczza i innych autorów rosyjskich i niemieckich, podkreślił znaczenie analogii także dla słowotwórstwa. Pisze on: „Ona ävlâetsâ bolee ili menea psihologičeskim processom i tem samym podčinenâ ili podveržena daleko idušemu avtomatizmu i mehanizacii (...) analogiâ ne tol’ko igrała značitel’nuû rol’ v razvitii âzyka, no i v dal’nejšem budet učastvovat’ v unifikacii âzykovyh âvlenij” (Jelitte 2000, s. 83).

Dodać można, że mechanizm ten jest istotny nie tylko dla języka rosyjskiego i niemieckiego. Analogia, którą odnajdujemy także w myśli de Saussure’a, należy do samej istoty języka. A. Bogusławski (1993, s. 62) kładzie nacisk na to, że de Saussure odpsychologizował doktrynę Hermanna Paula, czyniąc z zasady proporcjonalności instrument różnicowania, niezależny od przygodnych faktycznych wyrównań analogicznych. Jako metodologiczną zasadę „kwadratu” lub „czwórki proporcjonalnej” kontynuowała tę myśl postmłodogramatyczna lingwistyka strukturalna przy wyodrębnianiu (delimitacji, segmentacji) jednostek języka, także w słowotwórstwie.

Bogusławski, szkicując w powyższy sposób kolejne etapy rozwoju refleksji metodologicznej, uważa psychologizującą postawę Paula za zbyt ciężki balast dla wartości objaśnia-

⁷ Bańkowski wymienia rok 1497 jako datę poświadczenia tego wyrazu w polszczyźnie. Tym, co uderza, jest związek formy wewnętrznej nazwy *muchomor* z niem. *Fliegenpilz*, który chyba nie może być przypadkowy.

⁸ Por. np. M. Dokulil (1962), A. Bogusławski (1993), H. Jelitte (2000) i in.

⁹ Nie zawsze jest to dominacja w sensie ilościowym, statystycznym. Historyków języka zadziwia np. wpływ starej deklinacji rzeczowników o temacie na *-u-* na deklinację dużo liczniejszej grupy na *-o-*. Na przejście końcówki *-ov* w D lm. u tych ostatnich mógł zadziałać, jak sugeruje Hentschel (1991), abstrakcyjny wzorec synkretyzmu, z dominacją typu D pl. = M lm. (*rabyni*, *myši* – por. współcz. pol. *kobiety*) przed typem M lp. = D lm.

jącej teorii. Natomiast psychologizm de Saussure'a traktuje jako jedynie sztafaż słowny, podkreślając u niego „niesprowadzalność języka i stanowiącego jego rdzeń mechanizmu syntagmatyczno-paradygmatycznego, co jest tylko inną nazwą proporcjonalności, do zjawisk psychologicznych...” (Bogusławski 1993, s. 62).

Rzecz jasna, nikt nie twierdzi, że zjawiska psychiczne i językowe są tym samym. Jednak skrajne uprzedmiotowienie języka, oddzielenie go od osoby mówiącej, jest zabiegiem metodologicznym, w którym precyzja opisu okupiona jest rezygnacją z wielu ważnych, jeśli nie najważniejszych pytań badawczych. Szczególnie przy obserwacji języków w kontakcie nie sposób nie zwracać uwagi na psychologiczne skutki interferencji (u Weinreicha było to, jak wiemy, określenie wszelkich zakłóceń powstających w trakcie używania dwu kodów). Tylko na gruncie psychologii – mechanizmem asocjacji – można wyjaśnić powstawanie tzw. etymologii ludowej (*folk etymology*), często dotykającej zapożyczeń. Wyraziste tego ilustracje znajdujemy w pracy Molnára (1985, s. 38), odwołującym się w tym miejscu do de Saussure'a. Na przykład franc. *aventure* ‘przygoda’ przejęte w niemieckim jako *Abenteuer* kojarzyli użytkownicy niemieczyny z *Abend* ‘wieczór’, grecko-łacińskie *dromedar(ius)* ‘wielbłąd jednogarbny’ w wyniku ludowej etymologii przetłumaczyli Niemcy jako *Trampeltier*, czyli ‘tupiące zwierzę’, z kolei niem. *Sauerkraut* (dosł. ‘kwaśne ziele’) dało we francuskim *choucroute* ‘chrupiąca kapusta’.

Tendencja do czynienia formy wyrazowej bardziej przejrzystą i zrozumiałą jest powszechna i psychologicznie, tj. mnemotechnicznie oczywista: ułatwia zapamiętywanie¹⁰. U B. de Courtenay¹¹ znajdziemy takie dowody naiwnego etymologizowania, jak *hipokryta* i *pokryty/przykryty* (jakoby powłoką obłudy), *strach paniczny* kojarzony przez lud z *panicznem* a nie *paniką*, *Piłat z piłą* itp. Bliższe naszym czasom są przykłady: *piwonia* z łac. *paeonia*, kojarzona przez Polaków z *piwo*¹², *róż* ‘rodzaj szminki’ z franc. *rouge* skojarzony z *różą*, co wpłynęło na pisownię z *o* kreskowanym¹³, *oportunistą* (łac. *opportunistus* ‘wygodny, korzystny’) łączony współcześnie z *opór* i przeradzający się znaczeniowo w swój antonim, także środowiskowe *szyberdach* zam. niem. *Schiebedach* dosł. ‘dach przesuwany’, którego pierwszy człon skojarzony został ze starszym germanizmem *szyber* ‘zasuwa w kominie’.

II. Kwestie terminologiczne

Kalki (franc. *calques*¹⁴) stanowią typ zapożyczeń. Ich klasyfikacja i terminologiczne rozróżnienia nie są w pełni przejrzyste. Germanistyka posługuje się w zasadzie do dziś najbardziej udaną terminologią W. Betza (1949), nieznacznie zmodyfikowaną i rozszerzoną przez K. Schumanna (1965). Amerykanistyka korzysta z podstawowych dla kontakto-logii lingwistycznej prac E. Haugena (1950, 1953) i U. Weinreicha (1953). Zestawienie (i przeciwstawienie) terminów znajdziemy w monografii Evy Martins (1970, s. 33) po-

¹⁰ Mnemotechnika podpowiada też nam, jak dzięki świadomie konstruowanym skojarzeniom zapamiętywać monotonne w swej semantyce daty, numery telefonów i inne liczby złożone.

¹¹ Patrz: A. Nagórko (1996, s. 69).

¹² W XVI w. używana była wtórna forma *piwowonia* dla tej popularnej rośliny ogrodowej, co rozumieć można jako kwiat o ‘woni piwa’ (por. Bańkowski 2000, II, s. 593).

¹³ Zdaniem H. Kurkowskiej bardziej (etymologicznie) uzasadnione byłoby pisanie tego słowa przez *u* jako *ruż* (por. Buttler – Kurkowska – Satkiewicz 1971, s. 32–33).

¹⁴ Termin przypisywany L. Duvau, w rozszerzonej postaci *calque linguistique* użył go K. Sandfeld-Jensen (patrz: Obara 1989, s. 69).

święconej zjawisku interferencji językowych w tekstach dwujęzycznego węgiersko-niemieckiego autora Franza von Kazinczy'ego (1759–1831). Również w późniejszej monografii Molnára (1985, s. 51 i nast.) natrafić można na angielskie i niemieckie odpowiedniki terminologiczne – ciekawe, że oboje autorów łączy węgierskie pochodzenie, co pozwala uświadomić sobie, że do amero-europejskiej ligi słownikowej należy także ugrofiński język węgierski podlegający w przeszłości zwłaszcza wpływom niemieczyzny. Obszerne zestawienie różnojęzycznych terminów podaje J. Obara (1989).

Dla większej przejrzystości posłużmy się tabelą, choć ujęcie Martins bardziej skłaniałoby do przyjęcia grafu, podczas gdy u Molnára i Obary znajdujemy zestawienia w postaci zwykłej listy. Poniższa tabela abstrahuje od kwestii autorstwa terminów i próbuje scalać dość pedantyczne czasem terminologiczne rozróżnienia spotykane u autorów niemieckich. Tworzą ją trzy kolumny: terminy niemieckie (jako stosunkowo najstarsze), następnie angielskie i polskie. Polska terminologia staje się lepiej zrozumiała na tle angielskim (por. choćby terminy pol. *neologizm indukowany* i ang. *induced*, wobec niem. *Lehnschöpfung*), bowiem u podstaw nowoczesnej lingwistyki kontaktowej w Polsce legły badania nad językiem Polonii amerykańskiej, co siłą rzeczy oznaczało też sięganie do anglo-amerykańskiego piśmiennictwa naukowego.

Wspólną troską autorów wszystkich klasyfikacji jest oddzielanie zapożyczeń właściwych od kalk. Te ostatnie jednak, choć liczebnie zapewne nie dominujące, okazują się dość heterogeniczne, co skłania badaczy do wydzielenia coraz to nowych podklas. Niektóre z nich wydają się wątpliwe, jednak ze względu na ich funkcjonowanie w obiegu naukowym zostały uwzględnione w tabeli. Sporne jest na przykład wydzielenie kalk homofonicznych i homologicznych (E. Haugen, K. Schumann) w obrębie neosematyzmów: te pierwsze przejmują dodatkowe znaczenie pod wpływem podobnie brzmiących wyrazów obcych, te drugie pod wpływem słów o podobnej pisowni. J. Obara (1989, s. 38) proponuje dla nich termin „kalki semantyczne asocjacyjne”¹⁵. Właściwym rodzajem replik semantycznych są tzw. *synonymous loanshift*, *synonyme Lehnbedeutungen*, w których dochodzi do przejścia typu struktury polisemicznej, jak w pol. *zamek (warowny)* czy *kurek (od wody)* pod wpływem niem. *Schloß* i *(Wasser)Hahn*. Nieco mylące może być przy tym nazywanie ich „synonimami”. Inna sprawa, że udowodnienie wpływu obcego może być trudne, np. wieloznaczność pol. *bramka* jako ‘urządzenie na boisku, ograniczone słupkami i siatką, bronione przez bramkarza’ oraz ‘wbicie doń piłki dające punkt w grze’ jest analogiczna do niem. *Tor* ‘Vorrichtung’ oraz ‘Treffer’. Pytanie, czy polszczyzna przejęła ten typ polisemii, czy też doszło do niej niezależnie na zasadzie metonimii, pozostaje bez odpowiedzi, dopóki nie przebadamy odpowiedniej ilości tekstów.

Martins (1970, s. 40) przypomina też¹⁶, że słabością podziału Betza, mimo że szybko znalazł on naśladowców, jest rozdzielenie znaku językowego osobno na formę i treść. Tymczasem także kalki strukturalne odwzorowują nie tylko obcą formę, lecz także prowa-

¹⁵ Dla jasności obrazu rezygnuję z dalszego podziału kalk asocjacyjnych na a) substytucyjne (*gliedübersetzte Lehnbedeutungen* u Schumanna) i b) akcydentalne. W tych pierwszych bodźcem dla nowego znaczenia jest skojarzenie danej w języku formy wyrazowej z obcojęzycznym słowem morfologicznie, choć nie znaczeniowo zbliżonym, jak pol. *wyglądać*, które poza pierwotnym ‘patrzeć, spoglądać gdzie zza czego’ (por. niem. *hinausschauen*) nabrało znaczenia ‘być postrzeganym w określony sposób’ (por. niem. *aus-sehen*). Jest to przynajmniej synchronicznie typ kalki strukturalnej (z odpowiedniością formalno-znaczeniową).

¹⁶ Nawiązując do Carstensa (1965).

dążą do zmiany znaczenia, np. w *Kriegstheater* (ang. *theatre of war*) zmienia się także znaczenie słowa *Theater*. Nie można negować faktu, że wyraz jako znak ma naturę bilateralną.

Tabela nie czyni rozróżnienia między pożyczkami pośrednimi i bezpośrednimi, nie poświęca też uwagi europeizmom bądź internacjonalizmom¹⁷. A jest ich niemało także wśród kalk, por.: niem. *Strohwitwe(r)*¹⁸, ros. *solomennaâ vdova*, chorwackie *slamnati udovac*, pol. *słomiany wdowiec*, ang. *grasswidow(er)*. W szczególności będą to terminy z różnych dziedzin i różnej daty, por.:

- niem. *Milchstraße*, pol. *Droga Mleczna*, czes. *Mléčná dráha*, słow. *Mliečna cesta*,
- niem. *Netzhaut*, pol. *siatkówka (oka)*, czes. *sítnice*, słow. *sietnica*,
- niem. *Gleicher (Äquator)*, pol. *równik*, czes. *rovník*,
- niem. *Kraftstraße*, czes. *silnice*,
- niem. *Fortgeschrittene(r)*, czes. *pokročilý*,
- niem. *Flugschrift*, czes. *leták*, pol. *pismo ulotne a. ulotka*,
- ang. *glasshouse-effect*, niem. *Treibhauseffekt*, pol. *efekt cieplarniany*, ros. *парниковый эффект*,
- ang. *airbag*, pol. *poduszka powietrzna*, ros. *подушка безопасности*.

Zestawienie różnojęzycznego materiału pokazuje, że stopień złożoności jednostek leksykalnych bywa różny. Kalką strukturalną będzie nie tylko derywat prosty jak pol. *siatkówka* lub złożenie jak górnołuż. *zbóżnoprajenje* (niem. *Seligsprechung*¹⁹, pol. *beatyfikacja*), lecz także leksem analityczny o postaci frazeologizmu, jak pol. *Droga Mleczna*. We wszystkich przypadkach wspólna jest im funkcja znakowa, tj. określona denotacja (zwana też tradycyjnie odniesieniem do jednego pojęcia), reprodukowalność i wynikająca stąd potrzeba memoryzacji (utrwalenia w pamięci bądź zapisania w słowniku).

Tabela I. Zapożyczenia i kalki – zestawienie terminów

Lehngut	Borrowed	zapożyczenia
1. Lehnprägung	1. Loanshift, Calque	1. kalka
1.1. Lehnbildung	1.1. Loan Creation	1.1. nowotwór (powstały pod wpływem kontaktu językowego) – termin nadrzędny wobec a – d.
a) Lehnübersetzung, np. <i>Großmutter</i> za franc. <i>grand-mère</i>	a) Exact	a) kalka morfologiczna ścisła: <i>dreszczowiec</i> za ang. <i>thriller</i> , <i>strug</i> za niem. <i>Hobel</i> , <i>wodospad</i> za niem. <i>Wasserfall</i>
b) Lehnübertragung, np. <i>Vaterland</i> za łac. <i>patria</i> , <i>Wolkenkratzer</i> za ang. <i>skyscraper</i> (* <i>Himmel(s)kratzer</i>)	b) Approximative	b) kalka niedokładna (przybliżona) <i>uzdrowisko</i> za niem. <i>Kurort</i>

¹⁷ Ponieważ ich źródłem są najczęściej greko-latynizmy, termin *europeizm* wydaje się stosowny. Nie można jednak pomijać roli arabskiego w kształtowaniu się klimatu intelektualnego Europy, por. obecność licznych arabizmów jak *algebra*, *algorytm*, *alkohol*, *benzyna*, *materac*, *sofa*, *syrop*, *zenit*, które przez medium hiszpańskie, włoskie, francuskie, niemieckie, holenderskie przedostały się do języków europejskich (Tazi 1998).

¹⁸ Wg „Herkunftswörterbuch” Dudena (2001), wyraz poświadczony w niem. od początku XVIII w. jako: „auf dem [Bett]stroh Alleingelassene[r]”, tj. (małżonek) pozostawiony sam na słomie łóżka (na sienniku).

¹⁹ Prasa na Łużykach używała tego terminu w związku ze spodziewaną beatyfikacją ks. Alojzego Andrickiego; patrz: Siatkowska – Abdel Al (2002).

c) Lehn schöpfung, np. <i>Weinbrand</i> za franc. <i>Cognac</i> , <i>Umwelt za milieu</i>	c) Induced	c) neologizm indukowany, formalnie niezależny od oryginału, jak czes. <i>kopaná</i> ‘football’, pol. <i>tlen</i> ‘Oxygenium’ (<i>kwasoród</i>)
d) Teilübersetzung, np. czes. <i>vrhcáby</i> za niem. <i>Wurfzabel</i> , niem. <i>Kohlenhydrate</i> (<i>węglowodany</i>)	d) Calque Hybride	d) hybryda, półkalka, scs. <i>prorokъ</i> za gr. <i>prophētēs</i>
1.2. Lehnwendung, np. <i>den Hof machen</i> za franc. <i>faire la cour</i>	1.2. Calque Phraseological	1.2. kalka frazeologiczna <i>burza mózgów</i> za ang. <i>brain storming</i>
1.3. Lehnbedeutung (Inhaltslehnprägung), np. <i>Ente</i> za franc. <i>canard</i> ‘fałszywa wiadomość’, pol. <i>kaczka</i> (<i>dziennikarska</i>)	1.3. Extension (loan semantic): homophonous, np. norw. <i>trøsta</i> ‘pocieszać’ jako ‘ufać’ za ang. <i>to trust</i> ; homologous, norw.-amer. <i>korn</i> ‘ziarno’ jako ‘kukurydza’ za ang. <i>corn</i> ; synonymous, np. <i>Flügel</i> ‘skrzydło (armii)’ za łac. <i>ala</i>	1.3. neosem. asocjacyjny: <i>kasa</i> ‘gotówka’ za ang. <i>cash</i> ²⁰ a. neosemantyzm (typ polisemii powstały pod wpływem obcym) – por. <i>zielony</i> w zn. ‘zwolennik partii i ruchów ekologicznych’
1.4. Lehn syntax		1.4. kalka składniowa
2. Lehnwort	2. Loanwords	2. wyraz zapożyczony (zapożyczenie właściwe)

Najbardziej rozbudowany jest wewnętrzny podział kalk strukturalnych, które są przy tym interesujące i dla słowotwórstwa. Badacze starają się tropić wszelkie różnice w stopniu wierności względem oryginału, stąd wydzielenie kalk ścisłych i przybliżonych oraz hybryd. Trzeba jednak jasno powiedzieć, że dokładne kalki są rzadkie. Sam proces ma cechy twórczości, a nie tylko „odtwórczości”. Choćby stara polska kalka *wrażenie* (łac. *impressio*, niem. *Ein-druck*) różni się nieco od ros. *vpečatlenie* jako oparta na *razić* ‘przebijając’ a nie na *tłoczyć* (dawniej o druku) lub *cisnąć/odciskać* (jak w rosyjskim). Współczesna kalka angielskiego terminu o podobnej budowie, ale o nowoczesnym znaczeniu z zakresu nowej nauki, jaką jest etologia – *imprinting* – ma już jednak w polszczyźnie postać *wdrukowanie* (por.: „pisklęta... utrwalają sobie obraz opiekuna, za którym będą podążały nieraz przez długie miesiące. Proces ten nazwano imprintingiem, a z polska – wdrukowaniem”; *Polityka* 24, 2004, s. 95).

Przy ocenie stopnia wierności względem oryginału stosunkowo łatwo jest ustalić odpowiedniość semantyczną tematów słowotwórczych, choć i tu – jak pokazuje przykład z *-press-/-print-* – możliwe jest odwołanie się do różnych możliwych synonimów mieszczących się w danym polu leksykalno-znaczeniowym. Trudniej natomiast jest określić powtarzalność typów formantów. Na przykład czy *-owiec* w *dreszczowiec* jest odpowiednikiem ang. *-er*? Ich bodaj jedyną cechą wspólną jest to, że są to sufiksy rzeczownikowe, jednak już ich łączliwość z gramatycznymi rodzajami podstaw jak i specjalizacja znaczeniowa są różne. Polski rzeczownik jest derywatem denominalnym (od *dreszcz* – brak cza-

²⁰ Typ kalk niezmiernie rzadki. Być może podobny przypadek reprezentuje pol. *baba* jako rodzaj słodkiego ciasta, zagadką jest bowiem występowanie w języku włoskim *babà* w tym właśnie znaczeniu. W czeskim (Machek 1968, s. 40, s.v. *bàba*) znane od XV w., ale odczuwane wtedy jako obce – może italianizm?

sownika **dreszczyć*), dla angielskiego zaś najwłaściwsza jest interpretacja dewerbalna²¹ (od *to thrill*). Jako typ słowotwórstwa morfologicznego różnią się jednak te struktury od okazów derywacji paradygmatycznej, zwanej też implicytną, jak *strug* od *strugać* – analog. do *Hobel* od *hobeln.* Z kolei wyraz *uzdrowisko* jako przykład derywacji prostej nie może być uznany za wierną replikę niem. złożenia *Kur-ort*. Podobnie niem. *Hand-buch*, ang. *hand-book*, jako złożenia nie mogą być tożsame z odfraszowymi pol. *podręcznik*, czes. *příručka*, choć podobieństwo motywacji opartej na *Hand/ręka* nie może tu być przypadkowe (obok wariantu z *lehren/učit'*: niem. *Lehrbuch*, ros. *учебник*, czes. *učebnice*, którego nie ma w języku polskim²²).

Zwraca się uwagę na znaczenie kalk morfologicznych (jako procesu i jako rezultatu) dla słowotwórstwa porównawczego (Martins 1970, s. 55). Przed laty typologię ośmiu języków słowiańskich z tego punktu widzenia przedstawił Unbegaun (1932). Wyróżnił on z jednej strony chorwacki, słoweński, czeski i łużycki jako języki kalkujące (à calques), przeciwstawiając je polskiemu, rosyjskiemu, serbskiemu i bułgarskiemu jako językom zapożyczającym (à emprunts). Tak się składa, że języki pierwszej grupy pozostawały w ścisłym kontakcie z niemieckim – można mówić nawet o bilingwizmie ich użytkowników. W Rosji, gdzie nie było wymuszonej sytuacją polityczną wielojęzyczności, tylko przez znające języki obce elity społeczne przedostawać się mogły do rosyjszczyzny kalki najpierw z francuskiego, potem w połowie XIX. w. z niemieckiego. W ukraińskim dostrzega Unbegaun kalki z polskiego. W bułgarskim tego rodzaju struktur jest najmniej, także zapewne w związku z geograficznym oddaleniem od możliwych źródeł językowych²³.

Wymieniany tu wielokrotnie język niemiecki był nie tylko arealnie i politycznie predestynowany do swojej roli. Także jego struktura, łatwość tworzenia złożzeń, dostarczały odpowiednich modeli, jak odwzorowywać obce schematy. Często niemiecki odgrywał tylko rolę medium, por. wymieniane już łac. *im-press-io*, niem. *Ein-druck*²⁴, ros. *впечатление*, pol. *wrażenie*. Sam język niemiecki ulegał z dużą łatwością wpływowi łaciny, później francuskiego. Jak stwierdza wydawca we wstępie do monografii Ch. W. Carpentera II (1973, s. 9) na temat łacińskich kalk czasownikowych w języku niemieckim: *many German verbs might be said to be „more Romance than Romance verbs themselves”*. Jak się okazuje, tak typowe dla niemieckiego systemu morfologicznego prefigowane czasowniki są nierzadko kalkami, por.: *anfassen* – *apprehendo*, *heranbringen* – *supporto*, *wegspringen* – *absilio*. Niestety, nie jest mi znany równie systematyczny przegląd niemieckich kalk nominalnych.

Wpływ tego języka na słowiańszczyznę bywa jednak przeceniany, jak to widać na przykładzie monografii Reitera²⁵, której krytyczni czescy recenzenci oceniają, że spośród ponad 1 800 przytoczonych tam przykładów rzekomych kalk niemieckich jedynie 300 to słowa żywe, znajdujące się faktycznie w obiegu. Błędem metodologicznym wytkniętym

²¹ Polski odpowiednik mógłby mieć też postać *drzeniowiec* od czasownika *drżec*, gerundium *drżenie*. Podstawa *dreszcz(e)* należy genetycznie co prawda do tej samej rodziny wyrazów, jednak synchronicznie związek ten jest wątpliwy, przy tym lepsza jest parafraza: *dreszczowiec* to ‘film przyprawiający o *dreszcze*’ (a nie o jakiegoś chorobliwe *drżenie*).

²² W polszczyźnie występuje tylko *samouczek* jako rodzaj podręcznika.

²³ M. Rammelmeyer (1975, s. 3) domaga się rewizji typologii Unbegauna, który jego zdaniem nie docenił roli kalk w rosyjskim i polskim systemie leksykalnym, podobnie jak i pomniejszył wpływ niemiezczyzny na te języki.

²⁴ Carpenter (1973, s. 81) stwierdza, że niem. *ein-drücken* jest kalką łac. *im-primo*.

²⁵ Por. Reiter (1953) i rec. Skála – Štindlová (1961).

Reiterowi jest poleganie wyłącznie na słownikach, a ignorowanie tekstów, choćby tak ważnych jak dzieła poczytnych autorów. Ponadto powinno się brać pod uwagę wpływy języków trzecich, zwłaszcza angielskiego, oddziałujących w równym stopniu na oba rozpatrywane języki, szczególnie w zakresie słownictwa fachowego, jak to widać na przykładach czes. *bezdrátový*, niem. *drahtlos* i ang. *wireless*, czes. *krátká vlna*, niem. *Kurzwelle* i ang. *short-wave*, czes. *nízkotlaký*, niem. *Tiefdruck* i ang. *low-pressure*.

III. Derywacja poprzez kalkowanie

To, co kiedyś skłaniało ludzi do „naturalizowania” terminologii chrześcijańskiej (niem. *Fleischwerdung*, pol. *wcielenie* za łac. *incarnatio*; niem. *Erlöser*, pol. *odkupiciel*, słow. *vykupitel'* za łac. *redemptor* ← *redimere*), polityczno-prawnej (niem. *Alleinherrscher* – późnołac. *monarchus*; ros. *samoderżavie*, pol. *jedynowładztwo* – gr. *monarchia*), stylu książkowego (pol. *przedmowa*, niem. *Vorrede*, łac. *praefatio*, gr. *prologos*), wreszcie terminów technicznych (pol. *spadochron* i niem. *Fallschirm*, pol. *drogowskaz* i niem. *Wegweiser*) itp., nie straciło bynajmniej swojej prawomocności. Zmieniły się tylko realia, por. nowsze kalki w rodzaju niem. *Schlafwagen* za ang. *sleeping-car*, niem. *Gipfelkonferenz*, pol. *konferencja na szczycie* i ang. *summit-conference*, pol. *podrywacz* i niem. *Anreißer*, górnołuż. *žónski lékař* i niem. *Frauenarzt* (samo będące kalką zapożyczenia *Gynäkologe*), górnołuż. *drapak* i niem. *Radiergummi*²⁶, czy zgoła najnowsze: pol. *Dolina Krzemowa* i ang. *Silicon Valley*, pol. *młodz. odjazdowy* i niem. *abgefahren* (~er *Typ*). Nadal pozostajemy w kręgu amero-europejskiej ligi słownikowej, tyle że czołowe niegdyś miejsce greko-latynizmów zajęły dziś anglo-amerykanizmy, same nierzadko romańskiego pochodzenia, jako że sam język angielski uległ wcześniej bardzo silnemu wpływowi francuszczyzny.

W przeciwieństwie do całkowitych zapożyczeń, kalki morfologiczne są w języku zapożyczającym przejrzystymi strukturami, przyczyniają się zatem do wzrostu przewagi słownictwa motywowanego nad niemotywowanym. Jak pokazują badania ilościowe, przewaga ta jest sama w sobie prawidłowością systemową, musi być zatem zjawiskiem językowo pożądanym. Kalkowanie pociąga też za sobą sposób konieczny formalną asymilację słowa, jest to zatem jakby „dwa w jednym” – by posłużyć się tu frazeologiczną kalką międzynarodowego spotu reklamowego. I tak pol. *kawiarnia*²⁷, czes. *kavárna* są poręczniejsze dla użytkowników tych języków niż rosyjskie nieodmienne simplicium *kafe* dla mówiących językiem rosyjskim. Jako eksplicytne nomen loci zapewne też łatwiej jest je przyporządkowywać odpowiednim kategoriom pojęciowo-znaczeniowym.

Jednakże to, co z punktu widzenia dwujęzycznego twórcy nazwy było (jest) czytelne, nie musi odznaczać się tą cechą w poczuciu jej kolejnych użytkowników. Pojawia się tu problem motywacji. Pod tym względem genetyczne kalki nie różnią się od słowotwórstwa w pełni rodzimego. Motywacja jest czymś stopniowalnym, ma wiele szczebli – od pełnej do asocjacyjnej. Trzeba też brać pod uwagę zjawisko leksykalizacji i demotywacji. Badanie żywych struktur różni się od dociekań etymologicznych. Można domniemywać na

²⁶ E. Siatkowska skłonna jest tu widzieć kalke, chociaż niem. *Radiergummi* to compositum składające się z członów ‘wycierać’ + ‘guma’, zaś odpowiednik górnołużycy to prosty derywat dewerbalny (por. Siatkowska – Abdel Al 2002, s. 102)

²⁷ Jak podaje Nowowiejski, jest to kalka z niem. *Kaffeehaus* (funkcjonujące najpierw w XIX w. jako pożyteczka *kafenhaus*; patrz: Nowowiejski 1996, s. 213).

przykład, że pol. *Rzeczpospolita* – wierna kalka łac. *respublica* – od samego początku była mało zrozumiała dla ogółu i jedynie znajomość łaciny pozwalała właściwie interpretować sens całości. Na skutek przeobrażeń semantycznych przymiotnika *pospolity* (od ‘wspólny’ do ‘niewyszukany, zwyczajny’) poszukiwanie motywacji semantycznej w strukturze tej oficjalnej i podniosłe brzmiącej nazwy państwa może być współcześnie zgoła dezorientujące²⁸.

Język czeski, w którym nacisk na kalkowanie był nie mniejszy niż w niemieckim, może dziś przeciwstawić niemotywowanym w poszczególnych językach internacjonalizmom nazwy o przejrzystej dla Czecha budowie, jak: *článek* (pol. *artykuł*, niem. *Artikel*, łac. *articulare* ‘rozcłonkowywać’), *skladatel* (pol. *kompozytor*, niem. *Komponist*, ang. *composer*, łac. *com-ponere* ‘składać’), *rajčata* (pol. *pomidory*, od wł. *pomodoro*, ale austriackie *Paradeiser*), *květák* (pol. *kalafior*, wł. *cavol-fiore*, niem. *Blumenkohl* – w obu przypadkach ‘kapusta-kwiat’, także w ros. *cvetnaâ kapusta*), *tajemník* (pol. *sekretarz*, niem. *Sekretär*, łac. *secretarius* i *secretum* ‘to, co oddzielone – tajemne’) itp. Zewnętrzny motyw tej derywacji nie podlega dyskusji. I choć zdania w sporze na temat zastępowania internacjonalizmów leksyką rodzimą są podzielone, korzyść takiej stymulacji dla systemu słowotwórczego wydaje się oczywista. Współczesny język czeski bardzo dobrze radzi sobie z zaspokajaniem potrzeb nazewniczych swoich użytkowników, towarzyszy temu łatwość w rozbudowywaniu łańcuchów i paradygmatów słowotwórczych (jak np. rzeczowniki odprzymiotnikowe pierwszego stopnia, którym w języku polskim odpowiadają częstokroć jedynie rozbudowane parafrazy: *zlaták* ‘złoty pieniąż’, *pravák* ‘człowiek używający głównie prawej ręki/nogi’, *křivák* ‘zakrzywiony nóż, kozik’ ...).

Nazwa obcojęzyczna może być impulsem pobudzającym do twórczości zamiast niewolniczego odwzorowywania: tak powstają morfologiczne kalki przybliżone, w których obcego wzoru można się jedynie domyślać, jak niem. *Bestarbeiter* za ros. *otličnik*, niem. *Naturforscher* za ros. *estestvoispytatel*’ (przykłady cytowane za: Pirojkov 2002). Importowaną strukturę nazwową ma też pol. *żółtodziób* (por. ang. *greenhorn*, niem. *Grünschnabel*), choć nie wiadomo, dlaczego człon *green* został zastąpiony przez *żółt(y)*, a nie *zielon(y)*. Najwidoczniej w grę wchodziło nie tylko proste tłumaczenie obcej nazwy, lecz także obserwacyjne potwierdzenie jej (nie)trafności – tu obserwatorowi ptasich zagniazdowników: kurcząt i kacząt rzuca się w oczy kolor żółty, dominujący też na kartach wielkanocnych i innych rysunkach (a te pisklęta są prototypowym punktem wyjścia dla metafory młodocianego żółtodzioba).

Wraz z kalkami przejmowany jest typ motywu onomazjologicznego (w sensie Dokulilowskim 1979, s. 45), co prowadzi do różnych ujęć, różnych „profilu” rzeczywistości. W językach pokrewnych uderzają wówczas rozbieżności, do których dochodzi pod wpływem kontaktu językowego z arealnie, choć nie genetycznie bliskim językiem sąsiadów. I tak np. czeskie dewerbalne *prádlo* za niem. *Wäsche* (od *waschen* ‘prać’) różni się wyraźnie typem motywacji od pol. *bielizna*, ros. *bel’ë* o podstawie przymiotnikowej (od *biały/belyj*). Ściśle biorąc, synchroniczna motywacja obu typów struktur jest niepełna, bo ani *bielizna* nie jest koniecznie *biała*, ani też *prát* nie jest dystynktywne dla *prádlo*.

²⁸ Przypominają się tu dowcipy z rubryki „idiotyzy tłumaczy”, jak np. przekładanie pol. *nieborak* na niem. **Himmelkrebs* albo *zakonnica* na **Hinterkavallerie*.

Raz jeszcze trzeba podkreślić, że podobieństwo struktury onomazjologicznej nie uprawnia jeszcze do kategoriycznych wniosków co do domniemanego wpływu języka obcego. I tak między niem. *Baumkuchen* ‘ciasto-drzewo’ a pol. *sękacz* i lit. *šakotis* istnieje podobieństwo bazy pojęciowej dla metaforyzacji (wygląd pnia *drzewa* lub charakterystycznych dlań *sęków*), jednak ustalenie, czy w tym wypadku są to (pół)kalki, czy też niezależne od siebie nominacje, wymagałoby argumentów natury etnograficznej (mianowicie odpowiedzi, skąd się wywodzi zwyczaj pieczenia takiego ciasta).

Dla słowotwórstwa istotne jest ustalenie, czy w jakimś konkretnym przypadku w grę wchodzi przekład struktury czy tylko neosemantyzacja formy już istniejącej? Na przykład cytowane już pol. *młodz.* i pot. *odjazdowy* jako ocena trochę zwariowanych rzeczy i osób, które się podobają mówiącemu, ma odpowiednik w niem. potocznym *abgefahren*. Zakładając wpływ niemiecki (możliwy, choć współcześnie ograniczony do pewnych środowisk i regionów), nie możemy wykluczyć poza kalką morfologiczną (*ab-gefahren*) wpływu jedynie semantycznego na istniejący już przymiotnik *odjazdowy* ‘mający związek z odjazdem’. Morfologicznie biorąc, niemiecka forma powinna zresztą dać w polszczyźnie strukturę bierną o postaci *odjechany*.

W polu zainteresowania słowotwórstwa znajdują się nie tylko pojedyncze struktury wyrazowe, lecz także całe typy słowotwórcze, kiedy zrazu obca forma derywacji staje się produktywna w języku zapożyczającym. U Schumanna (1965, s. 70) znajdujemy terminy *Lehn-Wortbildung* (np. ros. *bratolûbie* z gr. *philadelphia*) i *Lehn-Wortbildungstyp* (np. ros. derywaty z prefiksem *s-/so-* typu *srodnik*, *sobutyl'nik*, na których produktywność miały wpływ liczne starocerkiewnosłowiańskie kalki z greki). Być może jako załączek takiego typu dałoby się dostrzec w polszczyźnie *odjazdowy*, *odlotowy*..., o ile tak wąsko wyspecjalizowana seria może się rzeczywiście okazać produktywna.

Typy słowotwórcze mogą być jednak mało liczebne, np. niem. seria *büffeln* oraz *ochsen*, *eseln*, *packeseln* (czasowniki powstałe pod wpływem skojarzenia z *büffeln* – por. Martins 1970, s. 53). Rosyjskie *zubrit* ‘jest następnie kalką niem. *büffeln*, pozostałe synonimy, o ile wiem, nie weszły w postaci kalk do rosyjszczyzny. Model ‘nazwa zwierzęcia x’ + ‘sufiks werbalny’ = czasownik o zn. ‘zachowywać się jak x pod pewnym względem’ jest jednak otwarty, a sposoby owego zachowania różne. Tu chodzi o znaczenie ‘kuć, wkuwać materiał’, co w języku polskim obrazuje nie *zubr* czy *bawół*, lecz *dzięcioł*, semantyczny argument jednego ze znaczeń czasownika *kuć*²⁹ i implicytny składnik jego znaczenia metaforycznego³⁰ (*dzięcioł* kuje korę drzewa, wałąc w nią dziobem/głową, żeby wydobyć dla siebie pożywienie – zapewne monotonia tego obrazu przysłała na myśl komuś obserwującemu ucznia uczącego się na głos z książki). Kalki metaforyczne mają szanse przyjąć się wówczas, kiedy sama motywacja metaforyczna jest w języku zapożyczającym czytelna.

Bywają jednak i bardziej liczebne typy słowotwórcze, w których można się dopatrywać obcego wzoru. Na przykład rosyjskie derywaty z prefiksem *sverh-*, będące nierzadko kalkami z angielszczyzny, jak *sverhobmen* – *superexchange*, *sverhzvezda* – *Superstar* (Maurer 1982, s. 115). Wcześniej za pomocą ros. *sverh-* oddawano niem. *über-*, por. *sverhčelovek* i *Übermensch* (Maurer 1982, s. 113). Z kolei w polszczyźnie wpływem niemie-

²⁹ Por. ISJP: *kuć* 3. Kiedy ptak, zwłaszcza *dzięcioł*, *kuje* w drzewo, to mocno uderza w nie dziobem, aby rozkruszyć korę i wydobyć spod niej owady, którymi się żywi.

³⁰ Por. ISJP: 4. *Mówimy, że ktoś kuje, jeśli pilnie i intensywnie się uczy.*

ckim tłumaczy się ekspansję prywatywnego prefiksu *bez-*, który może być ekwiwalentem niemieckich sufiksów prywatywnych *-los*, por.: *bezowocny* i *fruchtlos*, *bezrobotny* i *arbeitslos*, *bezpestkowy* i *kernlos* oraz *-frei*, por.: *bezalkoholowy* i *alkoholfrei*, *bezpłatny* i *kostenfrei*... Z porównania języków nie zawsze wynika odpowiedniość jedno-jednoznaczna, w tym przypadku niemieckim przymiotnikom odpowiadać mogą w polszczyźnie frazy przyimkowe o charakterze atrybutywnym, jak np. *einwandfrei* i *bez zarzutu*. Tu zapewne dałoby się zastosować wprowadzone przez Martincovą (1974) rozróżnienie „przekładu”, jak czeskie *vodní léčba*, i „kalki”, jak w *vodoléčba*. Przekład byłby czymś w rodzaju obróbki wstępnej prowadzącej do kalki (z frazy *bez zarzutu* może powstać przymiotnik *bez-zarzutowy*; synonimów *bezsportny*, *bezsprzeczny* nie da się bowiem użyć w każdym typie kontekstu, por. *Die Ware ist einwandfrei* nie znaczy **Towar jest bezsportny/bezsprzeczny*, lecz tylko: *Towar jest bez zarzutu*).

Kalki morfologiczne mogą się okazać czymś w rodzaju „konia trojańskiego” dla systemu leksykalnego, kiedy wraz z nimi upowszechniają się obce dla języka wzory. Jeśli chodzi o polszczyznę, daje się dostrzec w perspektywie diachronicznej cofanie się tradycyjnych konstrukcji typu lewostronnego (tj. z lewostronnym nadrzędnikiem) na rzecz nowszych konstrukcji prawostronnych. Dotyczy to zwłaszcza fraz werbalnych. Przystają być produktywnymi złożenia typu *liczykrupa*, *golibroda*, *czyścibut* o strukturze V + N_{Obiekt} od fraz *liczyć krupy*, *golić brody*, *czyścić buty*. Szerzy się natomiast typ z odwróconym szykiem, por. *cudotwórca*, *listonosz*, *rękopis*. Większość z nich to kalki. Jak zauważa Kurzowa (1976, s. 27), równie dobrze można by było utworzyć **nosilist* zam. niewolniczego *listonosz* (← *Briefträger*) oraz **tluczybruk* zam. *brukotłuk* (por. synonimiczne *szlifibruk*). Kalki tego typu nie są czymś zupełnie nowym, jednak zjawisko się nasila. Starsze przykłady mogły być przejęte w całości, jak np. *cudotwórca* (gr. *thaumat-ourgos*) ze starorosyjskiego *čudotvorec* (por. Bańkowski 2000, I, s. 202), dopiero nowsze twory można traktować jako kalki powstałe na gruncie języka polskiego. I tu obserwujemy coraz częstsze przechodzenie od typu *łamistrąk* (z odwróceniem szyku oryginału zgodnie z polską regułą lewostronności nadrzędnika – por. niem. *Streikbrecher*) do typu *drogowskaz*, *biustonosz*, *korkociąg* z wiernym odwzorowaniem szyku niemieckiego (*Wegweiser*, *Büstenhalter*, *Korkenzieher*). Mimo zastrzeżeń, o których była mowa na początku artykułu, współczesna norma językowa formy te zaakceptowała.

Brak natomiast aprobaty normatywnej dla hybryd typu *automyjnia*, *autoczęści*, *autonaprawa*. A tymczasem w obiegu są inne struktury tego samego rodzaju, np. z członami *tele-* (*telekonkurs*, *telezabawa*, *telewizja*), *elektro-* (*elektrowstrząsy*), *eko-* (*ekosystem*), które to człony można potraktować jako ucięte przymiotniki *telewizyjny*, *elektryczny*, *ekologiczny*. Składnik *auto* przymiotnikiem (ani zaimkiem) nie jest. Wspólne tym strukturom jest odejście od lewostronności nadrzędnika, co jeszcze widać w ich bazie, por.: *konkurs telewizyjny*, *wstrząsy elektryczne*, *system ekologiczny*, *naprawa aut*. Szyk **telewizyjny konkurs* ciągle jest uważany za pogwałcenie normy i w przeciwieństwie do *telekonkursu* nie ma szans na upowszechnienie się w uzusie. Czyżby zatem dopiero odstępstwa w strukturze kalk morfologicznych były tolerowane? Być może jednak intuicyjna chęć pozostawania w zgodzie z gramatyką tłumaczy preferowanie derywacji prostej zamiast kalk kompozycyjnych, por. niem. *Dampfschiff* i pol. *parostatek*, zastąpione później przez *parowiec* (w słow. *parnik*).

Przy badaniu współczesnych zapożyczeń trzeba mieć na uwadze, że inna jest dziś sytuacja socjolingwistyczna, w której się znajdujemy: o ile kiedyś łacina była językiem elit, to dziś powszechna jest przynajmniej powierzchowna znajomość angielskiego, a telewizyjna kultura masowa dostarcza wszędzie podobnych wzorców kulturowych i językowych. Bardziej wyrobieni użytkownicy języka sięgają do niego jak do tworzywa, wyróżnia ich umiejętność zabawy z językiem. W ten sposób zapożyczenie *handout* indukuje takie żartobliwe neologizmy bądź neosemantyzmy w środowisku akademickim jak *łapówka*, *rozdawajka*, *wziątka*; *interface* w żargonie komputerowym może zyskać nazwę *międzymordzie* będącą z jednej strony wiernym przekładem, z drugiej zabawną interpretacją polisemii ang. *face*.

Najciekawsze dla badacza, choć zarazem narażony jest on tu na pokusę spekulacji, są wnioski na temat różnych struktur konceptualnych i roli formy słowotwórczej na możliwe konceptualizacje. Na przykład polszczyzna zapożyczyła w całości niem. *Schublade*, adaptując to słowo do swojego systemu fonetyczno-gramatycznego jako *szuflada*. W polszczyźnie jest to wyraz niemotywowany, choć symbolizuje złożone pojęcie. W czeskim i słowackim jest to zapewne neologizm indukowany *zásuvka*, analogia do niemieckiego złożenia *Schub-lade* wydaje się nieprzypadkowa (w niem. jest to dosł. ‘prze-/wy-/zasuwana skrzynia’). Konceptualnie odsyła *szuflada* do pojęcia ‘część’, ściślej ‘ruchoma część’ niektórych mebli jak komoda, szafa, stół, biurko. Liczy się też jej funkcja jako ‘miejsca do przechowywania różnych rzeczy’. Jest to przy tym miejsce, w którym rzeczy te pozostają niewidoczne, w przeciwieństwie do odkrytej *półki* (niem. *Gepäckablage* od *ablegen*: ‘miejsce do okładania/odstawiania bagażu’), stąd skojarzenie z bałaganem i przypadkowością rzeczy w szufladzie. Pytanie, w jakim stopniu użytkownik polszczyzny uświadamia sobie, że *szuflada* jest przy tym wszystkim rzeczywiście czymś w rodzaju wysuwanej skrzyni? Czy uświadamia to sobie użytkownik języka niemieckiego? Z kolei przy *półce* też uderza trafność motywacji w niem. *Gepäckablage/Hutablage*: wszak mówimy *odstawić/odłożyć coś na półkę*. Forma nie podpowiada jednak tego, podobnego odkrycia semantycznego dokonuje Polak uczący się niemieckiego. Być może wynika to z typowej dla uczących się języków obcych koncentracji na formie.

Nie mniej ciekawe od tego, co w języku jest, jest stwierdzenie, czego w języku nie ma. Dotyczy to także kalkowania. Czasem zagadkowe wydaje się to, że nie dochodzi do odwzorowania obcej struktury, choć byłoby to uzasadnione. Drobny przykład: dlaczego mimo produktywności dewerbalnego sufiksu *-ciel* łączącego się z czasownikami na *-i(ć)*, a więc takimi jak *budzić*, *oświecić*, *robić*, polszczyzna nie przejęła możliwych struktur w rodzaju **oświeciciel* (niem. *Aufklärer*), **budziciel* (czes. *buditel*), **czyniciel* (niem. *Täter*), **robiciel* (niem. *Macher*) mimo ich funkcjonalnego uzasadnienia? Jak widać, procesy kalkowania są dość żywiołowe i raczej nie podlegają planowej polityce leksykalnej.

Literatura

- BANKOWSKI, Andrzej: Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1 (A–K), 2 (L–P). Warszawa 2000. ISBN 9788301130190.
- BETZ, Werner: Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn 1949.

- BOGUSŁAWSKI, Andrzej: O proporcjonalności w języku i jej warunkach. In: *Językoznawstwo synchroniczne i diachroniczne*. Red. J. Sambor – J. Linde-Usiekiewicz – R. Huszcza. Warszawa 1993, s. 59–75.
- BUTTLER, Danuta – KURKOWSKA, Halina – SATKIEWICZ, Halina: *Kultura języka polskiego*. Warszawa 1971.
- CARPENTER, Charles Whitney II: *The Systematic Exploitation of the Verbal Calque in German*. Frankfurt a. M. 1973.
- CARSTENSEN, Broder: *Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945*. Heidelberg 1965.
- DOBERSTEIN, Erich: Zu den Lehnbildungen und Lehnbedeutungen nach dem Deutschen in der polnischen Sprache der Gegenwart. In: *Zeitschrift für Slawistik*, 1968, XIII, s. 276–285.
- DOKULIL, Miloš: *Teoria derywacji*. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1979.
- DOROSZEWSKI, Witold – KURKOWSKA, Halina: *Słownik poprawnej polszczyzny*. Warszawa 1973.
- Duden. *Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*. (Duden. Band 7.) 3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim etc. 2001.
- HAUGEN, Einar: The Analysis of Linguistic Borrowing. In: *Language*, 1950, 26, s. 201–231.
- HAUGEN, Einar: *The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior*. Vol. I–II. Philadelphia 1953.
- HENTSCHEL, Gerd: Роль схем формальной дифференциации в развитии флективной системы русского языка. In: *Russian Linguistics*, 1991, XV, s. 31–51.
- ISJP = *Inny słownik języka polskiego*. Red. M. Bańko. T. 1–2. Warszawa 2000.
- JELITTE, Herbert: Ponátie analogii v morfologii i slovoobrazovanii. In: *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand*. Hrsg. I. Ohnheiser. Innsbruck 2000, s. 71–86. ISBN 3-85124-200-9.
- KURZOWA, Zofia: *Złożenia imienne we współczesnym języku polskim*. Warszawa 1976.
- MACHEK, Václav: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha 1968.
- MAĆKIEWICZ, Jolanta: Wyrazy międzynarodowe a kształtowanie się europejskiej ligi słownikowej. In: *Język a kultura*, tom 7. Red. J. Maćkiewicz – J. Siatkowski. Wrocław 1992, s. 145–153.
- MARTINCOVÁ, Olga: Tzv. hybridní složeniny jako lexikální inovace. In: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. XIII. Warszawa 1974, s. 171–183.
- MARTINS, Eva: *Studien zur Frage der linguistischen Interferenz. Lehnprägungen in der Sprache von Franz von Kazinczy (1759–1831)*. Stockholm 1970.
- MAURER, Walter: *Englische und anglo-deutsche Lehnübersetzungen im Russischen*. Bern – Frankfurt a. M. 1982.
- MOLNÁR, Nándor: *The calques of Greek origin in the most ancient Old Slavic gospel texts*. Budapest 1985.
- NAGÓRKO, Alicja: Słowotwórstwo w polskich pracach językoznawczych XIX i początków XX wieku. In: *Prace Filologiczne*, 1996, XLI, s. 43–72.
- NAGÓRKO, Alicja: Miejsce słowotwórstwa w teorii języka. In: *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, 1997, LIII, s. 49–61.
- NAGÓRKO, Alicja: Zur Wortbildungstypologie (Slavisch – Deutsch). In: *Slavistische Studien zum XII. Internationalen Slavistenkongreß in Krakau*. Red. H. Jelite. Frankfurt a. M. etc. 1998, s. 153–170.
- NĚMEC, Igor: *Vývojové postupy české slovní zásoby*. Praha 1968.
- NOWOWIEJSKI, Bogusław: *Zapożyczenia leksykalne z języka niemieckiego w polszczyźnie XIX wieku*. Białystok 1996.
- OBARA, Jerzy: *Teoretyczne problemy kalkowania*. Wrocław 1989.

- PIROJKOV, Alexandre: Russizismen im Deutschen der Gegenwart. Berlin 2002.
- RAMMELMEYER, Matthias: Die deutschen Lehnübersetzungen im Serbokroatischen. Wiesbaden 1975.
- REITER, Norbert: Die deutschen Lehnübersetzungen im Tschechischen. Berlin – Wiesbaden 1953.
- SCHUMANN, Kurt: Zur Typologie und Gliederung der Lehnprägungen. In: Zeitschrift für slavische Philologie, 1965, 32, s. 61–90.
- SIATKOWSKA, Ewa – ABDEL AL, Mariam: Ewolucja stosunku Górnołużyczan do internacjonalizmów. In: Lětopis, 2002, 49, 2, s. 99–107.
- SKÁLA, Emil – ŠTINDLOVÁ, Jitka (rec.): Die deutschen Lehnübersetzungen im Tschechischen. In: Zeitschrift für Slawistik, 1961, VI, s. 134–139.
- Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Red. K. Kleszczowa. Katowice 1996.
- ŠLOSAR, Dušan: Konekt českých kompozit diachronně. In: Jazyk a jeho užívání. Sborník k životnímu jubileu profesora Oldřicha Uličného. Praha 1996, s. 103–111.
- TAZI, Raja: Arabismen im Deutschen. Lexikalische Transferenzen vom Arabischen ins Deutsche. Berlin – New York 1998.
- UNBEGAUN, Boris O.: Le calque dans les langues slaves littéraires. In: Revue des études slaves, 1932, XII, s. 19–48.
- VASILEV, Christo: Lehnprägungen im Polnischen und Slovenischen. In: Festschrift für Alfred Rammelmayer. Hrsg. H.-B. Harder. München 1974, s. 405–438.
- WALCZAK, Bogdan: Zapożyczenia leksykalne (formalnosemantyczne) czy kalki? O pewnym typie zapożyczeń w kontaktach języków blisko spokrewnionych. In: Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich I. Katowice 1999, s. 124–132.
- WALCZAK, Bogdan: O pewnym osobliwym typie kalk semantycznych. In: Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich II. Katowice 2000, s. 73–80.
- WEINREICH, Uriel: Languages in Contact. New York 1953.

prof. dr hab. Alicja Nagórko

Humboldt-Universität zu Berlin, Institut für Slawistik, D-10099 Berlin, Deutschland

e-mail: alicja.nagorko@rz.hu-berlin.de

Сложните съществителни имена (*composita*) и съвременните тенденции в славянските лексикални системи

Юлия Балтова

1.0. Отличителна особеност на развойните процеси в лексиката и словообразователните системи на съвременните славянски езици е тяхната насоченост към общо-славянска интеграция. Тази особеност се отбелязва и подчертава в редица лингвистични изследвания, посветени на развитието на славянските езици след Втората световна война и преди всичко през последните десетилетия на XX в. За главна причина се посочва тенденцията към интернационализация, характеризираща цялото славянско езиково семейство. Под влияние на интернационализацията, отбелязва Ингеборг Онхайзер, „в наши дни наблюдается внутриславянское сближение“ (Ohnheiser 2003, с. 334). Под влияние на интернационализацията на лексиката нарастват и процесите на засилена продуктивност на моделите, по които се образуват сложни думи (*composita*), и се утвърждават нови словообразователни средства и модели, особено при композитообразуването на съществителните и прилагателните имена. По този начин в славянските езици се засилва и разширява статусът на композитообразуването и то не само „в тех славянских языках, которые по разным причинам (языковые контакты, типологические особенности) и раньше отличались высшей активностью словосложения“ (Ohnheiser 2003, с. 334) (такива са например източнославянските езици и българският език от южнославянската група), но и в тези, за които сложните думи като лексеми и композитообразуването не представляват приоритет в лексикалните и словообразователните им системи, какъвто например е чешкият език. Така например в изследването на Цветанка Аврамова „Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век“ се отбелязва следното: „Въпреки че композицията в чешкия език не е толкова застъпена, колкото в българския, нейната роля в субстантивното словообразуване в сравнение с периода до 80-те г. на XX в. все повече нараства... От своя страна значителното увеличаване на композитумите означава преместване в йерархията на езиковите типове, участващи в типологичния облик на чешкия език“ (Аврамова 2003, с. 183–184)¹.

2.0. Композитумите трябва да се възприемат като част от лексиката, която характеризира книжовноезиковите системи. Най-представителният пласт от тази категория лексеми се намира при съществителните и прилагателните имена. Сложните съществителни и сложните прилагателни имена най-добре отразяват основните водещи тенденции при изграждане и попълване на лексиката в даден период от езиковия развой. Силното активизиране на композитообразуването в такива периоди се определя както от обществено-икономическото развитие, т.е. от екстралингвистични

¹ Авторката се позовава на Комарек, цит. по LOTKO, Edvard: Co odhaluje analýza neologismů v současné češtině? In: Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Terezii Orłóš. Ed. H. Wróbel. Kraków 2000, s. 137–141.

причини, изискващи бързо и навременно номиниране на новите реалии и явления, така също и от спецификата на тези производни единици: те се усвояват лесно, имат прозрачна и разбираема структура, основаваща се на предишни знания на носителите на езика, и се включват обикновено безпроблемно в книжовноезиковата практика, заживявайки устойчиво в лексикалната система.

3.0. В съвременните славянски езици композитумите представляват съществен елемент, в който се отразява тенденцията към **интелектуализация**: при тяхното образуване се използват езикови средства, които осигуряват точност, разбираемост и еднозначност на езиковия израз. В много случаи те снемат полисемията при простите производни единици. За разлика от афиксалните образувания, идентифициращите елементи при композитумите се характеризират с по-голяма конкретност на фона на изразяваната от тях обобщеност. Като доказателство ще си послужи с два примера от историята на съвременния български книжовен език – първият се отнася до периода на консолидирането и изграждането на книжовния език през XIX в., а вторият отвежда към последните десетилетия на XX в.

3.1. В българския книжовен език през Възраждането в редовна употреба са композитумите *житопродавец*, *сребропродавец*, *винопродавец*, вторият компонент на които се съотнася със самостоятелно функциониращия дериват *продавец*, равнозначен на лексемата *търговец* (като название за професия). Дефиниционното изречение и за двете производни думи е ‘който продава (= търгува с) всичко, което е обект на търговия’. През същия период се употребяват и простите деривати *житар* (‘който продава и произвежда жито’) и *винар* (‘който произвежда и продава вино’), както и съчетанията (но много рядко) *търговец на жито*, *търговец на вино*. Атрибутивни съчетания от прилагателно + съществително са невъзможни като номинации в тези случаи, т.е. българската езикова система не допуска **житен търговец*, **винен търговец*.

3.2. В края на XX в. в лексикалната система на българския език се утвърждават композитумите *джазпевец*, *кънтрипевец*, *рокпевец*, *фолкпевец* и т.н. със значение ‘певец, който изпълнява/пее определен вид/стил музика (джаз, кънтри, рок, фолк и т.н.)’. В българската лексикална система функционира и дериватът *певец* със значение ‘който пее професионално’. С първите части на посочените нови композитуми не се образуват атрибутивни съчетания, за разлика от съчетанията *оперен певец*, *оперетен певец*, които характеризират лицето, което пее с оглед мястото на професионалното му занимание.

3.3. От изследванията върху тази категория производни лексеми в славянските езици се установява, че като особена зона в номинационните средства на езика, композитумите изпълняват две основни функции: на номинации, които запълват празни клетки (места) в речника (лексикона), и на диференциатори, които отличават едно от друго съществуващи наименования, разширявайки по този начин родово-видовите отношения в лексикалната система. Като доказателство могат да бъдат приведени производните лексеми *рибар*¹: *риболовец*, *рибопродавец* и *рибодеяц* (‘този, който обича да яде риба’) и *рибар*² – ‘птица, която се храни с риба’.

В категорията на композитумите нагледно се проявява необходимостта композитиобразуването да се изследва не само за себе си от гледна точка на една строго

определена словообразователна теория, но и като своеобразна интеграция на лексикалната и на синтактичната система на езика, на номинацията като процес и на речевата езикова дейност.

4.0. Тенденцията към интелектуализация на лексикалните системи, изразявана и чрез непрекъснатия ръст на композитообразуване в съвременните славянски езици, днес определено се свързва и със стремежа към висока степен на мотивираност на лексиката. От друга страна композитумите разкриват и различни системно-структурни възможности на лексикалните системи: например, експликация на лексикалната съчетаемост, определяна на дълбоко семантично равнище от отношенията между компонентите в предикатно-аргументните структури. Посоченото в съвременните лингвистични изследвания, че разширяването на възможностите за съчетаемост, отразявани в моделите на композицията, днес се активизират под влияние на интернационализацията на лексиката, е вярно, но само отчасти. Тези възможности като процес са резултат и на способността на езиковите единици да отворят нови позиции при затваряне на други. Типичен пример за това в славянските езици е заживяването на части от заети чужди композитуми като самостоятелни лексеми (срв. напр. *кино/kino*, *видео/video*, *радио/radio*, *фото/foto* и т.н.). Функциониращи в свободна употреба, те разкриват възможности за нова съчетаемост от позицията на субстантиви (напр. в български език в употреба като *Отивам в кино* „Одеон“ ‘кино’ означава сграда, а *видео* – апарат в *Купих си видео* и т.н.). От тези позиции новите лексикални единици могат да изпълняват функция и на произвеждащи при образуване на други композитуми (срв. напр. българските *радиошкаф*, *видеобарче* и под.).

Композитумите представляват безспорен илюстратор на схващането за двойната референция на производните единици (чрез назоваването на понятията за предметите, явленията, процесите от обективния свят) и към другите лексикални единици (по този въпрос вж. Кубрякова 1981).

5.0. Непрекъснатият ръст на композитумите съществителни и прилагателни определя постоянното и постепенно, макар и неравномерно, разместване в „йерархията“ на лексикалните езикови пластове, които определят и типологичния облик на съвременните славянски езици.

Към типологичните тенденции в съвременните славянски езици Карл Гутшмит отнася тенденцията към *полисинтетизъм* и към *аналитизъм*, които се проявяват както в словообразователната номинация, така също и в лексиката. С полисинтетизма се свързват композитумите, които заемат все по-голямо и трайно място в съвременните славянски езици, а с аналитичните черти се свързват номинациите със статус на словосъчетания, т.е. многословните названия (Гутшмидт 1998).

5.1. Разглеждайки аналитичните (изолиращи) названия (номинации), което според Гутшмит означава свързване на самостоятелни думи и представлява „нареждане на пълнозначни думи без връзка“ (Gutschmidt 2003, с. 343) като българските *помощник-ректор*, *заместник-директор*, *дрехи втора употреба* и др., авторът отнася към една категория и сложни съществителни (композитуми) – *помощник-аптекаря* – и словосъчетания – *дрехи втора употреба*. Естествено възниква въпросът тъждествени ли са по функция тези названия и дали разделното и полуразделното им изписване е единственият критерий, който ги обединява или разделя. Този въпрос и днес

е сред дискуссионните в лингвистичните изследвания. Той се свързва с отговора на въпроса кое приемаме за признак на аналитизъм, като имаме предвид и категорично изказваните мнения, че аглутинативността е също аналитична типологична черта в съвременните славянски езици.

5.2. Свързването на две самостоятелни съществителни имена в една дума (комполитум) в български език е явление, което се отличава с непрекъснато нарастваща продуктивност вече повече от четири десетилетия (вж. Балтова 1985). В сравнение с класическите модели за композитообразуване, този начин за номинация е нов. Нови за лексикалната система са и композитумите като:

*помощник-ректор, помощник-аптекаря (фармацевт),
помощник-директор, помощник-началник, помощник-треньор,
заместник-директор, заместник-министър, заместник-кмет,
заместник-министър-председател,
гост-режисьор, гост-професор,
кандидат-студент, кандидат-офицер,
стажант-адвокат,
скиспорт, скибаза, скиписта, скицентър,
центърнападател, бординженер, концертмайстор, балетмайстор,
вакуумпомпа, бизнесцентър, бизнессреща и мн. др.*

Според някои автори този начин на композитообразуване се утвърждава в български език под влияние на германските езици. Това мнение е вярно, доколкото се отнася до засиленото влияние на английския език върху лексиката не само на българския, но и на останалите славянски езици. Що се отнася до българския език, трябва да се има предвид и влиянието на изафет-конструкциите в областта на номинацията, което представлява благоприятна почва за появата, утвърждаването и разширяването на новия тип композитообразуване.

5.2.1. Посочените по-горе примери, както и много други нови названия с такава структура, представляват композитуми в съвременния български език. Вторият компонент е с функция на определяемо, а първият – на определящо, както в класическите композитуми, но без наличието на формалния показател – съединителна гласна. Основание тези образувания да се разглеждат като композитуми е промяната във функцията на първия компонент: по форма съвпада със свободно съществително, но в структурата на новото образувание не притежава собствена граматическа характеристика, дори понякога е и с променено лексикално значение. Така например значението на компонента *гост-* в *гост-режисьор* се съотнася със значението на вербалната лексема *гастролирам* (*гостувам* получава ново значение); *гост-* придобива функция на именен предикат (= *гостуващ, гастролиращ*), а дефиниционното изречение за *гост-режисьор* е ‘режисьор, който гастролира (= гостува) някъде (в друг театър)’. Семантиката на първия компонент е процесуална. Със същата (процесуална) семантика са и компонентите *помощник-*, *заместник-*, *кандидат-*, *стажант-* в посочените по-горе названия. В съвременните славянски езици образуването на названия от две съществителни имена непрекъснато нараства, но остава спорен въпросът на кое езиково равнище принадлежат тези номинации: на лексикалното или на синтактичното, като някои езиковеди ги отнасят дори към фразеологията.

Загубването на собствена граматична характеристика, промяната във функцията, промяната на лексикалното значение (понякога), придобиването на граматична характеристика за цялото название при втория компонент (*гост-режисьорът, гост-режисьорите*) са признаци, които недвусмислено характеризират този тип названия като еднословни единици, т.е. лексеми. Неоснователни са схващанията на някои автори, че номинации като *бар-дама, джаз-певец, поп-концерт* и др. са „свободни съчетания от прилагателно и съществително“ (Вачкова – Вачков 1998).

Затова пък напълно основателна е забележката на К. Гутшмит, че „възприемането на тезите за „аналитите“ по отношение на българските названия *поп-звезда, рок-състав, екшън-филм* като синтактични съчетания от прилагателно и съществително би довело до ревизия на правилата за дистрибуция на клитиките“ (Gutschmidt 2003, с. 351), т.е. на правилата за подреждането/мястото на членните форми и на кратките лични местоимения. Като потвърждение на мнението на К. Гутшмит, което споделям, ще приведа следните примери. В българския език се казва *рок-съставът* **заминава за чужбина**, *рок-съставите* **заминават за чужбина**, но не може да се каже **рок ни състав заминава за чужбина*. Възможно е също *ски-пистата е готова за състезанията*, *скипистата ни е готова за състезанията*, но не възможно **ски ни пистата е готова за състезания* (означените със звездичка примери са граматически неправилни и безсмислени). При свободните съчетания от прилагателно и съществително и двата компонента запазват граматичните си характеристики, срв. *изпълнителен директор, изпълнителният ни директор, изпълнителните ни директори*.

6.0. Въпросът за т.нар. „аналити“, както и други въпроси, отнасящи се до композитумите, до новите модели за образуването им в славянските езици, до същността и функцията на повтарящите се компоненти и т.н. в съвременните условия смятам, че се нуждаят от допълнително изследване, особено в съпоставителен план. Нужно е еднозначно решение в динамичния процес на сближаване на славянските езици в областта на словообразуването и лексиката.

6.1. Наблюденията ми върху множество изследвания в тази област показват, че е назряла необходимостта от избистряне и уеднаквяване на терминологията, което много често липсва дори и в едно отделно научно изследване.

6.1.1. Въпреки утвърдената традиция и доминиращите схващания за същността и структурата на композитумите, заслужава внимание разширяващото се мнение на някои учени (преди всичко германски), че към тази категория производни лексеми трябва да се отнасят само „чистите композитуми“. Формациите, съчетаващи принципите на композицията и афиксацията, според тези учени са афиксални образувания. Отговорът на този въпрос е от особено значение както за словообразуването, така също и за лексикологията.

6.1.2. Смятам още, че въпросът за т.нар. „сложносъкратени думи“ също се нуждае от преразглеждане и допълнителни уточнения. Днес този въпрос възниква при определяне статуса на компоненти като *кино-, видео-, радио-* и под., които някои изследователи продължават да разглеждат или като съкратени основи (?), или като словообразователни форманти (?), или като първа част на композитуми. В славистичната езиковедска литература доминират три схващания: а) образуванията с тези компоненти са композитуми; б) тези формации са сложносъкратени думи; в) това са слож-

ни групови съкращения. Сложните компоненти се разглеждат като: а) компоненти на композитуми; б) лексико-морфеми; в) свързани корени (основи); г) радикасоиди или радикасоидни префиксоиди и т.н.

6.1.3. От единно мнение или поне от сближаване на мненията се нуждае и въпросът за правописа на новите композитуми, които не са образувани по класическите модели: слято или полуслято. Правописният въпрос е пряко свързан и с лексикографията при изготвяне на речниковите словници.

7.0. Целта на настоящото изложение е да насочи вниманието на дериватолозите към съвременното композитообразуване и новите композитуми, тъй като в словообразователните изследвания продължава да доминира интересът към афиксалното словообразуване. А се подчертава, че в славянските езикови системи ролята на композицията и композитумите непрекъснато нараства. Позволих си да използвам в изложението примери от българския език главно по две причини: а) той е единственият аналитичен език в славянското езиково семейство и представлява прекрасна основа за съпоставителни изследвания и б) композитообразуването и функцията на композитумите в книжовната система на българския език са ярко отражение на тенденциите, наблюдавани в съвременното състояние на словообразуването и лексиката на славянските езици.

Литература

- АВРАМОВА, Цветанка: Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на ХХ в. София 2003.
- БАЛТОВА, Юлия: Двусъставни субстантивни конструкции в съвременния български книжовен език. In: Известия на Института за български език. Т. XXVI. София 1985, с. 81–133.
- ВАЧКОВА, Кина – ВАЧКОВ, Веселин: Словообразуване и аналитизъм. Типологична обусловеност на някои словообразователни процеси в съвременния български език. In: Славянска филология, т. 22 (Доклади за XII международен конгрес на славистите, Краков, 1998). София 1998, с. 95–101.
- ГУТШМИДТ, Карл: Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках. In: *Jazykovedný časopis*, 1998, гоџ. 49, џ. 1–2, s. 15–26.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Типы языковых значений. Семантика производного слова. Москва 1981.
- GUTSCHMIDT, Karl: Типологични тенденции. In: *Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1*. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, с. 339–355. ISBN 83-86881-35-6.
- OHNHEISER, Ingeborg: Системно-структурные тенденции. In: *Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1*. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, с. 317–338. ISBN 83-86881-35-6.

проф. д-р Юлия Балтова

Институт за български език при БАН, Ул. Шипченски проход 52, бл. 17, BG-1113
София, България

e-mail: julia.baltowa@abv.bg

Aktywność słowotwórstwa hybrydalnego w najnowszej polszczyźnie

Krystyna Waszakowa

1. W ostatnim trzydziestoleciu, a zwłaszcza od przełomu lat 80. i 90., uwaga niektórych spośród badaczy zajmujących się słowotwórstwem koncentruje się na obserwacji wzmożonego oddziaływania zapożyczeń na systemy słowotwórcze języków słowiańskich. Powstały liczne prace, w których mówi się o uintensywnieniu się w ostatnich dziesięcioleciach ubiegłego stulecia tendencji do internacjonalizacji w tychże językach, a także o wzmożonej aktywności słowotwórstwa hybrydalnego w różnych jego aspektach, do czego przyczyniły się z jednej strony procesy internacjonalizacji, z drugiej zaś – procesy autochtonizacji¹.

Z uintensywnianiem się od lat 70. tendencji do internacjonalizacji słownictwa w językach słowiańskich wiążą się też wypowiedzi polskich językoznawców, podważające zasadność jednostronnie negatywnych ocen hybryd². Dostarczane są argumenty za „ułamkaniem” struktur hybrydalnych, będących od wielu lat w obiegu, ale ciągle pozbawionych sankcji normatywnej z powodu ich „hybrydowości”³.

2. Celem niniejszego artykułu jest pokazanie w zarysie, jak przedstawia się we współczesnej polszczyźnie aktywność słowotwórstwa hybrydalnego. W polu uwagi znajdują się najbardziej charakterystyczne dla ostatnich dwudziestu lat seryjne typy derywatów-hybryd. Podstawę materiałową pracy stanowi liczący prawie 5 tysięcy jednostek zbiór nowych wyrazów, w większości rzeczowników, zebranych pod kątem badanego przeze mnie ogólniejszego zjawiska: przejawów internacjonalizacji polskiego systemu słowotwórczego.

2.1. Chcąc posługiwać się pojęciem *hybrydy*, stajemy wobec konieczności podania wskaźników obcości/rodzimości tego typu struktur mieszanych.

Ze znanych synchronicznych opisów słowotwórczych o sposobie rozumienia pojęcia *formacja rodzima* dowiemy się raczej mało. W literaturze polskiej *derywaty rodzi-*

¹ Syntetyczne spojrzenie na te kwestie przynoszą studia J. A. Ziemskiej (Земская 1997, 2002), G. P. Niezczimienko (Нещименко 1993), K. Buzássyovej (1997, 2002), I. Ohnheiser (2002), a także wypowiedzi autorów pracy zbiorowej *Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich* (2003).

² Ślady takiego podejścia widoczne są na przykład w Encyklopedii języka polskiego (1994), adresowanej – jak czytamy we wstępie – „do nauczycieli i studentów filologii polskiej oraz wszystkich interesujących się językiem polskim”, w której przy hasle *hybryda* podano: „H[ybrydy] uważa się na ogół za neologizmy niepożądane”.

³ W charakterze ilustracji przytoczymy tu wypowiedzianą na początku lat 90. opinię D. Buttler (1990): „Zjawisko tworzenia struktur mieszanych przybrało charakter zbyt rozległy, odpowiada bardzo żywotnej tendencji ogólnojęzykowej – internacjonalizacji zasobów słownych, trudno więc wszystkie formacje tego rodzaju zaliczać do wykolejeń językowych, nie uwzględniając ich motywacji funkcjonalnej. Walorem hybryd [...] jest ich skrótość, a zarazem znaczny stopień precyzji.” Na marginesie warto dodać, że wieloaspektowe rozważania na temat hybryd znajdziemy w tomie *Formacje hybrydalne w językach słowiańskich* (1986).

me są ujmowane jako wyrazy o rodowodzie polskim lub szerzej – słowiańskim (rzadziej prasłowiańskim)⁴. Za obiektywne sprawdziany obcości derywatów (ich członów) są uważane przede wszystkim właściwe im odrębności fonologiczne i morfonologiczne albo też ich status internacjonalny; w mniejszej skali również odrębności semantyczne, stylistyczne i fleksyjne⁵.

Powyższe kryteria wewnętrznosystemowe w razie potrzeby bywają wspierane dodatkowymi kryteriami o charakterze socjolingwistycznym, takimi jak: odczucia i opinie rodzimych użytkowników języka na temat rodzimości lub obcości danych wyrażań. Niestety, ze względu na brak danych (np. w postaci wyników badań ankietowych na większą skalę) rola tego kryterium może być co najwyżej pomocnicza.

3. Wiadomo, że stosunkowo łatwo są postrzegane jako obce takie najnowsze zapożyczenia, które mają obce polszczyźnie cechy ortograficzne i/lub fonetyczne – świadczą one o niepełnej asymilacji tych zapożyczeń – por. przykładowe: *casting, cleaning, e-mail, head-hunter, tivi-gate, webmusic, McŚwiat*. Wyrazem nieustabilizowanej wymowy i pisowni tego typu jednostek jest właściwa im wariantywność ortograficzna, por. *chip/czip, show-business/show-biznes/szobiznes* i/lub fonetyczna – ta ostatnia uwidacznia się na przykład w sposobach wymawiania wyrazów *e-mail* i *e-mailować* jak: *imeil/imeilować/emeil/emeilować/ymail/ymailować/ymeil/ymeilować/meilować/mejlować* itp.

W mniejszym stopniu jako obce są traktowane nowe półkalki językowe, typu *inforozrywka, megagwiazda, pracoholik, telezakupy*, odwzorowujące za pomocą elementów rodzimych lub zadamowionych obce struktury słowotwórcze⁶. Ich „półrodzimy” charakter sprawia, że dobrze wkomponowują się one w znany pejzaż leksykalny polszczyzny.

3.1. Wśród nowych seryjnych derywatów jako najwyrazistsze hybrydy przedstawiają się dwa typy struktur:

a) utworzone od nowych zapożyczeń leksykalnych za pomocą rodzimych formantów; derywaty proste (ich tematy słowotwórcze zachowują obce cechy ortograficzne i/lub fonetyczne);

b) derywaty powstałe z połączenia rodzimego tematu z nowym segmentem obcym w roli formantu lub członu złożenia, który na gruncie języka polskiego w pełni zachowuje swą oryginalną postać.

W grupie pierwszej największą aktywność wykazują te cząstki rodzime, które pełnią przede wszystkim (lub wyłącznie) funkcję gramatyczną, adaptującą, a nie semantyczną czy ekspresywną. W roli tej występują rodzime morfemy gramatyczne, za pomocą których tworzone są formy czasownikowe – por. derywaty *chipować, dumpingować, eutanazować, faksować, grillować, hackować, lobbować, menedżerować, tuningować, VAT-ować, zappować*.

⁴ Taki obraz wyłania się np. z pracy R. Grzegorzycykowej i J. Puzyniny (1979), jak również z książki mojego autorstwa (Waszakowa 1994). Rodzimość na równi ze słowiańskością (w wypadku języków słowiańskich) stawia J. Obara; jego zdaniem jako obce należy traktować morfemy niesłowiańskie, a więc greckie, łacińskie bądź też jakiegokolwiek inne – germańskiego czy romańskiego pochodzenia (Obara 1986, s. 63).

⁵ Przypomnijmy, że wykazanie odrębności między dwoma podsystemami słowotwórczymi: rodzimym i obcym miały na celu należące dziś do „klasyki słowotwórczej” prace H. Marchanda, W. W. Akulenki, J. Jiráčka.

⁶ W podanych przykładach są to odpowiednio: *infotainment* (wyraz powstały ze skrzyżowania rzeczowników *information* i *entertainment*), *megastar, workaholic, teleshopping*. Półkalką jest także wymieniony wcześniej rzeczownik *McŚwiat*.

Osobną, produktywną klasę tworzą nowe derywaty, w których w roli formantu występują te same postpozycyjne morfemy werbalne w połączeniu z prefiksami rodzimymi, por. formacje *wyleasingować*, *zachipować*, *zae-mailować/zameilować*.

W słabo zaasymilowanych pod względem ortograficznym strukturach imiennych funkcję adaptującą pełni przede wszystkim przyrostek **-owy**, tworzący nowe przymiotniki, typu *namingowy*, *newsowy*, *online'owy*, *peelingowy*, *pieriestrojkowy*, *pubowy*, *ratingowy*, *roamingowy*, *softwareowy*, *surfingowy*, *t-shirt-owy*.

W przypadku rzeczowników – członem rodzimym o największej „skłonności” do połączeń z mało przyswojonymi polszczyźnie tematami jest sufix **-owiec**, tworzący nazwy nosicieli cech, por. *AIDS-owiec/aidsovec*, *countryowiec*, *freestylowiec*, *Hiv-owiec/hivo-vec*, *marketingowiec*, *McDonaldowiec*, *punkowiec*, *rockowiec*.

Piętno obcości, widoczne w planie ortograficznym, noszą też nowe struktury hybrydalne, w których rodzime morfemy dołączane są do zapisanych dużymi literami skrótów międzynarodowych, por. *AIDS-owy*, *SMS-owy* ‘związany z AIDS, z SMS’, *VAT-ować* ‘dodawać VAT’ oraz *PIT-olić* (ostatni jest ekspresywnym określeniem czynności wypełniania druków PIT). Niektóre z nich zadamawiają się w polszczyźnie – wyraża się to m.in. w zmianie ich zapisu i w tworzeniu gniazd, por. *aidsowy*, *aidsovec*, *esemesowy*, *esemesik* (por. *wysłać komuś esemesik z życzeniami*) oraz określenia żartobliwe: *nawatowany* (od *VAT*) i *pitek* od *PIT*, por. *wypełnić pitek*.

Z drugiej strony, typ ten mógł wpłynąć na sposób budowania i zapisu nowych formacji od skrótów rodzimych, por. *euroNIP*, *euro-PSL*, *euro-SDRP*⁷.

Przejdźmy do scharakteryzowania drugiego typu słowotwórczych struktur hybrydalnych, czyli derywatów utworzonych od podstaw rodzimych za pomocą nowego segmentu obcego, który na gruncie języka polskiego w pełni zachowuje swą oryginalną postać.

Znakomity przykład tego typu hybryd w badanym materiale stanowi liczna seria złożzeń analogicznych z segmentem **-gate** dodanym do podstaw rodzimych. Aktywność tego członu obcego w tworzeniu struktur hybrydalnych nie jest ograniczona względami formalnymi; dystrybucję tematów rodzimych lub obcych przyłączanych do segmentu **-gate** można wiązać co najwyżej z czynnikami ekspresyjnymi. Nie bez znaczenia pozostaje też fakt, że struktury hybrydalne z członem **-gate**, typu *wódkagate*, *ropagate* oraz utworzone od nazw własnych, por. *ślupskgate*, *ślupigate*, *kulczykgate*, *FOZZ-gate*, *SB-gate* (podobnie jak zażyczone w całości tego typu formacje) są charakterystyczne dla języka w mediach⁸.

Zauważmy, że nawet tak „ekstremalne” z punktu widzenia języka polskiego neologizmy-kalki, jak np. *e-książka*, *e-nauka* czy *e-podpis*, stopniowo poddają się adaptacji: człon *e-* wcale nierzadko jest wymawiany zgodnie z jego ortografią, a nie z angielską, co wiązać należy z kojarzeniem tej części z przymiotnikiem *elektroniczny*.

Jest oczywiste, że z tych właśnie (można powiedzieć: widocznych) względów formacje takie są dość łatwo postrzegane przez rodzimych użytkowników jako obce. Tak wyraźnego piętna obcości nie noszą natomiast nowe derywaty-hybrydy (w większości też

⁷ Skróty te mają następujące podstawy: *NIP* – Numer Identyfikacji Podatkowej, *PSL* – Polskie Stronnictwo Ludowe, *SDRP* – Socjaldemokracja Rzeczypospolitej Polskiej.

⁸ Dla większej jasności podajemy, że podstawy słowotwórcze *Ślupsk*, *Ślupia* to nazwy miast, *Kulczyk* to nazwisko znanego polskiego biznesmena, *FOZZ* to Fundusz Obsługi Zadłużenia Zagranicznego, *SB* – Służba Bezpieczeństwa.

kalki) typu *cyberprzestrzeń, cyberwłamywacz, cyberwojna, pracoholik, zakupoholik* czy *telesklep, telezakupy*, które odwzorowują za pomocą elementów rodzimych lub zadomowionych obce struktury słowotwórcze: *cyberspace, cyberhacker, cyberwar, workaholic, shopaholic, telemarket, teleshopping*. Wolno sądzić, że dzieje się tak dlatego, że segmenty obce *cyber-* i *-holik* „mają oparcie” w należących do polszczyzny wcześniejszych zapożyczeniach *alkoholik, cybernetyka, telewizja*⁹.

4. Mimo wyraźnie zaznaczających się od kilkudziesięciu lat procesów integracyjnych, strukturalna odrębność derywatów z sufiksami obcymi względem derywatów rodzimych we współczesnej polszczyźnie pozostaje jednak na tyle wyraźna, że twierdzenie o istnieniu dwóch osobnych podsystemów słowotwórczych, w których panują swoiste reguły dotyczące m.in. łączliwości obcych formantów z tematami rodzimymi, jest ciągle aktualne.

4.1. Niektóre formanty obce cechuje łączliwość ograniczona (całkowicie lub w znacznym stopniu) do podstaw genetycznie obcych. Spośród obcych elementów występujących w nowych, seryjnych derywatach polszczyzny właściwość tę wykazują dziś następujące formanty:

- sufiksy: **-ant** (*debatant, koalicjant, rekrutant*), **-ing** (*lobbing, sponsoring, surfing*), **-ator** (*demokratyzator, prywatyzator, rekomendator*), **-izm/-yzm** (*ekologizm, aferyzm*), a także ich postaci rozszerzone: **-onizm** (*supremacjonizm, tolerancjonizm*), **-izacja/-yzacja** (*ekologizacja, globalizacja, alkaidyzacja, hamburgeryzacja*), ponadto **-er** (*aborter, bloker, surfer*), a także **-ista/-ysta**, np. *biseksualista, buszysta* (← *Bush*), *dżihadysta, wizażysta*;

- prefiksy: **de-** i **re-** (same lub w połączeniu z sufiksami *-ja, -acja* lub *-izacja*) w derywatach wielomotywacyjnych, typu *dekwalfikacja*¹⁰, *deHIVizacja, deregulacja, denomenklaturyzacja, reekshumacja, reemisja, rekalkulacja, reewangelizacja, renaturalizacja*.

4.2. Z wykroczeniem poza typowe cechy danego modelu słowotwórczego, w którym obcy formant wykazuje łączliwość przede wszystkim z podstawami genetycznie obcymi, wiąże się zjawisko stosunkowo łatwego tworzenia na gruncie rodzimym okazjonalnych formacji hybrydalnych – zwykle nacechowanych aksjologicznie, o dużej kondensacji treści. Są to:

- derywaty z sufiksem **-izacja/-yzacja** derywowane od nazwisk osób ogólnie znanych z mediów, zwykle z racji sprawowania funkcji publicznych, np. takie jak: *falandyzacja* (← *Falandysz*), *małyszczacja* (← *Małysz*);

- formacje z sufiksem **-izm/-yzm**, zwłaszcza w połączeniu z dwoma typami podstaw:

- a) nazwiskami osób publicznych, typu *glempizm* (← *Glemp*), *wałęszizm* (← *Wałęsa*);

- b) nazwami własnymi w postaci skrótu, por. *peerelizm* (← *peerel*, inaczej *PRL = Polska Rzeczpospolita Ludowa*), *pezetpeeryzm* (← *pezetpeer*, inaczej *PZPR = Polska Zjednoczona Partia Robotnicza*¹¹);

⁹ Polonizacji zaczyna też ulegać segment *show* – świadczą o tym pojawiające się w tekstach (ale jeszcze nie odnotowane w słownikach) derywaty *szolbiznes, szolmen, szolmenka*.

¹⁰ Prefiks *de-* jest jedynym wykładnikiem pochodności słowotwórczej tylko przy ich interpretacji jako formacji, które pozostają w bezpośrednim związku z rzeczownikiem, np. *dekwalfikacja* ← *kwalifikacja*.

¹¹ Pierwsze z nich oznaczają ogół poglądów i/lub działań charakterystycznych dla osoby i/lub ugrupowania, z którym się ona utożsamia i/lub któremu przewodzi, drugie zaś system, ideologię wskazanej przez podstawę jednostki (państwa, partii, ugrupowania itp.).

- formacje prefiksально-sufiksalne (w większości utworzone od nazwisk osób sprawujących funkcje publiczne), zwłaszcza z następującymi częstkami:

de- + *-izacja/-yzacja*, typu *demichnicyzacja* (← *Michnik*), *dewałęsyzacja* (← *Wałęsa*);
anty- + *-izm/-yzm*, typu *antywałęsizm* (← *Wałęsa*), *antymichnicyzm* (← *Michnik*);

- złożenia z następującymi powtarzalnymi częstkami obcymi łączonymi z tematami rodzimymi:

-logia, por. *spółkologia* (← *spółka*), *wałęsologia* (← *Wałęsa*);

-fobia, por. *adamofobia* (← *Adam (Michnik)*¹²), *wałęsofobia* (← *Wałęsa*);

-terapia, por. *małyszoterapia* (← *Małysz*), *konioterapia* (← *koń*).

Kryterium typowości modelu słowotwórczego, do którego wcześniej odwoływała się D. Buttler (1990, s. 149), można uznać za wcześniejsze stadium myślenia o prototypach w języku. Jak wiemy, podstawowe założenia gramatyki kognitywnej (m.in. takie jak: brak ścisłych granic między kategoriami desygnatów – elementów rzeczywistości naturalnej i artefaktów, rzutujące na sposób ujmowania kategorii zjawisk językowych), pozwalają na opis zjawisk słowotwórczych bez ścisłych kategoryzacji, przez co bliższy samej rzeczywistości językowej. Przy takim spojrzeniu na zjawiska językowe przyjmuje się stopniowalny układ kategorii: im większym zestawem cech świadczących o typowości danego modelu słowotwórczego charakteryzuje się dana klasa derywatów, tym bliżej prototypowego centrum jest ona zlokalizowana; zjawiska o mniejszej liczbie cech względem tego, co uznaje się za typowe jako mniej prototypowe, a na dalszych odcinkach skali – jako peryferyjne¹³. Oglądane w tej perspektywie ekspresywne formacje hybrydalne jako wykraczające poza typowe cechy właściwych im modeli słowotwórczych uznamy za oddalone od prototypowego centrum – derywatów z tymi samymi obcymi formantami (członami złożzeń) motywowanymi przez wyrazy zapożyczone.

5. Jak już wspomniałam, za ważne kryterium rozstrzygające o obcości formantu (lub segmentu compositum) oprócz wskaźników w postaci wyrazistych odrębności fonologicznych i morfonologicznych w tematach i sufiksach derywatów oraz typowej dla danego modelu słowotwórczego łączliwości segmentów jest też uznawana cecha „internacjonalności” formantu/segmentu compositum.

Właściwa wielu międzynarodowym częstkom słowotwórczym łączliwość, ograniczona (całkowicie lub w znacznym stopniu) do podstaw genetycznie obcych, w niemałym stopniu wynika stąd, że elementy te w ogromnej większości występują w przejmowanych do polszczyzny internacjonalnych leksemach. Oto garść przykładów: *aborcjonista*, *antystres*, *autopromocja*, *bankomat*, *biokomponent*, *eurokonstytucja*, *euroentuzjazm*, *fundamentalizm*, *kloning*, *lobbysta*, *megaimpreza*, *seksbiznes*, *technoklub*.

5.1. Z kolei w compositach łączliwość z obcymi segmentami jest właściwa wielu aktywnym częstkom, zarówno tym dobrze zakorzenionym w polszczyźnie, takim jak na przykład: **bio-I** w znaczeniu ‘związany z życiem, procesami życiowymi, żywymi organizmami (por. *biogen*, *bioplazma*), **chromo-** (*chromoproteina*, *chromoterapia*), **neuro-** (*neurochemia*, *neu-*

¹² Chodzi o Adama Michnika, redaktora naczelnego Gazety Wyborczej.

¹³ Jak wiemy, ustalanie kryteriów prototypowości nie jest bezdyskusyjne. O wybranych aspektach zastosowania teorii prototypów w słowotwórstwie pisałam m.in. w pracy Waszakowa (2004).

roreceptor), **socjal-** (*socjalkapitalizm, socjalliberalizm*), **tele-I** w znaczeniu ‘działający na odległość’ (*telereceptor, teleregulacja*) czy **-grafia** (*echografia, filmografia*), **-logia** (*kryzysologia, numerologia*), **-terapia** (*genoterapia, szokoterapia*), jak segmentom nowszym, takim jak na przykład **agro-** (*agrobiznes, agroterrorysta*), **anarcho-** (*anarchokapitalizm, anarchopacyfizm*), **info-I** (*infolinia, infosystem*), **narko-** (*narkomafia, narkoterapia*) czy **techno-II** ‘typ opartej na rytmie muzyki elektronicznej’ (*technoklub, technobiznes*).

Na ograniczenia łączliwości w wymienionych strukturach niewątpliwie wpływa to, że powyższe elementy obce są powtarzalne w przejętych przez polszczyznę całych leksemach (wcale nierzadko internacjonalizmach). W niektórych wypadkach nie wchodzi one w słowotwórczą „tkankę” języka, który je przejął, w tym sensie, że nie powiększają one swoich gniazd o nowe, utworzone na gruncie rodzimym struktury nominatywne. Jako przykład można podać najnowsze słownictwo związane z globalizacją – są to wyłącznie zapożyczenia leksykalne, które wtórnie stały się derywatami słowotwórczymi w języku polskim: *antyglobalizm, antyglobalista, antyglobalizacja, alterglobalizm, alterglobalista, alterglobalizacja*.

5.2. Kryterium „internacjonalności” formantu/segmentu compositum można uznać za rozstrzygające przy uznawaniu za obce tych elementów, którym właściwa jest łączliwość zarówno z imiennymi tematami obcymi, jak i rodzimymi. Spośród prefiksów cechę tę mają następujące: **anty-**, np. *antykobieta, antyciążowy*¹⁴, **arcy-** (*arcypomysł, arcywnikliwy*), **ekstra-I** w znaczeniu ‘dodatkowy’ (*ekstrawyjście, ekstrazasilanie*), **ekstra-II** ‘bardzo dobrej jakości, bardzo atrakcyjny, niezwykły’ (*ekstraślub, ekstrapilny*), **hiper-** (*hiperwyzysk, hipernowoczesny*), **kontr-/kontra-** (*kontrrząd, kontrzamach*), **post-** (*postlewica, postwojenny*), **super-I** w znaczeniu ‘najwyższej jakości, o największym natężeniu, najnowocześniejszy, wyjątkowy itp.’ (*superwyczyn, superlekki*), **super-II** w znaczeniu ‘nadrzędny, wyżej postawiony w hierarchii’ (*supernagroda, superurząd*).

W grupie złożzeń „chętnie” łączą się z rodzimymi podstawami zwłaszcza następujące cząstki obce: **cyber-** (*cyberwłamywacz, cyberwojna*), **eko-** (*ekorolnictwo, ekożywność*), **eks-** (*eksksiądz, eksrzecznik*), **euro-II** ← *Unia Europejska* (*eurodrożyzna, eurowódka*), **mega-** (*megawolność, megazabudowa*), **mikro-** (*mikrouraz, mikrozawał*), **mini-** (*miniwystawa, minizjazd*), **narko-** (*narkoprzemysł, narkowojna*), **neo-** (*neolewica, neozwiązki*), **porno-** (*pornogwiazda, pornowydawnictwo*), **pseudo-** (*pseudospółka, pseudosprawiedliwość*), **seks-** (*seksnowość, seksustawa*), **wideo-** (*wideousługa, wideowypożyczalnia*), **tele-** ← *telewizja, telewizyjny* (*telewidownia, teleświąta*), a także **-mania** (*spółkomania, zakupomania*) i **-gate** (*Michnikgate, wódkagate*).

6. Na koniec słowo o derywatach słowotwórczych, które dziś trudno byłoby uznać za hybrydy. Chodzi o struktury, w których obcość jednego z członów daje się umotywić tylko genetycznie, takie jak:

a) derywaty z tematami słowotwórczymi genetycznie obcymi, dobrze zaasymilowanymi w polszczyźnie, w rodzaju *budżetowiec, budżetówka, biznesik, klerożerstwo, dolarodajny, niskocholesterolowy*;

¹⁴ Z uwagi na temat pracy ograniczmy się do podania w charakterze przykładów tylko struktur hybrydalnych.

b) derywaty z formantami genetycznie obcymi, które nie mają obecnie synchronicznych znamion obcości (zwłaszcza odrębności fonologiczno-morfologicznych), takimi jak np. *-eusz, -erz, -unek*, por. *slabeusz, bluźnierz, pocalunek*.

Nie uznamy za hybrydy także derywatów z członami genetycznie obcymi, formalnie paralelnymi do segmentów obcych mających status międzynarodowy, ale zachowującymi względem nich odrębność. Mamy tu na uwadze derywaty z częstkami, które pochodzą bezpośrednio od wyrazów utworzonych na gruncie polszczyzny – reprezentują one ich nowe znaczenia, zawężone w stosunku do tych, które można uznać za ich podstawy.

Dobry przykład tego typu struktur stanowią formacje okazjonalne z członem *bio-* nawiązującym bezpośrednio do rzeczownika *biopaliwa*, takie jak: *bionamowy* ‘namawianie do stosowania biopaliw’, *bioprzekręt* (tak zatytułowano artykuł na temat oszustw związanych z biopaliwami), *biorolnik* ‘rolnik stosujący olej napędowy z dodatkiem rzepaku – biopaliwo’, *bioprzyszłość* (tytuł artykułu propagującego biopaliwa).

Dodajmy, że wśród compositów z członami obcymi jest to sytuacja szczególna, odmienna od tej, jaką obserwujemy przy takich członach obcych, które powstały w wyniku dezintegracji wyrazów międzynarodowych, np. takich jak: **bio-II** ← *biologia, biologiczny* (por. *biobroń, biorolnik, biopiekarnik, biosok*) oraz **bio-III** ← *bioenergia, bioenergetyczny*, por. *biopole, bioterapia*.

7. Zasadniczym celem niniejszej pracy było pokazanie najbardziej charakterystycznych przejawów aktywności słowotwórstwa hybrydalnego – tych punktów, w których oba podsystemy słowotwórstwa (rodzimy i obcy) łączą się ze sobą. Chodziło też o uzasadnienie tezy, że mimo obserwowanej dziś wzmożonej tendencji do internacjonalizacji systemów słowotwórczych języków słowiańskich, mówienie o strukturach hybrydalnych ciągle ma sens, bowiem zajmują one w tych systemach miejsce szczególne. O ile z perspektywy zasad normatywnych (poprawności tworzonych struktur) pojęcie *hybryda* wydaje się dziś zbędne, o tyle z perspektywy tendencji do internacjonalizacji języka jest ono użyteczne, bo pokazuje przejawy tego zjawiska: m.in. stopnie adaptacji obcych leksemów, a także sposoby ich natywizacji.

Bibliografia

- BUTTLER, Danuta: Hybrydy w nowym słownictwie polskim. In: Poradnik Językowy, 1990, 2, s. 145–150.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Slovenčina ako stredoeurópsky jazyk (na okraj protikladu domáce/cudzie). In: Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy. Ed. S. Ondrejovič. Bratislava 1997, s. 69–78. ISBN 80-224-0514-0.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Kombinatorika významových konštituentov v kompozitách. In: Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Hrsg. S. Mengel. Münster – London – Hamburg 2002, s. 181–192.
- Encyklopedia języka polskiego. Pod red. S. Urbańczyka. Wyd. 2 popr. i uzup. Wrocław etc. 1994.
- Formacje hybrydalne w językach słowiańskich. Pod red. S. Warchoła. Lublin 1986.
- GRZEGORCZYKOWA, Renata – PUZYNNINA, Jadwiga: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime. Warszawa 1979.

- OBARA, Jerzy: Hybrydy i półkalki na tle innych jednostek językowych obcego i rodzimego pochodzenia. In: *Formacje hybrydalne w językach słowiańskich*. Pod red. S. Warchoła. Lublin 1986, s. 59–73.
- OHNEISER, Ingeborg: Влияние языковых контактов на комбинаторику или Дети 40 VIP-персон кричали: „Вода культурно тёплая!“ In: *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Hrsg. S. Mengel. Münster – London – Hamburg 2002, s. 35–54.
- Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003. ISBN 83-86881-35-6.
- WASZAKOWA, Krystyna: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce. Warszawa 1994.
- WASZAKOWA, Krystyna: Słowotwórstwo a niektóre założenia kognitywizmu. In: *Poradnik Językowy*, 2004, 2, s. 67–80.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Активные тенденции словопроизводства. In: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык*. Red. E. A. Širjaev. Opole 1997, s. 167–201.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов. In: *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Hrsg. S. Mengel. Münster – London – Hamburg 2002, s. 157–170.
- НЕЩИМЕНКО, Галина П.: К проблеме словообразовательной динамики (на материале славянских языков). In: *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов*. Братислава, сентябрь 1993 г. Москва 1993, с. 263–277.

prof. dr hab. Krystyna Waszakowa

Uniwersytet Warszawski, Instytut Języka Polskiego, Krakowskie Przedmieście 26/28,
PL-00-927 Warszawa, Polska
e-mail: kwaszak@uw.edu.pl

Интернационалната лексика в словообразователната система на българския език. Критични бележки

Людвиг Селимски

1. Интернационалната част от речника на българския език се третира като обект на словообразователен анализ твърде нееднакво, дори противоречиво у различни автори. При анализа на отделни словообразователни единици или/и типове се допускат грешки, водещи до две противоположни крайности. От една страна, това е представянето като словообразователни формации на такива речникови единици, които макар че съдържат в морфемния си състав определен суфикс от гръцко-латински произход и интернационално разпространение, в българския език не могат да се считат словообразователно мотивирани, тъй като покрай тях в речника на този език няма сродни думи, които да представляват произвеждащи спрямо тях. Този тип грешки са обикновено явление в публикациите от преди Втората световна война, когато в националната наука словообразователните изследвания все се намират в своя зародишен стадий. Затова не буди удивление обстоятелството, че на такива грешки се натъкваме и в „Основна граматика“ на Андрейчин (1944). Към названията за лица със суф. **-ат** Андрейчин прибавя – неправомерно – и думите *адвокат* и *депутат*; при подобни названия със суф. **-ент** помества и *агент*, *доцент* и *студент*; при образуванията на **-ор** – *директор* и *професор*; сред формациите на **-ьор** се е оказала и думата *актьор*, а при названията на предмети със суф. **-иера** – *жардиниѐра* (Андрейчин 1944, с. 92, 103)¹. Същите, а и други грешки от този род се откриват и в публикуваната 20 години по-късно „Грамматика на българския книжовен език“ на Стоянов (1964), в която сред приведените примери не могат да бъдат считани за мотивирани думите *клиент*, *пациент*, *студент*; *адвокат*, *депутат*, *дипломат*; *инженер*; *артист*; *директор*, *професор*; *актьор*; *санаториум*; *аберация*; *алтруизъм*, *оптимизъм*, *песимизъм*, *пуризм*, *туризм*; *багаж*, *воаяж*, *масаж*, *тираж*, *трикотаж*, *шантаж*, а даже и *амбалаж* (Стойанов 1964, с. 172, 175) [мотивиращото *амбалирам* ‘обвивам, правя амбалаж; опаковам’, взето под внимание в ОбрР (1975), е отбелязано само в „Правописен речник на българския книжовен език“ от С. Романски (1951)]. Такова е състоянието и в академичната граматика (Грамматика... 1983), в която словообразоването на имената е от С. Стоянов. Подобни несполучливи примери, които уж илюстрират функционирането на отделни интернационални суфикси, се срещат и в някои по-нови помагала за студенти. До противоположна крайност се стига в СлР (1999), в който, примерно: 1) *агент* и *агентура* се разглеждат изолирани една от друга; 2) в гнездата на *адвокат* и *доцент* не са намерили място *адвокатура* и *доцентура*; 3) в гнездото на *шантаж* не влиза *шантажѐра*; 4) *окупатор* и *окупация* образуват отделни гнезда, а извън тях са останали думите *окупирам* и *окупант*, вероятно сметени за непроизводни/немотивирани и т.н.

¹ Тази грешка е допусната и у В. Мурдаров (19836).

2. През 60-те – 80-те г. на XX век в българския научен печат се появяват редица публикации, в които много заемки от интернационалния фонд стават предмет на специален анализ, между другото и от гледна точка на тяхната словообразователна структура². В тези изследвания се формира схващането, че и при заемките може и трябва да се говори за словообразователна производност/мотивираност, че и те влизат като съставна част в системата на речника и на словообразуването на българския език, че не е пълно, не е изчерпателно, а следователно не е и адекватно описанието на словообразователната система или/и структура на българския език, ако тази лексика, която така бързо нараства в количествено отношение и набира все по-голяма обществена значимост, не намери достатъчно отражение в подобно описание. Това правилно схващане в българското езикознание се формира не без значителното влияние на изследванията върху другите славянски езици, особено на тези върху руския език, полския език, чешкия, словашкия и др.³ Поставям на първо място русистичните изследвания, защото в повечето случаи не само проблемите за решаване в двата споменати езика са едни и същи, но и решенията на тези проблеми са твърде сходни, ако не даже идентични – поради тази проста причина, че преобладаващата част от международната лексика в българския език се е настанила в него чрез посредничеството на руския език. Концепцията, че интернационалните заемки може и трябва да бъдат анализирани на равни начала с другите заемки и с домашните думи, е намерила обосноваван теоретичен израз и практическо приложение в първия опит за цялостно описание на българското словообразуване, направен от В. Радева в 1991 г.⁴ Докато в СлР (1999), както, надявам се, в следващите редове ще стане ясно, е приложен един твърде своеобразен подход към интернационалната лексика, който се оказва в недекларирана опозиция спрямо постиженията на българското езикознание от 70-те – 80-те години на XX век. Вследствие на това известна част от интересуващата ни тук лексика не е могла да бъде осветлена правилно, т.е. като мотивирана или/и мотивираща, а една друга част въобще не е имала шанс да попадне в обсега на този речник.

3. Понеже предмет на анализ са заемки, в някои случаи (не във всички) за предпочитане е да се говори не за отношение на производност между двойка думи, което се установява в диахроничните изследвания, а за отношение на мотивираност между тях (мотивираща и → мотивирана), като за мотивирана се смята думата, срещу която се намира в същия език мотивираща (Улуханов 1992, с. 8), а за определяне посоката на мотивацията се съди по установени критерии (Улуханов 1977, с. 22–34). За методологическата важност на това разграничение ще приведа по-просторен цитат: „Мотивирующие в парах, состоящих из заимствованных слов, не могут рассматри-

² Тук имаме пред вид преди всичко изследванията върху отделни суфикси, като Ванков (1973), Константинова (1965, 1973), Мурдаров (1978), Михов (1980). От такова значение е и една статия още от 50-те г.: Ванков (1957). Подобаващо значение трябва да се отдаде и на някои изследвания, посветени на по-обща проблеми, като морфологичната асимилация на заемките, напр. Патев (1971). От голямо значение са и публикациите, в които предмет на анализ е тъкмо ролята на чуждите думи като база за деривация на българска почва, както напр.: Мурдаров (1982, 1983а), Патев, цит. съч.

³ Между другото срв. J. Jiráček (1971, 1984), K. Waszakowa (1994), J. Horecký – K. Buzássyová – J. Bosák a kol. (1989, с. 272–294).

⁴ Срв. също В. Радева (1987), от която книгата от 1991 г. се различава с обширната теоретична част, а и не само с нея.

ваться как производящие, поскольку словообразовательный процесс на русской почве между членами этих пар не имел места: оба члена были заимствованы и в заимствующем языке образовали словообразовательную пару. Это очень многочисленная группа слов. Во многих случаях нет достаточных данных для суждения о том, имело ли место заимствование обоих членов или второй член был образован с помощью иноязычного суффикса на русской почве“ (Улуханов 1992, с. 15). Цитираният автор И. С. Улуханов привежда между другото словообразователните двойки *километр* → *километраж* и *мушкет* → *мушкетёр*⁵. А как се третира в системата на българското словообразуване съответствията на приведените словообразователни двойки? В българския СЛР *мушкет*, отбелязано в Т (1955), не е взето под внимание, а *мушкетар*, по Т ‘средновековен пехотен войник, въоръжен с *мушкет*’, счетоно за немотивирано, е поместено като връх на отделно гнездо с единствено производно *мушкетарски*; в СЛР *километър* и *километраж* са върхове на отделни гнезда, с единствени производни, съответно, *километричен* и *километражен*, с което е трудно да се съгласим. *Мушкетар* се мотивира от *мушкет* достатъчно ясно, точно така, както са счетиени за мотивирани в СЛР названия като *брадва* ‘който прави или работи с *брадва*’ и *лопатар* ‘човек, който работи с лопата’ и др. Очевидно в СЛР е приложено твърде своеобразно схващане за производност (респ. мотивираност) на заемките. Авторите предварително са взели решение, в противовес на допусканите до 60-те години грешки, в случаите, при които се отнася за заемки, да затварят плътно вратата, отвеждаща към групата на мотивираната лексика. В предговора на СЛР те пишат: „Производността на чуждите думи се отразява тогава, когато техният словообразователен строеж се обяснява със законите на българския език“ (СЛР, с. 6). А по-нататък, в малко по-разгънат вид: „производността на чуждите думи се отразява само ако може да се обясни със законите на българското словообразуване [...]. На тази основа производността на думи, завършващи на *-изъм*, *-ист*, *-ик*, *-изира*, *-ира* и др., може да бъде установена, ако след отстраняването на посочените наставки остава дума, а не основа. Напр.: *вандал* → *вандализъм*, *стандарт* → *стандартизира*, *нокаут* → *нокаутира*“ (с. 10–11). В следващия параграф се пояснява, че „българските думи с посочените наставки са винаги производни, независимо от това, че след отсичането на наставките може да остане основа или корен. Например: *България* → *български*, *българизъм*, *българин*, *българист*, *българистика*“ (с. 11). По същия начин в СЛР са третираны *германист* и *русист*, докато – противоположно на тях – думата *латинист* ‘познавач на латинския език, книжнина и култура’ е счетоно за немотивирана и представена като връх на гнездо с единствено производно *латинистка*. Не са попаднали в СЛР думите *латинци* и *латини*, *латиница*, *латинизъм*, т.е. счетиени са за изолирани, а според мене те всички са мотивирани и спадат към едно и също гнездо с връх *латини*. Прочее, в СЛР фактически не се признават редица морфологични явления, представляващи важна съставка на словообразователната система на българския език и частично описани в някои от посочените, а и в отделни други трудове.

СЛР не признава въобще или не обръща достатъчно внимание на редица суфиги, като напр. *-ер* (и *-иер*), *-иера* и *-онер*, което става очевидно при следните съпоставки:

⁵ Така са третираны и у А. Н. Тихонов (1985, с. 604, 640).

суф. **-ер** е забелязан в *комбайнер* ← *комбайн*, *пансионер* ← *пансион*, обаче *банкер* е дадено – неправилно – отделно от *банка*, *магазинер* – отделно от *магазин*, *милионер* – отделно от *милион*; *доктринер* е счетено немотивирано (в СлР не е включено *доктрина*), *рутинер* е погрешно третирано отделно от *рутина*, *фермер* е счетено немотивирано (в СлР не е включено *ферма*) и т.н.;

суф. **-иер** се признава в *хотелиер* ← *хотел*, обаче – неправилно – в отделни гнезда се оказват *гардеробиер* и *гардероб*, *гондолиер* и *гондола*; няма в СлР *касиер* и *каса*. И т.н.;

суф. **-он-ер** се отделя правилно в *пенсионер* ← *пенсия*, обаче неоснователно са откъснати едно от друга *акционер* и *акция*, *милиционер* е счетено за немотивирано (в СлР не е включено *милиция*), *революционер* е взето отделно от *революция*;

суф. **-иера** се отчита правилно в *сапуниера* (← *сапун*); обаче *бонбониера* СлР разглежда откъснато от *бонбон*, *пудриера* – в изолация от *пудра*, а въобще липсват в СлР *компотииера*, *тортиера*, *фруктиера*, според мене мотивирани, съответно, от *компот*, *торта* и *фрукт(и)*⁶.

СлР счита изолирани една от друга *рационален*, *рационализъм*, *рационалист* и *рационализатор*, а напълно липсват *рационализация* и *рационализират*. И т.н.

4. Интернационалните заемки се включват в словообразователната система на българския език най-напред и най-малко в качеството си на произвеждащи основи за деривация с помощта на домашни словообразователни средства. Всъщност до каква степен са усвоени, интегрирани в даден език чуждите думи зависи между другото и от това, доколко те се използват като словообразователни основи за образуване на нови думи.

4.1. Голям брой интернационални заемки участвуват в словообразователната система на българския език тъкмо като основи на различни видове производни, напр. при образуване от тях на умалителни, като *пудриерка* ← *пудриера*. По такъв начин речниковият състав на езика се разширява с думи с хетерогенен морфемен състав – с основа от чужд произход и домашен словообразователен формант (или с една заета и една домашна основа при сложните думи).

4.2. Поради обстоятелството, че покрай зетите съществителни от интернационалния фонд в българския език функционират и сродни с тях прилагателни, глаголи или образувани от тях съществителни или/и други части на речта, то и на почвата на българския език се установяват между тях повече или по-малко ясно осъзнавани отношения на мотивираност/производност. В резултат от това в словообразователната

⁶ Сrv.: „Въз основа на словообразователната структура на имена като *бонбониера*, *компотииера*, *пудриера*, *салатииера* и др. се осъзнава, че в българския език наред с тези съществителни е навлязъл и словообразователният тип ‘основа на съществително име + наставка **-иера**’. Неговото словообразователно значение може да бъде установено, като се съпоставят лексикалните значения на посочените думи – така *бонбониера* е ‘кутия или друг съд за поставяне на *бонбони*’ [...], *компотииера* е ‘съд за *компот*’, *пудриера* е ‘кутийка за *пудра*’ [...], *салатииера* е ‘съд за *салата*’ и т.н.“ (Мурдаров 1983б). Пропуснатите примери *жардиниера* ‘кошница или друг съд за цветя’ и *пепиниера* ‘място, където се отглеждат цветя’ не могат да се считат мотивирани – нямаме зетни съответни **жардин* и **пепин*, а освен това *пепиниера* (остар.) означава ‘разсадник’. Така, в словашки език за разлика от *tréning*, мотивирано от *trénovať*, „rovňako zakončené lexémy *marketing*, *disident*, *maklér*, *koláž* z nedostatku sekundárne prítvoreného motivanta sa chápu ako nemotivované“ (Furdík in: Najnowsze dzieje... 1998, c. 59).

система на българския език се включват не само отделните заети лексикални единици като цяло (в ролята на словообразователни основи, срв. 4.1), но и изграждащите ги афиксални морфемни. Обособилите се по този начин словообразователни афикси от интернационалния фонд започват все по-активно да участват в изграждането на нови думи в отделните национални езици, в това число и в българския, като влизат във взаимодействие както с основи от интернационалния фонд (4.2.1), така и с домашни основи (4.2.2).

4.2.1. Както вече беше споменато (4.2), сред много от заемките от интернационалния фонд се установяват повече или по-малко ясно осъзнавани отношения на мотивираност/производност и на българска почва. За някои от думите с интернационален морфемен състав дори можем и да се колебаем по въпроса дали са образувани на домашна българска почва с тези налични вече средства, или са заети готови от друг език (и от кой именно – нали заемането обикновено не е еднократен акт, а повече или по-малко продължителен процес, който често се осъществява с помощта на език-посредник/езици-посредници)⁷. Подобно колебание става по-разбираемо, ако се вземе под внимание обстоятелство, че в българския език, а и в други славянски езици, се намират и такива словообразователно мотивирани думи, образувани по европейски или интернационален модел, т.е. от основа на интернационална заемка и с помощта на суфикс от интернационалния фонд, срещу които обаче не се намират съответствия в някой европейски език, от който да са били заети. Типичен „псевдоевропеизъм“ в българския език е напр. *рекордър*, наподобяващо заемка от френски, а всъщност възникнало на домашна почва с помощта на суф. *-ър*, обобщен на базата на редица словообразователно мотивирани и на българска почва заемки от френски език. От подобен характер е и *брусист*, образувано с наст. *-ист*, а от – *nota bene* – разговорната форма *брус* на спортния термин *бруст* ‘стил на плуване по гърди’, „декомпозирано на бълг. почва от нем. *Brustschwimmen*“ (Речник на чуждите думи... 1982, с. 153), ако не е изцяло „под влияние на рус. *брассист*“ (Парашкевов 1979, с. 225).

4.2.2. Към интересните хибридни производни спадат думите, които са образувани на местна почва от домашни основи, но с помощта на афикси от интернационалния фонд. В тази област вниманието на изследователя привличат образувания с различни афикси. На времето поради пуристически съображения те не са били толерирани, съдейки по мнението, според което „по ненужно подражание се слуша и пише и *прав-ист*, заверно по *юр-ист*, вм. *прав-ник*“ (Теодоров-Балан 1940, с. 125). Според някои „за наставката *-аж* като словообразователно средство е характерно, че на съвременния етап от утвърждаването и в езика ни тя е все още формант на заети лексикални единици“ (Радева 1991, с. 139). Обаче някои образувания от домашни основи, като събирателните *листаж*, *малинаж* (Патев 1971, с. 284, 288, 289, 297)⁸, както и по-новото, може би окازیонално, *слугинаж*, свидетелстват за усвоеност и активизиране на суф. *-аж*. С наст. *-ър* е образувано отименното *къкър*, от основа *къкки* (от рус. *коньки*), а такава структура показва и отглаголното *ухажър*

⁷ За тези и редица сходни с тях проблеми, между другото и за понятието *повторна интернационализация*, вж. обстойно у К. Buzássyová (1991, с. 89–104).

⁸ Срв. съответствия в словашки като *listáž*, *senáž*, *slamáž* и др.: J. Horecký – K. Buzássyová – J. Bosák a kol. (1989, с. 97).

Т (*ухажёр*, в тритомния Академичен речник), спрямо *ухажвам*⁹ (а всъщност и двете от руски: *ухажёр* и *ухаживать*), както и най-новото *страньор* ‘оформител на страница’. С помощта на суф. *-ист* са образувани *значкист* и *очеркист*, с точни съответствия в руски, а най-вероятно и готови русизми, както и обосноваващите ги *значка* и *очерк* (от рус. *значок* и *очерк*). С наст. *-ация* от домашни основи са образувани *простонар.* и *ирон. закъсация* и *разгов. излагация*. И т.н.

5. Сред интернационалните заемки се срещат и такива, при които може да се говори за някои по-малко характерни и поради това по-слабо проучени начини на образуване на нови думи (или придружаващи деривацията морфонологични промени, като съкращаването или отсичането на част от морфемите в основата). Срв. напр. *спец* от *специалист*, *професионал* от *професионалист* (Радева 1991, с. 32), пренебрегнато в СлР (може би в съответствие с предварителното ограничение на изследвания материал, съгласно с уговорката, че речникът „има за задачата да отрази предимно един от начините за образуване на думи – афиксалното словообразуване“; СлР, с. 5), *зам разг. ‘заместник’* и др.

В отделни, на пръв поглед подобни случаи може би се отнася за неадаптирани прилагателни или редеривати, като *интелектуал* ‘интелектуалец’, *театрал* ‘театрален деец’, или *нахъл* същ. (вм. *нахален* или *нахалник*), според БЕР (т. 4, с. 567) още от 1882 г. и „вероятно от рус. *нахальный*“, а третирано като произвеждащо спрямо прилагателното *нахален*, но, като по-рядко употребявано, то ще е обратно изведено (редериват) от прилагателното *нахален*, за каквото впрочем е прието и в СлР. Срв. също *либерал* същ. ‘привърженик, последовател на либерализма’, което по данни от БЕР (т. 3, с. 387) е само с 1 година по-ново (1872) в сравнение с прилаг. *либерален* (1871), „от рус. *либеральный*“, а третирано (в БЕР) като произвеждащо спрямо прилагателното *либерален*, както е счетено и в СлР; *радикал* ‘привърженик на радикални мерки’, *вокал* ‘вокален изпълнител, вокалист’ и др. под.

6. Резултат от подтик от страна на интернационалните заемки е и употребата на универбати от типа на *пластика* ‘пластична хирургия’, с по-старо тълкуване ‘присаждане на тъкан’, и *пластик* ‘специалист по *пластична хирургия*; пластичен хирург’.

7. Паралелно с численото нарастване в речника и на зачестяването на употребата в речта на интернационалните заемки, освен обогатяването на словообразователната система с нови афиксални средства, в тази система настъпват и други нововъведения, като формирането на нови типове сложни думи и нови типове алтернации (Kleszczowa 2000, с. 203–208; Селимски 2003, по-специално на с. 120–124).

Прочее, в зависимост от степента на интегриране (включване) на интернационалната лексика в словообразователната система, отделните славянски езици показват известна национална самобитност, някои непознати до неотдавна или недостатъчно описани сходства и различия между тях, които също така може и трябва да бъдат вземани под внимание в съпоставителните и типологични изследвания, както в общи линии е показано напоследък в колективната монография „*Słowotwórstwo/Nominacja*“ (2003)¹⁰.

⁹ В СлР *ухажвам* и *ухажор* са поместени изолирани едно от друго.

¹⁰ Специално за релацията *български* и *македонски* вж. с. 180–186.

Литература

- АНДРЕЙЧИН, Любомир: Основна българска граматика. София: Хемус А.Д. 1944.
- БЕР = Български етимологичен речник. София 1971 и сл.
- ВАНКОВ, Любомир: Към историята на суфикс *-ирам* в български. In: Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София: БАН 1957, с. 141–155.
- ВАНКОВ, Любомир: Към историята на суфикс *-ист* в българския език. In: Годишник на Софийския университет, Факултет по западни филологии, 1973, LXVI, 1, с. 21–40.
- Грамматика на съвременния български книжовен език. Том II. Морфология. София: Издателство на БАН 1983.
- КОНСТАНТИНОВА, Виолета: Словообразователна функция и семантика на субстантивната наставка *-ист* в българския книжовен език. In: Български език, 1965, XV, № 4–5, с. 397–403.
- КОНСТАНТИНОВА, Виолета: Наставката *-ист* в съвременния български книжовен език. In: Език и литература, 1973, XXVIII, № 1, с. 37–44.
- МИХОВ, Николай: Съществителните със суфикс *-ция* в българския език. In: Съпоставително езикознание, 1980, № 2, с. 20–29.
- МУРДАРОВ, Владко: Интерпретация на чуждоезикови формации в българската словообразователна система (С оглед към субстантивите, съдържащи суфикс *-ист*). In: Славистичен сборник (По случай VIII международен конгрес на славистите в Загреб – Любляна). София 1978, с. 123–128.
- МУРДАРОВ, Владко: Чужди думи – основа за нови думи в българския език. In: Българското словно богатство. София: Народна просвета 1982, с. 98–101.
- МУРДАРОВ, Владко: Съвременни словообразователни процеси. Очерк върху българското словообразуване. София: Наука и изкуство 1983а.
- МУРДАРОВ, Владко: Плафониера. In: Главоболия с чуждите думи. София: Наука и изкуство 1983б, с. 150.
- ОбрР = Обратен речник на съвременния български език. София: Издателство на БАН 1975.
- ПАРАШКЕВОВ, Борис: Структурни и семантични проблеми при заемките от немски език в синхронен аспект. In: Помагало по българска лексикология. София: Наука и изкуство 1979, с. 216–226 (препечат. от сп. Филология 1978/4).
- ПАТЕВ, Павел: Морфологична асимилация на френските думи в българския език. In: Годишник на Софийския университет, Факултет по западни филологии, 1971, т. LXIV, 2, с. 263–330.
- РАДЕВА, Василка: Българското словообразуване. София: Университетско издателство „Климент Охридски“ 1987.
- РАДЕВА, Василка: Словообразуването в българския книжовен език. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“ 1991.
- Речник на чуждите думи в българския език. София: Издателство на БАН 1982.
- РОМАНСКИ, Стоян М.: Правописен речник на българския книжовен език. София: Наука и изкуство 1951.
- СЕЛИМСКИ, Людвиг: Прояви на тенденцията към интернационализация в южнославянските езици. In: Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, s. 103–126. ISBN 83-86881-35-6.
- СлР = Словообразователен речник на съвременния български книжовен език. А–Я. Ред. Й. Пенчев. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“ 1999.

- СТОЯНОВ, Стоян: Граматика на българския книжовен език. Фонетика и морфология. София: Наука и изкуство 1964.
- Т = Български тълковен речник. София: Наука и изкуство 1955.
- ТЕОДОРОВ-БАЛАН, Александър: Нова българска граматика. София: Книгоиздателство Т. Ф. Чипев 1940.
- ТИХОНОВ, Александр Н.: Словообразовательный словарь русского языка. Том 1. Москва: Русский язык 1985.
- УЛУХАНОВ, Игорь С.: Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка). In: Вопросы языкознания, 1992, № 2.
- УЛУХАНОВ, Игорь С.: Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Москва: Наука 1977.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Opakovaná internacionalizácia a problém identifikácie morfológických a lexikálnych jednotiek. In: Jazykovedný časopis, 1991, roč. 45, č. 2, s. 89–104.
- HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda 1989. 436 s. ISBN 80-224-0047-5.
- JIRÁČEK, Jiří: Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке. Brno 1971.
- JIRÁČEK, Jiří: Adjektiva s internacionálnimi sufixálnimi morfy v súčasné ruštině v porovnaní s češtinou. Brno 1984.
- KLESZCZOWA, Krystyna: Rola pożyczek w przekształcaniu systemu słowotwórczego. In: Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Red. K. Kleszczowa – L. Selimski. Katowice: Gnome 2000, s. 203–208.
- Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Slovenský jazyk. Red. nauk. J. Bosák. Opole 1998. ISBN 83-86881-18-6.
- Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003. ISBN 83-86881-35-6.
- WASZAKOWA, Krystyna: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego 1994.

prof. dr hab. Ludwig Selimski

Uniwersytet Śląski, Instytut Filologii Słowiańskiej, Ul. Żytnia 12, PL-41-200 Sosnowiec, Polska

e-mail: selimski@wp.pl

Vzťah morfeomatickej a derivačnej štruktúry v *Slovníku koreňových morfém*^{*}

Miloslava Sokolová

1. Vzťah morfeomatickej a derivačnej štruktúry v skúmaných súboroch koreňových morfém (na materiáli okolo 66 000 jednotiek) je väčšinou harmonický. Túto frekventovanú, systematickú a nepríznačnú harmóniu predstavuje stupňovitá vzostupnosť morfém, rozšírená o jeden význam a jednu morfému ako rozširovanie formy v súlade s postupným rozširovaním sémantických príznakov motivátov v protiklade k motivantom – okrem afixácie (sufixácia, prefixácia, postfixácia) a kompozície je to aj reflexivizácia pomocou samostatných derivačných morfém *sa*, *si*.

Slovotvorné hniezdo **chór**:

chór-ø → **chor-ál-ø** → **chor-ál-ov-ý**

→ **chór-ist-a** → **chór-ist-k-a**

→ **chór-ov-ý**

Súbor koreňovej morfémy **CHÓR** v slovníku:

CHÓR (CHOR²)

1 **chór-ø**

1 > **chor-ál-ø**

2 >> **chor-ál-ov-ý**

1 > **chór-ist-a**

2 >> **chór-ist-k-a**

2 > **chór-ov-ý**

2. Disharmonický (asymetrický) vzťah morfeomatickej a derivačnej štruktúry vzniká narušením rozšírenej stupňovitej vzostupnosti o jeden význam a jednu morfému medzi motivantom a motivátom: a) rozširovaním (infigovaním) jadrovej morfémy, b) skracovaním morfém.

2.1. Infigovanie jadrovej morfémy ďalším segmentom a vytvorenie hypermorfémy v motivátoch (Sokolová 1999) je v slovenčine časté a funkčné, napr. zachovanie reziduálnych segmentov pri adaptácii internacionalizmov (*lexik-ál:n-y*); analogické vyrovnávanie morfeomatickej štruktúry (*noh:ej-bal-ø* podľa *volej-bal-ø*, *Bratislav-č:an-ø* podľa *Košič-an-ø*, *Michalovč-an-ø*, *za:d-n-ý* podľa *pred-n-ý*); expresívna modifikácia pomocou infixov *ič*, *uč*, *ul'*, *il'*, *uš*, *án* (*mladučký*, *mamička*, *dobrunský*, *dobrušký*, *velikánsky*).

^{*} Pripravovaný *Slovník koreňových morfém* (SKM) je na jednej strane pokračovaním grantovej úlohy VEGA 1/3149/96, na druhej strane overovaním problémových jednotiek v Slovenskom národnom korpuse je slovník a táto štúdia súčasťou grantovej úlohy VEGA 1/1432/04. Niekedy môže disharmónia v hniezdach vznikáť len pre neúplnosť ich členov, preto do SKM, ktorý obsahuje okolo 66 000 lexém, sme doplnili niektoré lexémy, ktoré chýbali v Krátkom slovníku slovenského jazyka, a to hlavne vtedy, ak mali veľkú frekvenciu v Slovenskom národnom korpuse, napr. porov. *dekolt*, *rebel*, *ilustrovať*, *navigovať*, *uzurpácia*, *federalizovať*. – [Edičná poznámka: V čase edičnej prípravy konferenčného zborníka bol už slovník vydaný, porov. SOKOLOVÁ, Miloslava – BENKO, Vladimír – CZÉREOVÁ, Beáta – IVANOVÁ, Martina – MOŠKO, Gustáv – OLOŠTIAK, Martin – ŠIMON, František – VUŽŇÁKOVÁ, Katarína: *Slovník koreňových morfém slovenčiny*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2005. 584 s. ISBN 80-8068-319-0. – 2. vyd. 2007. ISBN 80-8068-549-5. – 3., upravené a doplnené vyd. 2012. 692 s. ISBN 978-80-555-0603-6.]

Infixy a interfixy plnia aj fonologickú funkciu podobne ako vznikové alternácie (*volajú, niesol*). Zriedkavé je viacnásobné asymetrické rozširovanie jadrovej morfémy motivátu o viac než jeden segment: *mal-il:in:k-y, mam-ul:ien:k-a; bank-ov:níc:k-y, prv-os:ien:k-a, bo:j-az:l:iv-y*. Pozoruhodné je rozširovanie prvého komponentu pri polyinterpretáčnych adjektívnych kompozitách v jednej interpretácii ako Smot podľa typu *snehobiely*, napr. *tráv:ov-o-zelen-y* (pri interpretácii zelený ako tráva, pri ďalších interpretáciách je symetria [trávovo zelený, do trávového odtieňa, ako trávový porast]; pozri viac 4.2. b).

2.2. V rámci opačného procesu asymetrického skracovania morfémy rozlišujeme trunkáciu ako zánik jedného derivačného segmentu (Ivanová 2004) a redukciu ako zánik viacerých segmentov (*tuberkulóza* → *tubera*). Od trunkácie odlišujeme zánikovú alternáciu ako zánik jednej hlásky alebo spoluhláskovej skupiny v morféme pod vplyvom inej morfémy: *Hamburg* – *hamburský*, *chlapec* – *chlapci* (porov. Sokolová 1999, 2000). Trunkácia sa realizuje najčastejšie ako desufixácia (Dokulil 1962; Uluchanov 1996): *nosorožec* → *nosoroží*, zriedkavo ako deprefixácia (Dokulil 1962; Uluchanov 1996): *zástup* → *osemstup* osem zástupov, *zvest'* → *vestník*, *sprostredkovať* → *prostredník* ten, kto sprostredkuje, ale aj ako kombinácia kompozície a deprefixácie: *kosodžník* kosý **obdžník**, *kolobeh* bežať **okolo**, *kmitočet* **počet** kmitov, *ranostaj* ten, kto **vstáva** ráno, *stavikrv* to, čím sa **zastaví** krv; *dejepis* opis dejov, *novokain* od **kokain**. Výnimočná je trunkácia v oboch komponentoch kompozít: *dlh-o-pis* ako **džobný úpis** (v interpretácii úpis dlhov). Trunkácia koreňových morfémy ako dekompozícia (Uluchanov 1996, s. 189) je výrazne expresívna: *kilogram* → *kilo*, *dekagram* → *deko*, *psychológia* → *psych*, *diskotéka* → *diska*, *skinhed* → *skín*, *klavičembalo* → *čembalo*, *faksimile* → *fax*, *pornografia* → *porno*, *pornofilm* → *porno*, *fotografovať* → *fotiť*. Okrajovo sem patrí aj pragmatická modifikácia oficiálnych podôb slovenských antroponým so skrátením časti propria, ktoré vo vzorcoch naznačíme znakom X, porov. hypokoristiká typu *Bronislava* → *Broňa*: $Z_{\text{propr}} + (X\text{-slav-/-mír-/-mil-}) + G_{\text{m/f}}$ *Miroslav/a* → *Miro/Mira*, *Slavomír* → *Slavo*, *Ludmila* → *Luda*; $(X) + Z_{\text{propr}} + G_{\text{m/f}}$ *Jaroslava* → *Slava*, *Petronela* → *Nela*); dekompozíčno-sufixálny typ je zriedkavejší: $Z_{\text{S propr f}}(X) + \text{-oš-ø/-uš-a}$ *Miloslav/a* → *Miloš/Milka*, *Drahomíra* → *Drahuša*; porov. apelatívum *fotografia* → *fotka*. O trunkácii možno uvažovať aj pri dereflexivizácii, napr. v spojení so sufixáciou *smia-t' sa* → *smie-ch-ø* či transflexiou *u-smie-v-a:t' sa* → *ú-sme-v-ø*.

2.2.1. Príčinami skrátenia sú fonologické faktory, napr. nekompatibilitnosť konsonantov (čč, dž, dž, št, dž, dž, dž, nn, mnstv, skstv) a ich zjednodušenie či možná kakofónia: $Z_{\text{Sanim}}(X\text{-k-}) + -G_n\text{-a}$ *mačka* → *mača*; $Z_{\text{Sf}}(X\text{-k-}) + -G_n\text{-ie}$ *čučoriedka* → *čučoriedie*; $Z_{\text{S}}(X\text{-k-}) + \text{-an-ø}$ *Báčka* → *Bácan*; $Z_{\text{S}}(X\text{-ok-}) + \text{-sk-y}$ *Ružomberok* → *ružomerský*; $Z_{\text{ADJ}}(X\text{-k-}) + \text{-úch-ø/-i:t'}$ *krátky* → *kratúch*, *kratasy*; *krátiti'*, *úžit'*, *sladiť*; $Z_{\text{ADJ}}(X\text{-sk-/-k-}) + \text{-in-a/-č:in-a}$ *nemecký*, *slovenský* → *slovenčina*, *nemčina*; $Z_{\text{S}}(X\text{-ec-/-ík-/-iak-}) + \text{-í}$ *nosorožec* → *nosoroží*, *kolibrík* → *kolibrí*, *čmeliak* → *čmeli*; $Z_{\text{ADJ}}(X\text{-n-}) + \text{-n-ú:t'}$ *chladný* → *chladnúť*; $Z_{\text{ADJ}}(X\text{-n-})$ *kamenné uhlie* → *kamen-o-uhol'n-y*; CC + CCC $Z_{\text{ADJ}}(X\text{-n-}) + \text{-stv-o}$ *tajomný* → *tajomstvo*; $Z_{\text{ADJ}}(X\text{-sk-/-k-}) + \text{-stv-o}$ *kvetinársky*, *papiernický* → *kvetinárstvo*, *papiernictvo*; $Z_{\text{ADJ}}(X\text{-n-}) + \text{-án:sk-y/-it:án:sk-y}$ *ozrutný* → *ozrutánsky*, *ukrutánsky*, *hrozitánsky*, *ohromitánsky*; *hustota* → **hustotomer* → *hustomer* (merač **hustoty**), *kremík* → **kremičitý* → *kremitý* a *kremik* → **kremičitý* → *kremičitý*, *pondelok* → **pondelkňajší* → *pondelňajší*. Vedľa seba môžu koexistovať aj nezjednodušené a zjednodušené varianty: *linoleorez* – *linorez*, *železnorudný* – *železorudný*, *drobnučký* – *drobučký*.

2.2.2. Príčinou skrátenia je aj jednofunkčnosť adaptačných adjektívnych a verbálnych morféme (-ic:k-, -n-, -iz:ov-, -sk-), ktorá sa prejavuje ich trunkáciou v derivátoch. V deverbatívnych motivátoch sa po ich zaradení do motivačných vzťahov v slovenčine predpokladá trunkácia adaptačnej morfémy -ov- pred sufixmi -i-a/-c:i-a/-ác:i-a/-anc:i-a/-enc:i-a/-ing-ø/-unk-ø/-at:izm-us/-úr-a: *adoptovať* → *adopcia*; *absorbovať* → *absorpcia*; *reorganizovať* → *reorganizácia*; *rezonovať* → *rezonancia*; *existovať* → *existencia*; *monitorovať* → *monitoring*; *verbovať* → *verbunk*; *separovať* → *separatizmus*; *kandidovať* → *kandidatúra* (ako kandidovanie aj ako výsledok kandidovania). Rovnako je to pri deadjektívnych motivátoch po ich zaradení do motivačných vzťahov v slovenčine: Z_{ADJ} (X-ic:k-) + -ist-a/-ik-a/-izm-us *optimistický* → *optimista*, *mystický* → *mystika*, *archaický* → *archaizmus*; Z_{ADJ} (X-n-) + G_m -ø/-i-a/-ec-ø/-esk-a/-it-a/-izm-us/-iz:ov-a:t' *primitívny* → *primitív*, *atraktívny* → *atrakcia*, *orientálny* → *orientálec*, *humorný* → *humoreska*, *naivný* → *naivita*, *profesionálny* → *profesionalizmus*, *štandardný*, *verbálny* → *štandardizovať*, *verbalizovať*. Veľmi časté sú desubstantívne trunkované motiváty od toponým zakončených na -sko, zriedkavo -istan: Z_{SUBS} (X-sk-/-istan-) + -ec-ø (*Japon) *Japonsko* → *Japonec*, *Afganistan* → *Afganec*.

2.2.3. Existuje aj prevzatá trunkácia v slovenčine ako v ostatných jazykoch. Frekventované je už prebrané skrátenie v prvom komponente kompozít v mene jazykovej ekonómie: *term-ál:n-y* → *term-o-dynam-ik-a*. Redukuje sa napríklad aj celý druhý komponent prvého kompozitného motivanta: *autosalón* (automobilový), *diskohit* (diskotékový), *ekosystém* (ekologický), *gramorádio* (gramofón a rádio), *rádioliečba* (rádioaktívny). Redukované komponenty môžu byť aj homonymné, napr. *euro-* znamená európsky (*euroafrický*), ale aj týkajúci sa Európskej únie (*euromena*). Špecifickým prípadom je koreň redukovaný až na jednu slabiku či hlásku (*aluminiový obal* → *alobal*), *e-podpis* s významom *elektronický* – okrem toho sa však komponent z tohto adjektíva objavuje aj v bežnejšej trunkovanej podobe *elektro-* (*elektrohodiny*). Na rozdiel od iných autorov (Bosák in: Horecký – Buzássyová – Bosák a kol. 1989; Buzássyová 2003a; Furdík 2004) sa snažíme poukázať na diferenciu medzi kvázikompozitom, ktorého prvý člen funguje ako prefixoid, t. j. neexistuje jeho netrunkovaná podoba (*multivitamín*, *polyteizmus*), a kompozitom, ktorého prvá časť nestratila svoj pôvodný význam a vyskytuje sa aj v neredukovanej podobe (*elektrospotrebič* a *elektrický spotrebič*, *biomasa* a *biologická masa*, *socioekonomické prostredie* a *sociálno-ekonomické prostredie*).

Hlavne v desubstantívnych motivátoch zaniká v internacionalizmoch segment -i- pred derivačnými morfémmami, ktoré obsahujú vokál *i*, napr. -ik-ø/-it-a/-iv:n-y/-ic:k-ý/-ín:sk-y/-iz:ov-a:t' (*chémiá* → *chemik*; *sodomia* → *sodomita*; *represia* → *represívny*; *Dalmácia* → *dalmatínsky*; *kategória* → *kategorizovať*), ale aj pred formantmi s inými vokálmi, napr. G_m -ø/-et:ik-ø/-or-ø/(st)-a/-én-ø/-en:sk-ý *antropológia* → *antropológ*; *teória* → *teoretik*; *gescia* → *gestor*; *fantázia* → *fantasta*; *alergia* → *alergén*. Okrem toho sa pri jednom smere vzájomnej motivácie môžu trunkovať segmenty -ik-, -izm-, -it- pred morfémmami: G_m -a/-it-a/-ist-a/-ik-ø/-iz:ov-a:t' *lingvistika* → *lingvista*; *kanibalizmus* → *kanibal*; *antisemitizmus* → *antisemita*; *cynizmus* → *cynik*; *debilita* → *debil*; *kritika* → *kritizovať*; *favorit* → *favorizovať*; výnimočne sa trunkujú iné segmenty: *striptíz* → *striptér*; *plagiát* → *plagizovať*; *drezúra* → *drezírovať*; *deviácia*, *fluktuácia* → *deviant*, *fluktuant* (porov. Waszakowa 1994).

2.2.4. V domácich slovenských motivátoch sa trunkujú segmenty -ík-, -sk-, -k-, -n-, -ov-, -at-, -av- v mene jednoznačnosti, zjednodušovania alebo expresivity: *kremítý, dusitý, draselný, kožušníctvo, slnovrat, silák, vlasáč, nosaňa, sopliak* (sopľavý), pozri aj 3.4. a 4.2. Najčastejšie je to skrátenie pri deminutívnej modifikácii (*hladučký, mäkulinký, sladunký, tenušký, drobulinký, samotinký*); pri hypokoristikách, v poetizmoch, v slangizmoch, napr. *Michal, Michaela* → *Mišo/Miša, Martin, Matej* → *Maťo, Zuzana* → *Zuza, Emilia* → *Ema/Milka, Daniela* → *Dana, Jozef* → *Jožo; plameň* → *plam; matematika* → *matika, učiteľka* → *učka, limonáda* → *limo*; ako derivačné sufixálne skráteniny *profesor* → *profák; policajt* → *poliš; kamarát* → *kamoš*. Pri kompozícii sa v deadjektívnych komponentoch často trunkuje -n-: *Južná Amerika* → *juhoamerický; Severné Osetsko* → *severoosetský; stredná škola* → *stredoškolský; východná Európa* → *východoeurópsky; zadné podnebie* → *zadpodnebný; západné Slovensko* → *západoslovenský; národné hospodárstvo* → *národohospodár; štátne právo* → *štátoprávny; vodné hospodárstvo* → *vodohospodárstvo*, ale aj pri iných typoch: *kolobežka* (bežať na kolesách), *kras-o-pis* (to, že krásne píše).

3. Základné zdroje nepravidelností medzi morfeatickou a derivačnou štruktúrou sú preberanie a adaptácia internacionalizmov, začlenenie internacionalizmov do motivačných vzťahov, kalkovanie a univerbizácia.

3.1. Disharmónia je spôsobená nezhodou medzi postupnosťou pri prevzatí a usporiadaním v hniezde analogicky podľa domácich slovotvorných hniezd (porov. 2.2.2.), pretože sa preberajú aj motiváty na druhom a treťom motivačnom stupni v slovotvornom rade (podčiarknuté typy):

I.	II.	III.	
1 > <u>form-a</u>	2 > <u>form-ál:n-y</u>	2 >> <u>form-ál:n-osť-ø</u>	
1 >> <u>form-al:it-a</u>			
1 >(>) <u>form-al:izm-us</u>			
*TRÉN (TREN)			
I.	II.	III.	IV.
2 <u>trén-ov-a:t'</u>	1 > <u>trén-ing-ø</u>	2 >> <u>trén-ing-ov-y'</u>	
1 > <u>trén-er-ø</u>	2 >> <u>trén-er-k-a</u>		
2 >> <u>trén-er-sk-y'</u>	2 >>(>) <u>trén-er-stv-o</u>		
1, 3 >> • <u>šéf-trén-er-ø</u>	2, 3 >>> • <u>šéf-trén-er-k-a</u>	2, 3 >>> • <u>šéf-trén-er-sk-y'</u>	
1 > <u>tren-až:ér-ø</u>			
*ABSURD			
I.	II.		
2 <u>absurd-n-y'</u>	1 > <u>absurd-um</u>		
1 > <u>absurd-it-a</u>			

Podľa paradigmatickej analógie uprednostňujeme v zaradení do motivačných vzťahov motivačnú postupnosť *destilovať* → *destilácia, banálny* → *banalita*. Medzi pravidelnými domácimi motivátmi a prevzatými motivátmi s nepravidelnou morfeatickou štruktúrou

vzniká tak konkurencia: *akceptovateľný* a *akceptabilný*, *dynamickosť* a *dynamizmus*, *banálnosť* a *banalita*, *absurdnosť* a *absurdita*, symetrické typy sú frekventovanejšie a sú štylisticky nepríznakové, porov. neutrálny variant *autentickosť* a knižný variant *autenticita* (Buzássyová 2003b).

3.2. Vzťah morfematickej a derivačnej štruktúry môže byť neharmonický aj pri kalkovaní (*s-ved-om-ie* – *con-sci-ent-i-a*), ktoré je ako prenášanie cudzej morfematickej a derivačnej štruktúry do slovenčiny častejšie nepravidelné (niedokladne, ako Lehnübertragung, porov. Nagórko 2004). Zastretá motivácia vzniká pri preklade morfém alebo komponentov *vin-o-hrad-ø* (Weinberg), *pri-slov-k-a* (pri slovese – adverbium), *prav-o-pis-ø* (správne písanie – Rechtschreibung), *čas-o-pis-ø* (Zeitschrift); extrémne sa prekladá len jedna časť: *Via-noc-e* (Weihnachten), *ba-vln-a* (Baumwolle), *pro-rok-ø* (Prophet). Aj pri dôslednom doslovnom kalkovaní (ako Lehnübersetzung, porov. Nagórko 2004) dochádza k oslabeniu motivácie (*zá-men-o*/pronomén, *knih-o-mil-ø*/bibliofil, *vápn-o-mil-n-ý*/kalkofilný, *spol-u-hlás-k-a*/konsonant, *s-pro-stred-k-ov-a:t*/vermitteln; porov. aj typ *tvaroslovie*, *hláskoslovie*, pri ktorom sa zastretie motivácie prejavuje ako sufixoidizácia).

3.3. Univerbizácia je vlastne vždy redukcia združeného pomenovania so zachovaním prvého komponentu (príznamku) a s premenou druhého základného komponentu na sufixálnu bázu, a to aj pri harmonickom vzťahu medzi morfematickou a derivačnou štruktúrou prvého komponentu: $Z_{V+S} + -ov-a:t$ *kontrolovať*; $Z_{ADJ+S} + -k-a$ *diplovka*. V mene jazykovej ekonómie sa môžu univerbáty vyskytovať iba v komunikačnej oblasti, v ktorej je vypustenie druhej časti komunikantom všeobecne známe (profesionalizmy, slangizmy). Pri asymetrickej univerbizácii nastáva desufixácia, porov. truncačno-sufixálne deadjektíva so zdanlivou výmenou sufixov: *kompletné ošetrenie* → *kompletka*, *minerálna voda* → *minerálka*, *chemická fabrika* → *chemička*, *kadernický salón* → *kaderníctvo*. Pri typoch zakončených na *-stvo* nejde pri univerbizovaných motivátoch, ako sú pomenovania firiem, obchodov alebo remesiel, o transpozíciu, ale o mutáciu (*krajčírstvo*, *holičstvo*, *kvetinárstvo*, *čičmárstvo*). Dvojaká interpretácia je možná v prípadoch *dvojkorunáčka*, *päťhaliernik*, *dvojkorunák*, *úzkokolajka*, *vysokoškolák*, ktoré možno interpretovať ako univerbizačné deriváty (dvojkorunová minca) alebo ako univerbizačné kompozitá (minca v hodnote dvoch korún), porov. Avramova (2004), ktorá akcentuje relevantný rozdiel medzi derivátmi a univerbátmi. Kým deriváty a kompozitá zvyčajne zaplňajú deficit v pomenovaní, univerbáty predstavujú druhotnú nomináciu. Dvojako možno interpretovať aj typy *panelák*, *drevák* (ako univerbizačný derivát *panelový dom*, *drevená topánka* alebo ako neuniverbizačný derivát *to, čo je z panelov, z dreva*) (4.1.2.c).

3.4. Disharmónia morfematickej a derivačnej štruktúry vzniká aj pri napätí medzi diachróniou a synchróniou. Perintegrácia ako prehodnotenie tém *-ova:t* a *-nú:t* (Slavičková 1975) v morfematickej štruktúre synchrónne na sufixálne morfémy a témy *-ov-a:t* a *-n-ú:t* (Horecký 1964; Sokolová 1999; Furdík 2004) spôsobila, že v slovenčine sa synchrónne musí v derivačnej štruktúre rátať s častou trunkáciou týchto perintegrovaných derivačných sufixálnych morfém, napr. *-ov-* sa trunkuje v motivátoch *žaloba*; *správca*, *darca*; *pochlebník*; *následok*; *pestún*, *špehúň*; *sprcháreň*; *proroctvo*, *moralizátorstvo*; *-n-* v motivátoch *vládca*, *rozhodca*; *puklina*, *zmrzlina*; *sprška*, *omietka*, *klapka*; *sťažeň*; *krádež*. Pri vidovej dvojici je trunkácia od oboch foriem *-n/-ov-*, napr. *do-stih-n-ú:t* {*do-stih-ov-a:t*} → *do-stih-y*.

4. V ďalšej časti príspevku predstavíme vzťah derivačnej a morfeatickej štruktúry pri alternatívnych motiváciách (polyinterpretačnosť). S polyinterpretačnosťou pri motivátoch sa stretávame často (porov. Grzegorzycykowa – Puzynina 1979 alebo Furdík 2004). Podľa J. Furdíka (2004) na základe pravidla sémantickej priority uprednostňujeme postupnosť *bruchatý* → *brucháč* pred postupnosťou *bruch* → *brucháč*. Podľa počtu interpretácií možno hovoriť o podvojných či potrojných alternatívnych interpretáciách.

4.1. Na základe morfeatickej štruktúry rozlišujeme polyinterpretačné typy s rovnakou a nerovnakou morfeatickou štruktúrou.

4.1.1. Potrojnú alternatívnu motiváciu s rovnakou morfeatickou štruktúrou predstavujú dve podskupiny.

a) Potrojný desubstantívno-deadjektívno-deverbatívny typ s rovnakou morfeatickou štruktúrou, ale nerovnakou onomaziologickou kategóriou (transpozícia aj mutácia) a nerovnakým trojakým motivantom má motivačnú postupnosť $Z_{S \rightarrow V \rightarrow ADJ} + \text{-stv-o}$ *žgrolšstvo*, *priekupníctvo*; ide v ňom o transpozíciu (*priekupničiť* → *priekupníctvo*, *priekupník* → *priekupníctvo*) alebo o mutáciu (*priekupnícka činnosť*).

b) Potrojný desubstantívno-desubstantívno-deadjektívny typ s rovnakou morfeatickou štruktúrou sa odlišuje nerovnakou onomaziologickou kategóriou a nerovnakými motivantmi: $Z_{S1 \rightarrow S2 \rightarrow ADJ} + \text{-stv-o}$ *vdovstvo* (*byť vdovou* → *vdovstvo*, *byť vdovcom* → *vdovstvo*, *vdovský stav* → *vdovstvo*), *strigónstvo*. Ide o zriedkavé typy so sekundárnymi maskulinatívami *vdovec*, *strigón*. Pri inom desubstantívno-deadjektívno-desubstantívnom type $Z_{S1 \rightarrow ADJ \rightarrow S2}$ (X-at- /-av-) + -aň-a *nosaňa*, *okaňa*, *bachraňa*, *bruchaňa*, *pehaňa* možno motivát *nosaňa* interpretovať ako feminatívum od *nosáň*, ako trunkované deadjektívum *nosatá žena* a ako desubstantívum *žena s veľkým nosom*. V slovníku sa polyinterpretácia naznačuje znakom (>):

0 vdov-a	0 nos-ø
0 > vdov-ic-a	0 > nos-ík-ø
0 >(>) vdov-ič-k-a	0 > noš-t:ek-ø
0 > vdov-ec-ø	0 > nos-isk-o
0 >> vdov-ec-k-ý	0 > nos-at-ý
0 >(>) o-vdov-ie:t'	0 >(>) nos-ál'-ø
0 >(>) vdov-sk-ý	0 >(>) nos-aň-ø
0 >(>) vdov-stv-o	0 >>(>) nos-aň-a

4.1.2. Podvojnú alternatívnu motiváciu s rovnakou morfeatickou štruktúrou tvoria viaceré skupiny:

a) Najfrekventovanejší a najviac štruktúrovaný je podvojný deadjektívno-desubstantívny typ (*baranica*, *baranina*, *bradáč*, *vlniak*, *skupaňa*), pri ktorom podľa pravidla sémantickej priority, ale aj podľa morfeatickej štruktúry uprednostňujeme bezprostrednú deadjektívnu interpretáciu. Ide pritom o podskupiny:

aa) s rovnakým derivačným postupom – sufixáciou, ale iným motivantom $Z_{S \rightarrow ADJ} + \text{-ic-}$ a *baranica* pri interpretácii z *baranej kože* aj pri interpretácii z *barana*;

ab) s iným derivačným postupom a iným motivantom: $Z_{S \rightarrow ADJ} + \text{-in-a}$ *baranina* (transflexia pri interpretácii *baranie mäso* alebo sufixácia pri interpretácii *mäso z barana*);

ac) s iným motivantom v rámci mutácie: pri type $Z_{S \rightarrow ADJ}$ (X-at-/-av-/-n-) + -áč-ø/-ač-ø/-aj-ø/-ál'-ø/-aň-ø, -oš-ø/-ák-ø: *bradáč*, *fúzač*, *hlaváč*, *gambáč*, *hrbáč*, *pracháč*, *chlpáč*,

*bachráč, vlasáč, ženáč; hlavaj; nosál, zubál, okál; ucháň, hlaváň, chlpáň, strapáň, hr-báň; soplôš; silák, hnušák; a pri type $Z_{S \rightarrow ADJ}$ (X-ov/-en/-sk-) + -k-a/-ák/-iak-ø/-an/-ec-ø *cesnačka* (cesnaková polievka, polievka z cesnaku), *vlniak, sosniak, gumák; dubák; meštiak* aj *mešťan; neandertálec*. Pri deadjektívnej interpretácii je trunkácia, niekedy je trunkácia pri obidvoch interpretáciách: $Z_{S/ADJ}$ (X-ic:k/-izmus) + -ist-a *sadista, egoista, optimista*;*

ad) rozličné kategórie a rozličné postupy sú napríklad v motivátoch $Z_{ADJ \rightarrow S}$ + -uš-a/-aň-a *beluša; belaňa, dlhaňa, skupaňa*, ktoré možno interpretovať ako tranflexné feminatíva (od *skupáň*) alebo ako sufixálne mutačné deadjektíva (*skúpa žena*). Iným derivačným postupom a iným typom kategórie sa vyznačujú negované adjektíva typu Z_{SADJ} *neslaný, nealkoholický*, ktoré možno interpretovať ako modifikáciu (nie slaný) alebo mutáciu (bez soli). Okrem toho sem patrí typ Z_S *učiteľstvo* ako sufixálne kolektívum (učitelia) alebo sufixálne mutačné deadjektívum $Z_{S \rightarrow ADJ}$ (učiteľské povolanie); *inteligencia, lyrika* ako modifikačné kolektívum Z_S *inteligenti, lyrické diela* a transpozíčné pomenovanie $Z_{S \rightarrow ADJ}$ *inteligencia, lyrika* ako *intelligentnosť, lyrickosť*.

b) Podvojný deverbatívno-desubstantívny typ s rovnakou morfeomatickou štruktúrou (*kontrolór, nákupca, zbojník, dôchodca, zradca, škodca*) obsahuje najčastejšie substantíva $Z_{S \rightarrow V}$, ktoré sa v rámci mutácie dajú interpretovať ako činiteľské Z_V alebo ako konateľské Z_S , napr. *dozorca* (dozor/dozrieť), *kávičkár* (rád kávičkuje/rád pije kávičku). Morfeomatická štruktúra je bližšie desubstantívnej interpretácii $Z_{V \rightarrow S}$ (*zaujímaj sa/záujem* → *záujemca, dozeraj/dozor* → *dozorca, najímaj/nájom* → *nájomca*). Zriedkavejšie sú tieto interpretácie možné pri pomenovaní miesta (*prameň/pramenit'* → *pramenisko*).

c) Podvojný je deverbatívno-deadjektívny typ $Z_{V \rightarrow ADJ}$ (*hundoš, prašivosť, lakomstvo; nepochopiteľný, neprajný, neporaziteľný*). Substantíva typu *hundoš* $Z_{V \rightarrow ADJ}$ možno interpretovať ako deverbálnu mutáciu (ten, kto hundre), sekundárne ako deadjektívnu mutáciu (ten, kto je hundravý); pri typoch $Z_{ADJ \rightarrow V}$ + -stv-o/-ač:k-a/-ost'-ø *lakomstvo, lakomosť, žltáčka; Z_{V/A} + -in-a *otročina, lajdáčina, lajdákosť* ide o transpozíciu *otročiť* → *otročina* alebo o mutáciu (*otročá práca*). Negované adjektíva typu *neprajný, neporaziteľný*, ktoré možno interpretovať ako modifikáciu (nie prajný) alebo mutáciu (nepraje), sa odlišujú iným derivačným postupom pri každej interpretácii (prefixácia pri modifikácii adjektíva *pochopiteľný* → *nepochopiteľný*, sufixácia pri mutácii *nedá sa pochopiť* → *nepochopiteľný*).*

d) Podvojný desubstantívny typ (*bučina; sestrička, vlások, kravín, záhrobný*) má interpretácie v rámci dvoch rozličných typov onomaziologických kategórií: desubstantívny typ Z_S *bučina* ako modifikačné kolektívum (buky), ale aj mutačné pomenovanie miesta (kde rastú buky), rovnako *smrečina, končina, dubina, lúčina, javorina*; motiváty *riúčka, sestrička* sa dajú interpretovať ako modifikačné deminutíva aj mutačné pomenovania. V rámci toho istého typu onomaziologickej kategórie, ale v rámci inej onomaziologickej kategórie sa interpretujú ďalšie prípady: Z_S + -ok-ø/-ik-ø/-k-o/-ič:k-a *vlások, hrášok, prášok, máčik, zrnko, pierko, skielko, sklíčko, zrníčko, perečko; trávička* – steblo, pri ktorom sa v rámci modifikácie prekrývajú deminutíva a singulatíva; Z_S + -ín-ø *včelín, kravín, kurín, žrebčín*, pri ktorom sa v rámci mutácie môžu prekrývať významy miesta aj účelu (na). V tretej desubstantívno-desubstantívnej skupine ide o tie isté kategórie, ale o iný derivačný postup a dvojaký motivant: *záhrobný, beznádejný* (Z_{S1} *záhrobie*, Z_{S2} *hrob; Z_{S1}* *beznádej*, Z_{S2} *nádej*).

e) Podvojný deverbatívny typ (*praskot, spojenie; posolstvo*) má iný derivačný postup pri dvoch slovesách ($Z_{V_1 \rightarrow V_2}$): *praskať* → *praskot*; *praskotať* → *praskot*. Iný derivačný postup je pri nerovnakých interpretáciách toho istého slovesa, porov. nerovnaké interpretácie pri verbálnych substantívach u J. Furdíka (2004), ktorý uvažuje u sufexácii a neberie do úvahy formu -n/-t-ového participia v ich morfematickej štruktúre, a v Mluvnici češtiny (1986), kde sa pri verbálnych substantívach uvažuje o transflexii (tvorenie z -n/-t-ového participia $Z_{V_{pas,part}}$). V slovníku dvojakú interpretáciu pri verbálnych substantívach naznačujeme: *s-poj-i:t'* (sa) > *s-poj-e:n-ý* (>) *s-poj-e:n-ie*.

Okrem toho môže ísť pri deverbatívnom type aj o dve interpretácie v rámci rozličných typov kategórií – transpozície alebo mutácie: *posolstvo, klamstvo*, keďže pri motívatoch typu *klamať* → *klamstvo* je možná dvojaká interpretácia: ako dejové transpozíčné (*klamanie*) alebo ako mutačný výsledok činnosti (*rozličné klamstvá*).

f) Podvojný deadjektívno-deadverbiálny typ (*napopolavo*) má nerovnaký postup – prefixáciu Z_{ADJADV} *napopolavo* (na popolovo, porov. aj *nabielo*), resp. o prefixálno-resufixálny postup *dopopolava* (do popolova) pri modifikácii adverbia alebo ide o prefixálno-sufixálny postup (na popolavý spôsob) či prefixálno-sufixálny postup (do popolavého odtieňa).

g) Zriedkavý je podvojný desubstantívno-deadverbiálny typ (*popoludňajší, dopoludňajší, predpoludňajší*), pri ktorom ide o rovnaký derivačný postup – sufexáciu s dvojakým motivantom $Z_{S \rightarrow ADV}$ + *-ajš-í*, pretože sufex *-ajš-í* majú aj jednointerpretačné desubstantívne *stredajší*, aj jednointerpretačné deadverbiálne *včerajší* motívaty, pri prekrývaní substantív a adverbií dochádza k polyinterpretácii: >> *do-pol-u-dn-ie* >>> *do-pol-u-dn-ia* >>>(>) *do-pol-u-dň-ajš-í*. Bezprostredným motivantom je adverbium.

4.2. Alternatívne motivácie s nerovnakou morfematickou a derivačnou štruktúrou tvoria tiež potrojnú alebo podvojnú alternatívne motivácie, výnimočne viacčlenné interpretácie, napr. *úžer-nic:tv-o* (*robiť úžeru*) a *úžer-nic:tv-o* (*byť úžerníkom, úžerníčiť, úžernícke konanie*).

a) Častý je potrojný deverbatívno-desubstantívno-deadjektívny typ (*hriešnik, strážnica, ignorantstvo*), pri ktorom je východiskovým motivantom sloveso alebo substantívum (vzájomná motivácia), bezprostredným motivantom je adjektívum, ktoré je motivované dvojakou slovesom aj substantívom, napr. v rámci mutácie $Z_{S/V \rightarrow ADJ}$ + *-ík/-ník-ø/-ic-a/-nic-a*, napr. Z_{ADJ} *pomoc-n-ik-ø, hrieš-n-ik-ø, spoved-n-ic-a, stráž-n-ic-a* a $Z_{V/S}$ *pomoc-ník-ø, hrieš-ník-ø, spoved-nic-a, stráž-nic-a*; v rámci transpozície alebo mutácie $Z_{V \rightarrow S \rightarrow ADJ}$ + *-stv-o*: Z_V *intrig-án:stv-o, ignor-ant:stv-o, her-ec:tv-o, záchran-ár:stv-o, moral-iz:átor:stv-o, hľad-ač:stv-o*; $Z_{S \rightarrow ADJ}$ *intrig-án-stv-o, ignor-ant-stv-o, her-ec-tv-o, záchran-ár-stv-o, moral-iz:át:or-stv-o, hľad-a:č-stv-o*.

b) Potrojný desubstantívno-desubstantívno-deadjektívny typ (*diagnosticky, pôžitkárstvo*) je zriedkavý. Možno ho nájsť pri adverbii $Z_{S_1 \rightarrow S_2 \rightarrow ADJ}$ *diagnosticky*, ktoré ako zreteľové adverbium je desubstantívne (*dia-gnost-ic:k:y*« od *diagnóza*, ale aj *dia-gnost-ic:k:y*« od *diagnostika*); ako modálne adverbium je deadjektívne (*dia-gnost-ic-k-y*«), v slovníku sa uprednostňuje morfematická štruktúra pre bezprostrednú deadjektívnu interpretáciu: *dia-gnost-ic-k-y*«. Iný desubstantívno-desubstantívno-deadjektívny typ s dvojakou štruktúrou $Z_{S_1 \rightarrow S_2 \rightarrow ADJ}$ + *-stv-o* je síce častý, vzhľadom na slabý vzťah motívátov k východiskovému substantívu (Z_{S_1} *pôžitok* → *pô-ži-t-k-ár:stv-o, tajnosť* → *taj-n-ost-k:ár:stv-o, posmešok* → *po-sme-š-k-ár:stv-o, odboj* → *od-bo-j-n:íc:tv-o, podvod* → *pod-vod-níc:tv-o*) možno však

tieto prípady interpretovať len ako podvojný desubstantívno-deadjektívny typ s rovnakou morfológickou štruktúrou ($Z_{S2/ADJ}$ *pôžitkár/pôžitkársky* → *pô-ži-t-k-ár-stv-o*, *tajnostkár/tajnostkársky* → *taj-n-ost-k:ár-stv-o*, *posmeškár/posmeškársky* → *po-sme-š-k-ár-stv-o*, *odbojník/odbojnícky* → *od-bo:j-n-íc-tv-o*, *podvodník/podvodnícky* → *pod-vod-níc-tv-o*), porov. 4.1.2.c.

c) Potrojný desubstantívno-deadjektívno-deadverbiálny typ kompozit v tej istej onomaziologickej kategórii (*mliečnobiely*) má dve podoby: Z_S *popol:av-o-biel-y* pri interpretácii biely ako popol, *mlieč:n-o-biely* pri interpretácii biely ako mlieko a $Z_{ADJ→ADV}$ *popol-av-o-biel-y* pri interpretácii biely do popolavého odtieňa, *popolavo biely*, *mlieč-n-o-biely* pri interpretácii do mliečného odtieňa, *mliečno biely*. Derivačne sú to skôr desubstantíva, morfológicky skôr deadjektíva alebo deadverbiá: *trávovozelený*, *medovožltý*, *oranžovočervený*, *tehlovočervený*, *slivkovomodrý*, *pomarančovočervený*. Pri neexistencii adverbia v slovníku (*porcelánovo*, *škoricovo*) je v týchto typoch len podvojná morfológicky neodlíšená desubstantívno-deadjektívna interpretácia, teoreticky je však vždy potrojná $Z_{S→ADJ(ADV)}$, napr. *porcelánovobiely*, *škoricovohnedý*. Desubstantívno-desubstantívno-deadjektívny typ (*diagnosticky*, *prognosticky*) predpokladá homonymiu zreteľových adverbií motivovaných substantívom (pro-**gnost**-ic-k:y) a vlastnostných deadjektívnych modálnych adverbií (pro-**gnost**-ic-k-y«).

4.2.1. Podvojnú alternatívnu motiváciu s nerovnakou morfológickou a derivačnou štruktúrou tvoria podobne ako motivácie s rovnakou štruktúrou podobné skupiny.

a) Najfrekvencovanejší je deadjektívno-desubstantívny typ (*tel'acina*, *jahodovica*, *orechovník*, *kapustnisko*, *chemička*, *lexikograficky*), pri ktorom je východiskovým motivantom substantívum a bezprostredným motivantom adjektívum. Má dve podskupiny.

aa) Najviac sa vyskytuje v rámci mutácie: $Z_{S→ADJ}$ *ryb-ac-in-a* (Z_{ADJ} v interpretácii rybacie mäso, porov. aj *hovädzina* ako hovädzie mäso), *ryb-ac-in-a* (Z_S v interpretácii mäso z rýb, ale *hovädzina* *mäso z hoväda), *tel'acina*, *koz'acina*; *drienk-ov-ic-a* (Z_{ADJ} drienková pálenka), *drienk-ov:ic-a* (Z_S v interpretácii pálenka z drienok), *jahodovica*, *rascovica*, *višňovica*; *lieskovica*; *boč-n-ic-a* (bočná strana voza) a *boč-n:ic-a* (to, čo je na boku), *dvojročnica* (dvojročné obdobie/obdobie na dva roky); *malin-ov-k-a* (Z_{ADJ} malinová šťava), *malin-ov:k-a* (Z_S šťava z malín), *anízovka*, *sódovka*, *hnojovka*; *hrebeňovka* (hrebeňová túra/túra po hrebeni), *zjazdovka* (zjazdová dráha a miesto na zjazd), *cukrovka*, *bytovka* atď.

Mutačné pomenovania tohto typu sú časté, porov. dve interpretácie motivátov so suffixmi -ik-ø/-n:ik-ø; -nik-ø/-ov:nik-ø; -ec-ø/-ov:ec-ø, -ej:ec-ø, -en:ec-ø; -ák-ø/-iak-ø/-en:ák-ø/-n:iak-ø; -iar-ø/-n:iar-ø: *orech-ov-nik-ø* (orechový koláč) – *orech-ov:nik-ø* (koláč z orechov), *kapust-n-ik-ø* (kapustný posúch a posúch z kapusty); *medovník*, *makovník*, *škoricovník*; *banán-ov-nik-ø* (banánový strom) a *banán-ov:nik-ø* (banány), *pomarančovník*, *slamník*; *večer-n-ik-ø* (večerné noviny) a *večer-nik-ø* (noviny vychádzajúce večer), *mesačník*, *nočník*; *smrek-ov:ec-ø*, *slam-en-ák-ø* (slamený klobúk), *slam-en:ák-ø* (zo slamy), *hlinenák*, *strieborniak*; *západniar* atď. Menej často ide o pomenovanie osôb, napr. *les-n-ik-ø* (lesný zamestnanec) a *les-nik-ø* (v lese), *štúr-ov-ec-ø* (Štúrov prívrženec) a *štúr-ov:ec-ø* (prívrženec Štúra); *kráľ-ov-ič-ø* (kráľov syn) a *kráľ-ov:ič-ø* (syn kráľa), *východ-n-iar-ø* (z východnej časti) a *východ-n:iar-ø* (z východu). Patria sem aj mutačné pomenovania miesta: $Z_{S→ADJ}$ + -isk-o/-n:isk-o/-ov:isk-o *kapust-n-isk-o* – *kapust-n:isk-o*; *zemiačnisko*, *kapustnisko*; *hrach-ov-isk-o* – *hrach-ov:isk-o*, *štrkovisko*, *pieskovisko*, *trhovisko*. Ak slov-

ník dané adjektívum obsahuje, uprednostňuje sa v ňom bezprostredná deadjektívna morfe-
matická štruktúra (*hrach-ov-isk-o*, *teľ-ac-in-a*), ak v slovníku adjektívum nie je, naznačuje
sa iba vzťah k substantívu (*kráľ-ov:ič-ø*).

ab) Dvojaká deadjektívno-desubstantívna interpretácia je častá aj pri adverbiách. Ide
o homonymiu zreteľových adverbii motivovaných substantívom a vlastnostných deadjek-
tívnych modálnych adverbii, pričom platí, že zreteľové adverbii sú desubstantívne $Z_{S \rightarrow ADJ}$
(*popul-ač-n-e«*, *pro-porč-n-e«*, *lex-ik-o-graf-ic:k:y«*) a modálne adverbii sú deadjektívne
 $Z_{S \rightarrow ADJ}$ (*popul-ač-n-e«*, *pro-porč-n-e«*, *lex-ik-o-graf-ic:k:y«*), v slovníku sa uprednostňu-
je morfeomatická štruktúra súvisiaca s bezprostrednou deadjektívnu interpretáciou, ale
podvojný vzťah sa naznačuje: **popul-ác:i-a > popul-ač-n-ý >(>) popul-ač-n-e«**.

ac) Zriedkavo sa deadjektívno-desubstantívny typ vyskytuje v rámci viacerých typov
kategórií – modifikácia (*chem-ič-k-a* ako feminatívum od chemik) alebo mutácia (*chem-
ič:k-a* ako chemická fabrika).

b) Deverbatívno-desubstantívny typ ($Z_{S \rightarrow V}$ *športovec*; $Z_{V \rightarrow S}$ *provokatér*, $Z_{V/S}$ *čistič-
ka*), obsahuje podvojný typ v rámci toho istého typu kategórie mutácie ako činiteľské
šport-ov-ec-ø alebo konateľské $Z_{S \rightarrow V} + -ec-ø/-ér-ø/-or-ø/-ár-ø/-ník-ø$ *šport-ov:ec-ø/šport-
ov-ec-ø*; $Z_{V \rightarrow S} + -ec-ø/-ér-ø/-or-ø$ [*pro*]/*vok-at:ér-ø*/[*pro*]/*vok-at-ér-ø*; *popul-ar:iz-át:or-ø/
popul-ar:iz-át-or-ø*); *ml-yn:ár-ø/ml-yn-ár-ø*; *rob-ot:ník-ø/rob-ot-ník-ø*. Pri deverbatívno-
desubstantívnom type môže ísť aj o interpretácie v rámci dvoch rozličných typov ono-
maziologických kategórií, napr. *drv-i:č-k-a*, *čist-i:č-k-a* (ako modifikačné feminatívum od
drvič) a *drv-ič:k-a*, *čist-ič:k-a* ako mutačné pomenovanie prostriedku. Podvojný je aj mu-
tačné pomenovanie miesta: $Z_{V \rightarrow S} + -eň-ø/-ň-a$ *jed-ál-eň-ø* (kde dostať jedlo) a *jed-ál:eň-ø*
(kde sa je), *kúp-el'-ň-a* a *kúp-el':ň-a*.

c) V podvojnóm deverbatívno-deadjektívnom type (*neprajník*) je deverbatívna inter-
pretácia so štruktúrou $Z_{V \rightarrow ADJ}$ *ne-pra:j-ník-ø* (kto nepraje) a deadjektívna interpretácia so
štruktúrou *ne-pra:j-n-ik-ø* (neprajný človek).

d) Desubstantívny typ (*diagnostický*, *prognostický*; *barančina*) predpokladá existenciu
dvoch substantív s jedným adjektívnym motivantom *prognóza* → *pro-gnost-ic:k-ý* a *pro-
gnostika* → *pro-gnost-ic-k-ý*; *diagnoza* → *dia-gnost-ic:k-ý* a *diagnostika* → *dia-gnost-ic-
k-ý*. Desubstantívno-desubstantívna interpretácia $Z_{S1 \rightarrow S2}$ a dvojaká štruktúra (*baran-č-in-a*
a *baran-č:in-a*) je výnimočne pri substantíve *barančina* v interpretáciách *baran-č:in-a* ako
kožušina z barana a *baran-č-in-a* ako kožušina, mäso z barančat'a.

5. Morfeomatická štruktúra odráža proces preberania a diachroniu viac než derivačná
štruktúra, a to aj pri demotivácii (*bavlna*), resp. zachovaní reziduálnych segmentov pri
adaptácii internacionalizmov (*lexik-ál:n-y*) či formy bezprostrednej motivácie (*orech-ov-
ník-ø*, *slam-en-ák-ø*, *ryb-ac-in-a*, *mlieč-n-o-biel-y*). Morfeomatická štruktúra je podriadená
derivačnej štruktúre, porov. viaceré morfeomatické štruktúry pri derivačnej polyinterpretá-
cii (*hrieš-n-ik-ø/hrieš-nik-ø*). Pri polyinterpretácii, ktorá je najčastejšie substantívno-ad-
jektívna, uprednostňujeme v slovníku podľa pravidla sémantickej priority morfeomatickú
štruktúru bezprostredných motivantov: *hrieš-n-ik-ø* pred *hrieš-nik-ø*, *teľ-ac-in-a* ako teľ-
acie mäso pred *teľ-ac:in-a*, *úžer-níc-tv-o* pred *úžer-níc:tv-o*.

Asymetria medzi morfeomatickou a derivačnou štruktúrou je funkčná. Túto funkčnosť
Slovník koreňových morfém usporiadaných derivačne lingvistom naznačuje relatívne pre-

hľadne, hoci vzhľadom na neopakovanie homonymných motivátov v slovníku ide pri polyinterpretácii o zjednodušenie reálneho stavu v slovenčine – väčšinou o uprednostnenie bezprostrednej motivácie. Asymetriu spôsobenú rozšírením aj trunkáciou často sprevádza expresivita (*mladučký, mamička, malilinký, dobrušký, veľikánsky*), okrem toho asymetria vzniká pri analogickom vyrovnávaní morfeematickej štruktúry (*noh:ej-bal, Bratislav-č:an, za:d-n-y*) a pri trunkácii či redukcii segmentov. Medzi domácimi motivátmi s pravidelnou morfeematickou štruktúrou a prevzatými motivátmi či redukovanými motivátmi s nepravidelnou morfeematickou štruktúrou (*akceptovateľný a akceptabilný; tuberkulóza a tubera*) vzniká konkurencia, ktorá sa v jazyku funkčne využíva.

Literatúra

- AVRAMOVA, Cvetanka: Univerbáty v lexikálnom systéme jazyka. Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka. 7. medzinárodná konferencia Komisie pre výskum slovtvorby slovanských jazykov pri Medzinárodnom komitáte slavistov. Bratislava 30. 9. 2004.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 1974. 237 s.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Zložené slová z hľadiska internacionalizácie a inovácií. In: Jazykovedný časopis, 2003a, roč. 54, č. 1 – 2, s. 31 – 50.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Tendencia k internacionalizácii (s ohľadom na funkčnú diferenciaciu internacionalizácie v rozličných sférach komunikácie). In: Komparacja współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo/Nominacja. Ed. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003b, s. 49 – 59.
- DOKULIL, Miloš: Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd 1962. 264 s.
- FURDÍK, Juraj: Slovtvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča: Modrý Peter 1993. 199 s.
- FURDÍK, Juraj: Slovenská slovtvorba (Teória, opis, cvičenia). Ed. M. Ološtiak. Prešov: Náuka 2004. 200 s.
- GRZEGORCZYKOWA, Renata – PUZYNNINA, Jadwiga: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1979. 325 s.
- GRZEGORCZYKOWA, Renata: Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe. Warszawa – Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1984. 96 s.
- HORECKÝ, Ján: Morfeematická štruktúra slovenčiny. Bratislava: Vydavateľstvo SAV 1964. 194 s.
- HORECKÝ, Ján: Slovenská lexikológia. 1. Tvorenie slov. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1971. 252 s.
- HORECKÝ, Ján: Onomaziologická štruktúra slovenčiny. (Spisy slovenskej jazykovednej spoločnosti. 5.) Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV 2003. 60 s.
- HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOŠÁK, Ján a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 1989. 436 s.
- IVANOVÁ, Martina: Niekoľko poznámok o trunkácii v slovenčine. In: Slovenčina na začiatku 21. storočia. Na počesť profesora Ivora Ripku. Ed. M. Imrichová. Prešov: Fakulta humanitných a prírodných vied 2004, s. 102 – 111.
- Komparacja współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo/Nominacja. Ed. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003. 541 s.

- Krátky slovník slovenského jazyka. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková. 2. vyd. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 1989. 588 s.
- Krátky slovník slovenského jazyka. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková. 3. vyd. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 1997. 943 s.
- Mluvnice češtiny. 2. Tvarosloví. Praha: Academia 1986. 536 s.
- NAGÓRKO, Alicja: Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2000, s. 157 – 238.
- NAGÓRKO, Alicja: Kalki jako rodzaj słowotwórstwa. Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka. 7. medzinárodná konferencia Komisie pre výskum slovtvorby slovanských jazykov pri Medzinárodnom komitáte slavistov. Bratislava 29. 9. 2004.
- SLAVÍČKOVÁ, Eleonora: Retrográdní morfematický slovník češtiny s připojenými inventárními slovníky českých morfémů kořenových, prefixálních a sufixálních. Praha: Academia 1975. 645 s.
- SOKOLOVÁ, Miloslava: Teoretický úvod k morfematickému slovníku. In: Morfematický slovník slovenčiny. Prešov: Náuka 1999, s. 3 – 56.
- SOKOLOVÁ, Miloslava: Alternácie v spisovnej slovenčine. In: Človek a jeho jazyk. 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Na počesť profesora Jána Horeckého. Red. K. Buzássyová. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 2000, s. 417 – 444.
- SOKOLOVÁ, Miloslava – MOŠKO, Gustáv – ŠIMON, František – BENKO, Vladimír: Morfematický slovník slovenčiny. Prešov: Náuka 1999. 590 s.
- SOKOLOVÁ, Miloslava – IVANOVÁ, Martina – DZIAKOVÁ, Katarína: Zásady spracovania slovníka koreňových morfém v slovenčine. In: Jazykovedný časopis, 2003, roč. 54, č. 2, s. 67 – 82.
- ULUCHANOV, Igor S.: Jedinicy slovoobrazovateľnoj sistemy ruskogo jazyka. Moskva: Rossijskaja akademija nauk 1996. 222 s.
- TICHONOV, Alexandr N.: Slovoobrazovateľnyj slovar ruskogo jazyka. 2 zv. Moskva: Russkij jazyk 1985.
- WASZAKOWA, Krystyna: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki z formantami paradygmatycznymi. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego 1993. 124 s.
- WASZAKOWA, Krystyna: Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego 1994. 265 s.

doc. PhDr. Miloslava Sokolová, CSc.

Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove, Ul. 17. novembra 1, SK-08001 Prešov, Slovensko

e-mail: miloslava.sokolova@unipo.sk, sokolom0@unipo.sk

Komplementárnosť slovotvorného významu pri výklade lexikálneho významu vo výkladovom slovníku

Klára Buzássyová

Úvod. Pri vypracovaní koncepcie nového viacväzkového výkladového slovníka súčasnej slovenčiny (*Slovník súčasného slovenského jazyka*, ďalej SSSJ) museli autori koncepcie a zároveň redaktori tohto lexikografického diela premyslieť okrem mnohých iných aj otázku, v akej miere sa môžu výklady lexikálnych významov slovotvorne motivovaných lexikálnych jednotiek opierať o príslušné slovotvorné významy týchto jednotiek. Táto otázka sa ukazuje ako aktuálna aj pri výkladoch lexikálnych významov slov patriacich k onomaziologickej a slovotvornej kategórii mutačného typu derivácie, ale aj pri výkladoch lexikálnych významov slov, resp. slovotvorných typov patriacich k odvodeným (v terminológii M. Dokulila fundovaným) a motivovaným slovám transpozičného typu derivácie, najmä abstraktných substantív označujúcich spredmetnenie vlastnosti a spredmetnenie deja. Teda pri tých slovách a slovotvorných typoch odvodených (motivovaných) slov, ktorých lexikálny význam sa často zhoduje s lexikálnym významom motivantov, motivujúcich (fundujúcich, odvodzujúcich) slov. Takže odvodené, motivované slová (motiváty) sa od motivujúcich slov vlastne odlišujú len, ako sa predpokladá, príslušnosťou k inému slovnému druhu, t. j. slovnodruhovým rámcem a z toho vyplývajúcimi formálnymi znakmi a najmä syntaktickou funkciou.

V tomto príspevku venujeme pozornosť abstraktným substantívam tvoreným formantom *-ost'* a ukazujeme, že zhoda lexikálneho významu motivujúceho (desubstantívneho a deverbatívneho) adjektíva s tou istou vlastnosťou vyjadrenou substantívne (pomocou formantu *-ost'*) neznamenaá úplnú zhodnosť lexikálneho významu motivátu oproti významu motivanta, ale prináša pri tomto type odvodzovania viaceré významové posuny, modifikácie základného významu vlastnosti. Je to tak práve vtedy, keď nazeráme na skúmané slovotvorne štruktúrované lexikálne jednotky ako na jednotky lexikálneho systému jazyka, a teda podávame primárne lexikografický opis lexikálneho významu jednotiek lexikálnej zásoby jazyka, nie opis jednotiek slovotvorného systému daného jazyka.

1.1. Téma označená v názve tohto príspevku sa týka problematiky, ktorej lingvisti v rozličných krajinách venovali už značnú pozornosť. A predsa sa o miere jej preskúmania vyjadrujú nejednoznačným spôsobom. Vychádzame pritom z toho, že vzťah slovotvorného a lexikálneho významu slova úzko súvisí s otázkou, ako sa slovotvorná motivácia zúčastňuje na lexikálnom význame slova a na jeho interpretácii. Pre uhol pohľadu, ktorý tu budeme prezentovať, je ako východisko, odrazový mostík dôležitý názor M. Dokulila a jeho známe rozlišovanie trojakých onomaziologických a slovotvorných kategórií a typov derivácie – mutačných, modifikačných a transpozičných (Dokulil 1962; Mluvnice češtiny 1, 1986, s. 221) –, ako aj jeho názor súvisiaci s uvedenými typmi derivácie o vzťahu medzi lexikálnymi významami slovotvorne motivovaných slov a ich slovotvornými významami

mi a o možnosti prediktability lexikálneho významu na základe slovotvorného významu (Dokulil 1978/1997). Berieme do úvahy aj nové výklady o slovotvornom a lexikálnom význame v posmrtno vydanéj práci J. Furdíka (2004), výsledky vlastných výskumov o dynamických tendenciách v abstraktnej lexike, o sémantike abstraktných názvov vlastností a o ich nominačných (pomenúvacích) a syntaktických funkciách v textoch (Buzássyová 1982, 1989, 2000). Nadväzujeme aj na výsledky funkčno-sémantickej analýzy vzťahových adjektív v slovenčine v monografii M. Nábělkovej (1993), ktorá je teoretickým východiskom spracovania desubstantívnych vzťahových adjektív v SSSJ vôbec. Autorkina práca o adjektívach obsahuje aj cenné poznatky, ktoré sú dôležité z hľadiska schopnosti adjektív vyjadrovať vzťahové aj kvalifikačné významy a podľa toho sa správať sčasti rozdielne ako motivanty ďalších derivátov vrátane názvov abstraktných vlastností na *-ost'* ako motivátov. Čo sa týka témy tohto príspevku, vychádzame z koncepcie vypracúvaného slovníka *Východiská a zásady spracovania slovníka* (Jarošová – Buzássyová – Bosák 2006). Vychádzame aj z doterajších vlastných skúseností (najmä redaktorských) so spracovaním abstraktných substantív vlastností s formantom *-ost'* motivovaných (desubstantívny aj deverbatívny) adjektívami v pripravovanom SSSJ A – G (2006), teda v jeho prvom zväzku, ako aj zo stavu na konci r. 2004 (bol to čas modifikovania interného materiálu – o spracovaní abstrákt s formantmi *-ost'*, *-ita*).

1.2. Za relevantné aj pre tému nášho príspevku pokladáme slová I. S. Uluchanova prednesené na tejto bratislavskej slovotvornej konferencii (2004); autor vo svojom vstupnom referáte zdôraznil, že téma *motivované slovo v lexikálnom systéme* je jedným z centrálnych, ale pritom málo preskúmaných problémov spätosti lexiky a tvorenia slov.

Zo štúdie M. Dokulila (z r. 1978; znova publikovanej s drobnými doplneniami v r. 1997, s. 41) citujem: „Otázka vzťahu medzi lexikálnymi významy a slovotvornými významy slovotvorne motivovaných slov a zejména prediktability lexikálneho významu slovotvorne motivovaného slova na základe jeho štruktúry je otázka zaujímavá tak z hľadiska teoretického, jak z hľadiska praktického; v jisté míře se s ní musí vyrovnat každý lexikografický popis slovní zásoby konkrétního jazyka.“ M. Dokulil zároveň poukázal na to, že to je nedostačujúco osvetlená problematika, „dlouho zůstávala zemí nikoho“. Hlavnú príčinu nedostačujúceho záujmu o styčnú a spoločnú problematiku tvorenia slov a lexikológie a lexikografie videl v tom, že tvorenie slov sa obyčajne preberalo a preberá v gramatike, kým problematika reálnych lexikálnych významov je predmetom lexikológie a lexikografie.

Môžeme spomenúť na jednej strane názor popredného predstaviteľa historickej lexikológie a lexikografie I. Němca (1968), nad ktorým sa v citovanej štúdií pozastavuje M. Dokulil, že štruktúra slova nebýva príveľmi často rozhodujúcim činiteľom pri určovaní lexikálneho významu, lebo štruktúrny (slovotvorný) význam sa väčšinou nekryje s lexikálnym významom slova. Na druhej strane pripomeňme názor J. Furdíka (1978/1993, s. 48), ktorý pri objasňovaní úlohy slovotvornej motivácie v systemizácii lexikálnej zásoby ako celku, ale aj pri formovaní lexikálneho významu konkrétnych slov tvrdil, že napriek nedôvere mnohých lingvistov k možnosti využívať vzťah motivácie pri opise lexikálneho významu možno uviesť argumenty podopreté aj frekvenčnými údajmi z frekvenčných slovníkov viacerých jazykov na podporu významnej úlohy slovotvorby a slovotvornej motivácie v systemizácii lexiky. Je to zákonitosť, že pri najfrekventovanejších slovách patriacich do jadra slovnej zásoby nie je potrebné naznačovať ich lexikálny význam aj ich formálnou

štruktúrou, pretože sú bežnou súčasťou individuálnej slovnej zásoby prakticky všetkých hovoriacich. Medzi prvými jednotkami frekvenčného slovníka slovenčiny (Mistrič 1969) sú slová s radom nepravidelností v slovotvornej stavbe, ich motivácia je zastretá, ich lexikálny význam sa odchyľuje od slovotvorného významu, napr. slov. *krajina* (rus. страна), *národ* (rus. народ, нация). Naopak pri slovách s nižšou frekvenciou vystupuje do popredia sprostredkujúca úloha slovotvornej formy a odkazom (poukázaním) na motivujúce slovo sa naznačuje ich lexikálny význam, poskytuje sa o ňom istá orientácia. Slovotvorná motivácia je „nosnou informáciou“, ktorá náznakom lexikálneho významu pomáha pri porozumení slovám s nízkou frekvenciou; naznačuje onomaziologický rámec, v ktorom sa konštituuje, pohybuje alebo navrstvuje lexikálny význam. Vzťah motivovaných a nemotivovaných slov lexikálnych jednotiek J. Furdík chápe ako cyklický proces (Furdík 1999, s. 77)¹. Bližšie o motivácii ako cyklickom procese pozri aj v diele *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny* (ďalej i DSZSS; Horecký – Buzássyová – Bosák a kol., 1989, s. 28 – 38); Furdíkova štúdia z r. 1978 je uverejnená aj v knižnom výbere štúdií z r. 1993 (pozri Furdík 1978/1993). V posmrtno vydanom diele *Slovenská slovotvorba* (2004, s. 57) J. Furdík správne uvádza, že „aj v prípade motivačne priezračných slov, v ktorých sú slovotvorný a lexikálny význam zdanlivo totožné, možno nájsť sémantické prvky explicitne nevyjadrené vo formálnej slovotvornej štruktúre derivátu alebo kompozita, ale implicitne prítomné v jeho lexikálnom význame. Z toho vyplýva, že lexikálny význam sa nikdy nevyčerpáva ‚čistým‘ slovotvorným významom. Inak povedané, niet ‚čistého‘ slovotvorného významu, ten ako sémantická orientácia je vždy v službe komunikačne relevantného významu lexikálneho.“ Toto konštatovanie možno plne potvrdiť lexikografickou skúsenosťou získanou pri vypracúvaní nového výkladového slovníka súčasnej slovenčiny.

2.1. Kolektív autorov, ktorý vypracúva viacväzkový výkladový *Slovník súčasného slovenského jazyka* (SSSJ), sa mohol podujat' na túto náročnú lexikografickú prácu okrem nadväzovania na slovenskú lexikografickú tradíciu aj vďaka možnosti zužitkovať novšie výsledky dosiahnuté v oblasti slovenských lexikologických výskumov, osobitne v oblasti lexikálnej aj slovotvornej sémantiky. Spomenieme stručne hlavné (teoretické) východiská a zásady, ktoré sa uplatňujú pri vypracovaní koncepcie SSSJ. Sústreďujeme sa na tie zásady, ktoré bližšie súvisia s témou tohto príspevku. Ilustrujeme ich návrhmi spracovania abstraktných mien vlastností s formantom *-ost'* z konca r. 2004 aj skrátenými príkladmi hesiel, ako sú publikované v prvom zväzku slovníka SSSJ A – G (2006). (V koncepcii slovníka sa tento návrh spracovania abstraktných mien vlastností spresnil aj inak modifikoval vrátane výkladov lexikálneho významu.)

2.2. Z hľadiska makroštruktúry sa *Slovník súčasného slovenského jazyka* odlišuje od doterajšej domácej tradície tým, že sa v ňom výrazne obmedzuje **hniezdovanie**, a teda

¹ Napr. slovo *obec* je v súčasnej slovenčine slovotvorne nemotivované. Jedným z jeho motivátov je substantívum *občan*. Jeho slovotvorná štruktúra a príslušnosť do slovotvorného typu implikuje slovotvorný význam „obyvateľ obce“ (porov. *dedičan* „obyvateľ dediny“, *mešťan* „obyvateľ mesta“). Jeho lexikálny význam je v súčasnosti širší: *občan* „príslušník štátu, mesta al. obce“ (podľa Krátkeho slovníka slovenského jazyka, 1997). Pôvodná slovotvorná motivácia je oslabená, lexikálny význam sa odchyľuje od slovotvorného významu. No zároveň sa zvýšila frekvencia slova *občan* a postupne sa okolo slova *občan* začalo vytvárať osobitné slovotvorné hniezdo: *občianka*, *občiansky*, *občianskosť*; vytvorilo sa kompozitum *svetoočan* a jeho deriváty, vytvorilo sa kompozitum *občianskoprávny* atď. Oslabená slovotvorná motivovanosť slova je kompenzovaná zosilnením jeho vlastného slovotvorného potenciálu. Tento proces J. Furdík (1999, s. 77) nazýva demotivačným cyklom.

výklad pomocou priradenia, umiestnenia slova v heslovej stati slovotvorne motivujúceho slova (prihniezdovanie) bez opisu významu. Priradenie ako typ výkladu sa v SSSJ používa pri pravidelne utváraných odvodeninách, ako sú prechýlené ženské podoby mužských pomenovaní, zdobneniny, zveličené slová, obyvateľské mená utvorené od geografických a sídelných názvov. Výklady adjektív svojou štruktúrou odrážajú základné členenie na kvalifikačné (kvalitatívne) a vzťahové (relačné). Kým pri opise kvalifikačných adjektív sa uplatňujú postupy použité aj v doterajších slovenských lexikografických dielach, novým spôsobom sa v rozpracovanom slovníku rieši otázka opisu významu desubstantívnych vzťahových adjektív. Na rozdiel od doterajšej slovenskej lexikografickej tradície vo výkladových slovníkoch, kde sa vzťahové adjektíva vykladali pomocou priradenia k heslu motivujúceho substantíva, v SSSJ sa spracúvajú samostatne. V samostatných heslových staciach sa v tomto slovníku spracúvajú aj vlastnostné príslovky a abstraktné substantíva s formantmi *-ost'* a *-ita* a ďalšie odvodené slová. Obmedzenie hniezdovania súvisí s typom slovníka, čomu zodpovedajú aj teoretické východiská jeho koncepcie. Podporuje sa **autonómnosť spracovania hesla**, jeho sebestačnosť, ústretovosť k používateľovi, vlastnosti dôležité aj pre budúcu prezentáciu slovníka na internete. Cieľom viacväzbového výkladového slovníka slovenčiny je podávať podľa možnosti v heslových staciach vyvážené paradigmatické vlastnosti slov (forma, funkcia, sémantika, fakultatívne aj synonymá a opozitnosť) s tými údajmi, ktoré sú primárne syntagmatickej povahy, reprezentujú spájateľnosť (kolokácie) daného slova s inými slovami (Čermák 1992; Buzássyová 2000).

Okrem toho, v citovaných lexikologicky zameraných prácach posledných desaťročí (vypracovaných ešte bez možnosti opierať sa o bohatý materiál Slovenského národného korpusu) (Horecký – Buzássyová – Bosák a kol., 1989, s. 98 – 110; Nábělková 1993, najmä s. 157 n.) sa ukázalo, že vzťahové adjektíva, abstraktá s formantom *-ost'* a vlastnostné príslovky majú často bohatšiu, diferencovanejšiu významovú štruktúru, než aká vyplýva zo skráteného hniezdového spracovania.

Riešenie prijaté v SSSJ – spracúvanie odvodených slov v samostatných heslách s výkladom lexikálnych významov – je jedným z možných riešení. Iným spôsobom používaným v niektorých výkladových slovníkoch slovanských jazykov je napríklad uvádzanie abstraktných mien ako pomenovaní spredmetnených vlastností s formantom *-ost'* bez hniezdovania v osobitných heslách (lemmách), pričom namiesto výkladu sa podáva informácia „substantívum k adjektívu x“. Tým autori odkazujú na význam (významovú stavbu) tohto adjektíva a potom uvedú exemplifikačné doklady ako príklady významov, resp. kontextových použití daného odvodeného slova. Porov. napr. Толковый словарь русского языка конца XX в. (2000): „**Аполитичность...** Сущ. к *аполитичный*“ (s. 58) alebo štvorväzbový výkladový slovník Словарь русского языка (1981 – 1984): „**Дублетность...** Свойство по знач[ению] прил[агательного] *дублетный*“.

2.3. Lexikálny význam je komplexný obsah lexikálnej jednotky vyvolaný vo vedomí používateľov jazyka lexikálnou formou, výrazovou stránkou lexikálnej jednotky. Opis významu má charakter slovného spojenia – **perifrázy**, ktorá uvádza významové prvky nevyhnutné a dostatočné na identifikáciu predmetu, javu, procesu a pod. (porov. Jarošová – Buzássyová – Bosák 2006, s. 28 n.)². Pri opise lexikálneho významu abstraktnej lexiky,

² Termín **perifrása** sa prijal ako (metajazykový) prostriedok vhodný na opis lexikálneho významu v koncepcii SSSJ a v jej praktickej realizácii v zmysle blízkom výkladu tohto pojmu u F. Čermáka (1997, s. 272,

konkrétne vybraného výseku z množiny abstrákt – názvov vlastností s formantom *-ost'*, ako si ukážeme aj nižšie, sa používa súbor perifráz reflektujúcich modifikáciu základného významu vlastnosti: ráz (*českost'*), schopnosť (*adaptovatel'nost'*), charakter (*etapovitost'*) a ďalšie typy výkladov, pomocou ktorých sa dosahuje opis lexikálneho významu danej lexikálnej jednotky v jeho jedinečnosti, individuálnosti konkrétneho lexikálneho významu a zároveň sa ukazuje typová štruktúrna príbuznosť s inými formálne a významovo súvzťažnými jednotkami. V SSSJ sa prijala zásada (ako všeobecné pravidlo), že lexikálny význam heslových slov nevykladáme iba perifrázou ich slovtvorného významu, „neuchyľujeme sa“ len k slovtvornému významu. V koncepcii SSSJ (aj jej realizácii) ako lexikografického diela sa rešpektuje poznatok, že slovtvorný význam, aj keď je zdanlivo zhodný s lexikálnym významom, funguje vždy (povedané slovami J. Furdíka) „v službách“ komunikačne relevantného lexikálneho významu slova.

O „uchyľovaní sa lexikografov k slovtvornému významu“ hovorí M. Dokulil v súvisi s existenciou prípadov, „keď ekvivalencia medzi obidvoma významami, slovtvorným a lexikálnym významom, je taká zrejmá, že slovníky sa zvyčajne vôbec nepokúšajú o nejaké lexikografické vystihnutie významu, ale sa uchyľujú k slovtvornému významu“ (Dokulil 1997, s. 43; preklad K. B.). Tak to býva napr. pri individuálne privlastňovacích adjektívach typu *bratrův, sestřin*, pri názvoch vlastností typu *chytrost*, pri verbálnych substantívach atď. (Opatrnejšie, ale takisto zovšeobecňujúco sa vyjadril J. Furdík [1993, s. 49]: „Sémantická korešpondencia transpozíčných a modifikačných derivátov s príslušnými motivujúcimi slovami je v porovnaní s mutačnými derivátmi pevnejšia, nepodlieha tak skoro lexikalizácii, lexikálny význam sa trvalejšie stotožňuje so slovtvorným významom.“)

Perifrázy používané v SSSJ na opis (výklad) lexikálneho významu dosvedčujú už dávnejšie zistené derivatologické poznatky, či už v osobitných štúdiách, v monografických dielach, ako aj v syntetických gramatikách (gramatických opisoch), do ktorých sú začlenené aj oddiely venované slovtvorbe daného jazyka, okrem iného aj to, že lexikálny význam slova je spravidla bohatší ako jeho slovtvorný význam, že len čo je derivát utvorený a funguje v úze, rozvíja zo seba ďalšie významy (Mluvnice češtiny 1, 1986, s. 225). V bohemistike sa už od čias publikácie I. Němca (1968, s. 21 – 22) základné vzťahy medzi slovtvorným (štruktúrnym) a lexikálnym významom vystihujú logickými operáciami ekvivalencie (slovtvorný a lexikálny význam sa kryjú), inklúzie (lexikálny význam je zahŕňaný slovtvorným významom; ak chceme vystihnúť lexikálny význam, musíme štruktúrny význam zúžiť), prieniku (lexikálny význam si zachováva len niektoré prvky slovtvorného významu, iné má navyše). Známy, často používaný príklad: substantívum *stolár* je konateľským menom, jeho slovtvorný význam naznačuje „osobu, ktorá vyrába, zhotovuje stoly“, lexikálny význam je širší ako slovtvorný – „odborník, ktorý zhotovuje výrobky z dreva (nábytok, dvere a pod.)“. Kým v slovtvorných opisoch je základná optika bádateľov zameraná na slovtvornú rovinu jazyka, na jej základné jednotky a vý-

365): perifrása – explicitný opis významu niečoho, používaný často v lexikálnej definícii, a to namiesto priameho použitia názvu, jednoduchého pomenovania (preklad K. B.). Odlišné z hľadiska cieľa (i keď blízke z hľadiska výskumného účelu) je vymedzenie termínu parafrása – vyjadrenie vo forme slovného spojenia alebo vety, ktoré vysvetľuje slovtvorný význam: obsahuje motivant (vo väčšine prípadov vyjadrujúci onomaziologický príznak) a slovo, ktoré je ekvivalentom slovtvorného formantu (onomaziologickej bázy) (Furdík 2004, s. 60).

znamové prvky, ktoré tieto jednotky majú vďaka nadradeným útvarom (formáciám), opisy lexikálnych významov v SSSJ (vo výkladovom slovníku) pomocou perifráz sú bohatšie aj tým, že zóna výkladovej časti heslovej state obsahuje aj relevantné informácie o lexikálnych synonymách heslového slova alebo synonymné výrazy spĺňajú úlohu tzv. podporného synonyma vo výklade lexikálneho významu slova, napr.: **atypickosť** osobitý, nie bežný charakter prejavu, vzhľadu, riešenia, postojov, neštandardnosť: *a. ochorenia, a. interiéru, prostredia...* (Pri perifráze lexikálneho významu lexikálneho typu autori do výkladu názvu vlastnosti zapájajú vhodné heterolexémické synonymné výrazy. Perifrázy lexikálneho významu slovtvorného typu [pracovný názov] sa tvoria zo slovných spojení s rovnakokoreňovými výrazmi.)

2.4. Použitie pojmu **komplementárnosť** v názve nášho príspevku *Komplementárnosť slovtvorného významu pri výklade lexikálneho významu vo výkladovom slovníku* vyžaduje isté vysvetlenie. O komplementárnom vzťahu **komplexných jednotiek** slovtvorného systému píše J. Furdík v *Dynamike slovnej zásoby súčasnej slovenčiny* (1989, s. 30, 31), keď charakterizuje štyri základné funkcie, ktoré plní v slovnej zásobe slovtvorba ako celok a slovtvorná motivácia ako jej jadro (systemizačnú, adaptačnú, kondenzačnú a integračnú funkciu; bližšie porov. DSZSS 1989, s. 30 – 36). V rámci systemizačnej funkcie komplementárnosť existuje medzi všetkými komplexnými jednotkami slovtvorného systému, a to v takej podobe, že párovo súvzťažné sú na jednej strane slovtvorná kategória a jej podradený slovtvorný typ, na druhej strane slovtvorné hniezdo a jemu podradená slovtvorná paradigma (Земская 1978, s. 68). Pri odvodenom (motivovanom) slove ako jednotke slovtvorného systému je spravidla základnou úlohou určiť slovtvorný význam a doplňujúce sémantické príznaky, ktorými sa lexikálny význam odlišuje od slovtvorného významu. J. Furdík v posledných svojich prácach odôvodnil ternárnosť onomaziologickej štruktúry slovtvorne štruktúrovaných slov (Furdík 2004, s. 55). V ternárnej onomaziologickej štruktúre odvodeného slova onomaziologická báza – onomaziologický spoj – onomaziologický príznak je **sémantický dodatok** v podobe onomaziologického spoja, definovaný ako tá časť slovtvorného významu derivatému (základnej jednotky slovtvorného systému), ktorá nie je bezprostredne vyjadrená slovtvornou formou (slovtvorným základom a formantom). Čím viac sémantických príznakov absorbuje onomaziologický spoj v podobe sémantického dodatku tým väčší je nesúlad medzi slovtvorným a lexikálnym významom (Furdík 2004, s. 56). Onomaziologický spoj môže podľa autora poskytnúť východisko k sémantickému dodatku, vedúcemu k novému lexikálnemu významu slova. Napr. *Šofér prekročil povolenú rýchlosť* (= to, že niečo je rýchle); *Šofér zaradil tretiu rýchlosť* (= rýchlostný stupeň, hovor. mechanizmus na zaraďovanie rýchlostných stupňov).

Domnievame sa, že kvalifikovanie hodnotenia toho, čo nazveme dodatkom, prípadne komplementom niečoho, a čo pokladáme (v metajazyku a pri danom metodickom postupe) za základnú charakteristiku jazykového javu, ku ktorej sa niečo dodáva, je podmienené cieľom výskumu. Iná situácia môže byť vtedy, ak ide primárne o derivatologicky, slovtvorne zamerané dielo a aspekt slovtvorného systému, iná môže byť vtedy, keď ide o lexikografické dielo, o výkladový slovník slúžiaci cieľu podať podľa možnosti výstižné výklady lexikálnych významov jednotiek slovnej (lexikálnej) zásoby.

2.5. Pripomenieme si, že slovtvorný význam sa v rozličných teoretických koncepciách zhodne chápe ako zoskupenie sémantických prvkov na vyššom stupni abstrakcie,

ako je lexikálny význam. Často sa chápe ako zovšeobecnený štruktúrny význam slovotvorného typu (Улуханов 1977). Tým, že platí pre odvodené aj zložené slová, zaujíma stredovú pozíciu medzi gramatickým významom platným pre celý slovný druh a lexikálnym významom platným pre individuálnu lexikálnu jednotku (Furdík 2004, s. 53). Slovotvorný význam ako invariant možno pripísať nie jednotlivému slovu, ale istej formálnej štruktúre, napr. substantívny základ + *-čan* (desubstantívne obyvateľské názvy s príponou *-čan*).

Z hľadiska témy tohto nášho príspevku je závažná aj charakteristika, že slovotvorný význam je potenciálny, je to fakt jazykového systému (nie jeho normy), kým reálny lexikálny význam daného slova je faktom jazykovej normy opierajúcej sa o úzus (Mluvnice češtiny 1, 1986, s. 225). V systéme (lexém) má význam povahu invariantu s rozlične silnou potencialitou ďalších príznakov, o ktoré sa môže rozširovať (Čermák 1997, s. 272).

Lexikalizáciu možno chápať aspoň dvojako. Lexikalizácia ako pomalý diachronický proces, ktorý vedie až k úplnej demotivácii slova, teda aj k strate jeho slovotvorného významu. Vtedy sa slovo už chápe ako nemotivované, problematika vzťahu obidvoch významov, slovotvorného a lexikálneho, tu už nie je aktuálna, nemá tu miesto (Mluvnice češtiny 1, 1986, s. 226). Od typu nezhody medzi slovotvorným významom vyplývajúcim zo štruktúry slov a ich faktickým lexikálnym významom, ktorým je poznamenaných mnoho slov od počiatku ich utvorenia, sa svojim vznikom odlišuje ten typ, pri ktorom je nezhodnosť obidvoch významov dôsledkom procesu lexikalizácie ako ďalšieho samostatného vývoja lexikálnej jednotky. (V DSZSS, s. 101, hovoríme aj o lexikalizácii transpozičných derivátov uzualizáciou.) Ak je raz odvodené a motivované slovo v úze, pomaly pôsobí tendencia k jeho ďalšiemu sémantickému vývoju: k priamemu spojeniu lexikálneho významu a formy, ktoré môže viesť k zastretiu jeho motivovanosti. Za prejav ďalšieho samostatného vývoja abstraktných názvov vlastností môžeme pokladať sekundárnu konkretizáciu, ktorej výsledkom sú viaceré druhy polysémie. Spomeňme aspoň prípady: **drobnosť** 1. iba sg. vlastnosť toho, čo je drobné, malé: *d. postavy* 2. malá, drobná vec (často) bez veľkej ceny al. závažnosti; syn. maličkosť: *donesť dieťaťu d. ...* 3. krátka, drobná správa, krátky článok (v tlači); menší literárny útvar; syn. drobnička: *literárne drobnosti...* Druhý prípad (častý aj v iných slovanských jazykoch) predstavuje polysémia heslových statí (v zovšeobecnenej podobe) 1. vlastnosť a 2. prejav/prejavy tejto vlastnosti: **brutálnosť** 1. iba sg. vlastnosť toho, kto je násilný, neľudsky krutý al. čo je násilné, neľudsky kruté; syn. brutalita, surovosť, hrubosť: *hanebná, mimoriadna b. ...* 2. krutý, násilný, brutálny čin; syn. brutalita, surovosť: *dopúšťať sa brutálností; boje plné brutálností.*

3.1. Z hľadiska sledovanej komplementárnosti, možnej doplnujúcej úlohy slovotvorného významu (a slovotvornej perifrázy) k výkladu lexikálneho významu abstraktných mien vlastností pomocou (lexikálnej) perifrázy má z teoretického aspektu aj pre lexikografickú prezentáciu lexikálnych významov slovotvorne štruktúrovaných lexikálnych jednotiek hierarchicky závažné miesto slovnodruhový charakter motivujúcich adjektív, teda odovodenosť názvov vlastností s formantom *-osť* od **desubstantívnych** alebo **deverbatívnych adjektív**.

3.2. Uvádžame niekoľko príkladov zo SSSJ na typizované výklady lexikálneho významu abstrákt (typy výkladových lexikálnych perifráz) reflektujúcich modifikáciu základného významu vlastnosti (transpozičných derivátov) v podobe sémantických prvkov ráz,

charakter, stav, schopnosť a ďalšie. V slovníku sa tak ukazuje konkrétna podoba sémantickej korešpondencie názvov vlastností ako transpozičných derivátov s príslušnými motivujúcimi slovami ako neúplná zhodnosť lexikálneho významu motivujúceho adjektíva a motivátu (motivovaného substantíva).

3.2.1. Výklady heslových statí abstrákt označujúcich vlastnosti odvodené od mien etník, národov, svetadielov:

českosť český ráz niečoho; vlastnosť toho, čo je typicky české, typické pre Čechov: *č. hudby Bedřicha Smetanu...*

európskosť európsky ráz niečoho; spoločný znak, spoločná vlastnosť obyvateľov Európy, Európanov: *e. prozaika; smerovať k európskosti; vyzdvihovať svoju e.*

Sú to vzorové príklady spracovania ďalších analogických odvodených slov; reflektuje sa v nich motivácia adjektívami aj motivácia substantívami ako menami národa, príp. obyvateľa príslušného územia.

3.2.2.

fázovosť 1. vlastnosť toho, čo je fázové, čo sa uskutočňuje vo fázach: *f. tréningu, výcviku* 2. lingv. vlastnosť fázových slovies: *f. sloviess*

Abstraktné meno spredmetnenej vlastnosti *fázovosť* je príkladom derivátu, ktorý možno interpretovať tak, že vzťahový význam motivujúceho adjektíva sa prehodnotil na kvalifikačný význam charakteristickej vlastnosti a abstraktum s formantom *-osť* je späté s týmto významom. V obdobných derivátoch v ruštine vidí O. Jermakova (Ермакова 1972) rozštiepenie štruktúrnej a sémantickej motivácie: štruktúrna motivácia vzťahovým adjektívom, sémantická motivácia substantívom, lebo motivácia vzťahovým adjektívom sa vyznačuje tým, že prenecháva sémantickú motiváciu svojmu odvodzujúcemu slovu, teda substantívu. V perifráze opisujúcej lexikálny význam tohto abstrakta v SSSJ (porov. aj niektoré ďalšie príklady heslových slov nižšie) sa korešpondencia lexikálneho významu so slovotvorným významom tohto odvodeného slova reflektuje v dvojmotivačnosti týchto desubstantívnych názvov vlastností, a to alebo v perifráze jedného významu lexikálnej jednotky, alebo v perifráze zachytávajúcej významový odtienok. Takýto dvojmotivačný vzťah v perifráze významu lexikálnej jednotky je prítomný aj vo výkladoch abstrákt (s formantom *-osť*) odvodených od kvalifikačných adjektív s formantom *-ovitý*:

fraškovitosť 1. lit. vlastnosť toho, čo je fraškovité, čo pripomína frašku, dramatický útvar: *inscenácia sklízne v niektorých momentoch do fraškovitosti...* 2. expr. vlastnosť toho, čo je fraškovité, čo má tragikomický charakter: *paródia na f. okolitého sveta...*

Ovodenosť od adjektív s rovnakou formálnou schémou majú často abstraktá ako termíny a iné odborné názvy ako názvy spredmetnených vlastností, ktoré majú svoju (vlastnú) definíciu terminologického významu:

etážovitosť odb. horizontálne členenie vrstiev, rovín: les. *e. lesa; e. vegetácie*

Rovnakú formálnu slovotvornú štruktúru má abstraktné meno *hádankovitosť* odvodené od desubstantívneho kvalifikačného adjektíva *hádankovitý* s významom podobnosti. Kým napríklad lexikálny význam adjektíva *bochníkovitý* sa vykladá perifrázou „majúci tvar bochníka, pripomínajúci bochník: *b. hlúbik*“, v lexikálnom význame adjektíva *hádankovitý* sa prejavuje rozdiel spôsobený individuálnym významom motivujúceho slova *hádanka*; prejavuje sa tu posun k metaforickosti, ktorý je zvyraznene predstavený a opísaný v perifráze významu abstrakta ako ďalšieho derivátu:

hádankovitost' hádankový, záhadný, nezrozumiteľný ráz, charakter niečoho; vlastnosť toho, čo je nepoznané, nejasné, tajomné, nejasnosť: *hovorilo sa o nezrozumiteľnosti, hádankovitosti týchto básní...*

hádankovitý majúci charakter hádanky, niečoho nepoznaného, záhadného, hádankový: *hádankovité vyjadrovanie...*

(Poznámka: Heslá písmena H boli koncipované pôvodne do prvého zväzku slovníka, ale presunuli sa do 2. zväzku SSSJ.)

M. Nábělková (1993, s. 157 n.) popri vzťahových adjektívach a ich významových modifikáciách venovala osobitnú pozornosť aj typovým kvalifikačným významom pri primárne vzťahových adjektívach (významu charakteristickej vlastnosti; významu podobnosti – similačný, metaforický význam). Aj v diele *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny* (1989, s. 177) autorka poukazuje na existenciu synonymických skupín adjektív, ktorá dáva v konkrétnej situácii a v istých kontextoch možnosť výberu medzi adjektívom s implicitným vyjadrením podobnosti všeobecným vzťahovým adjektívom s formantom *-ový* a adjektívom s explicitným vyjadrením toho istého významu adjektívom s formantom *-ovitý*, napr. *trojuholníkový* – *trojuholníkovitý* (tvar).

3.2.3. Ak má desubstantívne adjektívum vzťahový aj kvalifikačný význam, abstraktný význam vlastnosti je motivovaný týmto kvalifikačným významom:

domácky 1. typický pre domácnosť, v domácnosti pripravený, vyrobený, vykonávaný, používaný; syn. domáci: *d. priemysel; domácke remeslá; domácka výroba kobercov* op. sériová, továrenská... 2. typický pre domov, majúci príjemný, prirodzený ráz ako doma; svedčiaci o tom: *domácke prostredie, ovzdušie; domácka pohoda...*

domáckosť príjemný, bezprostredný, domácky ráz, charakter niečoho: *d. prostredia; d. chaty, hotelovej izby...*

3.3. Typy výkladov abstraktných názvov vlastností, ktoré sú motivované deverbatívnymi adjektívami. Zároveň nimi ilustrujeme polysémiu lexikálneho významu týchto lexikálnych jednotiek.

3.3.1.

dômyselnosť 1. schopnosť bystro, pohotovo, originálne al. vynachádzavo rozmýšľať; syn. dôvtip, vynachádzavosť: *prejaviť svoju d.* 2. vlastnosť toho, čo je dômyselné, dôvtipne urobené: *d. zariadenia, prístroja, hračky; d. riešenia*

Význam vlastnosti môže byť modifikovaný príznakmi možnosť aj schopnosť, pričom v perifrázach sa zrkadlí aktívna aj pasívna vetná perspektíva východiskového slovesa ako motivanta adjektíva:

3.3.2.

dokázateľnosť 1. možnosť byť dokázaný, doložený dôkazmi: *d. poučky; odmietat' d. obvinenia* 2. schopnosť dokázať prítomnosť niečoho: *d. niektorých návykových látok bežnými laboratórnymi postupmi* [Pd 1995]...

hmatateľnosť 1. možnosť vnímať hmatom; možnosť byť vnímaný hmatom: *kontrolovať h. pulzu; dobrá h. pečene* 2. vlastnosť toho, čo možno hneď vidieť, vnímať; syn. zreteľnosť, presvedčivosť: *h. dôkazov; h. sveta; Zmyslový obraz stráca svoju hmatateľnosť a mení sa na schému.* [KŽ 1956]

Aj v uvedenom druhom príklade druhý význam predstavuje metaforický posun vyjadrenej vlastnosti oproti konkrétnemu slovesu zmyslového vnímania (hmatať → [hneď] vidieť, vnímať).

3.3.3. Adjektivizáciou pasívnych prídavných sú motivované abstraktá s významom stavu: **dotknutosť** stav toho, kto sa urazí; syn. urazenosť: *Slová sa nútli do láskavého dohovárania, ale škripala v nich dotknutosť*. [E. Gašparová]

Modifikáciu základného významu vlastnosti abstraktných názvov s formantom *-osť* príznakom *stav* predstavujú v SSSJ aj abstraktá, ako je napr. *bezprávnosť* so slovtvorným významom „(stav) bez práva“. V riešení heslovej state a perifráz opisujúcich lexikálne významy tejto lexikálnej jednotky, ktoré sa prijalo v SSSJ, sa ukazuje, že toto odvodené (motivované) slovo v súčasnom úze prešlo procesom lexikalizácie ako ďalšieho sémantického vývinu. Výsledok reflektuje fungovanie tohto pomenovania v súčasnej komunikácii a v kontextoch, ktoré mu dodávajú nasledujúci (lexikalizovaný) význam, resp. významy:

bezprávnosť 1. hrubé a trvalé porušovanie ústavy a zákonov predstaviteľmi moci; syn. bezprávie, nezákonnosť: *politická, feudálna b.; bojovať proti bezprávnosti...* 2. prejav bezprávneho konania, nezákonnosti: *b. vyvlastnenia pozemkov...*

3.3.4. Lexikálny význam abstrakt odvođených od prevzatých adjektív (internacionalizmov), či už ide o užšie odborné názvy, alebo o výrazy používané aj vo všeobecnej slovnej zásobe, vykladá sa pomocou slovných spojení so známejšími domácimi výrazmi. Auto-nómnosť, sebestačnosť ilustruje spracovanie hesla *hermetickosť*:

hermetickosť 1. i tech. vlastnosť niečoho hermetického, veľmi tesne uzavretého, nepriepustnosť, nepriedušnosť, vzduchotesnosť: *prekontrolovať h. odevu; h. závitových medzier; spoľahlivá h. medzi sklami okna...* 2. kniž. izolovanosť od druhých: *h. modernej poézie; h. mikrosвета bohatých*

Záver

Cieľom nášho príspevku bolo ukázať a na niekoľkých vybraných príkladoch ilustrovať, akým spôsobom postupujú autori vypracúvaného viacväzkového výkladového *Slovníka súčasného slovenského jazyka* pri výkladoch lexikálneho významu abstraktných názvov vlastností primárne zaradovaných medzi odvodené slová transpozičného typu derivácie. Príspevok je osobitne zameraný na to, akými rozličnými spôsobmi sa v perifrázach opisujúcich a objasňujúcich lexikálny význam danej lexikálnej jednotky uplatňuje jej slovtvorný význam, teda v príslušných perifrázach motivujúce slová daného významu vlastnosti alebo jeho modifikácií, prípadne aj viacero motivácií (dvojmotivačnosť). Vo všeobecnosti sme túto úlohu charakterizovali ako komplementárnosť, komplementárnu úlohu slovtvorného významu pri výklade lexikálneho významu (vo výkladovom slovníku).

Ukázali sme, že

- aj keď je ekvivalencia medzi slovtvorným a lexikálnym významom zrejmalá, perifrása lexikálneho významu v SSSJ vždy obsahuje sémantické prvky navyše; jednou zo zásad koncepcie SSSJ a jej realizácie je nevykladať lexikálny význam slova iba perifrázou (parafrázou) jeho slovtvorného významu (fázovosť);
- v slovenskom jazyku sa potvrdzuje, že v systemizácii lexikálnej zásoby slovanských jazykov má výraznú úlohu slovtvorná motivácia; aj náš ilustratívny materiál dokazuje, že medzi motiváciou a zavŕšeným procesom lexikalizácie (lexikalizáciou) ako dvoma pólmi existuje pomerne široké prechodné pásmo;
- doplnujúca (komplementárna) rola slovtvorného významu, resp. jeho prvkov je lexikograficky stvárnená: a) v podobe významového odtienka po bodkočiarku za ostatnými

zložkami perifrázy lexikálneho významu alebo pred nimi (perifráza lexikálneho a slovotvorného významu sa kombinujú v perifráze jednej lexie); b) slovotvorný význam sa realizuje ako samostatný číslovaný význam viacvýznamovej lexikálnej jednotky;

- voľba medzi a) a b) závisí od stupňa lexikalizácie odvodzovanej od frekventovanosti, výskytu daného významu v kontextoch korpusového materiálu;
- ilustratívny materiál ukazuje, že autori SSSJ vykladajú lexikálny význam pomocou perifráz tak, že vychádzajú z úrovne bežného, nie vedeckého poznania mimojazykovej skutočnosti (k tomu smeruje aj úsilie o autonómnosť heslovej state, porov. heslo *hermetickosť*).

V príspevku sme z priestorových dôvodov obišli podrobnejšiu špecifikáciu abstraktných názvov vlastností, vyplývajúcu z dynamiky (vývinovej aj synchronnej) týchto názvov. Nedotkli sme sa ani v slovenčine bohato zastúpených vzťahov synonymity medzi abstraktnými názvami s domácimi a internacionálnymi základmi a formantmi, najmä konkurencie útvarov s formantmi *-ost/-ita*, ktorá je v slovenčine zastúpená bohatšie ako v iných slovanských jazykoch (napr. v ruštine alebo v poľštine).

Literatúra

- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Názvy deja a názvy vlastností v transpozicnej a nominačnej funkcii. In: Jazykovedný časopis, 1982, roč. 33, č. 1, s. 21 – 35.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Názvy vlastností a dynamické tendencie v ich tvorení. In: HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda 1989, s. 103 – 110. ISBN 80-224-0047-5.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Syntagmatická a paradigmatická dimenzia lexikálnych jednotiek vo výkladových slovníkoch (na príklade spracovania abstrákt). In: Nová slovní zásoba ve výkladových slovníkách. Sborník příspěvků z konference. Praha, 31. 10. – 1. 11. 2000. Red. O. Martinová – J. Světlá. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky 2000, s. 9 – 19. ISBN 80-86496-00-7.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára – JAROŠOVÁ, Alexandra (Eds.): Slovník současného slovenského jazyka A – G. [1. zv.]. Bratislava: Veda 2006. 1134 s. ISBN 80-224-0932-4.
- ČERMÁK, František: Paradigmatika a syntagmatika slovníku: problémy a možnosti. In: Slovo a slovesnost, 1992, roč. 53, č. 2, s. 249 – 264.
- ČERMÁK, František: Jazyk a jazykověda. Přehled a slovníky. Praha: Pražská imaginace 1997. 460 s. ISBN 80-7110-183-4.
- DOKULIL, Miloš: Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd 1962. 264 s.
- DOKULIL, Miloš: K otázce prediktability lexikálního významu slovotvorně motivovaného slova. In: Slovo a slovesnost, 1978, roč. 39, s. 244 – 251. – Znovu publikované in: Obsah – Výraz – Význam. 1. Výbor z lingvistického díla Miloše Dokulila. Miloši Dokulilovi k 85. narozeninám. Red. O. Uličný. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy 1997, s. 41 – 50. ISBN 80-85899-37-X.
- FURDÍK, Juraj: K sémantickej a komunikačnej funkcii slovotvornej motivácie. In: Československé příspěvky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů (Záhřeb 1978). Red. B. Havránek – J. Poulik. Praha: Ústav pro českou a světovou literaturu ČSAV 1978, s. 77 – 87. – Znovu publikované in: FURDÍK, Juraj: Slovotvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča: Modrý Peter 1993, s. 44 – 51. ISBN 80-85515-03-2.

- FURDÍK, Juraj: Úloha slovotvornej motivácie v lexikálnej dynamike. In: HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda 1989, s. 28 – 38. ISBN 80-224-0047-5.
- FURDÍK, Juraj: Synergická povaha slovotvornej motivácie. In: Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung/Новые пути изучения словообразования славянских языков. 2. Tagung der Internationalen Kommission für slavische Wortbildung, Magdeburg 9. – 11. 10. 1997. Ed. R. Belentschikow. Frankfurt a. M.: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften 1999, s. 73 – 82. ISBN 3-631-34528-3.
- FURDÍK, Juraj: Slovenská slovotvorba (Teória, opis, cvičenia). Ed. M. Ološtiak. Prešov: Náuka 2004. 220 s. ISBN 80-89038-28-X.
- HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda 1989. 436 s. ISBN 80-224-0047-5.
- JAROŠOVÁ, Alexandra – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján: Východiská a zásady spracovania slovníka. In: BUZÁSSYOVÁ, Klára – JAROŠOVÁ, Alexandra (Eds.): Slovník súčasného slovenského jazyka A – G. [1. zv.]. Bratislava: Veda 2006, s. 13 – 47. ISBN 80-224-0932-4.
- Krátky slovník slovenského jazyka. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková. 3., doplnené a prepracované vyd. pripravili J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. Bratislava: Veda 1997. 943 s. ISBN 80-224-0464-0.
- MISTRÍK, Jozef: Frekvencia slov v slovenčine. Bratislava: Vydavateľstvo SAV 1969. 726 s.
- Mluvnice češtiny. 1. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov. Red. J. Petr. Praha: Academia 1986. 568 s.
- NÁBĚLKOVÁ, Mira: Potencie a smery pohybů v adjektívnej lexike. In: HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda 1989, s. 169 – 179. ISBN 80-224-0047-5.
- NÁBĚLKOVÁ, Mira: Vzťahové adjektíva v slovenčine. Bratislava: Veda 1993. 204 s. ISBN 80-224-0352-0.
- NĚMEC, Igor: Vývojové postupy české slovní zásoby. Praha: Nakladatelství ČSAV 1968, s. 21 – 22.
- ЕРМАКОВА, Ольга П.: О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова. In: Актуальные проблемы русского словообразования. 1. Самарканд: Издательство Самаркандского университета 1972, s. 68 – 72.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: О парадигматических отношениях в словообразовании. In: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградские чтения 1 – 8. Ред. Н. И. Шведова. Москва: Наука 1978, s. 63 – 77.
- Словарь русского языка. В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Ред. А. П. Евгеньева. Москва: Русский язык 1981 – 1984.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Ред. Г. Н. Складаревская. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс 2000. 700 s. ISBN 5-7827-0100-X.
- УЛУХАНОВ, Игорь С.: Словообразовательная семантика в русском языке. Москва: Наука 1977. 256 s.
- PhDr. Klára Buzássyová, CSc.
 Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied, Panská 26, SK-81364
 Bratislava 1, Slovensko
 e-mail: klarab@juls.savba.sk

Мотивированность деривата: экспликаты категориального словообразовательного значения существительных на *-stwo*

Елена И. Коряковцева

В славянской дериватологии абстрактные существительные с суффиксом *-stvo/-stwo/-ství* – одна из наиболее изученных групп слов. Проблема словообразовательного статуса этих существительных занимала многих ученых. В работах Я. Горещкого (Horecký 1959, 1971) и Е. А. Земской (1992) отвлеченные существительные с суффиксами *-stvo, -stwo*, называющие род деятельности лица, рассматриваются в тех разделах, где анализируются имена со значением отвлеченного свойства. В работах В. Дорошевского (см., например, Doroszewski 1962) отсубстантивные существительные на *-stwo* типа *chuligaństwo*, как и существительные на *-ość* типа *śmiałość*, характеризуются как *nomina essendi*, отличные от *nomina qualitatis*. В работах Я. Пузыниной отсубстантивные существительные с формантом *-stwo* рассматриваются при анализе категорий *nomina actionis, nomina essendi* и т. н. «отрицательно-мутационных дериватов» («*ujemno-mutacyjnych derywatów*»; см., например, Puzynina 1978). В последнем издании «*Gramatyki współczesnego języka polskiego*» (1999, с. 376–377) существительные типа *chamstwo, fryzjerstwo* охарактеризованы как абстрагирующие дериваты (*derywaty uabstrakcyjniające*). Я. Самбор описала польские отсубстантивные имена на *-stwo* в рамках категорий *nomina actionis* и *nomina essendi*, поместив между ними также переходную категорию существительных с синкретичными значениями (Sambor 1975). К. Бузашиова выделила четыре семантические категории словацких существительных с формантом *-stvo*: имена действия, имена свойства, имена состояния, имена с синкретичным значением «действие – свойство» (Bosák – Buzássyová 1985). Русские отсубстантивные существительные с формантом *-stwo* в (Коряковцева 1998) были описаны в рамках категории *nomina actionis*, причем в словообразовательный тип личное существительное + *-ств(о)* со значением «действие, совершаемое лицом, названным мотивирующим словом» были включены подтипы с частными словообразовательными значениями «занятие, деятельность лица», «должность, обязанности лица», «поведение лица», «поступок лица». К категории *nomina actionis* были отнесены также отыменные существительные на *-stwo* со значениями состояния, состояния-свойства и действия-качества.

В заключении к своей фундаментальной работе об именах с формантом *-stvo* К. Бузашиова указала на необходимость описания их словообразовательных значений с позиций функционирования в тексте: «В результате такого исследования станет ясно, в какой мере эти дериваты способны выполнять транспозиционную синтаксическую функцию» (Bosák – Buzássyová 1985, с. 117; перевод мой. – Е. К.). Разделяя эту точку зрения, подчеркнем, что наблюдение над поведением деривата в тексте помогает выявить скрытые компоненты значения и, следовательно, анализ семантико-синтаксиче-

ских позиций деривата во внешнем контексте позволяет точнее определить индивидуальное и категориальное словообразовательное значение деривата.

Известно, что конструирование словообразовательных парафраз и перифраз для дериватов осуществляется дериватологами по-разному (см. об этом, например, Honowska 1979, с. 28–30). Это может быть операция интерпретации, «перевода» данного деривата с помощью выражения, включающего в свой состав однокоренное слово, передающее более простое понятие. Парафразирование может сводиться к конструированию эквивалентной, но более аналитической поверхностной структуры, «конкурирующей» с анализируемым дериватом. Можно считать парафразирование начальным этапом трансформационных преобразований, своеобразным механизмом мыслительной операции, которая предшествует возникновению новых дериватов, и в соответствии с таким пониманием техники парафразирования в состав парафразы должны быть включены все возможные ассоциативные языковые элементы, синтез которых способствует возникновению деривата. Очевидно, что различие техник парафразирования может привести – и приводит – к различным результатам словообразовательного анализа. Не исключено, что различная словообразовательная трактовка отыменных абстрактных существительных с формантом *-ство*, типа *актерство*, *хулиганство*, *коварство*, обусловлена в определенной степени различием техник парафразирования, используемых разными исследователями.

Верифицировать результаты словообразовательного парафразирования дериватов с «нестабильным» категориальным статусом можно, в первую очередь, путем наблюдения над их функционированием во внешнем контексте. Избегая субъективности, необходимо, на наш взгляд, анализировать прежде всего естественные контексты употребления, являющиеся объективным отражением результатов речемыслительной деятельности носителей языка в условиях естественной коммуникации.

В обследованных нами «естественных контекстах» отыменные существительные с финалью *-ство* находятся в таких семантико-синтаксических позициях, которые содержат следующие экспликаты их словообразовательного значения: а) мотиватор, б) ряд одноструктурных слов с идентичным или синонимичным формантом, в) лексико-грамматические указатели, которые позволяют определить категориальный статус дериватов. Выявлены также синтаксические функции отыменных существительных с финалью *-ство*, способствующие актуализации их категориального словообразовательного значения.

1. Семантико-синтаксические позиции, содержащие мотиватор

1.1. Из 130 существительных на *-ничество*, зафиксированных в лексикографических материалах XX века, 96 могут быть соотнесены с глаголами и существительными. У большинства слов на *-ничество* актуализация глагольной или именной мотивации всегда обусловлена нахождением в одном контексте с именем на *-ничество* однокоренного глагола или личного существительного. Например: «Редкий день обходился без *мошенничества*. *Мошенничали* и купцы, продававшие нам олифу, и подрядчики» (Чехов, «Моя жизнь»; САН-IV, т. 2, с. 306); «Бледное лицо говорило о его *постничестве*, и он действительно был великий *постник*» (Мельников-Печерский, «Очерки поповщины», I, 5; САН-17, т. 10, с. 1544).

В приведенных выше контекстах глагол и личное существительное находятся в прямом контакте со словами на *-ничество* и потому воспринимаются как сильные сигналы их производности, как сильные экспликации мотивированности. Мотивация личными существительными на *-ник* актуализирует в лексических значениях слов на *-ничество* следующие дифференциальные семантические признаки: а) «поведение» (*двурушничество, шкурничество...*), б) «занятие» (*бортничество, кожевничество, сапожничество, шорничество...*), в) «образ жизни» (*подвижничество, постничество, пустынноничество...*), г) «должность» (*наместничество*). Глагольная мотивация актуализирует в лексических значениях слов на *-ничество* интегральную процессуальную сему, обуславливая употребление этих существительных в расширенном значении отвлеченного действия.

1.2. Во внешнем контексте мотиватор и мотиват могут находиться в дистантной сверхфразовой связи, при этом предложение, в котором находится мотиватор, может быть подобно либо словообразовательной парафразе, либо словообразовательной перифразе («сильная» экспликация мотивированности).

Если предложение, в котором находится мотиватор, подобно словообразовательной парафразе, то, как правило, значение мотиватора полностью входит в значение мотивированного слова (полная прямая мотивированность). Ср. в приводимом контексте *точечник/точки, точечник/точечничество*: «Нас называют *точечниками*. На самом же деле наша эстетика очень далека от эстетики тех, кто смешивает краски на палитре и покрывает холст *точками*, от *точечничества*» (Шервашидзе – Сёра; см. Лексика... 1981, с. 228). Приведенный контекст, включающий в себя сильные экспликации – мотивирующие слова *точки, точечник*, дает возможность сформулировать дефиницию для слова *точечничество* следующим образом – «техника (т. е. образ, способ действия), которой пользуются художники, покрывая холст *точками*». Ср. также: «Карпухин осваивал профессию, которая называется пока ещё неудобным словом *дизайнер*. Работая, Карпухин отмечал про себя, что председатель *дизайнерство* любит» (Л. Лиходеев, «Я и мой автомобиль» // «Новый мир», 1972, № 2). Из контекста ясно, что *дизайнерство* – это «профессия, деятельность дизайнера».

Если предложение, в котором находится мотиватор, подобно словообразовательной перифразе, то значение мотиватора частично включается в значение мотивированного слова на *-ство*, формируя периферийные ассоциативные семы. Ассоциативная или частичная мотивированность свидетельствует об идиоматичном, нерегулярном типе словообразовательного значения деривата, например, «поведение, ассоциирующееся с поведением того, кто назван мотиватором». Ср.: «Раздражает её *отличничество* и всезнайство. Ей всё так же безумно хочется быть первой, лучшей, словно она всё та же пятиклассница-*отличница*, а не среднестатистическая домохозяйка» (из разговора) = раздражает то, что она *ведет себя как отличница*.

2. Семантико-синтаксические позиции, содержащие ряд одноструктурных слов с идентичным или синонимичным формантом

Актуализации общекатегориального значения отвлеченного действия у отсубстантивных существительных на *-ство* способствует их вхождение в ряд однородных членов – одноструктурных отглагольных имен действия с суффиксом *-ство*

и синонимичным суффиксом *-ние*: «Я твердо уверен, что во время службы за ним водились и *взятничество*, и *вымогательство*, и *превышение* власти, и другие поступки» (Куприн, «Как я был актером»; САН-IV, т. 1, с. 171). (В ряду однородных членов употреблено существительное *поступок*, эксплицитно передающее значение «недлительная деятельность»; опосредствованная корреляция с лексемой *поступок* эксплицирует и актуализирует процессуальное значение деривата *взятничество*.)

Употребление же отсубстантивных и отадективных существительных на *-ство* в ряду однородных членов, называющих отвлеченное качество (свойство), с формантом, типичным для *nomina qualitatis*, свидетельствует о контекстуальной актуализации качественных сем в значениях отыменных существительных на *-ство*, ср.: «Многочисленные легенды приписывают им... всяческие недостатки: *скудость*, *ограниченность*, *занудство*» («Журналист», 1974, № 11); «Нашему герою органически чужды какое-либо „*суперменство*“, *индивидуализм*, *всезнание*, *жестокость* – *черты*, которые прославляют и утверждают буржуазные поставщики массовой литературы...» («Литературная газета», 1976, № 3). (Качественное значение существительного *суперменство* полнее раскрывается благодаря опосредствованной корреляции с лексемой *черта*, эксплицитно передающей значение «свойство, качество».) Согласование с определением, выраженным качественно-оценочным прилагательным, может актуализировать качественную сему в значении существительного на *-ство*, ср.: «*бездущное суперменство*» («Литературная газета», 1973, № 20), «*низкое суперменство*» («Комсомольская правда», 10.03.1973); «*унылое строчкогонство*» («Журналист», 1973, № 5), «*расчетливое строчкогонство*», «*самовлюбленное графоманство*» («Литературная газета», 1973, № 24).

«Размытость», синкретизм значений существительных на *-ство* «усиливается» контекстами, в которых отсутствуют мотиваторы или однородные с ними члены предложения – слова с синонимическими формантами, обладающие четким категориальным значением. В таких контекстах существительные на *-ничество* могут быть соотнесены как с личным существительным, так и с глаголом. Например, в САН-IV слово *фокусничество* толкуется как «действие по значению глагола *фокусничать*». Приводится контекст: «Старинный водевиль требовал от учеников известных навыков акробатики, клоунады и *фокусничества*» (Ходотов, «Близкое-далекое»). В САН-17 слово *фокусничество* зафиксировано в том же контексте, но толкование дается иное: «занятие, искусство *фокусника*», т. е. «того, кто показывает фокусы».

3. Семантико-синтаксические позиции, содержащие лексико-грамматические указатели, типичные для дериватов, входящих в определенную семантико-словообразовательную категорию)

Известно, что для имен действия является типовым следующий набор семантических признаков: 1. процессуальность, 2. субъектность, 3. объектность, 4. локальность, 5. темпоральность, 6. контролируемость/неконтролируемость, 7. характер действия, 8. целенаправленность, 9. результативность (Вакарюк 1985). Предполагается, что эти признаки могут варьироваться в семантике имен действия различных типов.

3.1. В результате анализа большого числа контекстов с отглагольными именами действия установлено, что процессуальная сема в их значениях актуализируется

в сочетаниях этих имен с глаголами следующих лексико-семантических групп (см. Кузнецова – Сиверина 1979):

I. Глаголами, указывающими на фазовость процесса (с оттенком совершения процесса кем-либо): 1. начинательность (*заняться, начать, приступить, развернуть, развертывать...*); 2. продолжение (*продолжить, продлевать, удлинить...*); 3. совершение процесса, с оттенком длительности (*вести, заниматься, проводить, проделывать, производить*); 4. окончание (*бросить, забросить, завершить, закончить, замять, запустить, прекратить, срывать...*).

II. Глаголами, указывающими на совершение процесса, без оттенка совершения процесса кем-либо: 1. со значением начинательности (*начинаться, развертываться...*); 2. со значением продолжения (*идти, пойти, протекать, проходить, совершаться...*); 3. со значением окончания (*завершаться, кончаться, оборваться, останавливаться, прекращаться...*).

III. Глаголами, указывающими на передачу или приобретение навыка (*научиться, научить, натренировать, натренироваться, учить*).

IV. Глаголами, указывающими на изменение характера протекания процесса: 1. со значением интенсивности протекания процесса (*активизировать, интенсифицировать, стимулировать, убыстрить, ускорить*); 2. со значением ослабления интенсивности протекания процесса (*замедлить, затруднить, отсрочить, тормозить*).

V. Глаголами со значением воздействия на субъект с целью привлечения его к совершению процесса или устранения от совершения процесса: 1. со значением вовлечения (*вовлечь, воодушевить на, втянуть, втравить...*); 2. со значением отстранения (*отвлекать, отстранять, удержать*); 3. со значением разрешения на совершение процесса (*дозволять, допускать, позволять, разрешать*); 4. со значением запрещения совершения процесса (*возбранять, воспретить, запретить*).

VI. Глаголами со значением противодействия совершению процесса (*воспрепятствовать, мешать, помешать, сдерживать...*).

VII. Глаголами, указывающими на уклонение от совершения процесса (*воздерживаться, избегать, отговориться, самоустраниться...*).

VIII. Глаголами, указывающими на преднамеренность в совершении процесса (*запланировать, наметить, планировать, предполагать*).

IX. Глаголами со значением сообщения процессу организованного характера (*координировать, согласовывать, увязать, упорядочить...*).

Словообразовательные типы отглагольных имен действия составляют ядро, центр семантико-словообразовательной категории *nomina actionis*, поэтому «общекатегориальными» признаются семантико-синтаксические свойства отглагольных имен действия. Статус имени действия может быть «присвоен» производному (мотивированному) существительному только при наличии этих свойств.

Процессуальность отсубстантивных существительных на *-ство* со значениями «занятие, деятельность лица», «должность, обязанности лица», «поведение лица», «поступок лица» подтверждается их лексико-синтаксической сочетаемостью, хотя они могут сочетаться со значительно меньшим числом лексико-грамматических указателей, чем типичные *nomina actionis* – отглагольные имена с формантом *-ние*. Во внешних контекстах процессуальная сема в лексических значениях отсубстан-

тивных существительных на *-ство* эксплицируется в следующих синтаксических условиях:

1. при сочетании с фазовыми глаголами: «Тетка встретила его приветливо, с чувством благодарности за то, что он решился для нее *покинуть* свое *затворничество*» (Гончаров, «Обыкновенная история»; САН-IV, т. 1); «*Ученичество* кончилось для него и для Виктора и неожиданно и слишком рано» (Горбатов, «Донбасс»; САН-IV, т. 4); «Он *продолжал заниматься строчкогонством*» («Журналист», 1973, № 1).

2. при сочетании с глаголами со значением воздействия на субъект с целью привлечения его к совершению процесса или устранения от совершения процесса: «Будет, наконец, *положен конец шабашничеству*» («Советская Россия», 27.02.1974); «Необходимо *организовать надомничество*» («Правда», 17.09.1969); «Это не что иное, как стремление определенных кругов на Западе *приспособить* атлантическое *партнерство* к меняющимся условиям наших дней» («Неделя», 1975, № 22).

3. «Кто же *откажется от депутатства?*» («Известия», 16.03.2004, с. 2), ср.: «...не глупо ли я поступил, *отказавшись от делегатства?*» (П. И. Чайковский – Н. Ф. фон Мекк от 13.01.1878, Сан-Ремо // Полное собрание сочинений, т. 7, с. 18); «Мог бы М. Евдокимов *отказаться от губернаторства?*» («Известия», 16.03.2004, с. 2).

Степень процессуальности отадективных существительных на *-ство* ниже, чем у отсубстантивных дериватов с тем же формантом. Процессуальная сема в значениях отадективных имен на *-ство* актуализируется в сочетаниях: 1. с фазовыми глаголами («Когда же *закончится* это *занудство?*» – из разговора); 2. в сочетаниях с глаголами со значением устранения от совершения процесса [«Кто же *положит* *конец* телевизионному *распутству?*» – из письма читателя («Труд-7», 16.05.2002, с. 24)].

Значение состояния у отадективных существительных на *-ство* эксплицируется при сочетании с глаголами *жить* (в), *впасть* (в), *приходить* (в), например: «...он *приходил в бешенство* и тогда начинал бить посуду, ломать мебель» (Новиков-Прибой, «Цусима», кн. 1., «Под андреевским флагом», VIII, 2; САН-17, т. 1, с. 447); «*Живут в пьянстве, в распутстве...*» («Труд-7», 18.04.2004).

4. Синтаксическая функция деривата как актуализатор его общекатегориального значения

Показателем процессуальности отглагольного существительного является его способность занимать синтаксическую позицию обстоятельства времени, цели, средства, причины действия. В этой позиции имена, образованные от переходных глаголов, сохраняют значения действия и процесса даже при отсутствии объектного распространителя (см. Шелихова 1985; Космарская 1989). О процессуальности отсубстантивных существительных с формантом *-ство* свидетельствуют следующие синтаксические функции и позиции:

1. функция обстоятельства времени, которое сочетается со словами, указывающими на определенную фазу действия, состояния, процесса: «Президент Путин *в ходе своего первого президентства*, действительно, сумел вывести страну из хаоса» («Известия», 26.02.2004, с. 4);

2. позиция в составе словосочетаний со словами, указывающими на время: «...*недолгие годы тренерства*» («Огонек», 1980, № 52, с. 26); «В то же время *в годы ген-*

секства узурпатора Горбачева вы пострадали из-за гражданского неповиновения антиалкогольной кампании...» («Московская правда», 31.03.1993); «Надо успокоиться, собраться с духом и пережить *время выпускничества*» («Труд-7», 16.05.2002, с. 21);

3. позиция, в которой к имени на *-ство* примыкает обстоятельство места: «О институте *президентства в России* писалось немало» («Известия», 26.02.2004, с. 4);

4. позиция, в которой имя на *-ство* управляет родительным падежом объекта и субъекта, творительным объекта: «Положение усугубляется *партнерством сил империализма*» («Известия», 02.12.1980); «назойливое *управленчество искусством*» («Огонек», 1980, № 47, с. 8).

Способность существительных на *-ничество*, *-тельство* управлять родительным и творительным падежом объекта, а также родительным субъекта свидетельствует об актуализации глагольной мотивации и употреблении существительного на *-ство* в общекатегориальном значении действия, отвлеченного от его носителя, при нейтрализации подчиненных, видовых частнокатегориальных значений поведения, занятия, образа жизни лица. Например: «*Шабашиничеству строителей* способствуют руководители и отдельные люди, которые платят за выполнение работы в тридорога» («Литературная газета», 1971, № 42); «*Вредительство буржуазной интеллигенции* есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма» (Сталин, «О правом уклоне в ВКП(б)»; САН-17, т. 2, с. 800); «...отказ сената утверждал это бессмысленное *мучительство над невинной Масловой*» (Толстой, «Воскресение»; САН-17, т. 6, с. 1400).

5. Подводя итоги своего исследования, К. Бузашиова сформулировала вопрос, который и ныне остается актуальным (ср. Buzássyová 2000): «Способны ли отыменные дериваты с формантом *-ство* выполнять транспозиционную синтаксическую функцию?»

Известно, что отглагольные имена действия, производные «чистой транспозиции», принадлежат к области конструктивного словообразования, назначение которого – «облегчить говорящему построение высказывания, обеспечивая свертывание предложения или словосочетания в именную группу с тем же пропозитивным (номинативным) значением» (см. Земская 1992, гл. 1). Такая свертка дает «экономия в выражениях». Ср.: *Крестьяне обрабатывают поле – Обработка поля крестьянами...*

С точки зрения процесса номинализации, отыменные имена действия на *-ство* и отглагольные *nomina actionis* различаются типом предикатов, сверткой которых являются. Отглагольные имена действия замещают глагольные предикаты, отыменные *nomina actionis* – именные. И в том, и в другом случае имеет место образование абстрактных предикатных существительных от предикатных слов. Различие состоит в том, что прилагательные и личные имена (характеризующие или функциональные) в позиции предиката обозначают неактуальные, узуальные действия, в то время как глаголы могут иметь и актуальное значение. Ср.: *Он нахал* = «Он узуально поступает нахально»; *Он нахальничает* = «Он актуально, в данный момент поступает нахально». Различие производящих предикатных слов находит отражение в производных. Ср.: «*Это нахальство!* Это черт знает что такое!» (Чехов, «Чайка»; САН-17, т. 7) и «Его *нахальничание* раздражало». В лексическом значении существительного *нахальство* «нахальный поступок», в отличие от отглагольного имени действия *нахаль-*

ничание, отсутствует семантический компонент «длительное действие». Ср. также: *Он командир* – «Вышколенный строгой морской дисциплиной и рассчитывающий на скорое *командирство*» (= на то, чтобы занять *должность командира*, а именно – «служебное положение в каком-либо учреждении, предприятии и связанные с ним *обязанности*», т. е. «то, что входит в круг обязательных *действий, поступков* кого-либо»; САН-IV, т. 2, с. 582), «Иван Иванович не смел и подумать о неисполнении приказа капитана» (Станюк, «Собака»; САН-17, т. 5).

Итак, можно ли считать существительные типа *адвокатство, дизайнерство, командирство, нахальство* синтаксическими дериватами по отношению к личным именам типа *адвокат, дизайнер, командир, нахал/нахальный*?

Ответить на этот вопрос позволяет разграничение понятий «смысл», «лексическое значение» и «лексическое содержание слова». В традиционном понимании синтаксический дериват – это слово с тем же лексическим значением, но иным смыслом, что и его производящее (ср. у Г. Фреге: «Два выражения могут иметь одно и то же значение, но разный смысл, если эти выражения различаются по своему строению»; цит. по Бирюков 1960, с. 504–505). Очевидно, что тождества смысла и лексических значений, например, у производящего личного существительного *адвокат* и его производного *адвокатство* нет: *адвокат* «юрис, защищающий обвиняемого на суде или ведущий чье-либо дело в суде и дающий советы по юридическим вопросам, защитник»; *адвокатство* «деятельность адвоката». Однако эти слова обладают набором одинаковых сем, т. е. одинаковым лексическим содержанием: лексическое значение слова *адвокат* содержит ядерные семы «лицо» и «деятельность», эти же семы включает и лексическое значение слова *адвокатство*. Слова типа *адвокатство* являются синтаксическими дериватами, в понимании Е. Л. Гинзбурга, поскольку их «содержание целиком сводимо к содержанию производящего и только к нему» (Гинзбург 1979, с. 36). При образовании таких слов не появляются добавочные компоненты значения (и это сближает синтаксические дериваты «по Гинзбургу» с традиционными синтаксическими дериватами «по Куриловичу»). Вероятно, мыслью о необходимости разграничения лексического содержания и лексического значения, компонентом которого является (помимо лексического содержания) категориально-грамматический, частеречный компонент, руководствовался М. Докулил, вводя понятия «чистая транспозиция» и «транскатегоризация». При «чистой транспозиции», сопровождающейся переводом в другую часть речи, имеет место тождество лексического содержания производного и производящего слов (т. е. они обладают наборами одинаковых сем) при различии их лексических значений, обусловленном изменением категориального, «частеречного» компонента. Транскатегоризация предполагает изменение категориальной принадлежности у транспонированного слова. Это не обязательно изменение частеречной принадлежности. Транскатегоризация (точнее, «субтранскатегоризация») может заключаться в изменении лексико-грамматических и грамматических категорий (Dokulil 1982). Вероятно, одной из разновидностей субтранскатегоризации является образование существительных типа *адвокатство* с лексическим содержанием, тождественным лексическому содержанию производящих слов типа *адвокат*, но с иным лексическим значением, причем изменение лексического значения дериватов обусловлено только меной позиций сем, содержащихся в лексическом значении исходных слов, а не изменением ча-

стеречного компонента значения. Производные типа *адвокатство* принадлежат к той же части речи, что и производящие, при их образовании происходит перевод из лексико-грамматического разряда конкретных существительных в разряд абстрактных. При образовании существительных типа *адвокатство*, *дизайнерство* суффикс *-ств(о)* выполняет следующие функции:

1. семантические функции: а) экспликации, б) актуализации скрытой процессуальной семы, содержащейся в лексическом значении непроектируемых личных существительных типа *адвокат* и отсубстантивных личных существительных типа *дизайнер*;
2. деривационную функцию транспозиции в иной лексико-грамматический разряд (о типологии функций аффиксов подробнее см. Вендина 1994).

При образовании отадективных существительных типа *беспутство*, *занудство* суффикс *-ств(о)* выполняет те же семантические функции, что и при образовании слов типа *адвокатство*, *дизайнерство*, *командирство*, однако его деривационная функция связана с синтаксической транспозицией в иную часть речи. Отадективные имена на *-ство* называют «вневременное» состояние и действие, замкнутое в субъекте. К отадективным именам действия на *-ство*, передающим синкретичные значения действия-качества и состояния-свойства, может быть применено следующее высказывание М. Докулила: «Отнесение определенного языкового явления к той или иной категории не всегда должно иметь вид дизъюнкции ,или А, или В'. Часто оно имеет вид альтернатив ,А и/или В', ,больше А – меньше В', ,скорее А, чем В', ,первично А, вторично В', ,с одной стороны А, с другой В (=А)» (Докулил 1987, с. 32–33). Актуализация какого-либо из компонентов значения имен действия (состояния) на *-ство* – качественности или процессуальности – зависит от интенций говорящего, выражающихся в использовании тех или иных контекстуальных экспликаторов их «нерегулярных» категориальных значений.

Стабильное функционирование словообразовательных типов отсубстантивных и отадективных имен действия с формантом *-ство* свидетельствует об антропоцентричности языка и о постоянной потребности говорящего на нем сообщества в однословных наименованиях сложных понятий действий, действий-качеств, состояний-свойств, замкнутых в субъекте и характеризующих этот субъект.

Литература

- БИРЮКОВ, Борис В.: Теория смысла Готлоба Фреге. In: Применение логики в науке и технике. Москва 1960.
- ВАКАРЮК, Людмила А.: Структурно-семантический анализ имен существительных со значением процесса, не мотивированных глаголами. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Одесса 1985.
- ВЕНДИНА, Татьяна И.: Семантическая функция суффикса и сопоставительное изучение славянского словообразования. In: Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. Москва 1994.
- ГИНЗБУРГ, Ефим Л.: Словообразование и синтаксис. Москва 1979.
- ДОКУЛИЛ, Милош: Структура постосновного словообразовательного форманта (к суффиксальной и безаффиксной деривации в славянских языках). In: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Москва 1987.

- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Словообразование как деятельность. Москва 1992.
- КОРЯКОВЦЕВА, Елена И.: Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. Москва 1998.
- КОСМАРСКАЯ, Искра В.: Семантико-синтаксические свойства девербативов в современном русском языке: Автореферат дисс. канд. филол. наук. Москва 1989. 188 с.
- КУЗНЕЦОВА, Г. А. – СИВЕРИНА, Е. Г.: Лексические указатели процессуального значения отглагольных существительных в современном русском языке. In: Лексическая семантика и словообразование в русском языке. Куйбышев 1979.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. Под ред. Ф. П. Филина. Москва 1981.
- ШЕЛИХОВА, Надежда Т.: Атрибутивные сочетания со значением количественной характеристики имен действия в старорусских памятниках. In: Восточные славяне: Языки. История. Культура. Москва 1985.
- BOSÁK, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára: Východiská morfémovej analýzy. Bratislava 1985.
- BUZÁSSYOVÁ, Klára: Súvzťažnosť pojmov transpozícia, syntaktická derivácia, nominalizácia ako reflex vzťahu tvorenia slov a syntaxe. In: Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. Словообразование в его отношении к другим сферам языка. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Hrsg. von I. Ohnheiser. Innsbruck 2000, S. 145–156. ISBN 3-85124-200-9.
- DOKULIL, Miloš: K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvláště transpozice. In: Slovo a slovesnost, 1982, roč. 43, s. 257–271.
- DOROSZEWSKI, Witold: Kategorie słowotwórstwa. In: DOROSZEWSKI, Witold: Studia i szkice językoznawcze. Warszawa 1962.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego (Morfologia. Słowotwórstwo). Pod red. R. Grzegorzycy – R. Laskowskiego – H. Wróbla. 3. wyd. Warszawa 1999.
- HONOWSKA, Maria: Ewolucja metod polskiego słowotwórstwa synchronicznego (w dziesięcioleciu 1967–1977). Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1979.
- HORECKÝ, Ján: Slovtvorná sústava slovenčiny. Bratislava 1959.
- HORECKÝ, Ján: Slová s príponou *-ostʹ*. In: Jazykovedné štúdie. 11. Jónov zborník. Red. J. Ružička. Bratislava 1971, s. 84–92.
- PUZYNINA, Jadwiga: Transpozycja, mutacja, modyfikacja. In: Poradnik Językowy, 1978, N 5.
- SAMBOR, Jadwiga: O słownictwie statystycznie rzadkim: na materiale derywatów we współczesnej publicystyce polskiej. Warszawa 1975.

Словари и принятые сокращения

- САН-17 = Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. Москва – Ленинград 1948–1965.
- САН-IV = Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. Москва 1981–1984.

проф. Елена И. Коряковцева

Akademia Podlaska, Wydział Humanistyczny, Instytut Filologii Polskiej, ul. Orlicz-Dreszera 19/21, s. 2, PL-08-110 Siedlce, Polska
e-mail: elena.koriakowcewa@gmail.com

О некоторых процессах в сфере словообразовательной и лексической мотивации в русском языке рубежа XX–XXI вв.*

Елена А. Земская

В докладе рассматривается ряд явлений, обнаруживаемых в русском и некоторых других языках, которые характеризуют не только словообразовательную мотивированность, но и семантические связи между словами.

Отношения словообразовательной мотивации (далее: СМ) в русском языке изучены довольно хорошо в чисто формальном плане. Поэтому я хочу обратить внимание на ту роль, которую играют эти отношения в языке, на их текстовые семантические функции.

Для построения современного дискурса [газетного, разговорного, художественного, звучащего по телевидению (ТВ) и радио] характерно резкое смешение языковых средств разного происхождения и состава. Нейтральный литературный язык соседствует с жаргоном, книжным языком, разговорным языком (РЯ) и просторечием (см. Норман 2004). Эта чересполосица используется и как намеренное средство выразительности, но может свидетельствовать о языковой непритязательности, иногда переходящей в неряшливость языка.

Вот два примера.

I. Разговор по телефону двух московских школьников 10 класса. Один из приятелей рассказывает другому о своих школьных занятиях. Дается вполне серьезное пояснение слова *аннотация*, в которое включаются жаргонные словечки *базар* и *фигня*. Запись 2001 г.:

– Мне надо написать аннотацию. – А что это такое?

– Изложение содержания / очень краткое // Книжка такая толстенная / в палец толщиной // Ее надо хотя бы перелистать / каждую главу // Понять *в чем там базар* // Понимаешь? *Вот такая фигня* //

II. Светский обозреватель газеты «Известия» (28.06.2004) Божена Рынска рассказывает о том, как закончился московский кинофестиваль. Название статьи характерно: «Мы бодем, отдыхаем, мы бухаем на футболе» (поясню: одновременно со светскими приемами по поводу кинофестиваля по ТВ показывают матч Португалия – Англия). Наряду с цитатами из известных классических стихотворений журналист применяет слова *тусоваться* (и рядом *раут*), *редкостная скучища*, *мазать по воротам*, *под завязку*, *от экрана не отлипали*, *гости рванули за едой*, *ушлые заправили* и под.

Процессы, происходящие в русском словообразовании на рубеже XX–XXI вв., подробно рассматривались во многих работах. (См., например: Земская 1996; Зем-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-04-00160а.

ская 1997; Земская 2001; Земская 2002; Земская 2003а; Земская 2003б; Земская 2004 и др.)

Следует добавить, что для нашего времени характерно разнообразие графических средств, используемых как средство выразительности, являющихся показателем тенденции к интернационализации (идут в ход кириллица, латиница и цифровые показатели). Об этом писали тоже неоднократно. См., например: Яруллина-Тодорова 1995; Рукккё 1995; Zemskaja 1997, Mustonen 1997; Mannewitz 2003.

Начну с характеристики одного специфического явления.

1. Игровая мотивация.

Этот вид мотивации обнаруживается в сфере письменной речи и свойственен не только русскому, но и другим европейским языкам, в частности американскому английскому. Он проявляется прежде всего в области рекламы и иных текстах, жизнь которых протекает на улице: надписи на вывесках, домах, магазинах, рекламных щитах и т. п. Можно выделить два подвида игровой мотивации:

1) Не связан с семантикой.

Вот несколько примеров, записанных на улицах Москвы: *obladamь, вы100ять, на4ертить*. При произнесении эти слова звучат как обычные русские слова, но их написание включает неоднородные элементы: кириллицу и латиницу, буквы и цифры. Такие слова намеренно привлекают внимание своей необычностью и имеют игровой характер.

Комический эффект достигается и другими способами. Например, когда имя собственное вставляется в русский дискурс – русскими же буквами, создавая осмысленный текст. Пример газетного заголовка: «*Без заПИНКи*. В Москве выступила поп-звезда *Пинк*» («Газета», 08.07.2004).

Русское имя собственное может передаваться латиницей: «Маечки уже давно стали *Che Burashka* хитом» (ср. *Чебурашка*; «Коммерсант», 02.08.2003).

2) Производное имеет каламбурную мотивацию. Сторонников олигарха Березовского называют *подберезовиками*: «*Либералы-подберезовики*» («Газета», 19.03.2003). В этом слове двойному осмыслению подвергаются и приставка *под* и основа *берез*. Гриб растет *под березой*, сторонники Березовского подчинены ему, находятся под ним.

Из передачи ТВ: «В Приднестровье введены новые деньги. Правда, из-за малой ценности в народе их прозвали *приднестрофиками*» (16.06.2000). Ср. название болезни *дистрофия*.

2. Рассмотрим другой вид явлений: функциональное размежевание лексических синонимов, совпадающих по денотативному значению.

Доктор – врач

В современном языке слова *врач* и *доктор* (в значении ‘врач’, ‘медик’) используются различно. Слово *врач* функционирует как нейтральное и книжное: «главный *врач*», «участковый *врач*», «Петров – опытный *врач*», «Конференция *врачей-кардиологов*», «Я записан к зубному *врачу* на 5 часов» и т. п.

В таких контекстах слово *доктор* не используется. Словарь Ушакова дает к слову *доктор* (в значении ‘врач’) помету *разг.* Однако более поздние словари [Большой академический словарь (БАС), Ожегов – Шведова] эту помету устраняют. Разграни-

чение слов *доктор* и *врач* весьма необычно. В России вышло из употребления использование слова *доктор* в таких «домашних» разговорах, как «*Доктор* приходил? Тебе пора сходить к *доктору*! Запишись к *доктору*! Был у *доктора*?» и т. п. Во всех подобных случаях мы теперь говорим *врач*. Однако еще в первой трети XX в. подобных контекстах использовалось слово *доктор*. Именно поэтому словарь Ушакова и снабжает его пометой *разг.* Такое словоупотребление сохранила для нас старая эмиграция разных стран.

Приведу свидетельство М. Р. Гизетти, родившейся в Хельсинки в 1923 г. Ее родители бежали из Петербурга после революции. Они были высокообразованные люди, мать из рода князей Урусовых. М. Р. пишет мне в письме от 15.1.2003 г.: «Мы дома чаще говорили *доктор* – *пойду к доктору* и т. д. Но когда оценивали, говорили: Он хороший *врач* и, конечно, *зубной врач*, хотя чаще говорили *дантист*. Моя мать о женщинах всегда говорила: *женщина-врач*». Аналогичный пример из речи эмигрантки первой волны третьего поколения (живет в Италии): «Мои родители (и я за ними) говорили: *Он прекрасный врач, но надо вызвать доктора*».

В чем же состоит своеобразие соотношения слов *врач/доктор* в языке современной России? Слово *доктор* при том, что оно не допускается в официальную речь и не применяется в официальных наименованиях (не говорят: *участковый доктор, главный доктор больницы, доктор-психиатр* и т. п.), функционирует как более вежливое. Узнавая о враче, спрашивают: «*Доктор* Петров сегодня принимает?» Сказать «*Врач* Петров... принимает?» невежливо.

Иными словами, не принято употреблять официальное название профессии в сочетании с фамилией. Обращаются к врачу, если не знают его имени и отчества, со словом *доктор!*, а не *врач*. Вероятно, здесь действует закономерность, свойственная русскому языку, – не использовать официальные названия профессий как обращения. Мы не употребляем слова *летчик, инженер, архитектор* в составе обращений. В качестве обращения используются номинации типа *коллега, профессор* и некоторые другие. В этот ряд попадает и *доктор* – в применении к медикам это слово лишено ореола казенности. Ср. официальные наименования типа *доктор наук*.

Таким образом, нейтрально-книжное слово *врач* не используется в современном русском языке в функции обращения, тогда как слово *доктор*, утратившее возможность употребления в качестве официальной номинации, преимущественно функционирует как *вежливое обращение*, не допуская в эту позицию книжное слово *врач*. Это своеобразное размежевание лексических единиц *доктор/врач* можно сравнить с явлением словообразовательного супплетивизма (ср. *тигр – тигрица – тигренок* и *бык – корова – теленок*).

Дама – женщина

Среди особенностей словоупотребления, свойственных образованным эмигрантам первой волны, обращает наше внимание употребление слова *дама* в тех случаях, когда мы бы сказали *женщина*.

Высокообразованная эмигрантка первой волны (второе поколение, живет в Финляндии) дала мне такое пояснение. На мой вопрос: «Вы употребляете слово *женщина*?», она ответила: «*Женщина* – недопустимо! Это очень грубо! Только *дама*».

– А как сказать о крестьянке? Ведь *дама* смешно!

Задумавшись, она ответила: «Деревенская... *Крестьянка*... *Баба* – очень грубо!»

М. Р. Гизетти, о которой шла речь выше, в том же письме 2003 г. так объясняет разграничение слов *дама* и *женщина* в языке старой эмиграции:

«*Дама* – это интеллигентная особа, дочь ее – барышня. *Женщина* – это простая, например, торговка на рынке или работница на фабрике, ее дочь – девушка. (Девушка еще обозначает чистоту целомудрия для всех.) Но если это обозначает пол – то *женщина*. По всей вероятности, это были еще классовые понятия. Но теперь в язык уже вошли *женщины* и *девушки* без таких понятий». И далее М. Р. дает такие иллюстрации своей речи начала XXI в.: «Я говорю [*дама* или *женщина*] в зависимости от того, с кем я говорю. У меня есть знакомые, которых покоробит, если я скажу: „Она красивая *женщина*“ (хотя как раз это правильно). И мне могут сказать: „Вы это говорите о той *даме*?“ Или наоборот, если скажете: „Вот та *дама*...“, возразят: „Какая же она *дама*?“ Но, говоря о современной одежде, думаю, что все скажут: „Не разберешь: это существо *женщина* или *мужчина*“».

Как коррелирует к слову *дама* использовалось слово *господин*, не *мужчина*.

Вот такой тонкий анализ старого словоупотребления донесен до нашего времени памятью и речью старых эмигрантов, «беженцев» из России. Подчеркну, что Маргарите Романовне в 2003 г. исполнилось 80 лет, она родилась за пределами России и сохранила прекрасный русский язык.

Приведу данные словарей. ПСЗ дает при слове *дама* такое пояснение: «*дама* – замужняя женщина из дворянской семьи» (с. 123). Иначе толкует слово *дама* словарь Ушакова: «*дама*... 1. В буржуазно-дворянском обществе – женщина, по внешнему виду принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу». Характерен пример: *В трамвай вошла пожилая дама*.

Я думаю, что ПСЗ слишком ограничивает значение слова *дама* указанием «из дворянской семьи». И свидетельства эмигрантов, живущих в разных странах (Италия, США, Финляндия), и словарь Ушакова показывают более широкий круг употребления этого слова. В современном языке (рубеж XX–XXI вв.) слово *дама* сохранило узкое употребление – как довольно редкое обращение (наряду с *сударыня*) и как наименование женщины. Так могут называть покупательниц в сфере торговли (на рынке, в магазине). Оно более употребительно на юге бывшего СССР (например, в Одессе) и в Прибалтике (например, Рига), чем в Москве и других городах центра России. Мы видим, что и в этой паре слов функция обращения сохраняется за особым словом, а не за единицей, имеющей нейтральный официальный характер. В анкетах и других документах принято писать *женщина*, но обращение *женщина* воспринимается как грубое, недопустимое, вульгарное или просторечное.

Помидор – томат

Своеобразно функционирование слов *помидор* и *томат*, называющих один и тот же овощ. Оно связано с их историей, происхождением: *помидор* – ит. *pomì d'oro* (золотые яблоки), *томат* – исп. *tomate*.

Более подробно я рассматриваю эти слова в другой работе, а здесь только укажу на некоторые моменты. Слово *томат* чаще употребляется на юге России и в речи эмигрантов, тогда как слово *помидор* распространено в центральной и северной России.

В современном языке основное различие между этими словами состоит в следующем: овощи называют *помидорами*, слово *томатный* используется как прилагательное для называния продуктов, изготовленных из помидоров: *томатный сок*, *томатный соус*, *томатный суп*, *томатная паста* и т. п. Характерно, что в словаре Ушакова прилагательное к слову *помидор* отсутствует. БАС помещает прилагательное *помидорный* со значением: 'относящийся к помидорам' и примером *помидорная* и *капустная (рассада)*; 'приготовленный из помидоров': *помидорный рассол*, *помидорный сок* (пример из Бабаевского).

Слово *томат* функционирует и как аналитическое прилагательное: *томат-паста*, *томат-пюре*.

Таким образом, размежевание идет по линии существительное (*помидор*) – прилагательное (*томатный*). Не принято говорить: *помидорный сок*, *соус*, *суп* и т. п. Единичный пример из Бабаевского не может служить доказательством.

Примечание: Расхождение существительных и прилагательных, близких по денотативному значению, можно сравнить с явлением, наблюдаемым в других языках, например, в английском. Так, с существительным *heaven* (небо) связаны два прилагательных, *heavenly* и *celestial*. Первое – относительное прилагательное от английского существительного; второе – латинского происхождения и имеет иное значения: небесный, астрономический; божественный, великолепный. Приведу еще два примера, когда наряду с английскими существительными функционируют два прилагательных – английское, непосредственно произведенное от соответствующего существительного, и пришедшее из латыни: *father* – отец; *fatherly* – отцовский, нежный; *paternal* – отцовский, родственный – по отцу; *brother* – брат; *brotherly* и *fraternal*. Благодарю за эти примеры Р. И. Розину.

3. За недостатком места кратко рассмотрю лишь некоторые явления, особо характерные для нашего времени.

а) Образование **аббревиатур** и производных от них. Причиной их производства являются потребности жизни общества.

Быстро распространяется новое слово *ЕГЭ* (единый государственный экзамен) и производные от него: *егэшный* с интерфиксом *-ш-*. Слово социально значимо, используется в газетах, ТВ и устной речи: «Эксперимент по *ЕГЭ* не должен ломать судьбы детей» (заголовок, «Известия», 29.05.2004); «*ЕГЭ* в Москве выгоден иногородним» (заголовок, «Известия», 29.05.2004); «вуз, принимающий *по ЕГЭ*» («Известия», 29.05.2004).

Нередкость и прилагательные (обычно заключаются в кавычки): «Наибольшее количество *егэшных* экзаменующихся – по физике» («Известия», 29.05.2004); «Пришел в вуз, а его *егэшного* балла недостаточно» («Известия», 29.05.2004).

Аббревиатуры создаются и от заимствований. Покажем, как идет процесс вхождения слова в русский язык. Сначала аббревиатура пишется латиницей: *pr*. Затем дается ее произношение русскими буквами: *пиар*. Далее рождаются производные: *пиарщик* (имя лица) и глаголы. Так, А. Баталов пишет: «...нынешняя известность – она делается, это специальная работа. Как это нынче говорят, надо *пиариться*» («Мир новостей», 17.12.2002); «В итоге *пропиарили* английские и американские войска» («Газета», 15.04.2003).

Ni-tech из *high-technology* (высокая технология). Рождаются русские прилагательные: *хай-течная продукция*, *хай-течные программы* (ТВ, октябрь 2002).

Отмечу, что широко распространены и аббревиатуры с первой сокращенной частью: «обмен *диплюбезностями*» («Московские новости», 27.02.–04.03.2004); «*морпехи* вооруженных сил США» («Известия», 10.04.2003).

Было бы неверно думать, однако, что слова с сокращенной первой частью – явление конца XX в. Вот пример из письма К. Ворошилова И. Сталину от 1 февраля 1923 г., в котором дважды встречаем сокращение *чеч* – от *чеченский*: «Все данные за то, что с *чечбандитизмом* удастся покончить с помощью самих *чечбандитов...*» («Известия», 05.07.2003).

В современном языке сокращение *чеч* не функционирует.

б) Продолжает активную жизнь разговорный суффикс *-к(а)*. Он используется для русификации иноязычных слов: Так рождается ряд *sms – эсэмэс – эсэмэска* (краткое сообщение по мобильному телефону). Это слово используется и в РЯ, и в газетах: «Многие были разбужены *эсэмэсками* среди ночи» («Время», 12.05.2004). К новообразованиям относится слово *тишотка* от *t-short* (майка). Вот примеры из статьи И. Кулик, озаглавленной «Штуки, маечки, фенечка и другие арт-проекты»: «Боевой дух можно поддержать, надев *тишотку* Che Buraschka [...] Только в кооперативе „Искусство“ вы увидите картину, с которой были тиражированы *тишотки*. [...] А жаль, что никто не перенес на *тишотки* картинки Антона Шнайдера» («Коммерсантъ», 02.08.2003).

Однако основная сфера деятельности суфф. *-к(а)* – производство русских универбатов: *оборонка* (оборонная промышленность), *маршрутка* (маршрутное такси), «*Бабаевка*» (кондитерская фабрика им. Бабаева), *Морозовка* (больница), *Пугачевка* (Пугачевская улица) и много-много других. Из новообразований отметим *Нобелевка* (Нобелевская премия). Показателен газетный заголовок «Нобелевка, сэр» («Известия», 12.10.2001), в котором нарочито объединяются английское книжное *сэр* и универбат *Нобелевка*, разговорность которого усиливается столкновением основы с книжной семантикой и разговорным суффиксом.

в) Характерная черта нашей эпохи – активность префиксов (см. Кронгауз 1998), используемых и в именном, и в глагольном словообразовании, как в чистой префиксации, так и в соединении с суффиксацией.

Имена. Ограничусь немногими примерами: *де-саддамитизация*, *де-приватизация*. А вот целая серия производных с приставкой *пост-*, прозвучавшая в телепередаче «Времена» (20.03.2003): *пост-иракский*, *пост-блоковский*, *пост-ооновский*, *пост-ялтинский*.

Глаголы. В производстве глаголов нашу эпоху характеризует соединение русских приставок с иноязычными глаголами, что приводит к их включению в видо-временную систему русского языка: *проиндексировать*, *просканировать*, *отсегментировать* и т. п. Это явление описано подробно; см. Земская 1996; Панов 1999; Кронгауз 1998; Земская 2002.

Префиксация активна и в образовании глаголов от русских основ. За недостатком места выделю лишь одно явление – использование нескольких префиксов в одном глаголе. Из газет и устной речи: «Мы отменяли многие законы, но *недоотменили*», «Дайте уж я *допереписываю*», «Есть люди, которые *назавоевывали* побольше» («Газета», 02.10.2001).

г) Образования отвлеченных существительных с помощью различных суффиксов:
-ость: *сплошность, ad-носовость*,
-ство: *компьютерство*,
-ние: *отехничивание*,
-овка: *усредниловка*,
-изация: *университизация, гибридизация, глобализация*.

Нередко в качестве базовой основы используются имена собственные: *берлуско-низм* («Газета», 24.01.2002); *киркоровщина* (из устной речи).

Подведем итоги.

В русском языке рубежа XX–XXI вв. действуют те же тенденции, которые были отмечены ранее и которые свойственны и другим славянским языкам (см. KWJS 2003): интернационализация, коллоквиализация, высокая экспрессивность, диалогичность, усиление личностного начала, активность разных способов и средств словообразования (см. Панов 1988). Словообразование сверхактивно, оно пользуется различными лексическими элементами: книжная лексика, в том числе заимствованная, жаргон, разговорный язык. Отмечу, что просторечие проявляет меньшую активность, чем другие периферийные сферы языка. Наблюдается размывание резких границ между подсистемами. Происходит стирание четкой дифференциации между разговорным и кодифицированным языком (см. Ohnheiser 2003), что объясняется возрастанием роли устного публичного общения, расширением его функций и изменением состава лиц, его использующих. Это явление свойственно и другим славянским языкам (см., напр., Нещименко 2003). Все отмеченные явления тесно связаны с прагматикой (см. Gutschmidt 2002).

Литература

- Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. Сборник научных трудов. Под ред. В. И. Карасика – Г. Г. Слышкина. Волгоград 2003.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Активные процессы словопроизводства. In: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва 1996, с. 90–141.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Активные тенденции словопроизводства. In: Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык. Red. nauk. E. Širjaev. Opole 1997, с. 167–201.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Новое в лексике – новое в словообразовании. In: Актуальные проблемы русского словообразования. Елец 2001, с. 6–10.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов. In: Slavistische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Hrsg. S. Mengel. Münster – Hamburg – London 2002, с. 157–169.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Изменения в словообразовании. In: Современный русский литературный язык. Ред. В. Г. Костомаров – В. И. Максимов. Москва 2003а, с. 692–714.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Русский язык конца XX в.: Норма не запрет, а выбор. In: Procesy innowacyjne w językach słowiańskich. Red. Z. Rudnik-Karwatowa. (Prace Slawistyczne. 113.) Warszawa 2003б, с. 245–257.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Об иконичности интерфиксов. In: ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Язык как деятельность. Москва 2004, с. 56–64.
- КРОНГАУЗ, Максим А.: Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. Москва 1998.

- НЕЩИМЕНКО, Галина П.: Тенденция языковой экономии – общие вопросы. Языковая экономия как импульс динамики языковой системы. In: *Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1*. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Uniwersytät Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, с. 285–306. ISBN 83-86881-35-6.
- НОРМАН, Борис Ю.: Лингвистика каждого дня. Москва 2004. 171 с. ISBN 659-9-497-29288-2.
- ПАНОВ, Михаил В.: Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики. In: *Язык современной публицистики*. Москва 1988.
- ПАНОВ, Михаил В.: *Позиционная морфология русского языка*. Москва 1999.
- ПСЗ = БАЙБУРИН, Альберт К. – БЕЛОВИНСКИЙ, Леонид В. – КОНТ, Франсис: *Полузабытые слова и значения. Словарь русской культуры XVIII–XIX вв.* Санкт-Петербург – Москва 2004.
- ЯРУЛЛИНА-ТОДОРОВА, Татьяна: О некоторых функциях латиницы как средства коммуникации в современном русском кириллописущем обществе. In: *Проблемы на социолингвистиката. IV. Социолингвистика и коммуникация. Материалы от 4 конференция по социолингвистика*. София 1995, с. 105–108.
- GUTSCHMIDT, Karl: *Der Begriff der Standardisierung in den Bänden der Reihe Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. In: *Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart*. Hrsg. K. Gutschmidt. Dresden 2002.
- KWJS = *Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1*. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole 2003. ISBN 83-86881-35-6.
- MANNEWITZ, Cornelia: *Интернационализация и графика*. In: *Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1*. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, с. 127–133. ISBN 83-86881-35-6.
- Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart*. Hrsg. K. Gutschmidt. Dresden 2002.
- MUSTONEN, Larisa: *Латинские инкрустации в русской печатной речи нового времени*. In: *Studia Slavica Finlandensia. Tomus XIV. Оценка в современном русском языке*. Helsinki 1997, с. 90–120.
- OHNEISER, Ingeborg: *Цель и концепции тома. Прагматико-стилистическая дифференциация словообразовательных средств и тенденция ее стирания*. In: *Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1*. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, с. 17–26, 198–216. ISBN 83-86881-35-6.
- PYYKKÖ, Riitta: *Нетранслитерированные иноязычные выражения в современном русском газетном тексте*. In: *Studia Slavica Finlandensia. Tomus XII*. Helsinki 1995, с. 104–125.
- WASZAKOWA, Krystyna: *Afiksy, afiksoidy czy człony złożone (O aktywnych obcych cząstkach słowotwórczych)*. In: *Семантика и прагматика языковых единиц*. Отв. ред. А. Н. Еремин. Калуга 2004, с. 101–112.
- ZEMSKAJA, Elena: *Лингвистическая мозаика. Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX в.* In: *Studia Slavica Finlandensia. Tomus XIV. Оценка в современном русском языке*. Helsinki 1997, с. 199–215.

† Елена А. Земская, д. ф. н.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Коннотация и мотивация

Ольга П. Ермакова

Хорошо известно, что коннотативная зона значения слова неоднократно привлекала внимание лингвистов. В большинстве случаев явление коннотации изучалось на материале непроектных слов.

В этой работе коннотации будут рассмотрены в связи с мотивацией и словообразовательной, и лексической (в сфере семантической деривации)¹.

При этом предметом исследования будут как коннотации, еще не ставшие языковыми метафорами, так и уже реализованные, т. е. метафорические значения, возникшие на основе коннотаций.

Связь коннотации и мотивации анализируется нами в двух аспектах:

1. коннотации в роли мотивирующих,
2. коннотации у мотивированных слов.

Предварительно выскажу некоторые общие замечания о коннотациях.

О типах коннотаций

Коннотации вслед за рядом исследователей мы понимаем как несущественные, но устойчивые признаки предмета, существующие в нашем представлении о нем и отраженные в языковом сознании (см. определение коннотации в работах: Апресян 1995, с. 159 и в более ранних работах этого исследователя; Bartmiński 1980, с. 13–14; Шмелев 1973, с. 73 и др.).

Известно, что коннотации бывают разных типов – универсальные и сугубо национальные (о коннотациях энциклопедических и лексических см. Иорданская – Мельчук 1988, с. 18; см. также Гак 1998, с. 492–493 и более ранние работы В. Г. Гака).

По источнику возникновения они могут быть культурно-историческими, литературными, этническими.

Кроме того, они могут возникать у слова под влиянием одного из его значений или под влиянием синонима по денотату. Так, у слова *пастушка* есть архаически-поэтическая коннотация, мешающая современному носителю языка назвать *пастушкой* жену пастуха или женщину, пасущую скот, поскольку в этом слове есть ореол значения, характерного для поэзии XIX в.: ‘Девушка, ведущая простой образ жизни на лоне сельской природы’. Ср.: *Моей пастушки несравненной я помню весь наряд простой* (Батюшков, «Память сердца»); *Пастушка милая внимала друзей открытый разговор и, устремив на хана взор, и улыбалась, и вздыхала* (Пушкин, «Руслан и Людмила»).

Ср. также коннотации ‘грубый’, ‘низкопробный’, ‘плоский’ у слова *солдатский* (юмор, шутка, анекдот) под влиянием слова *казарменный*, у которого соответствующее значение отмечено в словаре (у слова *солдатский* словарь его не отмечает).

Специально хочу остановиться здесь на возможности возникновения коннотаций по денотату и по сигнификату (Ермакова 1995, с. 143–144).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-04-00160а.

Бифункциональные названия лиц, в частности, имена профессий и должностей, могут, как мне представляется, иметь два типа коннотаций – коннотации по денотату и коннотации по сигнификату. Одни (по сигнификату) возникают на основе представлений о самой функции. Так, в бытовом коллективном сознании некоторые профессии имеют коннотации – ‘примитивность’, ‘неквалифицированность’ (отсюда метафора *сапожник* – ‘о неумелом работнике’), другие – ‘грубость, кровожадность’ (*мясник*), третьи – ‘ловкость’, ‘хитрость’, ‘притворство’ (*фокусник, артист, дипломат, химик*) или ‘бюрократизм’, ‘формализм’ (*чиновник*).

Наряду с этим коннотации у функциональных названий лиц могут быть связаны с тем стереотипом денотата, который в общественном сознании является типичным представителем людей определенного социального статуса. Эти коннотации чаще всего сопутствуют представлению о внешности людей, манерах поведения, голосе и других свойствах. Они проявляются в так называемом родительном сравнения – *руки пианиста, скрипача* (‘тонкие с длинными пальцами’), *руки мясника* (‘большие, грубые, сильные’), *голос, вид учительницы* (‘строгий, неженственный’), *манеры продавщицы, начальника, глаза убийцы* и т. д., а также в предикативной метафоре. Некоторые примеры:

«...приехал муж блондинки, господин лет сорока, с типичной наружностью учителя» (Куприн, «Без заглавия»); «Входит Валя, буфетчица по должности и по внешнему облику. Крепкая, невысокая, короткорукая, но с некоей своеобразной женственностью, свойственной физически сильным женщинам» (Ф. Горенштейн, «Споры о Достоевском»); «Человек с лицом ответработника средней руки» (там же); «Был еще некто Богоявленский... умнейшая, золотая голова, но на вид – чистый сапожник, и притом косой» (Куприн, «С улицы»); «Это был плечистый мужчина... рыжий, с вывороченными белками глаз, рябой от оспы – настоящий мясник, или, скорее, палач» (Куприн, «Как я был актером»); «А: Она красивая. – Б: Я бы сказала иначе: она хорошенькая горничная» (Разговор двух актрис о третьей. Устная речь); «А тут среди пассажиров первого класса попался ему на глаза один фрукт – прямо с картинки „Характерный тип убийцы“: низкий лоб, вытирающие надбровные дуги, маленькие глазки, приплюснутый нос, скошенный подбородок» (Б. Акунин, «Левиафан»).

То, что это стереотип убийцы, существующий в массовом сознании, понимает и полицейский комиссар. По его наблюдениям отнюдь не все убийцы и грабители, с которыми ему приходилось иметь дело, походили на горилл, попадались и «такие ангелочки, что взглянешь – слеза умиления прошибает» (Б. Акунин, «Левиафан»).

Очевидно, что разные типы коннотаций по-разному проявляют себя в роли мотивирующих.

Коннотации в роли мотивирующих аффиксальных производных

Уже отмечалось, что коннотации могут быть мотивирующими значениями для некоторых типов производных (Улуханов 1977, с. 154; Земская 1984, с. 337; Ермакова – Земская 1991, с. 15). Ср. *цыганить, школьничать* и др.: *школьничать* – ‘шалить, вести себя подобно школьнику’, *цыганить* – ‘просить, выпрашивать что-нибудь’, однако *школьник* не имеет зафиксированного значения ‘шалун’, а *цыган* не имеет значения ‘попрошайка’. В производных реализуется коннотативный компонент этих слов.

При этом коннотации по сигнификату могут реализовываться в производных глаголах со словообразовательным значением ‘вести себя подобно слову, обозначенному в производящей основе’: *генеральствовать, лакействовать, дипломатничать, химичить, циркачить, фокусничать*. Коннотации по денотату проявляются преимущественно в производных прилагательных и «высвечиваются» в лексической сочетаемости: *парикмахерская внешность, лакейский вид, интеллигентное лицо, генеральский тон, учительские манеры* и т. п.

«Мишель Серебров был очень интересен... Мужчины говорили о Мишеле – Какая у этого Сереброва наглая морда... И прибавляли: – *Парикмахер*» (Н. Теффи, «Вендетта»; парикмахером, естественно, Серебров не был. – О. Е.); «Тот... правда, красивый, но именно в *парикмахерском стиле*» (А. Куприн, «Страшная минута»).

Но, как правило, и коннотации, и возникшие на их основе метафоры не могут быть мотивирующими в **отсубстантивных существительных**. Этому мешает и словообразовательное значение, ориентированное на номинацию, а не на характеристику, и характер смыслового приращения, без которого не обходятся отсубстантивные существительные.

Так, трудно себе представить, чтобы при обычной реализации словообразовательного значения ‘жилище для животных, названных в производящей основе’, у слов *конюшня, муравейник, голубятня* мотивирующими оказались коннотативные значения существительных *конь, муравей, голубь* и др.

Но надо заметить, что чисто коннотативная мотивация в аффиксальных производных – явление не такое уж частое в русском языке. Гораздо чаще в качестве мотивирующих значений выступают уже реализованные на основе коннотации метафоры.

О метафорической мотивации не раз писали. Здесь отмечу только, что в этой сфере есть ряд ограничений, связанных с частью речи (и мотивирующего, и мотивированного слова), со словообразовательными значениями, с типом смыслового приращения, с типом самой метафоры и др.

Коннотации в роли мотивирующих при семантической деривации

Мотивирующую роль коннотаций при рождении переносного значения я попытаюсь рассмотреть на материале существительных.

Считается уже прописной истиной, что метафора рождается на основе коннотации. Однако, это имеет ограничения, связанные с направлением переноса. Метафора, возникающая на основе переноса **на лицо**, независимо от того, с какой реалии переносится название (с животного на лицо, с предмета на лицо, или с лица на лицо), всегда мотивирована коннотациями, составляющими особую зону прямого исходного значения: *лиса, осел, сокол; тряпка, тюфяк, бревно; артист, дипломат, сапожник* (характеристики). Именно эти метафоры, как отмечает Н. Д. Арутюнова, являются предикатными, в отличие от других, направленных **не на лицо** (Арутюнова 1976, с. 348).

К этому добавлю, что метафорические названия **не-лиц** не основаны на коннотациях. Ср., например, нередкие названия птиц и насекомых по характерным действиям и некоторым другим свойствам, напоминающим функциональные действия лиц: *ткач, печник, перевозчик, удильщик* (птицы), *наездник, могильщик* (насекомые),

лоцман, стрелок (рыбы) и т. п., названия предметов по сходству функции с действиями лиц: *полотер дворник* (механизмы), по сходству внешних признаков: *кошка* (приспособление для лазания по столбам или для вытаскивания ведра из колодца, напоминающее кошачьи когти), *журавль* и т. д.

Таким образом, номинативные (не образные) метафоры не мотивируются коннотациями. Исходные слова, порождающие метафоры этого типа, или не имеют коннотаций, или их коннотации (например, у слова *кошка* – ‘похотливость’) не могут быть основой для названий предметов и других не-лиц.

Но главное – сама функция метафоры здесь иная – не характеристика, а номинация.

Коннотации у производных слов

Второй аспект связи коннотации и мотивации – коннотации у производных, следовательно, мотивированных слов. В этом аспекте нас будут интересовать вопросы – влияет ли мотивированность на появление коннотаций у слова и обусловлены ли имеющиеся коннотации словообразовательной структурой слова.

О том, что коннотации могут быть у слов производных, свидетельствуют даже те примеры, которые приведены в первой части статьи. Ср. приведенные названия лиц – *учитель (-ница)*, *буфетчица*, *пианист*, *мясник*, *сапожник* и др., у которых, как и у непроизводных названий лиц, могут быть даже коннотации двух типов – по денотату и сигнификату. Но ни одна из этих коннотаций не опирается на мотивирующее значение производного слова, тем более что, как мы отмечали, аналогичные коннотации могут быть и у непроизводных имен лиц: *палач*, *лакей*, *садист*, *шофер* и т. д.

У многих производных названий предметов можно отметить коннотации. Приведу лишь некоторые примеры.

Названия грибов: *боровик*, *мухомор*; названия неодушевленных предметов: *игрушка*, *перечница* (обычно – *старая*), *кисель*; названия лиц: *каторжник*, *висельник*, *кавалерист*, *азиат*, *турок*.

Во всех этих случаях коннотации никак не связаны с мотивацией. Все они представляют собой признаки, приписанные денотату или свойственные ему в самом деле: так, явно приписанные коннотативные признаки можно отметить у слов *азиат*, *турок* (‘темнота’, ‘некультурность’), *перечница* (‘рухлядь’), *кавалерист* (‘кривоногий’), *каторжник* (‘вор’, ‘мошенник’, ‘разбойник’) и др.; и реально свойственные предмету – *боровик* (‘невысокий, крепкий, плотный’), *кисель* (‘нетвердость, расплывчатость’ – о характере человека). Очевидно, что коннотации у *боровика* никак не связаны с его внутренней формой, никакими ассоциациями с *бором* они не вызваны, также как коннотации *киселя* не опираются на семантику слова *кислый*. По нашим наблюдениям, отчетливость внутренней формы скорее препятствует развитию коннотаций, чем способствует ему, поскольку некоторые признаки денотата, не отраженные в названии, но существующие в нашем представлении о предмете, могут вступать в противоречие с мотивирующими признаками. В этом случае коннотации и основанные на них метафоры чаще всего возникают на базе родового слова. Так, у слова *мухомор* применительно к старому человеку – коннотации такие же, как у слова *гриб* (ср. синонимии *старый гриб* – *старый мухомор*). У слова *конюшня* метафорическое значение ‘о грязном жилом помещении’ не связано с мотивацией словом *конь*, ни с его прямым значе-

нием, ни с коннотациями (ср. *конь* – ‘о сильной, выносливой женщине’). Аналогичная метафора есть у непроизводного слова *хлев*. В основе, видимо, общее наименование – ‘помещение для животных’ (в котором, очевидно, не предполагается чистоты).

В современном милицейском жаргоне (и соответственно – в прессе) сравнительно недавно место для временно задержанных получило название *обезьянник* – метафора не на основе коннотаций, а на базе прямого сходства с клеткой в зоопарке, где содержатся обезьяны (помещение похоже на большую клетку, в которой содержатся люди, как обезьяны в клетке). Подчеркну один важный, на мой взгляд, момент: метафора может опираться на словообразовательную структуру, если сходство предметов основано на мотивированном признаке – прежде всего при адъективной или глагольной мотивации. Примером может быть слово *сморчок*, имеющее метафорическое значение. Но никак не участвует в образном значении словообразовательная мотивация слова *наседка*. И очень часто это вторичные метафоры, порожденные метафорическим значением производящего: *кипяток*, *звонарь*, *размазня*, *развалина*, *холодильник* и др.

Литература

- АПРЕСЯН, Юрий Д.: Коннотации как часть прагматики слова. In: АПРЕСЯН, Юрий Д.: Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Школа «Языки русской культуры» 1995.
- АРУТЮНОВА, Нина Д.: Предложение и его смысл. Москва: Наука 1976.
- ГАК, Владимир Г.: Языковые преобразования. Москва: Школа «Языки русской культуры» 1998.
- ЕРМАКОВА, Ольга П.: О синтаксической обусловленности и синтаксической подвижности метафор. In: Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). Москва: Российская академия наук 1995.
- ЕРМАКОВА, Ольга П. – ЗЕМСКАЯ, Елена А.: К уточнению отношений синхронной производности. In: *Russian Linguistics*, 1991, № 3.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Виды семантических отношений словообразовательной мотивации. In: *Wiener Slawistischer Almanach*, 1984, Bd. 13.
- ИОРДАНСКАЯ, Лидия Н. – МЕЛЬЧУК, Игорь А.: *Konotacja w semantyce lingwistycznej i leksykografii*. In: *Konotacja. Praca zbiorowa pod red. J. Bartmińskiego*. Lublin: Wydawnictwo UMCS 1988.
- УЛУХАНОВ, Игорь С.: Словообразовательная семантика и принципы ее описания. Москва: Наука 1977.
- ШМЕЛЕВ, Дмитрий Н.: Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Москва: Наука 1973.
- BARTMIŃSKI, Jerzy: Założenia teoretyczne słownika. In: *Słownik ludowych stereotypów językowych*. Zeszyt próbny. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 1980.

проф. Ольга П. Ермакова

ул. Николо-Козинская 77, кв. 60, 248002 Калуга, Россия

e-mail: im@kp.kaluga.ru, ermakova@kaluga.ru, ermakowa_olga@mail.ru

Мотивированное слово в тексте и системе поэтического языка

Валентина Н. Виноградова

Термин «система» в применении к поэзии может заключать в себе разный смысл в зависимости от того, систему чего мы пытаемся обнаружить, противопоставляя использование языковых элементов в системе и тексте. Самым общим является противопоставление слова в системе общекоммуникативного языка (книжного и разговорного) и в поэтическом языке в целом.

Во-вторых, то или иное функциональное использование мотивированного слова может быть характерным для определенного поэтического направления (например, символистов, футуристов, обэриутов).

В-третьих, определенная система может присутствовать и в поэтической речи одного поэта (например, В. Хлебникова, М. Цветаевой).

Наконец, в-четвертых, в структуре одного стихотворения можно найти индивидуальные способы использования мотивированных слов для раскрытия его темы.

Естественно, общие закономерности, выделяемые при всех подходах, основываются именно на обобщении результатов анализов стихотворных текстов. В этом смысле система не противостоит тексту – в нем оформляются и выявляются тенденции развития системы.

Словообразовательным типом продуктивным лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы являются бессуффиксные существительные женского рода со смягчением или чередованием конечного согласного. В общелитературном языке они непродуктивны и производятся от основ непроемких качественных прилагательных (*ширь, высь, синь*), в художественной речи – и от основ производных прилагательных, а также от существительных и глаголов.

Они имеют уже длительную «художественную» традицию. Как известно, А. С. Пушкин должен был оправдываться перед критиком за стих: *Людскую молвь* и конский топ, «[Г]оворя, что *молвь* (речь) слово коренное русское» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 7. Ленинград 1978, с. 120). Впервые большое число таких образований отмечается у ряда поэтов начала XX века – у А. Блока (*синь, сонь*), у И. Северянина (*хрупь, юнь, влажь, воль, лунь, чудь*), у В. Каменского (*бирюзовь, зовь, изумрудь, раздоль, супостать*), у В. Хлебникова (*ажурь, аль, алчь*), у С. Есенина (*водь, индевь, омуть, цветь, звень, зыкъ*), у В. Маяковского (*толць, за-гробь, ниць, звездь, ежь*), у Н. Асеева (*ясь, будь, заумь, звездь, зудь, небываль, немь, ненасыть, одумь, опорощь, прищурь, редь, седь, сонь, толць*).

В современной поэтической речи следует отметить продуктивность образования таких слов от прилагательных, как производных, так и непроемких.

«Усовершенствование» (М. Бахтин) языка в художественной речи состоит в новом функциональном использовании словообразовательных типов книжной и раз-

говорной речи, просторечия, диалектной речи. Авторские новообразования, как и устаревшие и диалектные слова в поэтической речи могут приобретать одну функцию – «функцию языковой поэтической формы» (Е. Курилович), теряя при определенных условиях свою социально-характерную окрашенность и временную прикреплённость.

Поэтическая речь часто использует устаревшие отглагольные прилагательные с суф. *-л-* «вместо» общеупотребительных причастий (Земская 1964, с. 426). Кроме эффекта остротности, возникающего благодаря использованию устаревшего словообразовательного средства, суф. *-л-* привлекал, вероятно, и большей своей эвфоничностью. Например: «За тучей разом *потемнелой*», «*обгорелого* письма», «роз *поблеклых*», «*ослабелый*... снег», «Только камни у *мерзлых* пустынь», «И маки *сохлые*, как головы старух», «Облака повисли с высей, / *Помутнелы* – *ослабелы*» (Анненский); «шелк листов *опалых*», «трав *увялых*», «завес *линяло-алых*», «на фасадах *полинялых*», «знамен... *обветшалых*», «нимбы / *Отверделых* сияний» (Волошин); «Ты приходишь утомленная, невеселая, *угаслая*», «как *заплеснелое* олово» (Северянин).

В поэтическом тексте могут развиваться не отмеченные или редкие значения мотивированных слов определенного словообразовательного типа общекоммуникативной речи. Так к значению становления признака, свойственному отаждективным глаголам на *-еть*, прибавляется значение выявления признака, особенно распространенное в описательных поэтических контекстах.

В поэтической речи многие глаголы на *-еть*, *-иться* означают и становление, как в общем языке, так и выявление признака: «*Мятежится* / Море», «В весенние волны зари / *Прордели* кресты колоколен», «Как кондор, над ужасным / Пиком, / *Прозолотел* прекрасным / Ликом» (А. Белый); «Заря деревья *озлащает*» (Г. Иванов); «Ходят рыбы, *рдея* плавниками», «За воронки, за насыпи, осыпи / По которым он медлил и *мглил*» (Мандельштам).

Причастия от отаждективных глаголов широко используются как определения: «В *лиловеющей* зыби» (Набоков), «И *отуманенный* сад / Как-то особенно зелен» (Анненский). Ср.: «*Отуманенному* взору / Дивно все преображу», «На *тускнеющие* шпиди, / <...> Налипает первый снег» (Ходасевич).

Окказиональные эпитеты-причастия часто создаются «с пропуском» глагола: «в золотой, *янтарейущий* час», «Луч солнечный / Пропел над тьмой... / *Омолненный*, – / Слепой, немой» (А. Белый); «Свет <...> *опрозраченный* / Светлой болью» (Мандельштам).

Как пример индивидуального поэтического «отклонения» можно привести пристрастие В. Каменского к непродуктивному суффиксу *-аль*. Таким образом Василий Каменский образовал слова *венчаль* (от слова *венчать*), *гореваль* (от слова *горевать*), *звучаль* (от слова *звучать*), *качаль* (от слова *качать*), *молчаль* (от слова *молчать*), *созерцаль* (от слова *созерцать*), *умчаль* (от слова *умчать*), *чароваль* (от слова *чаровать*):

Перезвучалью зовет: Ю...

Отвечает *венчалью*: Ю.

Слышен полет Ю.

В тексте «...словообразование служит не только лексикону, но и синтаксису, и в ходе осуществляемых в рамках словообразовательных процессов изменений отражены потребности синтаксиса, связанные с организацией текста, распределением в нем потока информации, а также свертыванием части информации в более компактные структуры» (Кубрякова 1997, с. 204–205).

Здесь речь идет об общелитературной речи, однако эти же процессы свойственны и поэтическим текстам. Для поэзии характерным, как писал Р. Якобсон, является наложение сходства на смежность: «Поэзия, налагая сходство на смежность, возводит эквивалентность в принцип построения сочетаний. Симметрическая повторность и контраст грамматических значений становятся здесь художественным приемом» (Якобсон 1983, с. 467).

Среди фигур речи в поэтических текстах на первое место выдвигается повтор разных видов.

Неоднократный лексический повтор прилагательного с разными определяемыми обычно видоизменяет значение прилагательного, которое колеблется от относительного значения к качественным, метафорическим приращениям смысла.

Так, в стихотворении «Раковина» М. Цветаева четырежды повторяет прилагательное *раковинный*, добиваясь большой экспрессивности в многогранном представлении образа матери-«раковины»:

Я тебя вызвала и взяла <...>
 В руки, вот в эти ладони в обе,
Раковинные – расти, будь тих <...>
Раковинный сокровенный свод
 Рук неприсваивающих... <...>
 Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю.
 Справа и слева и лбом и дном –
Раковинный колыбельный дом. <...>
 Выйдешь! по первому слову: будь!
 Выстрадавшая раздается грудь
 Раковинная.

Одно и то же определение в разных сочетаниях и значениях может сопоставлять состояние природы и человека:

Небо тусклое с отсветом странным –
 Мировая *туманная* боль –
 О, позволь мне быть также *туманным*
 И тебя не любить мне позволь.

(В. Ф. Ходасевич)

В поэтических текстах часто представлен путь возникновения метафорических обозначений признака:

Травы одеты
Перлами.
 В окне отградная прохлада
 Струит *перловую* росу
 (А. Белый)

На базе прилагательных рождаются глаголы, в которых выражается признак в его выявлении-становлении:

Да, *лиловым* пером из Риеки
 по бумаге веду меловой,
лиловеет души отраженье –
 Этот оттиск её белой,
 Эти самые нежность и робость.
 Эти самые горечь и свет,
 Из которых мы вышли, возникли...
 Сочинились...
 И выхода нет.
 (Б. Ш. Окуджава)

В стихотворении А. Белого «Искуситель» глагол *просквозить* возникает как мотивированный дважды используемым в том же тексте прилагательным *сквозной*:

Из серебристых паутинок
 Сотканный грустью лик кивал,
 Как будто рой *сквозных пылинок*
 В полдневном золоте дрожал.
 <...>
 Но кто ты, кто? Гудящих взмахом
 Разбив лучей *сквозных* руно,
 Вскипел, – и праздно прыснул прахом
 В полуоткрытое окно.
 <черный силуэт>
 И со стены бесшумно выпал,
 И *просквозил, и просерел.*

Повтор основы в определяемом и определении задерживает внимание на строении слова – выявляется его «ближайшее этимологическое значение», по Потембне, и одновременно усиливается эмоциональное воздействие. Часто также такое употребление сопряжено со стилизацией под фольклор:

Не *ветром ветреным* – до – осени
 Снята гроздь.
 Ах, виноградарем – до – осени
 Пришел гость.
 (М. Цветаева)

А я молюсь о нашем *дивьем диве*,
о русской речи, плавной как по ниве
движенье ветра... Воскреси!

(В. Набоков)

В поэзии часто эксплуатируется особая конструкция, имеющая значение уточнения, в которой сопоставляются однокорневые прилагательное и существительное:

Он *зlobен*, но не *зlobой* святотатца

(Н. С. Гумилев)

Он *тонок* первой *тонкостью* ветвей

(М. Цветаева)

Небо *бело* страшной *белизною*,

А земля – как *уголь* и *гранит*

(А. Ахматова)

Одноструктурные прилагательные могут использоваться в симметрично построенных конструкциях:

Какому богу служишь ты?

Родни ль тебе в моем пареньи

*Перед*рассветное волненье,

*Перед*закатные мечты?

(А. Блок)

В поэтической речи широко используется «этимологическая фигура» – сопоставление слов одного корня разных частей речи: «*Жестокые ожесточая* души» (И. Северянин).

Близко к «поэтической этимологии» повторение слов одной части речи, образованных от одного корня – паронимия, в широком смысле слова включающая сходно звучащие слова: «Он *жалобен*, он *жалостлив* и *жалок*» (Он же).

Паронимия используется для столкновения оттенков смысла: «Она *чувствительна* и *чувственна*, но страсть / Ей подчиняется, а не она – порыву». А в сложных словах основы-паронимы призваны иногда усилить смысл: «И *жестoko-жестки* флибустьеры» (Он же).

На паронимической аттракции бывает основана и «этимологическая фигура»:

Девушки босиком –

Это *стихи* мои,

Стаи *стихийные*.

(В. Каменский)

Стихийный здесь одновременно воспринимается как мотивированное и *стихами*, и *стихией*.

В поэзии может использоваться полиптотон – повтор одного и того же слова в разных падежах: «Запорошенная девица / Дает разгон своим конькам. / <...> На белом белая белеет» (И. Северянин).

Ср. также определение *ситцевый* и субстантивацию его в конце:

...И когда под вечер над тобою
Журавли охрипшие летят,
Ситцевые женщины толпою
Сходятся – затмить тебя хотят.
Молчаливы. Ко всему готовы
окружают, красотой соря,
Ситцевые, ситцевые, что вы!
Вы с ума сошли: она ж – своя!
(Б. Ш. Окуджава)

Контекстуальные изменения эмоционального ореола слова могут происходить под влиянием особенностей сочетаемости его в творчестве поэта.

У Ахматовой, определяя такие существительные как *вопли*, *стоны*, эпитет *звонкий* выражает горестные эмоции («Страшно мне от звонких воплей / Голоса беды»). Тот же смысл приобретает глагол *звенеть* (Виноградов 2003, с. 301), ср.:

Звенела музыка в саду
Таким *невывразимым горем*
(«Четки»)

Плач полетел, *серебряно звеня*
(«Белая стая»)

И звенит, звенит мой голос *ломкий*,
Звонкий голос не узнавших *счастья*
(«Вечер»)

Слово *немой* характеризует у Ахматовой «состояние томительной безнадежности» (Виноградов 2003, с. 304) и даже смерти:

А ты, мой дальний, неужели
Стал бледен и печально – *нем*?
(«Вечер»)

Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И *немоты* моей чудесной
(«Белая стая»)

Итак, в поэтическом тексте мотивированные слова приобретают особую выразительность благодаря необычной сочетаемости – непосредственной или дистантной, которая приводит к актуализации внутренней формы, приращениям смысла, полисемантической.

Синтаксические фигуры сходства и контраста способствуют эмфазе мотивированных слов как индивидуальных обозначений, их выдвигению и экспрессивизации поэтического текста, а также выявлению поэтических «колеблющихся признаков» лексических и грамматических значений мотивированного слова.

Литература

- ВИНОГРАДОВ, Виктор В.: О символике Анны Ахматовой. In: ВИНОГРАДОВ, Виктор В.: Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. Москва 2003.
- ВИНОГРАДОВА, Валентина Н.: Стилистический аспект русского словообразования. Москва 1984.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке. In: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Москва 1964.
- КОЖЕВНИКОВА, Наталья А.: Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. Москва 1986.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Части речи с когнитивной точки зрения. Москва 1997.
- ЯКОБСОН, Роман О.: Поэзия грамматики и грамматика поэзии. In: Семиотика. Москва 1983.

проф. Валентина Н. Виноградова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, ул. Волхонка 18/2, 119019
Москва, Россия

e-mail: irlas@mail.ru

Substantiva augmentativa: Sprachliche Bedeutung und Textfunktionen

Jochen Raecke

1. Wer auf die Idee verfällt, sich näher mit jenen sekundären oder derivierten substantivischen Worteinheiten zu beschäftigen, die in der internationalen lexikographischen Nomenklatur als Augmentativa bezeichnet werden, der wird nach kurzer Zeit feststellen, daß sie bislang in der Forschung viel weniger Aufmerksamkeit auf sich gezogen haben, als das die Deminutiva getan haben.

Und das ist durchaus erstaunlich. Denn: Wenn man sich in gängigen Wortbildungslehren zu gängigen Sprachen umsieht, dann werden die Augmentativa dort normalerweise als die Gegenpole zu den Deminutiva dargestellt, insofern nämlich, als die Deminutiva jeweils als *Verkleinerungsformen* und die Augmentativa jeweils als *Vergrößerungsformen* bezeichnet, erklärt oder definiert werden. Im Russischen z. B. heißen die Deminutiva *umen'sitel'nye* und die Augmentativa *uveličitel'nye*, im Bosnischen, Kroatischen und Serbischen (BKS) sind die Termini *umanjenice* und *uvećanice* üblich und im Slovakischen heißen sie *zdrobnené mená* und *zveličené mená*. Sie stehen von ihrer Benennung her also im genauen Gegensatz zu den Verkleinerungsformen, sollten folglich in der Sprache das genaue Gegenteil von dem leisten, was die Verkleinerungsformen leisten, und sollten entsprechend genauso ausführlich oder eingehend dargestellt werden wie diese.

Von ihrer Funktion her ist es somit nicht zu verstehen, daß ihnen auch in den Grammatiken so wenig Platz eingeräumt wird, vor allem, wenn man diesen Platz mit dem vergleicht, der den Deminutiven eingeräumt wird.

In der sog. russischen Akademiegrammatik von 1970 (*Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*) etwa sieht es so aus, daß auf der S. 129 unten die Abteilung „Suščestvitel'nye s suffiksami subjektivnoj ocenki“ aufgemacht wird, die immerhin bis zur S. 138 reicht und die Deminutivsuffixe behandelt, während sich auf der gleichen Seite 138 dann nicht mehr als eine halbe Seite zu den Suffixen *-in(a)* und *-išč-* findet, von denen lapidar gesagt wird, daß sie vergrößernde Funktion hätten, d. h. „imejut uveličitel'noe značenie“, und daß diese beiden Ausdrucksmittel noch dazu einfache Synonyme seien: „*pary domina – domišče* i. t. p. – slovoobrazovatel'nye sinonimy“.

In dem berühmten *Tvoření slov v češtině* wiederum finden sich im zweiten Band (1967) für die Deminutiva insgesamt 35 Seiten (S. 494–530), für die Augmentativa nur 5 Seiten (S. 531–535). An diesen quantitativen wie qualitativen Verhältnissen ändert auch nichts der Tatbestand, daß in dieser tschechischen Wortbildungslehre, die ja in vielerlei Hinsicht geradezu revolutionär war, lieber von *jména zhrubělá* gesprochen wird als von *jména zveličelá* – von diesem Ausdruck heißt es, er sei weniger genau („méně přesně též jména zveličelá“, S. 531) – und daß damit die übliche polnische Opposition *nazwy zdrabniające* und *nazwy zgrubiające* praktisch übernommen wird. Denn wenn die Augmentativa in solchen Ausdrücken eher als *Vergrößerungs-* oder auch als *Verdickungsformen* gedeutet wer-

den denn als bloße *Vergrößerungsformen*, dann wird in diesem Ausdruck doch nicht viel mehr getan, als dem Umstand Rechnung getragen, daß die Vergrößerungsfunktion auf der Hörerseite vielfach so *verstanden* wird oder wenigstens so *verstanden* werden kann, daß in den betreffenden Wörtern dasjenige, was in den Basiswörtern dargestellt wird, als in seiner äußeren Erscheinung zum *Negativen* hin vergrößert erscheint.

2. Kann man also *Deminutiva* und *Augmentativa* wenigstens von dem her, wie sie in ihren sprachspezifischen Namen gedeutet werden, so verstehen, daß sie als das jeweilige Gegenteil bedeutend eng aufeinander bezogen sind, dann fällt es eben schwer zu verstehen, weshalb die *Deminutiva* auf so viel, und die *Augmentativa* auf so wenig Interesse bei den Linguisten gestoßen sind. Man macht sich folglich auf die Suche nach möglichen Gründen für diesen Sachverhalt und kann als solche vielleicht folgende anführen.

a) Die Mittel für die Bildung von *Augmentativa* sind in den meisten Sprachen deutlich weniger zahlreich als die Mittel für die Bildung von *Deminutiva*. Daraus kann man schließen: Bei den Sprechern selber bestand und besteht ein geringeres Bedürfnis nach Ausdrucksmitteln für die sprachliche Modifikation der Vergrößerung als nach Ausdrucksmitteln für die sprachliche Modifikation der Verkleinerung. Diesem geringeren Bedürfnis auf Seiten der Sprecher wird dann sozusagen ganz natürlich auf Seiten der Linguisten Rechnung getragen, indem sie weniger über die *Augmentativa* handeln als über die *Deminutiva*.

b) Wenn man Sprecher aus dem BKS-Raum fragt, ob sie solche Wörter wie *babetina* oder *ručetina* kennen, dann sagen sie normalerweise, daß sie sie selbstverständlich kennen, und sie haben auch eine ziemlich klare Vorstellung davon, was diese Wörter bedeuten. Schaut man dann aber in das immerhin 9 Millionen Wörter umfassende Kroatische Nationalkorpus hinein, dann findet man für *babetina* gerade ein Beispiel und für *ručetina* genau zwei Beispiele. Wenn man praktisch das Gleiche bezüglich russischer Beispiele erlebt, wenn man also im nun wirklich nicht kleinen Uppsala-Korpus überhaupt nur ein Beispiel für eine *-išče*-Bildung finden kann, nämlich *antičnoe gorodišče* – das zu alle dem nicht einmal eine *Augmentativbildung* ist –, obwohl jeder Sprecher des Russischen Wörter wie *babišče*, *domišče* oder *domina* „ganz selbstverständlich“ kennt, dann kann man sich tatsächlich fragen, wann denn solche Wörter oder Modifikationen überhaupt gebraucht werden, und man kann weiterhin schließen, daß sie jedenfalls in schriftlichen Texten nicht häufig vorkommen. Wenn sie aber dann ganz offensichtlich als rein mündlich gelten können, dann kann man sie in Werken zur standardsprachlichen Wortbildung wohl doch recht kurz abhandeln. Und ihre stiefmütterliche Behandlung könnte von da aus dann doch verständlich werden.

c) Ein dritter Punkt könnte noch etwas anderes sein. Es gibt selten eine Erwähnung dieser *Augmentativa* – die erwähnte *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* von 1970 ist allerdings auszunehmen –, ohne daß darauf hingewiesen wird, daß diese Wörter sehr häufig zur Verunglimpfung, zur Abwertung oder gar zur Beschimpfung verwendet würden. Und so steht z. B. im großen sog. *Matični rečnik* des Serbischen und Kroatischen, das bislang immer noch das neueste Standardwörterbuch des Serbischen ist, obwohl es schon von 1967 bis 1976 in Novi Sad erschienen ist, als Standardcharakterisierung dieser Wörter *augm. i pej.*, d. h. *augmentativ* und *pejorativ*, zu lesen. Wenn also diese Wörter so gut wie immer als *Pejorativa* gebraucht werden können, dann spricht der

Gebrauch dieser Wörter nicht unbedingt für eine hohe Sprachkultur. Denn was man als hohe europäische Sprachkultur bezeichnen könnte, verlangt eigentlich immer den möglichst neutralen Ausdruck für Dinge oder Personen und keinen, der eine Abwertung des Dargestellten bereits in sich trägt oder davon zeugt, daß der Sprecher dem Dargestellten gegenüber Verachtung empfindet. Wenn es also bei den Augmentativa ganz allgemein um Einheiten der expressiven Wortbildung geht, dann gilt für sie das Gleiche, wie für den Rest der Expressiva: In einer Grammatik der Standardsprache ist nicht viel Platz für sie. Eine ausführliche Darstellung in solchen Grammatiken könnte sie eher aufwerten, als daß ihr Gebrauch als unangemessen deutlich wird, und also reicht es, zu erwähnen, daß es sie gibt, es erscheint aber wohl besser, wenn sie nicht im Einzelnen vorgestellt und auf ihre Besonderheiten hin untersucht werden.

3. Damit kann man vielleicht tatsächlich Gründe dafür finden, weshalb Augmentativa bislang in der Slavistik so stiefmütterlich behandelt wurden, aber diese Gründe sind doch keine guten Begründungen. Denn wenn Augmentativa ein sprachliches Faktum sind, wenn sie also einen bestimmten Bereich innerhalb der Derivativa bilden, dann sind sie in der Wissenschaft auch genauso ausführlich oder eingehend zu untersuchen wie jedes andere sprachliche Faktum oder alle anderen Derivativa auch, und es dürfte in der Wissenschaft selber keine Rolle spielen, ob man sie als Ausweis niederer Sprachkultur sieht oder nicht. Und wenn sie nach allgemeiner intuitiver Auffassung, die sich ja in den Bezeichnungen ausdrückt, das Gegenteil von *dem* bewirken oder bedeuten, was die Deminutiva bewirken oder bedeuten, dann sind sie genauso ernsthaft und ohne Vorurteil wie die Deminutiva zu untersuchen und vor allem daraufhin zu befragen oder untersuchen, ob diese allgemeine Annahme eigentlich stimmt. Und da denke ich, daß durchaus Zweifel an der Richtigkeit dieser Annahme aufkommen können.

Wenn man sich nämlich anschaut, wie entsprechende Bildungen im BKS gebraucht werden, dann stößt man auf eine Erscheinung, die die Frage aufwirft, ob ihre Funktion mit „Vergrößerung“ als Gegenpol zu „Verkleinerung“ wirklich gut beschrieben oder richtig erfaßt ist. Zwar wurde eben gesagt, daß man sich schwer tut, Beispiele in großen repräsentativen Korpora zu finden. Es gibt aber neben diesen repräsentativen Korpora noch andere, und wenn man sich bei der Suche nach Beispielen nicht an das Kroatische Nationalkorpus wendet, sondern z. B. das Korpus *Klasici hrvatske književnosti* zu Rate zieht oder z. B. im *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika* von 1967–76, das sog. *Matičin rečnik*, unter den entsprechenden Bildungen nachschaut, dann kann man feststellen, daß die Augmentativa viel häufiger in Verbindung mit Adjektiven gebraucht werden, als daß sie für sich allein stehen. So gibt es etwa in dem genannten Korpus *Klasici* insgesamt 44 Belege für *ljudina*, und in nicht weniger als 13 Fällen findet man Adjektive in der näheren Umgebung. Die Frage ist „welche?“. Hier die Beispiele. Es heißt:

a) *kršna ljudina, silna trbušasta ljudina, visoka, lijepo obučena ljudina, silna i jaka bijaše to ljudina, bijaše on krepka i visoka ljudina, koštunjava, dugokraka ljudina, debela napuhnuta ljudina kratkih nogu, krupna ljudina, golema ljudina, omašna ljudina, gromotna ljudina, velika ljudina.*

Dies sind immerhin 12 von 44 Belegen für *ljudina*, und jedesmal wird von demjenigen Mann, von dem angeblich schon mittels des Augmentativums *ljudina* gesagt wird, daß er

ein großer Mann sein muß, weil er im Augmentativum selber als „größer als ein normaler Mann“ dargestellt wird, noch einmal etwas ausgesagt, was zweifellos auf einen außerordentlich großen und starken Körperbau bezogen ist, wie stämmig, stark, groß, hoch, kräftig, mit starken Knochen und langbeinig, dick, aufgedunsen und kurzbeinig, korpulent, riesig, groß. Wenn es nun genau diese Eigenschaften wären, die ihn als *ljudina* ausweisen, dann wären alle diese Konstruktionen Redundanzen.

Natürlich könnte man denken, hier handelte es sich um einen Sonderfall, *ljudina* könnte ja schon derart stark lexikalisiert sein, daß die entsprechenden Adjektive hinzugefügt werden müßten, doch handelt es sich keineswegs um einen Einzelfall, man findet diese Erscheinung vielmehr mit großer Regelmäßigkeit. Bei *ljudeskara* z. B. finden sich praktisch die gleichen Adjektive wieder. Dort heißt es ebenfalls:

b) *ogromna ljudeskara, koštunjasta ljudeskara, visoka, plećata ljudeskara, ogromna seljačka ljudeskara, silna ljudeskara.*

Daraus kann eigentlich nur eines geschlossen werden: Daß nämlich *ljudina* genau wie *ljudeskara* diese Konkretisierungen eines außergewöhnlich großen Körperbaus gar nicht in sich selber hat, sondern daß sie zu *ljudina* oder *ljudeskara* über Adjektive hinzugefügt werden müssen, wenn der Leser sie erfahren soll. Was in den Adjektiven über den jeweiligen konkreten, mit *ljudina* oder *ljudeskara* bezeichneten Mann ausgesagt wird, steht dann zwar nicht im Widerspruch zu der normalerweise angenommenen Bedeutung von *ljudina*, es geht aber offensichtlich auch nicht so aus ihm hervor. Um solche redundanten Konstruktionen wie russ. *velikan bol'šogo rosta* oder *karlik malen'kogo rosta* dürfte es sich wegen der Häufigkeit jedenfalls kaum handeln.

4. Damit soll nun nicht geleugnet werden, daß solche Derivate, die als Augmentativa bezeichnet werden, in der Rede, also in Texten oftmals für etwas stehen, was tatsächlich groß ist, bzw. vom Sprecher als größer empfunden wird, als die in den Wortbasen bezeichneten Gegenstände, Erscheinungen oder Personen normalerweise sind. Es gilt aber nun das weitere Phänomen zu beachten, daß eben, wie oben schon gesagt, den Augmentativa sehr häufig pejorative Bedeutung zugeschrieben wird, und da taucht dann die Frage auf, wie diese an sich ja deutlich verschiedenen Bedeutungen miteinander zusammenhängen. Wenn in der Literatur überhaupt ein Versuch unternommen wird, diese Bedeutungen miteinander so zu verbinden, daß die eine Bedeutung aus der anderen abzuleiten ist, dann wird so argumentiert, daß sich die pejorative Bedeutung aus der augmentativen ergebe. Das würde allerdings voraussetzen, daß in den Augmentativa immer etwas als „größer als normal“ dargestellt würde und daß es deshalb, weil es damit *zu* groß sei, negativ sei. Nun bekommt man aber doch Schwierigkeiten, diesem Gedankengang so zu folgen, wenn man sich die folgenden Beispiele aus dem *Matičin rečnik* anschaut:

„*Nazivala je lenom devojčurjom što danju povazdan drema, a noću krade mast.*“

„*I zbilja – ovaj put je našalost stara babetina pogodila.*“

„*Ako ništa ne pomaže, zvati će Kinezića koju staru baburdu da proklinjanjem izgoni iz djeteta belaja.*“

„*Kisela crna vodurina ... stoji preda mnom netaknuta.*“

Daß im ersten Falle das Mädchen zunächst einmal größer sein sollte als ein normales Mädchen, damit sich aus dieser übernormalen Größe dann eine negative Einstellung des

Betrachters oder Sprechers entwickeln könnte, die im Suffix ihren sprachlichen Niederschlag findet, kann man sich schwer vorstellen, und wie sich aus der Bedeutung „Mädchen, größer als ein normales Mädchen“ schließlich sogar die Bezeichnungsmöglichkeit „Prostituierte“ entwickeln sollte, kann man sich wohl genauso schwer vorstellen. Daß es sich in den nächsten beiden Beispielsätzen um alte Frauen handeln sollte, die wiederum zunächst einmal von besonders großem Wuchs oder auch von besonders großem Umfang wären, aus dem heraus sich dann eine *verächtliche* Bezeichnung ergeben könnte, ist wiederum kaum vorstellbar und daß das Wasser im 4. Beispiel besonders viel sein sollte, also von ihm mehr als sonst in einem Glas oder in irgendeinem anderen Gefäß zu finden ist, kann auch nicht aus dem Text geschlossen werden.

Damit läßt sich das Merkmal „pejorativ“ zwar in der reinen Theorie sehr gut aus einer „Übergröße“ von etwas ableiten, wie ich einmal an anderer Stelle – aus heutiger Sicht – voreilig gemeint habe, doch erschiene die Annahme, daß über die Augmentativa *babetina*, *baburda*, *devočura* und *vodurina* die in *djevojka*, *baba* und *voda* bezeichneten Personen und Gegenstände primär als „irgendwie vergrößert“ dargestellt werden sollten, woraus sich sekundär das Merkmal „verächtlich“ für sie ergeben würde, so abenteuerlich, daß man sich nach einer anderen Lösung des Problems umsehen sollte.

5. Ich meine, daß sich durchaus und sogar relativ leicht eine andere Lösung finden läßt, wenn man den gleichen Weg beschreitet, den ich bei den Deminutiva gegangen bin. Auch hier ließ sich zeigen, daß es leichter und einsichtiger ist, die Kleinheit und die weiteren Merkmale, die den Deminutiven zukommen können, auf der *gleichen* Stufe als *Redebedeutungen* zu behandeln, d. h. auch die Kleinheit aus einer allgemeineren *sprachlichen* Bedeutung abzuleiten, als von der Kleinheit als Grundbedeutung auszugehen und aus dieser heraus alle anderen Bedeutungen ableiten zu wollen.

Das heißt mit anderen Worten: Man könnte weiterkommen, wenn man annimmt, daß auch die Bedeutung der Vergrößerung nur eine *Redebedeutung* ist, die auf der gleichen Bedeutungsstufe wie die Bedeutung der Abwertung steht, und daß beide aus der gleichen sprachlichen Grundbedeutung abzuleiten sind, die zwar natürlich mit „Vergrößerung“ in logischer Verbindung steht, die aber nicht identisch mit ihr ist. Symbolisch dargestellt geht es also nicht darum, von der obenstehenden Bedeutung der Vergrößerung zur darunterstehenden Bedeutung der Abwertung zu gelangen, sondern von einer allen Redebedeutungen zugrundeliegenden Bedeutung „X0“ zu den niederliegenden verschiedenen Redebedeutungen X1, X2 und X3 (oder noch mehr) zu gelangen. Diese Redebedeutungen kommen dann entsprechend nicht schon in der Sprache vor, sondern bilden sich erst beim Reden, und zwar bedingt oder vermittelt durch den Kontext. Der Kontext seinerseits ergibt sich aus demjenigen, was in dem Wort normalerweise bezeichnet wird, das etwas positiv Bewertetes oder etwas negativ Bewertetes sein kann, sodann aus einer bestimmten in der Norm festgelegten Redebedeutung eines Wortes und drittens aus dem, was in dem Satz oder im Text Positives oder Negatives gesagt wird.

Wenn man nämlich für die Deminutiva nicht die Bedeutung „Kleinheit“ zugrundelegt, sondern die Bedeutung „nur weitgehend X, weil X nicht in seinem vollen Maße“, dann lassen sich alle verschiedenen Bedeutungen von Deminutiva wie *pejorativ*, *laskatel'nost'*, *Kleinheit* und *metaphorisch* ohne Schwierigkeiten ableiten und verstehen, und es wird

deutlich, daß im Prinzip *alle* Wörter *alle vier* Bedeutungen haben könnten, wenn sich für sie der entsprechende Kontext herstellen ließe. Damit stellt sich die Frage, ob die Grundbedeutung für die Augmentativa nicht von ganz ähnlicher Natur oder Struktur sein könnte.

6. Ich denke nun in der Tat, daß sie völlig analog zu jener der Deminutiva sein könnte, ja ich denke sogar, daß sie das auch sein müßte, denn daß die beiden Formen von Modifikation logisch aufeinander bezogen sind, hat man ja immer schon geahnt. Wie aber kann man auf die Grundbedeutung kommen? Ich möchte in diesem Falle einen etwas ungewöhnlichen Weg gehen, indem ich zunächst darauf schaue, wie die Sprecher einer Sprache mit dem Phänomen der Augmentation umgehen, in der es keine Ausdrucksmittel für die Augmentation in Form von Suffixen gibt. Das Deutsche ist eine solche Sprache und deshalb also jetzt ein kurzer Blick darauf.

Auch wenn für diese Sprache zwar immer wieder konstatiert wird, es gebe keine solchen Ausdrucksmittel, werden doch immer wieder Zusammensetzungen mit Wörtern wie *Riesen-*, *Mords-*, *Hunde-* oder anderen wenigstens als Äquivalente für Augmentative bezeichnet, wenn sie nicht überhaupt als solche bezeichnet werden. Die vorgestellten Wörter werden dann im übrigen gar nicht zufällig als Präfixoide bezeichnet. Man kann im Deutschen also ohne Schwierigkeiten ein *Riesenkerl* oder ein *Riesenweib* sein, man kann ebenso feststellen, daß eine *Hundekälte* herrscht oder daß man einen *Mordshunger* hat. Ich denke aber, daß die Auffassung, es handle sich hier um Augmentative, falsch ist, und ich denke noch weitergehend, daß es nicht einmal wirkliche Äquivalente für sie sind. Denn solche Art von Steigerungen oder Intensivierungen gibt es in den slavischen Sprachen auch, nur sind sie nicht Wortzusammensetzungen, sondern Wortfügungen, d. h. sie werden mit Adjektiven gebildet wie etwa mit *gigantskij*, *kolossal'nyj*, *volčij golod*. Diese Syntagmen unterscheiden sich aber von den Augmentativen sehr deutlich. Denn dasjenige, was über sie oder auch über die Präfixoide gesteigert wird, bleibt sprachlich immer genau das, was es *ohne* die Attribute oder die Präfixoide auch schon ist.

Bei den Augmentativen liegt die Sache jedoch gerade anders. Hier bleibt dasjenige, was im Basiswort genannt ist, nicht identisch mit sich selber. Es wird vielmehr gerade gesagt, daß es das nicht ist, denn sonst würde ja das gleiche Wort verwendet. Mit den beiden materiell verschiedenen Wörtern wird signalisiert, daß das Modifizierte mit dem Nichtmodifizierten *nicht* identisch ist. Die Auffassung von Babić, ein *brodina* sei ein *brod* + *veliki*, geht entsprechend am Wesen der augmentativen Modifikation schnurstracks vorbei.

Was aber das Wesen der besonderen Modifikation „Augmentation“ ist, kann man sehr gut am Deutschen sehen, obwohl es sie hier, wie schon gesagt, formal als Wortbildungsverfahren gar nicht gibt. Es gibt sie in dieser Sprache aber *lexikalisch*, und ich denke, daß man bei der Analyse entsprechender Beispiele auch sehr gut erkennen kann, worum es bei dem Phänomen der Augmentation eigentlich oder letztendlich geht.

Wenn jemand Gliedmaßen hat, die in ihrer Form oder in ihrem Aussehen ein bestimmtes Merkmal aufweisen, so daß sie in ihrem Aussehen an andere analoge Körperteile von anderen Wesen erinnern, dann werden sie im Deutschen (allerdings auch wiederum nicht nur im Deutschen) sehr gern als solche bezeichnet. Wenn es dabei speziell – und das ist ja unser Fall – um das Merkmal der Größe geht, sagt man für *Hände* gern *Pranken* oder *Flossen*, für die *Beine* *Stelzen* oder *Haxen*, für die *Füße* *Hufe*, für die *Nase* *Rüssel*, für die *Ohren* *Lauscher*,

und wenn es mehr um das Aussehen allgemein geht, dann werden wenig schön gestaltete *Hände* als *Klauen* bezeichnet. Andere Erscheinungen, die Merkmale aufweisen, durch die sie von demjenigen abweichen, was man *normalerweise* von diesen Erscheinungen oder Gegenständen gewöhnt ist oder erwartet, werden ebenfalls mit anderen Wörtern oder Lexemen bezeichnet. *Wasser* also, das undurchsichtig oder untrinkbar ist, wird als *Briihe* bezeichnet, ein *dicker Bauch* als *Kessel*, ein *großer Kopf* als *Ballon* u. v. a. m.

Schaut man sich diesen Vorgang genauer an, kann man Folgendes erkennen: Was sehr häufig mit dem Terminus Metaphernbildung eher verdunkelt als erhellt wird – weil Metapher ja gar nicht mehr heißt, als daß ein Wort für etwas anderes steht als für dasjenige, wofür es normalerweise steht –, ist eigentlich nur das, daß eine *Briihe*, eine *Pranke*, *Haxe* usw. in diesem übertragenen (metaphorischen) Sinne im Kopf des Sprechers zur gleichen Zeit zweierlei Verschiedenes sind: Sie sind zum einen genau das, was *Wasser*, *Hand*, *Bein* oder *Fuß* auch bedeuten, und sie sind zum anderen dieses in *der Weise*, daß sie in einem bestimmten Merkmal über das hinausgehen, was der *kollektiven Vorstellung* der Sprachgemeinschaft von dem entspricht, was mit *Wasser*, *Hand*, *Bein* oder *Fuß* normalerweise bezeichnet wird.

Jeder Mensch hat nämlich eine ziemlich klare Vorstellung davon, wie eine wohl- oder normalgeformte Hand aussieht, und er weiß sofort, wann eine Hand nicht so aussieht. Was diese Gliedmaßen angeht, so können sie in Relation zum ganzen Körper leicht um einiges zu groß sein und damit die Normgröße so weit überschreiten, daß sie den Namen *Hand* eigentlich nicht mehr verdienen. Natürlich ist dem Sprecher bewußt, daß es noch eine Hand ist, sie ist es aber wegen eines bestimmten Merkmals im Übermaß zugleich auch nicht mehr, jedenfalls nicht mehr so, wie es der kollektiven Vorstellung in seiner Sprachgemeinschaft entspricht. Wäre man genau, dürfte man als Sprecher zu ihrer Bezeichnung gar nicht mehr das Wort *Hand* verwenden, ein anderer Ausdruck wäre angemessener, und genau dem wird nun im Deutschen Rechnung getragen. Es wird der andere, eigentlich angemessener erscheinende Ausdruck dafür gewählt. Nur liegt das Problem jetzt gleichsam auf der anderen Seite. Denn auch wenn sie die normale Größe einer *Hand* überschreitet, so ist eine *Hand* keine *Pranke*.

Genau diese „Verlagerung des Problem auf die andere Seite“ wird aber über die Augmentativum vermieden, und darin gründet diese Art der Modifikation als inhaltlich bestimmter Wortbildungstyp. Im Augmentativum wird etwas so bezeichnet, daß es dasjenige, was im Grundwort genannt wird, zugleich ist und doch nicht mehr ist, weil in demjenigen, das mit ihm bezeichnet wird, in irgendeiner Hinsicht, in einer Eigenschaft, in einem Charakterzug oder in einem Merkmal seiner äußeren Erscheinung eine Grenze *nach oben überschritten* wird, eine Grenze, bis zu der es noch genau das wäre, was im Basiswort bezeichnet wird. Und die Analogie zum Wortbildungstyp der Deminuation tritt damit offen zu Tage, denn bei ihr wird ausgedrückt, daß im Bezeichneten eine Grenze *nach unten überschritten* wird, bis zu der es genau das wäre, was im Basiswort bezeichnet wird. Formelhaft ist in diesem letzteren Falle etwas „nur weitgehend, aber nicht wirklich X, weil etwas an ihm oder in ihm zum vollen Maße fehlt“, im ersteren Falle etwas „nur weitgehend, aber nicht wirklich X, weil etwas an ihm oder von ihm in übervollem Maße vorhanden ist“.

Diese Formeln mögen zunächst etwas seltsam klingen, weil sie völlig offen lassen, was denn an einem Bezeichneten oder in einem Bezeichneten fehlt oder in übervollem Maße vorhanden ist, aber das ist auch gerade das Entscheidende an diesen beiden Formen der

Modifikation. Was fehlt oder was in übervollem Maße vorhanden ist, kann im Prinzip alles Mögliche sein, was in der kollektiven Vorstellung zu dem Bezeichneten gehört. Und das ist sowohl die Voraussetzung als auch die Begründung dafür, daß Augmentativa nicht weniger als Deminutiva auch positive Bewertungen des Bezeichneten zum Ausdruck bringen können. Ein *vojnik* z. B. ist ein Soldat, und wenn er ein „richtiger“ Soldat ist, so ist er nach der kollektiven Vorstellung vom richtigen Soldaten auch tapfer. Hat er von dieser Tapferkeit aber „in übervollem Maße“, so wird er als *vojničina* als besonders tapferer Soldat mit diesem Worte sogar ausgezeichnet, und zwar als ein Soldat, der Tapferkeit in einem so hohen Maße besitzt, daß er die kollektiv gesetzte Norm an Tapferkeit überschreitet und von da aus jemand ist, der so weit über einen normalen Soldaten hinausgeht, daß er mit dem Wort für den „richtigen“ Soldaten allein nicht „richtig“ bezeichnet wäre. Da ein solcher *über die Maßen* tapferer Soldat in der betreffenden Gesellschaft nichts negativ Bewertetes ist, so erhält ein *vojničina* auch kein Merkmal „pejorativ“, und also macht dieser tapfere Soldat zugleich auch den Weg frei für die Einsicht, daß das „pejorativ“ nichts mit dem „Übermaß“ als solchem zu tun hat, sondern damit, wie dasjenige, was als „im Übermaß“ vorhanden erkannt, vermutet oder angenommen wird, in der Gesellschaft jeweils bewertet wird.

Dieses „in etwas“ über dem liegt, was kollektiv von dem im Basiswort Bezeichneten gewußt, geglaubt oder erwartet wird, ist es also, was die Augmentativa sprachlich bedeuten. Und sie erweisen sich damit noch einmal als die genauen Gegenspieler zu den Deminutiva, die, noch einmal etwas anders als vorhin ausgedrückt, etwas so bezeichnen, daß es „in einer bestimmten Hinsicht oder Eigenschaft unter demjenigen bleibt, was man von dem Bezeichneten in der betreffenden Sprachgemeinschaft weiß, glaubt oder erwartet“.

Bei den Deminutiva ergibt sich die Wertung als positiv oder negativ nach dem einfachen Algorithmus: Ist dasjenige, was man von dem Bezeichneten weiß, glaubt oder erwartet, in einer Gesellschaft oder vom Sprecher positiv bewertet, so wird das Deminutivum das Bezeichnete negativ darstellen, einfach deswegen, weil etwas Positives fehlt. Ist dasjenige, was man von dem in der Basis Bezeichneten weiß, glaubt oder erwartet, in einer Gesellschaft oder vom Sprecher etwas negativ Bewertetes, so stellt das Deminutivum das Bezeichnete als positiv dar.

Bei den Augmentativa erhalten wir nun ganz entsprechend die genaue Umkehrung. Wird jenes etwas, das in übervollem Maße vorhanden ist, gesellschaftlich positiv bewertet, so hat auch das Augmentativum einen positiven Wert, wird jenes etwas, das in übervollem Maße vorhanden ist, negativ bewertet, so ist das Resultat ein Pejorativum. Grundsätzlich wird in einem Augmentativum ein zu Bezeichnendes aber sprachlich so erfaßt, daß es eine Grenze nach oben so weit überschreitet, daß es kein „richtiges X“ mehr ist, denn wenn es das wäre, dann würde es mit dem Basiswort bezeichnet werden.

7. Ich schließe mit den Beispielen für *devojšura*.

Darüber, was ein *devoška* (*Mädchen*) ist, gibt es in jeder Gesellschaft kollektive Vorstellungen. Man weiß, glaubt oder erwartet, daß ein Mädchen, welches zu Recht mit diesem Namen bezeichnet werden möchte, so und so aussieht, sich so und so benimmt und ganz bestimmte Charaktereigenschaften aufweist. Ist ein Mädchen nun aber größer und kräftiger als ein normales Mädchen, ist bei ihm die Freude am unbeschwerten Herumtollen, Schwätzen oder mit dem anderen Geschlecht seinen Spaß haben im Übermaß entwickelt ist, so ist es ei-

gentlich etwas anderes als ein „Mädchen“. Es ist ein Wesen, das diesen Namen nicht wirklich verdient, und es kann ihn nur in modifizierter Form für sich beanspruchen. Das Augmentativum, das entsprechend zu bilden und zu verwenden ist, sagt aber zunächst einmal nichts darüber aus, in welcher Beziehung oder in welcher Eigenschaft das gewußte, geglaubte oder erwartete Normal überschritten wird. Dies wird erst in der Norm und in der Rede deutlich resp. als Textfunktion festgelegt, und so kann mit *devoičura* in Texten durchaus Verschiedenes signalisiert werden, worin ein Mädchen über das Maß hinaus geht:

Im oben angeführten Beispiel ist dieses die Freude an anderem als an der Arbeit, der Ordnung und der Reinlichkeit; ein solches Mädchen wäre im Deutschen eher eine *Schlampe* als ein Mädchen, denn während ein normales Mädchen oder *devojka* zwar auch gern einmal herumschwätzt, herumtollt und seinen Träumereien nachhängt, vergißt es darüber doch nicht, Ordnung zu halten, der Mutter zur Hand zu sein und sich sorgfältig zu kleiden.

Über die Maßen (also über das Normale hinaus) kann ein *Mädchen* aber auch *körperlich* entwickelt sein, dann wäre es eigentlich eher ein Junge, im Deutschen würde man dann eher von einem „Roß“ sprechen, ein „Roß“ wäre aber kein Mädchen, und also ist *devoičura* angemessener, es bezeichnet ein auffallend großes und kräftig gewachsenes Mädchen.

Geht allerdings der Umgang des *Mädchens* mit dem anderen Geschlecht über dasjenige hinaus, was man von einem normalen *Mädchen* weiß, glaubt oder erwartet, dann wird im Deutschen zu einem solchen Wesen nicht mehr *Mädchen* gesagt, sondern *Dirne* oder *Prostituierte*, und genau dafür steht dann *devoičura* in diesem Falle.

Was also der Sprecher jeweils genau als übermäßig vorhanden oder entwickelt markieren möchte, geht immer nur aus dem Kontext hervor. Die sprachliche Bedeutung von Augmentativa ist folglich allein die, *daß* etwas in demjenigen, das mit dem Ausgangswort bezeichnet wird, über das kollektiv von ihm Gewußte, Geglaubte oder Erwartete hinausgeht, *was* das aber ist, wird uns immer nur im Text verraten.

Literatur

- BABIĆ, Stjepan: Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku: nacrt za gramatiku. 2. izd. Zagreb: Globus 1991.
- Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Hrsg. H. Jachnow. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag 1999.
- Klasici hrvatske književnosti. Urednik: Zvonimir Bulaja. Zagreb: ALT Bulaja Naklada 1999–2000.
- Grammatika sovremennogo ruskogo literaturnogo jazyka. Red. N. Ju. Švedova. Moskva: Nauka 1970.
- Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika. Band 1–6. Novi Sad: Matica srpska 1967–1976; unter dem Titel: Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika. Band 1–2. Zagreb: Matica hrvatska 1967.
- Russkaja grammatika. T. I. Fonetika, fonologija, udarenie, intonacija, slovoobrazovanie, morfologija. Moskva: Nauka 1980.
- Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen. Red. Fr. Daneš, M. Dokulil, J. Kuchař. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd 1967.

Prof. Dr. Jochen Raecke

Slavisches Seminar, Universität Tübingen, Wilhelmstr. 50, D-72074 Tübingen, Deutschland
e-mail: jochen.raecke@uni-tuebingen.de

Wariantywność słowotwórcza a kategorie semantyczne derywatów (na przykładzie gwar)

Jerzy Sierociuk

Mówienie o wariantywności, zwłaszcza na poziomie słowotwórstwa, wymaga na wstępie chociażby zarysowania definicji podstawowego pojęcia opisu. W naszych rozważaniach przez wariant słowotwórczy rozumiemy taką konstrukcję morfologiczną, która przy różnych wykładnikach formalnych reprezentuje tę samą wartość semantyczną (Heinz 1974; Sierociuk 1991). Określenie to wymaga jednak kilka słów dopowiedzenia. O ile bowiem zasadniczo można przyjmować stosunek wariantywności na poziomie formantu słowotwórczego, to już zastrzeżenia budzić może uznawanie za wariantywne elementów wypełniających podstawę słowotwórczą. Przyjmując bowiem, że podstawa słowotwórcza reprezentuje podstawową wartość semantyczną, tę część problematyki słowotwórczej tradycyjnie łączy się z poziomem leksykalnym danego języka. Tym samym zbliżamy się do problematyki opisu relacji synonimicznych.

Wyraźnie rozdzielane na dwie płaszczyzny opisu języka – morfologiczną i leksykalną – przeciwstawianie wariantywności i synonimii wymaga jednak spełnienia podstawowego warunku: występowanie co najmniej dwu jednostek pełniących tę samą funkcję w tym samym podstawowym znaczeniu. W obu wypadkach mamy – w mniejszym lub większym stopniu – do czynienia z możliwością wyboru spośród różnych elementów dostępnych użytkownikowi danego języka.

Zanim przejdziemy do zasadniczych rozważań, przywołajmy kilka przykładów ilustrujących podejmowaną tu problematykę:

- ‘mały kamień’ to m.in.: *kamyk, kamyczek, kamionek, kamyszek*,
- ‘krowa, która bodzie’ to m.in.: *bodula, bodaka, bodzicha, źgaicha, źgajka*,
- ‘ten, kto kosi’ to m.in.: *kosiarz, kośnik, kosinier, kosynier*.

Istotnym wyróżnikiem badań dialektologicznych jest możliwość dysponowania przy analizie poszczególnych przykładów dokładnymi parametrami określającymi miejsce i czas ich zapisu. Współczesna dialektologia coraz częściej zwraca uwagę też na jeszcze jeden istotny parametr: przynależność pokoleniową informatora, od którego analizowany materiał został pozyskany (Sierociuk 2003). Dysponując takimi możliwościami, można bardzo dokładnie naświetlać wzajemne relacje zachodzące pomiędzy poszczególnymi poświadczeniami. Tak więc, połączone z punktu widzenia ogólnej charakterystyki języka narodowego niewątpliwym stosunkiem wariantywności i synonimii, powyższe wyrazy w kontekście analiz dialektologicznych problem ten stawiają w nieco innym świetle.

Jako oboczne formy nazywające ten sam desygnat przywołane wyrazy można traktować jedynie z punktu widzenia ogólnej charakterystyki jednego języka narodowego. W rzeczywistości każdy z tych przykładów ma inny obszar występowania. Nie jest zatem możliwe, żeby ten sam użytkownik gwary miał możliwość wyboru z pary typu *kamionek/kamyszek*. Wyrazy te przynależą do zasobu leksykalnego dwu różnych dialektów polskich: *kamyszek* charakteryzuje gwary Wielkopolski, podczas gdy *kamionek* – jako właściwy

Mazowszu – jest im zupełnie obcy. Podobne zależności daje się obserwować i przy pozostałych przykładach.

Świadomość zależności terenowych powyższego typu w znaczącym stopniu zmienia nasze spojrzenie na podejmowany tu problem. Powtórzmy bowiem: to, co z punktu widzenia ogólnej charakterystyki gwar – jako odmiany języka narodowego – należałoby uznać za połączone stosunkiem wariacji i synonimii, w rzeczywistości dokumentuje zjawisko zgoła odmiennej natury. Wśród lingwistów badających specyfikę poszczególnych odmian języka narodowego istnieje przekonanie, że gwary charakteryzuje bardzo duża wariantywność zwłaszcza na poziomie fleksji i – właśnie – słowotwórstwa (Pelcowa 1996, s. 157), także leksyki (Pelcowa 1995). Uwzględnianie możliwości stwarzanych przez metodologię dialektologiczną pozwala wyodrębnić kilka poziomów rozpatrywania wariantywności: od ogólnonarodowego, poprzez dialektałny (właściwy konkretnemu dialektowi), gwarowy (właściwy danej gwarze) aż do poziomu idiolektałnego, poziomu konkretnego użytkownika lokalnej gwary (Sierociuk 2001, 2004). Tym sposobem wiele zestawień derywatów powszechnie uznawanych za połączone stosunkiem wariacji warunku tego nie będzie spełniać.

W prezentowanym szkicu wariantywność rozpatrywana jest na poziomie idiolektu i gwary. Tu zatem, poza żywotnością zjawiska wpisującego się w charakterystykę języka lokalnego, musimy być świadomi pojawiania się wariantywności powodowanej oddziaływaniem języka ogólnego. Wpływem polszczyzny ogólnej tłumaczyć można oboczne występowanie na konkretnym terenie formantów *-alka* i *-alnia* w kategorii lokatywnej. Na system lokalnej gwary, gdzie ‘pomieszczenie, w którym się śpi’ to *sypialka*, nakłada się ogólnopolska *sypialnia*. W niektórych rejonach Wielkopolski podobną parę tworzą też: *jadalka* i *jadalnia* ‘pomieszczenie, w którym się jada’. Jednak wielu informatorów starszego pokolenia przy nazywaniu tych pomieszczeń nie ma wyboru – dla nich jedynie możliwym typem słowotwórczym są derywaty z *-alka*. Ogólnopolskie *sypialnia* i *jadalnia* z kolei do języka młodszego pokolenia przedostają się poprzez reklamy przemysłu meblarskiego. Rywalizacja tych dwu formantów o identycznej wartości semantycznej (*-alka/-alnia* – *sypialka/sypialnia*) prowadzi oczywiście do przeobrażeń w obrębie siatki relacji semantycznych obu formantów. To jednak – mimo pewnego związku z podejmowaną tu problematyką wariantywności słowotwórczej – wykracza poza ramy niniejszego szkicu.

Przyjrzyjmy się innym przykładom.

Badając system słowotwórczy języka mieszkańców Krerowa (pow. Poznań), pytano między innymi o ‘tego, kto dużo mówi, niekoniecznie mądrze’ oraz ‘tego, kto jest biedny’. Otrzymane odpowiedzi układały się w wyraźnie zarysowane pary opozycyjne: *kletus*, *pierdus*, *biedus* – *kletuśnik*, *pierduśnik*, *biedak*, przy czym wyraźnie dokumentowana była idiolektałna preferencja różnych typów. Informator urodzony w roku 1907 podawał tylko formy z *-us*, jego syn – urodzony w roku 1941 – zaś derywaty z *-nik* i *-ak*. Prawidłowość ta zachowana była też w czasie bezpośredniej rozmowy z oboma mężczyznami. Często się zdarza, że po usłyszeniu formy uznawanej za lepszą jeden z interlokutorów w dalszej części rozmowy niejako „poprawia się”, przejmując formę przywołaną przez osobę młodszą. W przywoływanej sytuacji nic takiego nie miało miejsca. Wedle ojca (rocznik 1907) *jabgy* „o kimś” *opowiadał to sie mówi kawoł kletusa ... pierdusa kawoł*. Syn (rocznik 1941) konsekwentnie przywoływał typ z *-nik*: *kletuśnik*, *pierduśnik*.

W kontekście podejmowanego tu zagadnienia zwraca uwagę obustronna konsekwencja – żaden z informatorów nie podał derywatów utworzonych różnymi formantami, mimo że trudno przyjmować, iż konstrukcje te są im obce. Badania terenowe często przynoszą potwierdzenia rezygnacji przez rozmówców z możliwości korzystania z zestawów form wariantywnych czy też synonimicznych. Kiedy mając poświadczony z innymi rozmówcami użycie formy wariantywnej, pytam o to, czy na dany przedmiot (desygnat) nie mówi się jeszcze jakoś inaczej – zazwyczaj daje się słyszeć: *to jeszcze inaczej mówią...* Zaskakuje rzadkość stwierżeń typu: *to jeszcze się inaczej mówi...* Sytuacja ta wskazuje na bierną znajomość innych nazw, poza używanymi przez siebie. Jednocześnie może wskazywać na właściwą językowi kolokwialnemu ekonomię językową.

Badanie terenowe dowodzą jednocześnie, że rozpatrując problematykę wariantywności słowotwórczej, musimy być świadomi uwarunkowań zazwyczaj nieuwzględnianych przy analizach procesów zachodzących w języku ogólnym. Przy podnoszonym tu zagadnieniu nie możemy nie wspomnieć o swoistych ograniczeniach produktywności słowotwórczej.

Oczywiste dla badacza języka ogólnego konstrukcje – poświadczane powszechnie w dostępnych słownikach języka ogólnego – nie zawsze przynoszą poświadczenia ich terenowej żywotności. Najogólniej rzecz biorąc, zarysowuje się wówczas opozycja, w której istotną rolę odgrywa swoiste zero morfologiczne. Odnosząc to do konkretnego materiału, uzyskamy parę typu **formant: -Ø** (brak formantu). W przywoływanym już tu wielkopolskim Krerowie sytuacja taka obserwowana jest przy stabilnej z punktu widzenia zasad słowotwórczych polszczyzny ogólnej kategorii nazw materiałowych, nazw drzewa po ścięciu. Nie każdy desygnat nazywany jest konstrukcją słowotwórczą. Formant *-ina* – wspólny gwarom i polszczyźnie ogólnej – wykorzystywany jest do utworzenia nazw typu *dębina*, *sośnina*, *grabina*. O wiele rzadziej notowane są derywaty nazywające ‘drzewo śliwy po ścięciu’ czy ‘drzewo gruszy po ścięciu’, mimo – jakby się wydawało, zwłaszcza dla badacza – oczywistej z teoretycznego punktu widzenia *śliwiny* i *gruszczyzny*. W Krerowie informatorzy potwierdzają brak żywotności *śliwiny* i *gruszczyzny*; w innych badanych miejscowościach są one używane, lecz nie przez wszystkich informatorów – pozwala to już mówić o określonej tendencji. Trudno powiedzieć, czy należy tu widzieć inne przyporządkowanie kategoriale, przeciwstawiające nazwy materiałowe derywowane od nazw drzew leśnych derywatom od nazw drzew owocowych. Na obecnym etapie badań problem nie może być jednoznacznie rozstrzygany, niemniej jednak ogląd bogatego materiału pozwala mówić o innym, niż to mamy w wypadku języka ogólnego, zestawie kategorii semantycznych w obrębie gwarowego słowotwórstwa.

Powyższe przykłady jedynie sygnalizują złożoność problemu. Czy przez wariantywność należy tu rozumieć opozycję z brakiem realizacji formantowej po jednej z jej stron? Istnieją bowiem przesłanki, żeby zgodnie z wcześniej przyjętą koncepcją wariantu – różne realizacje formalne przy identycznym znaczeniu – w jednorodnym pod względem semantycznym materiale widzieć układ typu *-ina* : *-Ø*; a więc:

(sośn)ina : (śliw)-Ø

W zaistniałej sytuacji trudno bowiem dopuszczać opozycję typu (sośn)ina : (śliwk)owe (drzewo), która odsyła do przymiotnikowej pary (drzewo) *sosnowe* : *śliwkowe*. Sygnalizowany tu problem wariantywności międzykategorialnej wymaga jednak odrębnych studiów.

Badania dialektologiczne przynoszą potwierdzenia terenowej żywotności jeszcze innego typu uzależnień obowiązujących pomiędzy dwoma jednofunkcyjnymi formantami. Nazwy ‘pola, na którym rosło konkretne zboże’ w gwarach Lubelszczyzny (Sierociuk 1996) dokumentują rywalizację derywatów typu *pszeniczysko* i *pszenicznisko*. Mamy więc w nazwach pól po innych zbożach także pary typu: *jęczmienisko/jęczmiennisko*, *rzepaczysko/rzepaknisko*, także *kapuścisko/kapuśnisko* itp. Problem jednak w tym, że występowanie rywalizujących formantów nie ogranicza się do tego samego obszaru. Nie można tu mówić o konkretnym zasięgu określonego znaczenia kategorialnego danego formantu. Innymi słowy: zasięg jednego derywatu nie wytycza zasięgu żywotności konkretnego formantu w opisywanej kategorii semantycznej. Dla dialektologa takie uwarunkowania przestrzenne nie są zaskoczeniem.

Czy mimo sygnalizowanej specyfiki relacji słowotwórczych zachodzących w gwarach można mówić o wyraźnym powiązaniu wariantywności z określonymi kategoriami semantycznymi derywatów?

Pewne podstawy do formułowania ostrożnych – na obecnym etapie badań – wniosków daje porównawcza analiza materiału pozyskanego od kilku informatorów zamieszkujących ten sam punkt badawczy (Sierociuk 2003). Jeżeli jeszcze w badaniach tych wytypujemy do obserwacji osoby reprezentujące różne przedziały pokoleniowe, wówczas dodatkowo możliwe jest mówienie o stabilności lub zmianach warunkowanych czynnikiem czasu.

Praktycznie nie wchodzi w opozycje wariantywności formanty, które w obrębie danej wartości semantycznej (kategorii semantycznej) mają pozycję elementu dominującego. Jest to możliwe do obserwowania poprzez zestawienia materiału pozwalającego zarysować swoiste monografie wielofunkcyjnej części słowotwórczej, np. *-isko*, *-acz*, *-ek*, *-ik* itp. Dominująca pozycja *-isko* przy tworzeniu derywatów dwu kategorii – nazw miejsc, na których coś było/rosło, oraz nazw augmentatywnych – praktycznie wyklucza pojawienie się konkurencyjnego formantu.

Można jednak wskazać chociaż kilka kategorii, przy tworzeniu których obserwujemy wyraźny związek ze stopniem słowotwórczej wariantywności. Jednoformantowe – i to w przeważającej części gwar polskich – są nazwy składowe prostych narzędzi typu: *kosisko*, *motyczysko*, *siekierzysko*, *toporzysko*, nawet: *cepisko* ‘dzierżak, dłuższa część cepa’ i *oprawisko* ‘trzonek wideł’. Nie wykazują wariantywności też nazwy pól, na których coś było/rosło: *pszeniczysko*, *owsisko*, *żytnisko*, *kapuścisko*, *kartoflisko*. W tej kategorii formant niekiedy może być poszerzany o *-n-* (*pszenicznisko*), co jeszcze bardziej czyni go wyspecjalizowanym znaczeniowo.

Niejako na drugim biegunie sytuują się zwłaszcza dwie kategorie: deminutywa i melioratywa. To one dostarczają najwięcej przykładów par formantów połączonych stosunkiem wariantywności. Dodatkową ich właściwością jest to, że wariantywność dokumentowana jest tak w perspektywie czasowej – w języku informatorów o różnym wieku – jak i w konkretnych idiolektach. W swoiste opozycje wchodzi tu zarówno formanty o zróżnicowanym nacechowaniu emocjonalnym, jak i tożsame znaczeniowo. Z jednej strony są to m.in.: *synek*, *syneczek*, *synuś*, z drugiej zaś pary typu: *wózek/wózik*, *paznokietek/paznokietcik*, *chłopyszek/chłopiec*, *kamyszek/kamyk* (przykłady z gwar wielkopolskich). Niekiedy – jak już to zaznaczałem wyżej – pary te tworzone są przez wyrazy gwarowe i przejmowane z polszczyzny ogólnej.

Zestawiając derywaty połączone stosunkiem wariantywności, zauważyć daje się też powiązanie intensywności tego zjawiska z typem relacji zachodzących między konkretnym formantem a podstawą słowotwórczą, z którą tworzy on daną konstrukcję. Większą stabilność przypisać można formantom o funkcji mutacyjnej; z kolei formanty modyfikacyjne tworzą więcej konstrukcji konkurencyjnych. Chcąc być w zgodzie z przyjmowanymi założeniami, musimy dopuszczać też możliwość uwarunkowań terenowych. Wydaje się – konkretne wnioski wymagają dalszych badań szczegółowych – że właśnie w perspektywie przestrzennej derywaty z mutacyjną funkcją formantu charakteryzują się większą stabilnością. Większą też jednorodność wykazują przy obserwacji przynależności pokoleniowej informatorów, a zatem i w perspektywie czasowej.

Obiecujące rezultaty daje obserwacja potencjału derywacyjnego (nazwotwórczego) wybranych kategorii znaczeniowych. Odpytując w terenie kwestionariusz zawierający po 150 pytań pozwalających pozyskać nazwy reprezentujące dwie kategorie: nomina attributiva i nomina agentis, zauważyliśmy wyraźne dysproporcje wielkości zgromadzonych korpusów materiałowych. Różnice dotyczyły tak całości zbioru, jak i ilości nazw podawanych przez poszczególnych interlokutorów. Największy zbiór – niekoniecznie derywatów – to nomina attributiva. Rozmówcy podawali po kilka określeń osób wyróżniających się jakąś cechą charakterystyczną; ‘ten, kto wszystko robi źle’ w języku mieszkańców jednej ze wsi centralnej Wielkopolski może ich mieć nawet siedem: *nieudacznik*, *niechluj*, *niezdarny*, *niezręczny*, *papudrok*, *partacz*, *patałach*. Na przeciwnym biegunie sytuują się nazwy agentywne; ‘ten, kto maluje’ to jedynie *malarz*; ‘ten, kto pisze’ to wyłącznie *pisarz*. Podobnie jest z bliskimi pod względem znaczeniowym nazwami zawodów: ‘ten, kto robi garnki’ to jedynie *garncarz*; ‘ten, kto brukuje’ to tylko *brukarz*; ‘ten, kto zbiera grzyby’ to wyłącznie *grzybiarz*. O ile też w obrębie nazw atrybutywnych zauważalne jest także wyraźne zróżnicowanie warunkowane przynależnością pokoleniową informatorów, to przykłady grupy drugiej są pod tym względem bardzo stabilne.

Zarysowany tu problem wymaga dalszych badań szczegółowych. Wydaje się, że prowadzone zgodnie z podstawowymi założeniami metodologii badań terenowych poszukiwania mogą przynieść wiele interesujących rozstrzygnięć; dotychczasowe rezultaty są bowiem zachęcające.

Literatura

- HEINZ, Adam: Pojęcie i rola wariantu językowego. In: Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. XXXII. Wrocław 1974, s. 137–157.
- PELCOWA, Halina: Wariantywność leksykalna gwar pogranicza wschodniego Lubelszczyzny. In: Badania dialektów i onomastyki na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim. Białystok 1995, s. 155–166.
- PELCOWA, Halina: Wariantywność a interdialektalność zjawisk gwarowych. In: Prace Naukowe UŚ w Katowicach nr 1577, Prace Językoznawcze 24, Studia historycznojęzykowe. Red. A. Gryboszowa – A. Kowalska. Katowice 1996, s. 156–169.
- SIEROCIUK, Jerzy: W sprawie wariantywności słowotwórczej w gwarach. In: Wariacja w języku. III Opolskie Spotkania Językoznawcze, Szczedrzyk 10. – 11. 10. 1989 r. Opole 1991, s. 175–178.
- SIEROCIUK, Jerzy: Budowa wybranych formacji rzeczownikowych – szczególnie nazw miejsc – w gwarach między Wisłą a Wieprzem. Lublin 1996.

- SIEROCIUK, Jerzy: W sprawie synonimii w polszczyźnie ogólnej i w gwarach. In: *Leksyka a gramatyka w tekście językowym*. Red. K. Wojtczuk. Siedlce 2001, s. 195–203.
- SIEROCIUK, Jerzy: Założenia metodologiczne badań słowotwórstwa gwarowego. In: *Gwary dziś. 1. Metodologia badań*. Red. J. Sierociuk. Poznań 2001a, s. 153–160.
- SIEROCIUK, Jerzy: Wpływ czynnika geograficznego na semantykę gwarowego formantu. In: *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Red. S. Mengel. Münster – Hamburg – London 2002, s. 461–469.
- SIEROCIUK, Jerzy: Założenia metodologiczne badań języka wsi. In: *Poznańskie Spotkania Językoznawcze, t. XI*. Red. Z. Krążyńska – Z. Zagórski. Poznań 2003, s. 131–136.
- SIEROCIUK, Jerzy: Специфика исследований словообразования говоров. In: *Исследования по славянским языкам. 8*. Сеул 2003a, s. 155–167.
- SIEROCIUK, Jerzy: Niektóre aspekty wariantywności słowotwórstwa gwarowego. In: *Slovenčina na začiatku 21. storočia. Na počesť profesora Ivora Ripku*. Red. M. Imrichová. Prešov 2004, s. 24–29.

prof. dr hab. Jerzy Sierociuk

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Instytut Filologii Polskiej, ul. Niepodległości 4, PL-61-874 Poznań, Polska

e-mail: jasier@amu.edu.pl

Univerbáty v lexikálním systému jazyka

Cvetanka Avramova

Bádání o univerbizačních procesech má již v slavistice půlstoletou tradici (Благоева 2003, s. 5). Přesto však nejsou tyto procesy dobře prozkoumány ani v jednotlivých slovanských jazycích, ani v plánu konfrontačním. Samotný termín *univerbizace* nemá jednotný, všeobecně přijatý význam. Mezi nejdiskutovanější otázky stále patří: co je univerbizace; čím se projevuje; jaká je motivační báze univerbizačních jednotek (čes. *univerbáty*, slk. *univerby*, bulh. *универбати, универбативи*, rus. *универбаты*); jaký charakter mají tyto jednotky jako druhotné nominační znaky; je univerbizace jev slovotvorný anebo jev čistě lexikální aj. (srov. přehled různých stanovisek v Kaliszan 1986; Bosák 1987; Нецименко 2003).

To všechno určuje motivy pro výběr tématu tohoto příspěvku. Samozřejmě, v rámci referátu není možné prostudovat všechny sporné otázky zevrubně. Chceme však akcentovat některé základní problémy a nabídnout řešení, která by mohla posloužit k dalšímu bádání univerbizačních jevů v slovanských jazycích.

Jak známo, transformace víceslovných pojmenování (*víceslovné lexémy* – EŠČ 2002, s. 505; *аналитические лексические единицы* – Kaliszan 1986, s. 13) v jednoslovná poprvé zkoumá A. V. Isačenko (Исаченко 1958), který používá pro její označení dva termíny – *univerbizace* a *sémantická kondenzace*. Autor však neuvádí přesné vymezení obou termínů¹, v důsledku čehož se ony v současné jazykovědě používají jako synonyma (viz Kaliszan 1986, s. 4 a tam uvedenou literaturu).

Ve svém článku Isačenko (op. cit., s. 341–343) uvádí *sedm* „případů“ *sémantické kondenzace*: kompozice, spřahování, elipsy jednoho komponentu dvouslovné jednotky (elipsy členu určovaného – substantivizace adjektiva, nebo elipsy členu určujícího), afixální derivace, tvoření tzv. zkrácených složenin v ruské slovotvorbě, částečně i v bulharské (rus. *сложносокращенные слова*, bulh. *съкратени сложни думи*), mezi něž autor řadí také iniciálové zkratky, a další dva případy, které se obvykle pozdějšími badateli (např. Helcl 1963; Широкова 1991, s. 195; Нецименко 2003, s. 291; Благоева 2003) neuvádějí.

Autoři se neshodují ani v tom, jak lze univerbizaci vymezit: jako tendenci, proces nebo slovotvorný způsob. Např. M. Helcl (1963) považuje univerbizaci (v širším smyslu) za tendenci nebo tendence (autor mluví o univerbizačních tendencích), ale charakterizuje ji současně i jako výraz jiné tendence (viz dále). J. Bosák také pokládá univerbizaci v širším smyslu za „všeobecnou tendenci vycházející z principu ekonomie dorozumievacieho procesu (tzv. komunikatívna funkčnosť, ktorá sa uplatňuje vo všetkých jazykových rovi-

¹ „Процессы, связанные с утратой семантической расчлененности,“ říká Isačenko, „можно назвать семантической ‚конденсацией‘. Наиболее наглядно можно проследить процессы такой *семантической конденсации* у лексических единиц, состоящих из двух или нескольких словарных единиц, у так называемых комплексных наименований. Эти комплексные наименования имеют ярко выраженную *тенденцию к универбации*, т. е. к сгущению семантического содержания в одном слове“ (kurziva má, С. А.; Исаченко 1958, s. 340).

nách a má systémový charakter)“. Podle autora univerbizace v užším smyslu se uplatňuje v lexikální rovině a zahrnuje: „1. tvorenie jednoslovných pomenovaní na pozadí viac-slovných motivujúcich pomenovaní, a to: a) deriváciou (*presilová hra* → *presilov-k-a*), b) substantivizáciou (*triedna učiteľka* → *triedna*), c) synekdochou (*skok o žrdi* → *žrd'*), d) kompozíciou (*hráč prvej ligy* → *prvoligista*); 2. simplifikáciou² viac-slovných pomenovaní, a to: a) kontextovú (*vláda ČSSR* → *vláda*), b) skracovaním, akronymizáciou (*Slovenská akadémia vied* → *SAV*)“ (Bosák 1987, s. 232; stejně Horecký – Buzássyová – Bosák a kol. 1989, s. 299).

A. Jedlička (1978) píše o *procesu* univerbizace a univerbizačních *tendencích*, bulharský jazykovědec M. Videnov (Виденев 1976) hodnotí univerbizaci jako slovtvornou *tendenci* i slovtvorný *způsob*.

Ve vědeckých pracích se univerbizace hodnotí nejen jako samostatná tendence, nýbrž i jako výraz jiné tendence: *tendence po odstranění rozporu mezi jednotností významu a dvojitostí formy* (Helcl 1963)³ nebo *tendence k jazykové ekonomii* (Нещименко 2003). Mluví se také o tendenci k univerbizaci (např. Сидоренко, Е. Н. 1993).

Bulharský lingvista V. Murdarov navrhuje rozlišovat *slovtvorný způsob* „*универбуране*“ (čes. příp. *univerbování*) a *celkovou tendenci k univerbizaci* (bulh. *универбузация*), která se projevuje v spisovném jazyce na základě principu jazykové ekonomie (Мурдаров 1983, s. 115). Podle autora se z ústní normy spisovného jazyka univerbování snaží proniknout také do normy písemné „především na základě tendence k celkové univerbizaci jakož výraz demokratizace spisovného jazyka“ (překlad C. A.; op. cit., s. 113). Jsou zde vidět styčné body s výše uvedeným stanoviskem J. Bosáka. Po Murdarovovi V. Radeva (Радева 1991) také charakterizuje univerbování v bulharštině jako specifický slovtvorný způsob (op. cit., s. 55), ale i jako „tendence v jazykovém rozvoji“ (s. 57).

Rozdíly ve vymezení univerbizace (univerbování) pocházejí do velké míry z toho, že v jazykovědě donedávna neexistovala přesná definice pojmu tendence (o tom viz podrobněji Аврамова 2003, s. 54–57). Ve shodě s definicí navrženou K. Gutschmidtem (1998a, 1998b) pokládáme snahu o ekonomii jazykových prostředků a snahu o co nejpřesnější uvádění informace za *obecné komunikační principy*, nikoli za jazykové tendence.

Přijímáme rozlišení *univerbizace jako tendence* k tvoření jednoslovných nominačních jednotek z několikaslovných na základě principu jazykové ekonomie a *univerbizace jako aktu nebo procesu* tvoření univerbovaných jednotek. Dále v příspěvku budeme mít na mysli univerbizaci jako slovtvorný akt nebo proces. Pro souhrnné označení univerbizační tendence i univerbizačního aktu/procesu budeme zde používat jen termín univerbizace, protože bulharský termín *универбуране* (čes. příp. *univerbování*) se nepoužívá všeobecně.

Obvykle se za univerbizaci považuje náhrada reproduktivních ustálených víceslovných pojmenování sémanticky totožnými jednoslovnými jednotkami, nezávisle na tom, jakými

² Jiní autoři (např. Masár 1990, s. 269) nepovažují simplifikaci za projev univerbizace.

³ „Univerbizace (v širokém významu) není sama ani slovtvorným postupem, ani slovtvorným prostředkem, nýbrž výrazem *tendence po odstranění rozporu mezi jednotností významu a dvojitostí formy*; využívá k dosažení cíle různých slovtvorných postupů. Lze jich stanovit celkem šest. Mezi nimi jeden, spřáhování nebo srážení slovní skupiny ve spřežku, odpovídá svou podstatou tomu, co je původním, dnes ovšem již jen užším významem slova univerbizace, tj. spojování dvou (řidčeji i více) samostatných slov v jedině“ (kurziva má, C. A.; op. cit., s. 36).

formálními operacemi, jakými způsoby tato transformace proběhla: kompozicí, juxtapozicí (spřahováním), sufixální derivací (včetně derivace pomocí nulového sufixu, jednoho z projevů tzv. paradigmatické derivace), substantivizací adjektiva, elipsou specifikujícího adjektiva, tvořením zkratkových slov, tvořením tzv. zkrácených složenin, různými druhy metonymie, zvl. synekdochou (srov. např. Helcl 1963; Виденов 1976; Kaliszan 1984, 1986; Bosák 1987; Masár 1990; Широкова 1991; Радева 1991; Pančíková 1993; Szczepańska 1994; Ферм 1994; ESČ 2002, s. 505, aj.; mezi uvedenými autory existují drobné rozdíly).

„V užším vymezení jsou někdy za univerbizaci považovány jen první dva typy, tj. případy, kdy univerbizovaná jednotka zřetelně uchovává po stránce významové i formální základy, z nichž vznikla“ (ESČ 2002, s. 505). Na rozdíl od Kaliszana, který pokládá za univerbizaci každý případ, v němž dochází ke strukturální kompresi bez ohledu na to, zda proběhla také komprese sémantická (sémantická kondenzace), O. M. Sidorenko (Сидоренко 1992, s. 45) zastává názor, že je třeba řadit do univerbizace jen případy, kdy dochází k obojí kompresi: strukturální i sémantické. Z tohoto hlediska autor nepokládá kompozici (*словоскладання*), spřahování (*зрощення*), abreviaci (včetně tvoření tzv. zkrácených složenin) za univerbizační způsoby. Jako takové hodnotí jen sufixální derivaci, elipsu označovaného členu motivující jednotky, substantivizaci a některé případy nulové sufixace (viz podrobněji Сидоренко 1992, s. 45–46). Obdobné stanovisko zaujímá také Je. N. Sidorenko (Сидоренко 1993)⁴.

V české slovtvorbě, i když se do univerbizace teoreticky zařazují kompozice (včetně spřahování) a abreviace (viz např. Helcl 1963; Jedlička 1965, 1978; Martincová 1983, s. 86–89⁵; Ziková 1998; ESČ 2002), prakticky se za výsledky univerbizace považují jen jednotky tvořené z dvouslovných, řidčeji víceslovných pojmenování sufixální derivací typu *maturitní ples* → *maturitňák*, *minerální voda* → *minerálka* (Dokulil 1962; ESČ 2002). Obdobné stanovisko zastávají někteří ruští autoři (např. Лопатин 1973; Земская 1996).

Bulharští lingvisté V. Murdarov (Мурдаров 1983) a D. Blagoeva (Благоева 2003) také vylučují kompozici a abreviaci ze způsobů tvoření univerbizovaných jednotek. Motivem pro vyloučení kompozice pro Murdarova je fakt, že kompozita uchovávají svou strukturální analytičnost, kdežto při univerbizaci tato analytičnost bývá úmyslně zrušena (Мурдаров 1983, s. 114).

V některých pracích (Dokulil 1962, s. 27–28, 111–117; Радева 1991, s. 55–58; Ферм 1994, s. 54–55) se setkáváme se stanoviskem, že univerbizace jako akt tvoření nominačních jednotek se týká jen motivačního vztahu; na formální úrovni ona nepoužívá vlastní slovtvorné prostředky a způsoby. V české slovtvorbě se mluví o motivaci univerbizací (Dokulil 1962; ESČ 2002). V našem pojetí se motivace týká nejen sémantické, nýbrž i formální stránky derivačního aktu. Proto pokládáme celou výchozí víceslovnou jednotku za motivující a slovtvorný základ univerbátu. Je ovšem fakt, že univerbizace nepoužívá vlastní slovtvorné prostředky. Z toho vlastně vznikají potíže, jak co do vymezení univerbizace, tak co do zjištění rozdílů mezi univerbáty a ostatními motivovanými jednotkami.

Ze slovtvorného hlediska *budeme za univerbizaci považovat jen tvoření jednoslovných pojmenování z paralelně existujících pojmenování víceslovných za pomoci formál-*

⁴ Autor vylučuje substantivizaci.

⁵ V citované práci autorka vylučuje z projevů univerbizace zkratková slova.

ních prostředků. Z tohoto hlediska nebudeme zde probírat různé druhy elipsy: substantivizace, nebo tzv. лексическое включение (*сестра* ← *медицинская сестра*, *сад* ← *детский сад*)⁶, jakož i druhy metonymie. V návaznosti na O. M. Sidorenka (Сидоренко 1992, s. 45) budeme mezi univerbáty řadit jen jednotky vzniklé *strukturní a sémantickou kompresí*, a to sufixací (včetně nulového formantu). (Co se týká kompozit a zkratk, máme za to, že jen v některých případech je možno připustit motivaci univerbizací.)

Je také sporné, zda jednotky typu bulh. *кабел* ‘кабелна телевизия’, *ефир* ‘ефирна телевизия’, *сателит*¹ ‘сателитна антена’, *сателит*² ‘сателитен канал’, rus. *гигант* ‘гигантский слалом’, *синхрон* ‘синхронный перевод’, *маршрут* ‘маршрутное такси’, čes. *самет* ‘sametová revoluce’, *satelit*¹ ‘satelitní anténa’, *satelit*² ‘satelitní turnaj’, *sendvič* ‘sendvičový panel’ aj., které se shodují s již existujícími slovy, lze pokládat za univerbáty. Jako takové je hodnotí např. D. Blagoeva (Благоева 2003). Zdá se nám však, že ke každému jednotlivému případu je třeba přistupovat diferencovaně, protože univerbizaci lze konstatovat, jen když vyloučíme případný metonymický přenos⁷.

Stanovení pevných kritérií pro vymezení univerbizace dovolí také vyhnout se příliš širokému chápání, kdy se za univerbizaci přijímá téměř každý derivační akt (v širokém smyslu – jako akt tvoření motivovaných slov), jak se občas dělá, srov. např.: *dynamowiec* ← *członek klubu Dynamo*, *łękowiec* ← *pacjent cierpiący na stany łękowe*, *organik* ← *specjalista (w dziedzinie) chemii organicznej* (Buttler 1978), *afrykanista*, *japonista* ‘znawca, badacz Afryki, języka japońskiego’, *brygadowiec* ← *członek brygady* (Buttler 1977), *mazutár* ‘robotník energetických zariadení na mazut’, *pečivár* ‘kto sa učí vyrábať trvanlivé pečivo’, *plstiar* ‘kto sa zaoberá spracovaním plsti’ (Horecký – Buzássyová – Bosák a kol. 1989, s. 302–303; obdobně Szczepańska 1994; viz také příklady uvedené Kaliszanem 1986, s. 22–23).

Souhlasíme, že za výsledky univerbizace lze přijmout jen jednotky utvořené z *ustálených, reproduktivních synonymických víceslovných jednotek, které se používají paralelně s jednoslovnými jednotkami* (Dokulil 1962, s. 115; Kaliszan 1984, 1986; Широкова 1991; Сидоренко 1992; Нецименко 2003; Благоева 2003). Zároveň je nezbytné vzít v úvahu fakt, že velmi často existují potíže při rozlišování víceslovných pojmenování od volných spojení slov, od interpretačních (v terminologii G. P. Něščimenkové) popisných nominací. Protože je prakticky možné popsat slovtvorný význam každého odvozeného (motivovaného) slova slovtvornou parafrází, je nutno dělat rozdíl mezi „ustálenou motivací“ a interpretací badatele (o tom viz Нецименко 2003). Není to však prakticky vždy možné.

Největší potíže z tohoto hlediska způsobují jednotky jako bulh. *алтернативник*, *надзорник*, *полярник*, *шестак*, čes. *parkovník*, *guták* aj., které bychom mohli hodnotit jako univerbáty vzniklé ze sousloví *военнослужащ на алтернативна служба*, *член на надзорен съвет/член на надзорна комисия*, *член на полярна експедиция*, *служител*

⁶ Lze uvažovat, zda jednotky typu bulh. *адрес* ‘електронен адрес’, *борд*¹ ‘валутен борд’, *борд*² ‘борд на директорите’, *импулс* ‘телефонен импулс’, rus. *карта* ‘магнитная карта’, *страница* ‘електронная страница’, čes. *adresa* ‘elektronická adresa’, *záznamník* ‘telefonní záznamník’ aj. vznikly univerbizací, jak předpokládá D. Blagoeva (Благоева 2003), nebo sémantickou derivací, jak je hodnotí M. Lilova (2002). Přikláníme se spíše k druhému názoru.

⁷ Na tuto možnost poukazuje Kaliszan (1986, s. 54–56). Autor však zastává stanovisko, že všechny podobné jednotky vznikly univerbizací.

в Шести отдел (на Държавна сигурност), parkovací automat, figurína s gumovým obličejem, nebo jako „obučejně“ deriváty: ‘този, който изпълнява алтернативна военна служба’, ‘този, който е член/този, който членува в надзорен съвет/надзорна комисия’, ‘този, който е член на полярна експедиция/който участва в полярна експедиция’, ‘този, който работи в Шести отдел’, ‘to, co slouží na placení parkovného’, ‘to, co má gumový obličej’ (možnost dvojí interpretace podobných jednotek uvádí také Martincová 1983, s. 88).

Příznačné je to, že jako univerbáty v pravém slova smyslu („opravdové univerbáty“) jsou tyto jednotky formálně utvořeny z jednoho slova, ale sémanticky jsou motivovány nikoli slovem, nýbrž souslovím, které je možno zrekonstruovat (reprodukovat), když je to nutné. Otázka je v tom, zda se tato sousloví opravdu v jazyce používají a jak často se to dělá ve srovnání s jednoslovnými pojmenováními. Není-li tehdy zapotřebí, kromě požadavku paralelní existence obou nominačních jednotek – víceslovné a jednoslovné –, zformulovat ještě požadavek, aby obě jednotky měly přibližně stejnou frekvenci použití (i když v různých varietách a stylech)? Zdá se nám, že ano. Víceslovná spojení se navíc vyznačují strukturální nepevností, tj. existují v různých variantách, což dělá jejich lexikalizaci spornou. Proto substantiva vzniklá z takových spojení se některými autory charakterizují jako „pomezni případ univerbizace“ (пограничный случай универбации; Ферм 1994, s. 56). Ze sémantického hlediska substantiva jako *алтернативник*, *парковник* aj. se neliší od obvyklých derivátů – jsou to nomina agentis, nomina pertinentia, nomina attributiva, nomina instrumenti (o významu těchto termínů viz Аврамова 2003).

Jednou z dosud nevyřešených, ale nejdůležitějších otázek zůstává otázka: čím se univerbáty liší od ostatních odvozených slov (v širokém smyslu)? Rozdíl se často hledají na onomaziologické úrovni. Vyjadřuje se názor, že po stránce onomaziologické derivací (v širokém smyslu) vznikají pojmenování pro dosud nepojmenované denotáty, že odvozená slova zaplňují „lexikální deficit“, kdežto univerbizace spočívá v transnominaci, verifikaci pojmu, který byl již v jazyce pojmenován (Kaliszan 1986, s. 20–21). Jinými slovy, univerbizace je prostředek druhotné nominace (transnominace); v tom smyslu se její výsledky hodnotí jako „znaky druhého stupně redukce“ (Kaliszan 1986, s. 82–83; stejně Сидоренко 1993, s. 111), kdežto při derivačních procesech dochází k nominaci prvotní (Kaliszan 1986, s. 21; stejně Благоева 2003, s. 6). Nominací prvotní se rozumí přiřazení jména k určitému předmětu, který ještě není jazykově pojmenován; nominací druhotní se rozumí přiřazení nového jména k předmětu již pojmenovanému (viz Kaliszan 1986, s. 21 a tam uvedenou literaturu). Transnominací jednotky v tom smyslu jsou však nejen univerbáty, nýbrž všechna odvozená slova, která vznikají nikoli pro pojmenování nového denotátu, nýbrž pojmenovávají daný předmět novým způsobem (novou formou), např. jednotky vzniklé úpravou existujícího lexému (srov. také Martincová 1983; Gazda 1991; Ziková 1998).

Není bez zajímavosti také názor V. V. Lopatina, že všechny univerbáty vznikají především s nominativním záměrem (viz podrobněji Лопатин 1978, s. 75).

Každé odvozené (motivované) slovo bez ohledu na to, zda pojmenovává dosud nepojmenovaný předmět, nebo jiným způsobem (jinou formou) pojmenovává předmět už pojmenovaný, má nominační funkci. Některá slova mají navíc funkci hodnotící, expresivní (není to však závazné). Např. v češtině slovo *komunista*, bulh. *комунист*, srb.

коммунист(a) je neutrální, kdežto slova čes. *komouš*, bulh. *комуњага*, srb. *комуњага* jsou silně expresivní, pejorativní. Tato slova označují totéž, co slovo *komunista*, ale vyjadřují kromě toho vztah nositele jazyka k pojmenovávanému denotátu.

Z jiného hlediska lze charakterizovat *každé* derivované (motivované) slovo jako druhotný jazykový znak, protože nepojmenovává daný předmět přímo, nýbrž pomocí jiného lexému (jiných lexémů), tj. derivované (motivované) slovo je znak s dvojí referencí (Кубрякова 1981, s. 9–10).

Podle Kaliszana (1986, s. 20) u derivačních procesů dochází k překódování jednotek patřících k jedné rovině do jednotek jiné roviny: volné spojení jako jednotka syntaktické roviny se transformuje v slovo – jednotku roviny lexikální –, kdežto univerbizační procesy se uskutečňují v rámci jedné roviny – lexikální. Autor vyslovuje názor, že z onomaziologického hlediska vzniku kteréhokoli nového slova (s výjimkou analogického a korelačního tvoření slov – viz Кубрякова 1981) předchází určitý popis – svérázná definice pojmu, který má být pojmenován. Tato definice (sémantický popis daného fragmentu skutečnosti) je pramenem motivace nového slova, jeho hloubkové sémantické struktury (nebo, podle definice B. Kreji, jeho „předslotovornou parafrází“ – parafraza przedśłowotwórcza). Rozdíl mezi univerbáty a deriváty je nutno hledat podle Kaliszana právě v jejich hloubkové struktuře⁸, v charakteru popisné konstrukce, která je reálním pramenem vzniku nového slova: pro univerbáty bývá takovou konstrukcí analytická nominační jednotka, kdežto pro ostatní odvozená slova – predikativní jednotka, protože „slotovorný proces v pravém smyslu spočívá v přechodu od znaku-sdělení k znaku-pojmenování“ (Kaliszan 1986, s. 79–82; autor se odvolává na Кубрякова 1981, s. 36).

Většina autorů se shoduje v tom, že univerbizované jednotky vyjadřují stejný *lexikální* význam, který vyjadřují jim odpovídající víceslovné lexémy, tj. mezi univerbáty a synonymními souslovími je vztah sémantické totožnosti (Kaliszan 1986; Широкова 1991; Благоева 2003 aj.). G. P. Neščimenko (Нещименко 2003, s. 290–291) však uvádí, že při strukturální transformaci víceslovné jednotky v jednoslovnou kondenzuje univerbizovaná jednotka sémantiku víceslovné jednotky, ale v trochu modifikované podobě, slov.: „...в ходе структурного преобразования мультиверба в универб (однословное наименование) утрата информации не происходит, поскольку последний конденсирует в себе его семантику, вбирая в себя в концентрированном (и соответственно несколько модифицированном) виде семантический потенциал элиминируемых структурных компонентов мультиверба“. Při tom autorka navazuje na A. Jedličku (1981; cit. podle Нещименко 2003, s. 291), který mluví jen o *pojmenovací (nominační), nikoli o sémantické totožnosti mezi oběma jednotkami*. S tímto stanoviskem úplně souhlasíme.

Specifičnost univerbátu nelze hledat ani v idiomatičnosti jeho lexikálního významu (chápané jako nemožnost objasnění lexikálního významu slova prostou sumou významů jeho strukturálních komponentů), protože idiomatičnost je příznačná i pro další motivovaná slova, např. pro mutační jednotky (viz např. Kaliszan 1986, s. 73–84 a tam uvedenou literaturu; autor však zastává názor, že idiomatičnost je příznačná pro *všechna* odvozená slova).

Lingvisté hledají rozdíl mezi univerbizačními a derivačními (v širokém smyslu) jednotkami v charakteru jejich slotovorného významu. Kaliszan (1986, s. 83–84) zdůraz-

⁸ Takto vymezená hloubková struktura je v našem pojetí spíše struktura povrchová (viz dále).

ňuje, že „komplexní jednotka jako transformovaný analog výchozího soudu zachovává, i když v latentní podobě, typ a charakter vztahu mezi onomaziologickou bází a onomaziologickým příznakem pojmenování. Daná sémantická veličina, která v skryté podobě fixuje vztah mezi bází a příznakem v komplexní jednotce a kterou si při každém jejím použití nositelé jazyka uvědomují, je analogická tzv. slovtvornému významu obyčejných derivátů“. (Autor se odvolává na definici slovtvorného významu [dále SV] u Kubrjakovové [Кубрякова 1981, s. 102] a Lopatina [Лопатин 1973, s. 99].) Při univerbizaaci se tato relace netvoří znovu pokaždé, nýbrž ji jednoslovná jednotka dědí z jednotky víceslovné. Ve shodě s tím nemají podle Kaliszana univerbáty SV v tom smyslu, v jakém mají SV obyčejná odvozená slova (op. cit., s. 83–84). Kaliszan zastává názor, že funkce derivačního formantu sufixálních univerbátů je odlišná od funkce sufixálních derivátů. Ve shodě s ruskou tradicí autor považuje totiž formant u derivátů za nositele jejich SV. Při univerbátech podle Kaliszana formant poukazuje na zcela vymezený obsah, je svérázným ekvivalentem slova vypuštěného v univerbizačním aktu (op. cit., s. 84).

Ve stejné práci o několik stran dříve však Kaliszan píše, že slovtvorný formant je vždy (autor má na mysli sufixální deriváty i sufixální univerbáty – pozn. C. A.) lexikálně určen, nemá konkrétní lexikální význam, jeho funkce se prakticky omezuje na vyjadřování maximálně abstraktního významu substanciálnosti (op. cit., s. 76–77).

S posledním tvrzením Kaliszana souhlasíme. Na podporu tohoto tvrzení uvedeme, že některé formanty mají konkrétnější význam, kdežto jiné vyjadřují význam maximálně obecný. Např. v bulharštině (také v jiných slovanských jazycích) formant *-мел/-tel* tvoří nomina agentis nebo nomina instrumenti, *-ар/-ar* – nomina agentis, nomina instrumenti, nomina pertinentia, nomina attributiva, *-ак/-як* – nomina attributiva, nomina collectiva a *-ка/-ka* – slova z různých slovtvorných kategorií (SK). Vlastně v případech, kde formanty plní různé funkce – zařazují odvozená slova do různých SK (a vyjadřují různý význam: ‘agentivnost’, ‘instrumentálnost’, ‘attributivnost’ atd.)⁹ –, bychom měli uvažovat o existenci homonymie, nikoli o polysémii mezi nimi.

Nemůžeme však souhlasit s tvrzením, že formant vyjadřuje SV, je nositelem SV. V odborné literatuře už existuje řada prací (Кубрякова 1981, 1987, 1999a, 1999b; Балтова 1987, 1988, 1999a, 1999b, 2000 aj.)¹⁰, které přesvědčivě dokazují, že SV vlastní *všechna* odvozená slova (v širokém smyslu), nikoli jen sufixální. Z onomaziologického hlediska se přijímá, že SV má tříčlennou strukturu: je určován onomaziologickou bází (OB), onomaziologickým příznakem (OP) a vztahem, relací mezi nimi. Podle Kubrjakovové tento vztah lze vyjádřit ve formální struktuře odvozeného slova (např. formantem), kdežto podle Baltovové je vztah jen na sémantické úrovni (názory obou autorek lze srovnat v Аврамова 2003, s. 30–31). Z hlediska sémantické syntaxe SV je „invariantní typový strukturní význam slovtvorně členitelných lexikálních jednotek. Formuje se na základě elementů báze predikátově-argumentové struktury (PAS) a na jazykové úrovni se popisuje pomocí slovtvorné parafráze. Takovým způsobem se slovtvorná parafráze určuje jako predikátově-argumentový výraz určité PAS, která se nachází v základu daného typu nebo dané kategorie odvozených slov“ (překlad C. A.; Балтова 2000, s. 170; stejně Балтова 1999a, 1999b aj.).

⁹ Termín *význam* používáme v smyslu „obsah jazykového znaku“ (EŠČ 2002, s. 544); *funkci* chápeme jako „úkol“, který jazykové prostředky plní s ohledem na lidské výrazové potřeby (op. cit., s. 144).

¹⁰ Není zde možno uvést všechny práce obou autorek věnované této problematice; citujeme proto jen některé.

Jak z onomaziologického, tak ze sémanticko-syntaktického hlediska tedy SV mají nejen „obyčejná odvozená slova“, ale i univerbáty. Ve struktuře univerbátu se vyjadřuje explicitně jen určující člen motivující mnohoslovné jednotky (je to nejčastěji adjektivní základ)¹¹, kdežto sufix poukazuje obecně na substanci, která je charakterizována příznakem vyjadřovaným motivujícím základem. Na slovtvorné úrovni se explikuje jen obecný strukturální (slovtvorný) význam. Je možné strukturální význam vyjádřit konkrétněji nebo obecněji, v závislosti na tom, do jaké míry univerbovaná jednotka uchovává morfémovou strukturu té části výchozí jednotky, která vchází do jeho struktury, např.: bulh. *наливняк* ‘това, което е наливно/това, което се налива’, *кримка* ‘това, което е криминално’, *ментарка* ‘това, което е менте (= фалшиво)’, čes. *finančák* ‘to, co se týká finance; to, co je finanční’, *singlovka* ‘to, co se týká singlu’, *mimořádká* ‘to, co je mimořádné’, *texták* ‘to, co se týká textu; to, co je textové’ aj. Konkrétní lexikální význam (LV) univerbátů se odhaluje v kontextu. Když je motivující základ značně zkrácený, je téměř nemožné určit strukturální význam univerbátů, srov. *multák* ← *multivitaminový nápoj*, *multivitaminový přípravek*; *roska* ← *roztroušená skleróza*. V těch případech vyniká nejpatrněji závislost univerbátů na kontextu, ve kterém se používají – na kontextu, který nám může napovědět jejich lexikální (tudíž také jejich slovtvorný) význam. Zdá se nám, že právě tato závislost na kontextu představuje jeden z podstatných specifických rysů univerbátů ve srovnání s ostatními motivovanými slovy (deriváty, kompozita) a sbližuje je do určité míry se zkratkami.

Slovtvorná parafráze (SP) je rekonstruování předpokládané výchozí propozice, výchozí PAS motivovaného slova. Toto rekonstruování se uskutečňuje pomocí logických operací a je možné díky tomu, že je badateli znám LV motivovaného slova. Uvedeme následující příklad: jestliže cizinec učící se česky neví, co znamená neologismus *autař*, mohl by si pomyslet, že to slovo znamená: člověk, který má rád auta/má v oblíbě auto (jako *džípař I*); člověk, který řídí auto (jako *džípař III*); člověk, který má auto (jako *džípař II*, *favoritář I*); člověk, který vykrádá auta (jako *slepičář*). Z těchto potenciálních možností je zatím realizována jen ta poslední. Formální struktura „obyčejných“ motivovaných slov umožňuje přesněji rekonstruovat jejich výchozí PAS, na jejichž základě se formuje jejich lexikální sémantika. Při univerbátech, zvláště když zachovávají mnohem menší část odvozuující/motivující jednotky, je velmi těžko nebo dokonce (téměř) nemožno zrekonstruovat jejich výchozí PAS (viz výše uvedené příklady). V tom podle nás tkví základní rozdíl mezi univerbáty a ostatními odvozenými (motivovanými) slovy. Když nejsou známé motivující jednotky, není možné určit s jistotou LV univerbátů a u některých ani jejich SV.

Na závěr se vracíme k otázce (ve výkladu jsme vlastně už odpověděli), zda jsou univerbáty jednotky lexikální nebo slovtvorné úrovně. Zastáváme názor, že univerbáty utvořené slovtvornými prostředky a slovtvorným (tj. morfologickým, nikoli sémantickým) způsobem je třeba hodnotit jako slovtvorné jednotky. Současně kvůli své lexikální povaze (svému lexikálnímu charakteru), stejně jako ostatná motivovaná slova, jsou univerbáty také jednotky lexikální úrovně. Pokud se pod „tvořením slov“ (slk. *tvorenie slov*, bulh. *словообразуване*, rus. *словообразование*, slovin. *besedotvorje*, srb. *творба речу* atd.) rozumí tvoření jednoslovných lexémů (lexémů-slov), nikoli lexémů víceslovných (lexé-

¹¹ Jde o univerbáty vzniklé sufixací.

mů-slovních spojení), univerbizace, jsoucí transformování víceslovných lexémů v jedno-slovné, je slovtvorný způsob (i když specifický, protože nepoužívá vlastní prostředky).

Literatura

- АВРАМОВА, Цветанка: Словообразовательни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX в. София 2003. 259 с.
- БАЛТОВА, Юлия: Рабочая модель для сопоставительного исследования близкородственных языков. In: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Москва 1987, с. 5–10.
- БАЛТОВА, Юлия: Към проблема за семантиката на производната единица. In: Проблеми на съвременното българско словообразуване. София 1988, с. 121–136.
- БАЛТОВА, Юлия: Словообразовательное значение в структуре лексикографической дефиниции производных слов. In: Новые пути изучения словообразования славянских языков. (2-ое заседание Международной комиссии по славянскому словообразованию, Магдебург, 9. – 11. 10. 1997.) Sonderdruck 1999a, с. 129–136.
- БАЛТОВА, Юлия: Об отношении между словообразовательным и лексическим значением производного слова. In: Semantyka a konfrontacja językowa. 2. Warszawa 1999b, s. 97–102.
- БАЛТОВА, Юлия: Словообразуване и синтаксис. In: Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand/Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. Innsbruck 2000, с. 167–174. ISBN 3-85124-200-9.
- БЛАГОЕВА, Диана: Универбизацията в най-новото славянско словообразуване (върху материал от българския, руския и чешкия език). In: Съпоставително езикознание, 2003, 3, с. 5–21.
- ВИДЕНОВ, Михаил: Универбизацията – присъща черта на българския разговорен стил. In: Език и литература, 1976, кн. 4, S. 28–35.
- ЗЕМСКАЯ, Елена А.: Активные процессы современного словопроизводства. In: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва 1996, с. 90–141.
- ИСАЧЕНКО, Александр В.: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. In: Slavia, 1958, гоџ. XXVII, сеџ. 3, с. 334–352.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Типы языковых значений. Семантика производного слова. Москва 1981.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков. In: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Москва 1987, с. 39–46.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода). In: Новые пути изучения словообразования славянских языков. (2-ое заседание Международной комиссии по славянскому словообразованию, Магдебург, 9. – 11. 10. 1997.) Sonderdruck 1999a, с. 23–36.
- КУБРЯКОВА, Елена С.: Проблемы словообразовательной семантики (аффиксы и их роль в формировании словообразовательного значения). In: Актуални проблеми на българското словообразуване. София 1999b, с. 35–44.
- ЛИЛОВА, Мария: Обновяване на българската лексика чрез семантична деривация. Дисертация за получаване на научната и образователна степен „доктор“. София 2002.
- ЛОПАТИН, Владимир В.: Рождение слова. Москва 1973. 150 с.
- ЛОПАТИН, Владимир В.: Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов. In: Новые слова и словари новых слов. Ленинград 1978, с. 72–80.
- МУРДАРОВ, Владко: Съвременни словообразовательни процеси. София 1983.

- НЕЩИМЕНКО, Галина П.: Проявление тенденции экономии в номинации славянских языков. In: *Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1*. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slavistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 2003, s. 288–306. ISBN 83-86881-35-6.
- РАДЕВА, Василка: Словообразуването в българския книжовен език. София 1991.
- СИДОРЕНКО, Евдокия Н.: К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков). In: Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. Отв. ред. Л. Н. Смирнов – Ю. Е. Стемковская. Москва 1993, с. 110–124.
- СИДОРЕНКО, О. М.: Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві. In: *Мовознавство*, 1992, 4, с. 42–47.
- ФЕРМ, Людмила: Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). (*Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia*. 33.) Uppsala 1994.
- ШИРОКОВА, Олександра Г.: Дериwаційна універбізація в чеській мові. In: *Функціонування і розвиток сучасних слов'янських мов*. Київ 1991, с. 194–210.
- BOSÁK, Ján: O vymedzení univerbizácie. In: *Slovenská reč*, 1987, roč. 52, č. 4, s. 231–237.
- BUTTNER, Danuta: Niektóre problemy opisu zjawisk uniwerbizacji. In: *Slavistična revija*, 1977, č. 7, s. 435–448.
- BUTTNER, Danuta: Procesy uniwerbizacji w nowym słownictwie polskim i rosyjskim. In: *Slavia Orientalis*, XXVII, 1978, č. 3, s. 385–391.
- DOKULIL, Miloš: Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha 1962. 263 s.
- ESČ = Encyklopedický slovník češtiny. Ed. P. Karlík – M. Nekula – J. Pleskalová. Praha 2002. ISBN 80-7106-484-X.
- GAZDA, Jiří: Integrace cizojazyčných prvků v slovní zásobě současné ruštiny a češtiny. (Na materiálu substantivních neologismů.) *Disertační práce*. Brno 1990.
- GUTSCHMIDT, Karl: Понятието тенденция в Пражката лингвистична школа и неговото значение за синхронното изучаване на славянските езици. In: *Slavica Pragensia ad tempora nostra. Konferencie ke 150. výročí založení stolice slovanské filologie na Karlově univerzitě*. Praha 1998a, s. 97–102.
- GUTSCHMIDT, Karl: Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках. In: *Jazykovedný časopis*, 1998b, roč. 49, č. 1–2, s. 15–26.
- HELCL, Miloš: Univerbizace a její podíl při růstu dnešní slovní zásoby. In: *Slovo a slovesnost*, 1963, roč. 24, č. 1, s. 29–37.
- HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján a kol.: *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava 1989. 432 s. ISBN 80-224-0047-5.
- JEDLIČKA, Alois: K charakteristice slovní zásoby současné spisovné češtiny. In: *Acta Universitatis Carolinae – Philologica*. 4–5. *Slavica Pragensia VII*. Red. V. Barnet et al. Praha 1965, s. 13–27.
- JEDLIČKA, Alois: *Spisovný jazyk v současné komunikaci*. Praha 1978. 227 s.
- KALISZAN, Jerzy (Калишан, Ежи): К уточнению понятия универбации (на материале русского языка). In: *Slavia Orientalis*, 1984, XXXIII, 3–4, s. 401–408.
- KALISZAN, Jerzy: Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке. Познань 1986.
- MARTINCOVÁ, Olga: *Problematika neologismů v současné spisovné češtině*. Praha 1983. 160 s.
- MASÁR, Ivan: Jednoslovné termíny a univerbizácia v odbornej terminológii. In: *Kultúra slova*, 1990, roč. 24, č. 8, s. 269–273.

- PANČÍKOVÁ, Marta: Univerbizované pomenovania v slovenčine a poľštine. In: Języki słowiańskie wobec współczesnych przemian w krajach Europy środkowej i wschodniej. Opole 1993, s. 149–153.
- SZCZEPAŃSKA, Elżbieta: Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim. Kraków 1994.
- ZIKOVÁ, Markéta: Slovtvorná charakteristika substantivních neologismů. Diplomová práce. Brno 1998.

Д-р Цветанка Аврамова

Катедра по славянско езиковзнание, Факултет по славянски филологии, Софийски университет „Св. Климент Охридски“, бул. Цар Освободител 15, BG-1504 София, България

e-mail: avramova.cv@slav.uni-sofia.bg, cvetanka_avramova@yahoo.com

Slovenská slovtvorba Juraja Furdíka z pohľadu editora

Martin Ološtiak

0. Univerzitný profesor Juraj Furdík bol vynikajúcim slovakistom, slavistom a hungaristom. Výskumne a pedagogicky sa venoval lexikológii, morfológii, všeobecnej i kontaktovej lingvistiky a rôznym iným oblastiam. Jeho celoživotnou vedeckou láskou sa však stala derivatológia. Cieľom môjho referátu je oboznámiť čitateľov s posmrtným vydaním knihy J. Furdíka *Slovenská slovtvorba (Teória, opis, cvičenia)*, ktoré som edične pripravil.

Na úvod si dovoľím niekoľko osobných spomienok. S profesorom J. Furdíkom som sa v priebehu štúdia na vysokej škole stretol v treťom ročníku na prednáškach a seminároch z lexikológie a potom na prednáškach zo všeobecnej jazykovedy. Jeho vyučovacie hodiny na mňa zapôsobili vo viacerých ohľadoch; predovšetkým tým, že pokladal svojich poslucháčov nielen proklamatívne, ale aj de facto za kolegov a partnerov. Za partnerov v dialógu, ktorý sa oplatí viesť. A práve dialóg s profesorom Furdíkom sa stal pre mňa nesmierne dôležitým faktorom pri prenikaní do tajov jazykovedy. Dialóg podnecujúci, dialóg inšpiratívny, dialóg, v ktorom sa predovšetkým pochybuje (falsifikuje) a pochybovaním sa vyvracia alebo potvrdzuje nastolená hypotéza. (Mám pocit, že takto – alebo aspoň podobne – vníma pedagogicko-vedeckú osobnosť profesora Furdíka väčšina jeho žiakov.) A prirodzene len v dialógu sa mohlo vo mne utvrdiť presvedčenie, že lingvistické náhľady J. Furdíka majú veľkú hodnotu vyplývajúcu zo závideniahodnej erudovanosti, talentu a schopnosti kriticko-analytického myslenia a že sa ich oplatí „oživiť“ aj po autorovej smrti. J. Furdík totiž dlhšiu dobu (približne od 2. polovice 90. rokov) plánoval zúročiť svoje bohaté, takmer štyridsaťročné skúsenosti z oblasti vyučovania lexikológie (a špeciálne derivatológie) do podoby učebnice slovenskej slovtvorby. To bol najzávažnejší dôvod, prečo som sa rozhodol pripraviť toto knižné vydanie.

I. Príprava učebnice prebiehala v niekoľkých fázach. V prvom rade – ako vlastne pri každej vedeckej práci – bolo treba zhromaždiť dostatok použiteľného materiálu. V heuristickej fáze som sa teda sústredil na zozbieranie materiálov, ktoré možno rámcovo rozdeliť takto:

1) **Rukopisný fragment učebnice**, vypracovaný približne v r. 1998, s rozsahom približne 14 strán. Ide vlastne o jediný homogénny text, ktorý som v úplnosti využil, hoci aj doň bolo potrebné urobiť niektoré zásahy.

2) Vari najdôležitejším zdrojom sa stali **poznámky študentov** z vyučovacích hodín vedených profesorom Furdíkom. Práve v pedagogickom procese sa J. Furdík snažil predstaviť svoju koncepciu v relatívnej celosti a vyučovaniu venoval prevažné množstvo svojej tvorivej energie. Pripomínam, že profesor Furdík publikoval iba zlomok z myšlienkového rozmanitosti a originality, ktorú odovzdával na prednáškach, seminároch, konzultáciách, skúškach alebo „len tak mimochodom“ v kolegiálnych rozhovoroch.

3) Ďalším veľmi dôležitým zdrojom sa stali autorove **publikované štúdie** z oblasti slovtvorby. Syntetickú derivatologickú prácu J. Furdík nikdy nepublikoval. Monografiu *Slovtvorná motivácia a jej jazykové funkcie* (1993) za takúto syntézu síce možno považovať, ale len sčasti. Táto kniha je totiž súborom predtým publikovaných štúdií, hoci

premyslene usporiadaných do relatívne uzavretého celku, avšak stále je v nich prítomná istá „nedopovedanosť“, náznakovosť (ktorá núti uvažovať o ďalších a ďalších možných výskumných chodníčkoch). Uvedomuje si to aj sám autor, keď v úvode poznamenáva: „Predkladanú monografiu teda nechápeme ako uzavretie či syntézu, ale skôr ako nastolenie radu problémov a impulz na ich ďalšie rozpracúvanie. Sme si preto vedomí určitej torzovitosti jednotlivých kapitol, ako aj toho, že monografia ani zďaleka nevyčerpáva všetky možné prístupy ku skúmaniu úlohy slovotvornej motivácie v jazyku a rečovej komunikácii“ (Furdík 1993, s. 15). Citovaná monografia aj napriek tomu nadobudla veľkú poznávaciu hodnotu a aj v súčasnosti plní nezastupiteľnú úlohu metodologického a tematického stimulatéra výskumu v tejto oblasti. Pri koncipovaní učebnice sa ukázalo, že v nej možno využiť viaceré formulácie pochádzajúce jednak z uvedenej monografie, jednak z ďalších štúdií publikovaných najmä v 90. rokoch.

4) Za významný informačný zdroj treba pokladať aj **nepublikované práce** z pozostalosti. Hoci mnohokrát išlo „len“ o rôzne fragmentárne náčrty zamýšľaných štúdií, schémy, pomôcky, excerpty, zadania cvičení či poznámky na kúskoch papiera, snažil som sa využiť každú možnú autentickú a relevantnú formuláciu. V pozostalosti sa našli aj početné rukopisy recenzenských, lektorských a školských posudkov štúdií, kníh, skript, diplomových a iných kvalifikačných prác. Veľmi cenným rukopisným materiálom sa stali sylaby prednášok a seminárov z disciplíny *Súčasný slovenský jazyk – lexikológia*, ktoré poskytl rozhodujúci oporný bod pri koncipovaní obsahu prvej časti učebnice (porov. ďalej).

Po heuristickej fáze bolo možné pristúpiť k vlastnej realizácii učebnice, ktorá spočívala v kombinácii uvedených zdrojových materiálov. Východiskom sa stal fragment, ktorý som postupne dopĺňal pasážami z ostatných zdrojov. Vzhľadom na vytýčený princíp autenticity editor do textu zasahoval minimálne. Keďže som však poznal furdíkovský spôsob myslenia, aj pasáže, ktoré bolo treba nevyhnutne doplniť (napr. odsek o redundantnom formante, o trunkácii alebo väčšina cvičení), nie sú čistou editorskou záležitosťou. Podrobnejší komentár k spracovaniu učebnice sa nachádza v osobitnej časti *Poznámky editora*, kde sa objasňuje, z akých východiskových zdrojov bola daná kapitola „poskladaná“.

Aj napriek úsiliu o zozbieranie čo najkomplexnejšieho materiálu je prirodzené, že vo výklade zostali isté biele či bledé miesta. Učebnicu teda nemožno chápať ako „čistý“, „hotový“ text. Treba jednoznačne konštatovať, že *Slovenská slovotvorba* predstavuje špecifický odborný komunikát, obsahujúci autentické furdíkovské myšlienky, a to i za cenu istej nedokončenosti, torzovitosti, miestami aj metodologickej nedoladenosti, neúplnosti (porov. Predhovor editora, s. 11 – 19).

Študentské poznámky boli spracované na základe tzv. princípu dvojitej transformácie. Prvú transformáciu (a zároveň selekciu) uskutočnili študenti pri tvorbe poznámok na vyučovacích hodinách; druhú transformáciu (selekciu a reštylizáciu) urobil editor pri príprave rukopisu do tlače. Úlohou druhej, editorskej transformácie bolo zakomponovať vyselektované pasáže zo študentských poznámok (viac či menej heslovitých, neúplných a okrem toho zachytávajúcich hovorený charakter prednášky) do pokiaľ možno konzistentného, stylisticky a vecne „čitateľného“ textu.

Pri editovaní samostatne publikovaných štúdií bolo potrebné urobiť niekoľko menších, avšak nevyhnutných úprav (napr. vypustenie nadbytočných pasáží, formulácia úvodných a záverečných rámcových častí, vysvetlenie menej známych pojmov a termínov, doplnenie

vhodných príkladov, doplnenie krížových odkazov a pod.). Pokiaľ ide o spôsob citovania, postupoval som v intenciách fragmentu, kde sa literatúra uvádza prevažne vo všeobecnom úvode a v samotnom výklade sa priamo cituje menej, resp. cituje sa bez presných bibliografických údajov. Tento úzus je vzhľadom na charakter textu (vysokoškolská učebnica) prípustný. V zásade platí, že citácií je viac v pasážach pochádzajúcich z publikovaných prác a menej v pasážach, ktoré sme vybrali z poznámok študentov.

Rôzne fragmenty, poznámky a excerpty sa využívali predovšetkým ako doplnujúci materiál, ktorému však v konečnom dôsledku patrí v učebnici nezastupiteľné miesto. Takýmto spôsobom bola spracovaná aj časť cvičení.

Rôznorodosť spomínaných východiskových zdrojov si vyžiadala snahu o maximálne možnú flexibilitu pri ich spracúvaní s ohľadom na základný editorský cieľ – predstaviť *Furdikovu* koncepciu slovotvorby: čo najúplnejšie a najobjektívnejšie upraviť a usporiadať zhromaždený materiál, čo najvernejšie zachovať autorský vedecký idiolekt a čitateľom ponúknuť čo najhomogénnejší a zároveň „najfurdíkovejší“ text. Na druhej strane som si vedomý rôznych úskalí takto zvolenej editorskej stratégie. Napríklad: a) nedalo sa v úplnosti vyhnúť tomu, že výsledná podoba textu môže na niektorých miestach vzbudzovať dojem kompilačnosti; b) aj napriek úsiliu o nezasahovanie do textu som bol v istých prípadoch nútený text dopracovať. Možno teda zhrnúť, že editorská práca spočívala v zozbieraní a posúdení, v selekcii a následnom usporiadaní, preštylizovaní a doplnení pôvodných parciálnych prototextov, z ktorých učebnica pozostáva.

II. Podklady pre obsah a rozsah učebnice som čerpal predovšetkým z učebných syláb. Rozvrhnutie slovotvornej výučby totiž odrážalo mnohoročné lingvodidaktické skúsenosti J. Furdíka a rešpektovalo všetky základné pedagogické požiadavky. Popritom som chcel zachovať rozvrhnutie učebnice, vyplývajúce z jej podtitulu – teória, opis, cvičenia. Z viacerých možných alternatív som sa napokon rozhodol pre takúto obsahovú (a rozsahovú) skladbu učebnice.

Prvá časť *Teória tvorenia slov* obsahuje tieto kapitoly:

V kapitole *Členenie slovných zásoby z hľadiska utvorenosti* (1.1) sa vymedzujú dva základné typy lexikálnych jednotiek: slovotvorne nemotivované (arbitrárne, značkové) a slovotvorne motivované (opisné). Pozornosť sa venuje krajným pólom slovotvornej motivácie, motivovanosti a nemotivovanosti, pričom sa zdôrazňuje, že motivovanosť má stupňovitý charakter. Ďalej sa objasňuje pojem demotivačného cyklu (aktívne sa využívajú dokulilovské termíny genetická a synchronna motivácia), pravidlá na určovanie smeru motivácie a typy slovotvornej motivácie. Schopnosť J. Furdíka elegantne, neprotirečivo a pritom vedecky presvedčivo pomenovať zdanlivo inkompatibilné skutočnosti sa prejavuje aj v tejto charakteristike slovotvornej motivácie: „... na porozumenie a efektívne používanie jednoslovných lexém nie je potrebné, aby boli slovotvorne motivované. Slovotvorná motivovanosť opisných slov je teda **nadbytočným (redundantným) javom**. Hrá však dôležitú úlohu pri sprostredkovaní lexikálneho významu menej známych, resp. menej frekventovaných slov“ (s. 24).

V kapitole 1.2 *Derivatológia – náuka o slovotvornej motivácii* sa predstavuje osobitná lexikologická disciplína, derivatológia, vymedzuje sa predmet derivatologického výskumu. Za dôležité považujem, že autor rozširuje oblasť výskumu slovotvorby prakticky na celú oblasť slovných zásob. Vo Furdíkovom chápaní derivatológia skúma, ako sú slová

utvorené, čo predpokladá, že do úvahy budeme brať aj tie jednotky, z ktorých sa motivované slová utvorili: „*Musí sa uvažovať nielen o slovotvorne motivovaných slovách, ale aj o ich východiskách, ktorými sú v značnej miere aj slovotvorne nemotivované slová*“ (s. 29). Slovotvorná motivácia sa pokladá za princíp, keďže ide zároveň o proces, vzťah i vlastnosť: „*Ako proces vystupuje pri utváraní nového slova, resp. pomenovania. Ako vzťah sa prejavuje medzi dvoma (resp. pri možnej viacnásobnej motivácii aj medzi viacerými) slovami, pomenovaniami: východiskovým motivantom a voči nemu sekundárnym motivátom. Ako výsledok procesu a súčasť vzťahu je vlastnosťou motivátu (tu sa používa aj označenie motivovanosť). Sú to tri stránky jedného a toho istého javu, preto ho môžeme charakterizovať abstraktnejšie ako princíp štruktúracie a dynamizácie jazykového systému*“ (s. 29). Nemenej významné sú poznámky o vzťahu derivatológie k iným jazykovedným disciplinám: fonológii, morfológii, syntaxi, štylistike, etymológii, onomastike, všeobecnej jazykovede, dialektológii a i.

V kapitole 1.3 sa základná jednotka slovotvorby, derivatéma, definuje ako „lexikálna jednotka, ktorá je súčasťou vzťahov slovotvornej motivácie“. Je základnou jednotkou slovotvorného systému, a teda aj základným výskumným objektom derivatológie. Táto „-émická“ jednotka zahŕňa nielen slovotvorne motivované jednoslovné lexémy (motiváty), ale aj motivujúce jednotky (motivanty), ktorými môžu byť jednoslovné, slovotvorne nemotivované (*strom, guľa, dlhý, čakať, hneď*) aj motivované lexémy (*slovník, čakať, zapísať, dlho*), ale aj viacslovné pomenovania – združené pomenovania (*literárna veda, diplomová práca*) a frazémy (*pásť si brucho, mať tvrdú hlavu*) – a voľné syntagmy (*malé mesto, (po)kaziť štrajk*). Pravda, v centre derivatologického výskumu stoja motiváty (derivatémy v užšom zmysle), ktorými sú deriváty a kompozitá.

Podkapitola 1.3.1 sa venuje slovotvornej forme derivatémy, vzťahu medzi morfematickou a slovotvornou štruktúrou slov a jednotlivými slovotvornými prostriedkami, ktorými sú slovotvorný základ (druhy základu podľa slovnodruhovej príslušnosti motivantov, varianty), slovotvorný formant (jeho druhy, variácie, varianty a špecifické typy – flektivizačný a redundantný formant). Za pomocné slovotvorné prostriedky sa pokladajú alternácie a trunkácie. Dôležitosť a naliehavosť skúmať slovotvorné alternácie J. Furdík podčiarkuje už v úvode k monografii *Slovotvorná motivácia a jej jazykové funkcie* (1993, s. 15): „*Citeľne chýba napríklad aj kapitola o vzťahu slovotvornej motivácie a zvukovej roviny, ktorá by aspoň nastolila fonické problémy slovenskej morfotaktiky, problémy identity a variantnosti slovotvorných prostriedkov v súvislosti s neutralizáciami a alternáciami, so živosťou a produktivitou jednotlivých typov alternácií pri slovotvorných postupoch a typoch a pod.*“ Niektoré z uvedených otázok sa načrtávajú aj v najnovšej Furdíkovej knihe, avšak relatívne úplné spracovanie alternačných zmien v slovenskej slovotvorbe zatiaľ absentuje.

Formálnu štruktúru derivatémy možno modelovať prostredníctvom tzv. slovotvorného vzorca, ktorého všeobecná podoba je $Z_X + -F$ (Z – základ, X – slovnodruhová špecifikácia, F – formant): *študent* → *študentka* ($Z_S + -ka$): substantívny slovotvorný základ plus sufix $-ka$. Ďalšie príklady: *šialený* → *šialenstvo* ($Z_{adj} + -stvo$), *Slovák* → *Neslovák* ($ne- + Z_S$); *sám súdi* → *samosudca* ($Z_{pron} + -o- + Z_V + -ca$).

Nazdávam sa, že osobitne prínosná je podkapitola *Obsahová štruktúra derivatémy* (1.3.2), v ktorej nájdeme pasáže o slovotvornom význame, jeho vzťahu k lexikálnemu a gramatickému významu. Na rozdiel od zaužívanej tézy o binárnosti slovotvornej formy

aj slovotvorného obsahu (najnovšie Horecký, 2003) postuluje sa ternárny model slovotvorného významu v podobe onomaziologická báza – onomaziologický spoj – onomaziologický príznak¹. V tejto koncepcii sa predpokladá, že onomaziologická štruktúra derivatému sa nevyčerpáva dichotómiou báza – príznak. V priestore medzi bázou a príznakom nie je vákuum, logicko-sémantické vzťahy medzi bázou a príznakom sa vyjadrujú prostredníctvom onomaziologického spoja. Z Furdíkovho textu implicitne vyplýva, že onomaziologický spoj má komplexný, horizontálno-vertikálny charakter. Horizontálny rozmer sa prejavuje v spomínanej relácii báza – spoj – príznak, vertikálny rozmer sa prejavuje v relácii slovotvorný význam – onomaziologický spoj – lexikálny význam. Možno teda konštatovať, že onomaziologický spoj spája nielen bázu s príznakom, ale navyše tvorí aj „most“ medzi slovotvorným a lexikálnym významom. Na úzku spätosť a spoluprácu slovotvorného a lexikálneho významu poukazuje aj táto Furdíkova poznámka: „*Lexikálny význam slova sa nikdy nevyčerpáva, čistým 'slovotvorným významom'... Niet, čistého 'slovotvorného významu, ten ako sémantická orientácia je vždy v službe komunikačne relevantného významu lexikálneho'*“ (s. 57). Alebo, ako sa J. Furdík v jednej rukopisnej poznámke vyjadril poetickejšie: „*Prepáče mi za biblické prirovnanie, ale povedal by som, že slovotvorný význam je Jánom Krstiteľom lexikálneho významu.*“

V tejto podkapitole sa pozornosť zameriava aj na otázku vyjadrenia obsahu slovotvorne motivovaných slov v podobe parafráz a vymedzuje sa vzťah medzi slovotvorným a motivačným významom. Slovotvorný význam má všeobecný (invariantný) charakter, platný pre istú skupinu motivovaných slov (napr. *desubstantívne názvy miesta s príponou -áreň*). Motivačný význam má individuálny charakter platný pre jednotlivé lexikálne jednotky (*hydín-áreň, syr-áreň, piv-áreň, vin-áreň*). Je teda zrejmé, že motivačný a slovotvorný význam sú vo vzťahu konkrétneho voči abstraktnému. Ďalej sa načrtáva problematika derivačnej sémantiky, stručne sa vysvetľujú základné pojmy: slovotvorná polysémia, slovotvorná homonymia, slovotvorná synonymia a zmeny slovotvorného významu.

Kapitola 1.4 objasňuje problematiku *slovotvorných spôsobov a postupov*. Na pozadí dvoch základných slovotvorných spôsobov (derivácia a kompozícia) sa charakterizujú derivačné (sufixácia, prefixácia, transflexia, reflexivizácia, konfixácia) a kompozičné slovotvorné postupy (juxtapozícia, vlastná kompozícia, kompozično-derivačný postup).

Kapitola 1.5 je venovaná *slovotvorným útvarom*. Slovotvorný útvar sa pokladá za komplexnú jednotku slovotvorného systému, súbor derivatém, ktoré majú isté spoločné vlastnosti. Na základe toho sa vymedzujú *rovnakokoreňové* (slovotvorné rady, paradigmy a hniezda) a *rôznokoreňové* slovotvorné útvary (slovotvorné typy, onomaziologické kategórie, typy onomaziologických kategórií). Vo výklade sa zdôrazňuje jednak komplementárnosť obidvoch typov útvarov, jednak vzájomná úzka spolupráca najmä medzi slovotvornými hniezdami a slovotvornými typmi. Do tejto kapitoly sú zaradené osobitné časti venované otázkam onomaziologickej analýzy substantívnych derivátov (1.5.3) a onomaziologickej analýzy kompozít (1.5.4).

V tejto časti sa nachádza aj pasáž o motivačnej intencii (s. 80 – 83). Uvedenie tohto termínu je ďalším originálnym prínosom J. Furdíka do derivatologického bádania. Motivač-

¹ J. Furdík tieto myšlienky prvýkrát predstavil na 5. zasadnutí Medzinárodnej komisie pre výskum tvorenia slov v slovanských jazykoch pri Medzinárodnom komitáte slavistov vo Wittenbergu v r. 2001 (Furdík 2002).

nú intenciu charakterizuje ako schopnosť lexémy tvoriť s inou lexémou motivačnú dvojicu či už ako motivant, motivát, alebo oboje zároveň; zároveň sa prihliada aj na možnosť, keď sa lexéma do vzťahov slovotvornej motivácie nezapája. Motivačná intencia teda spolu určuje miesto slova v slovotvornej rade a cezeň i v slovotvornej hniezde. Vymedzujú sa štyri základné typy motivačnej intencie: $L \rightarrow$ (lexéma je motivantom), $\rightarrow L \rightarrow$ (lexéma je motivantom aj motivátom), $\rightarrow L$ (lexéma je len motivátom), L (lexéma nie je ani motivantom, ani motivátom, do vzťahov slovotvornej motivácie synchronne nevstupuje). Napríklad v slovotvornej rade *škola* \rightarrow *školák* \rightarrow *školáčka* \rightarrow *školáčkin* lexéma *škola* patrí do motivačného typu $L \rightarrow$, lexémy *školák* a *školáčka* do typu $\rightarrow L \rightarrow$ a lexéma *školáčkin* predstavuje typ $\rightarrow L$. Medzi „slovotvorných bezdomovcov“ (typ intencie L) sa zaraďujú prevažne slová cudzieho pôvodu, ktoré stoja na okraji lexikálnej zásoby (napr. *pyré*, *saké*, *vúdu*, *chabazit*, *cirka*). S postupnou adaptáciou do systémových štruktúr slovenčiny tieto slová môžu vstupovať aj do slovotvorných vzťahov najčastejšie tak, že sa od nich utvorí nové pomenovanie. Napríklad utvorením adjektíva *klišéovitý* od východiskového *klišé* sa pomenovanie *klišé* presunulo z typu intencie L do typu $L \rightarrow$ (ako východiskový, sám slovotvorne nemotivovaný motivant).

Potiaľto sa do štruktúry učebnice premietli Furdíkove sylaby, obsahujúce základné penzum poznatkov, ktoré by si mali študenti počas výučby slovotvorby ako súčasť lexikológie osvojiť. Rozvrhnutie ostatných partií pripravil editor, pravdaže, vychádzajúc z toho, aké autentické materiály boli k dispozícii.

Druhú časť učebnice (*Opis niektorých slovotvorných parametrov*) som sa rozhodol koncipovať ako istú nadstavbu, v ktorej by sa organicky nadviazalo na základné poznatky vysvetlené v prvej, systematicko-teoretickej časti. Prvou kapitolou je *Súhrnný prehľad onomaziologických kategórií odvodených a zložených slov* (2.1). Nasledujú stručnejšie kapitoly o produktivnosti slovotvorných prostriedkov (2.2) a o slovotvornej systéme (2.3).

Viac pozornosti sa venuje základným tendenciám slovotvornej vývinu slovenčiny (2.4) a obsiahlejšia je aj kapitola o funkciách slovotvornej motivácie v lexikálnom systéme a jeho dynamike (2.5) – vymedzujú sa štyri základné funkcie: vo vzťahu k lexikálnej zásobe ako celku *systemizačná funkcia*, vo vzťahu k novoutvoreným a novoprevzatým slovám *integračná funkcia*, vo vzťahu k viacslovným pomenovaniám a výpovediam *kondenzačná funkcia* a vo vzťahu k prevzatým slovám *adaptačná funkcia*. Akousi nadstavbou k tejto kapitole je časť o štylistických a textotvorných možnostiach slovotvorby (2.6).

Nasleduje aplikačná kapitola o metodike slovotvornej slovníka slovenčiny (2.7) – originálneho vkladu J. Furdíka do lexikografickej teórie a praxe. Tu sú vysvetlené jednak teoretické základy tohto typu slovníka, jednak sa tam nachádzajú ukážky spracovania konkrétneho lexikálneho materiálu. Keďže slovníkové spracovanie slovotvorby ešte nie je ukončené a pri spracúvaní ďalších hesiel sa vynárajú nové a nové otázky, táto kapitola je len ukážkou metodiky tvorby takéhoto, vo svetovej lingvistiky ojedinelého typu slovníka, vonkoncom nie vyčerpávajúcim a definitívne platným výkladom. Konceptia slovotvornej slovníka slovenčiny smeruje ku komplexnému opisu slovotvornej systéme: „... Teoretické poznatky o tvorení slov dospeli v súčasnosti už na takú úroveň, že ich využitím možno spracovať slovotvorný systém na doteraz nerealizovanom stupni komplexnosti. Predstava takéhoto komplexného spracovania by mala smerovať k tomu, aby sa slovotvorný systém vo svojej inventárovej i štruktúrnej zložke zachytil v relatívnej (hoci

pochopiteľne vždy len približnej) úplnosti“ (s. 127). Ambíciou Furdíkovej koncepcie je prekonať nedostatky doterajších prístupov k spracovaniu slovotvorby – deskriptívneho a lexikografického. Jednotlivé, abecedne usporiadané heslá by mali presne stanovenú štruktúru s týmito parametrami: HESLO a jeho diagnostická parafráza; 1. slovný druh a jeho gramaticko-sémantická špecifikácia; 1.1 štylistická charakteristika (ak súvisí so slovotvorbou); 2. motivovanosť – nemotivovanosť; 3. motivant(-y); 3.1 slovný druh motivačného, jeho gramaticko-sémantická špecifikácia, motivovanosť – nemotivovanosť; 3.1.1 doplnujúca charakteristika (štylistická hodnota) motivačného; 3.2 vzťah motivant – motív; 3.3 charakter motívu vyplývajúci z 3.2; 4. slovotvorný základ; 4.1 morfonologické alternácie, trunckácie; 4.2 spájacia morféma (pri kompozitách); 5. slovotvorný formant; 5.1 druh formantu; 5.2 prípadná variantnosť formantu; 6. slovotvorný spôsob a postup; univerbizácia; 7. slovotvorný vzorec; 8. motivačný význam; 9. slovotvorný význam; 10. príslušnosť do onomaziologickej kategórie; 11. typ onomaziologickej kategórie; 12. príklady slov zo slovotvorného typu; 13. motivačná intencia, miesto slova v slovotvornom hniezde; 14. celková súhrnná charakteristika. Do heslára slovníka sú zaradené aj slovotvorne nemotivované slová, pri ktorých sú relevantné len prvé dva a posledné dva parametre. Podrobnejší komentár a príklady pozri v učebnici na s. 128 – 137.

Pravda, takéto pomerne vyčerpávajúce uvedenie slovotvorných parametrov (na základe analógie s termínom frazeologická parametrizácia by sme mohli hovoriť o slovotvornej parametrizácii) si vyžaduje veľký priestor, čo prakticky znemožňuje jeho klasické, knižné publikovanie (materiálová základňa slovotvorného slovníka vychádza z *Krátkeho slovníka slovenského jazyka*, ktorý obsahuje vyše 60 000 hesiel). Alternatívnou a treba podčiarknuť, že reálnou možnosťou však zostáva jeho elektronické spracovanie. V tejto oblasti sa už podnikli konkrétne kroky, o čom svedčí aj otcovsko-synovská štúdia Juraja a Karola Furdíkovcov *Slovotvorný slovník slovenčiny – softvérové riešenie* (J. Furdík – K. Furdík, 2002). Ak sa tento projekt podarí do viesť do úspešného konca a publikovať ho v podobe CD, dočkáme sa unikátneho spracovania slovotvorného systému spisovnej variety slovenského jazyka.

Je dôležité, že bádanie v tejto oblasti slovotvorby sa naďalej úspešne rozvíja; v slovotvorno-lexikografických šľapajach J. Furdíka totiž v súčasnosti kráčajú kolegyně z Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity Ľudmila Liptáková a Katarína Dziaková-Vužňáková v úzkej spolupráci so spomínaným Karolom Furdíkom, ktorí pripravujú vlastnú, didaktickú podobu slovotvorného slovníka s limitovaným počtom slovotvorne najrelevantnejších parametrov. Je reálne, že takto spracovaná verzia slovotvorného slovníka čoskoro uzrie svetlo sveta aj v knižnej podobe.

Prakticky je zameraná tretia časť o slovotvornej motivácii vo vyučovacej praxi. Kapitola 3.1 približuje metodický postup pri slovotvornom rozbere nemotivovaných, odvodených i zložených slov a pomerne veľký priestor sa ponecháva cvičeniam (3.2), na ktorých by si študenti mali overiť získané slovotvorné poznatky. Charakter a usporiadanie jednotlivých úloh bol prispôbený výkladu v učebnici; cvičenia sa koncipovali tak, aby v nich boli obsiahnuté všetky dôležité derivatologické otázky.

Poslednú výkladovú časť tvorí zoznam základných derivatologických termínov, ktorý voľným spôsobom plní funkciu záverečného zhrnutia. Obsahuje vyše 100 hesiel, ktorých definície vychádzajú prevažne zo samotného učebného textu, pravda, vzhľadom na špeci-

fické potreby (stručnosť, kondenzovanosť) boli mnohé výklady upravené, skrátené a doplnené novými príkladmi.

Nasledujú editorské poznámky s podrobným komentárom k spracovaniu jednotlivých častí, ako aj niektorými spresňujúcimi a diskusne ladenými informáciami a prípadnými odkazmi na ďalšiu literatúru. Uvedomujem si, že systém koncových poznámok nie je najpraktickejší, pretože núti čitateľa neustále „surfovať“ z jednej časti knihy do druhej. Prostredníctvom koncových poznámok však možno vhodne oddeliť autorskú časť od neautorskej. Navyše, pri posmrtnom vydaní diela ide o efektívny spôsob, ako fixovať potrebné editorské komentáre. Napokon, v poznámkach sa vytvoril „druhý textový priestor“, kam sme mohli vsunúť aj viaceré zaujímavé konštatovania J. Furdíka, ktoré by vo vlastnej učebnici pôsobili nadbytočne, alebo by príliš narúšali jej štýlovú homogénnosť.

Učebnicu dopĺňa prehľad literatúry. Keďže na príprave učebnice som pracoval s materiálmi rôzneho druhu, tomuto faktu bolo potrebné prispôbiť aj členenie bibliografických údajov. Pre väčšiu prehľadnosť sa teda zoznam literatúry rozdelil do dvoch častí: 1) práce iných bádateľov, ktoré J. Furdík cituje; 2) práce J. Furdíka, použité pri editovaní učebnice: a) publikované a b) nepublikované, c) diplomové práce, ktorých vedúcim bol J. Furdík (v niektorých prípadoch boli k dispozícii len posudky týchto prác). Záverečnú časť knihy tvoria editorské poznámky a komentáre.

Namiesto doslovu sme na koniec knihy zaradili štúdiu K. Buzássyovej *Juraj Furdík ako derivatológ*, v ktorej sa komplexným spôsobom hodnotí prínos tohto bádateľa v oblasti derivatologického výskumu, a súpis slovtvorných prác J. Furdíka, vypracovaný na základe bibliografií L. Dvonča.

Hoci o knihe J. Furdíka sa primárne hovorí ako o učebnici, nejde len o prostú študijnú pomôcku. Toto konštatovanie vychádza z faktu, že nebolo možné viesť ostrú a presnú hranicu medzi Furdíkom-vedcom a Furdíkom-pedagógom. Odráža sa to aj na charaktere tejto knihy, ktorá síce je prvotne koncipovaná ako učebný text, zároveň však ide o závažný vedecký počín v oblasti derivatologického bádania. Táto závažnosť sa neprejavuje len vonkajškovo, teda tým, že syntetická práca o slovenskej slovtvorbe vyšla pred viac než dvadsiatimi rokmi, ale najmä vnútorne, teda tým, že v *Slovenskej slovtvorbe* sa uplatňuje vyhranená a originálna metodologická koncepcia. Dúfam, že aj takáto, do značnej miery oklieštená a z objektívnych príčin neúplná podoba knihy *Slovenská slovtvorba* sa stane dobrou pomôckou pri výučbe derivatológie na vysokých školách a že zároveň bude podnetným textom pre študentov, učiteľov i slovakistických a slavistických vedeckých pracovníkov.

III. J. Furdík pôvodne zamýšľal samostatné vydanie dvoch kníh: *Slovenská slovtvorba (Teória, opis, cvičenia)*, o ktorej bola reč v tomto referáte, a *Teória lexikálnej motivácie*. J. Furdík svoju „panmotivatologickú“ teóriu systematicky prezentoval úzkemu okruhu poslucháčov predovšetkým na prednáškach z lexikológie v rokoch 1996 – 2002 a základné teórie publikoval iba v uvedených dvoch prácach, preto sa o jej najzákladnejších východiskách zmienim aj v tomto príspevku (porov. aj Ološtiak 2006).

Slovtvorná motivácia zo širšieho lexikologického hľadiska tvorí vo Furdíkovej najnovšej koncepcii integrálnu súčasť teórie lexikálnej motivácie ako jeden z jej základných typov (porov. Furdík 1998/1999, 2000; v knihe *Slovenská slovtvorba* o nej nájdeme stručnú zmienku na s. 28 – 29). V jeho uvažovaní sa takto prejavila viditeľná snaha o kom-

plexné spracovanie lexikálnej zásoby ako špecifického jazykového subsystemu, ktorého základným organizujúcim činiteľom zostáva slovtvorná motivácia. Toto úsilie sa pretavilo do rozpracovania kľúčového pojmu a termínu *lexikálna motivácia*. Fenomén lexikálnej motivácie autor pokladá za jednotiaci a univerzálny princíp, zmysel bytia lexikálnej jednotky i lexikálnej zásoby ako celku. Prostredníctvom motivácie môžeme odpovedať na otázku, prečo sa niečo volá tak a nie inak; motivácia je zároveň zjednocujúcim a základným organizačným princípom obrovskej, presnému kvantifikovaniu sa vzpierajúcej masy lexikálnych jednotiek. Hoci je princíp motivácie na prvý pohľad teoretickým konštruktom, pri jeho postulovaní a explikovaní sa vychádza z poznania „živej“ lexiky: v každom rečovom použití akejkoľvek lexie v akejkoľvek forme výpovede princíp motivácie je – raz implicitnejšie, inokedy explicitnejšie – prítomný a zásadným spôsobom ovplyvňuje jej languový i parolový status, a preto možno konštatovať, že *bez motivácie niet nijakej lexikálnej jednotky*.

Lexikálna motivácia sa nechápe čisto staticky a synchronne, ale naopak, ide o premenlivý jav: lexikálna motivácia vzniká, trvá, mení sa, zaniká (na vystihnutie týchto javov slúžia termíny remotivácia, transmotivácia, demotivácia; Furdík 1998/1999). Za veľmi dôležitú pokladáme taktiež skutočnosť, že motivačné typy nepôsobia „na vlastnú päsť“, jednotlivo, ale skôr naopak, v lexike sa častejšie uplatňuje motivačná kooperácia, synergická interakcia jednotlivých typov lexikálnej motivácie; tento jav by sa dal pomenovať termínom synmotivácia.

Dúfam, že tieto dva editorské počiny, z ktorých jeden sa už realizoval a druhý sa na vydanie pripravuje, pomôžu dokončiť tvorbu Juraja Furdíka a dotvoriť tak obraz o skutočnom vedecko-pedagogickom profile tohto významného slovenského jazykovedca.

Literatúra

- DZIAKOVÁ, Katarína: O príprave slovtvorného slovníka slovenčiny. In: Slovo o slove. 7. Prešov: Náuka 2001, s. 29–32.
- FURDÍK, Juraj: Slovtvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča: Modrý Peter 1993. 200 s. ISBN 80-85515-03-2.
- FURDÍK, Juraj: Princíp motivácie vo frazeológii a v derivatológii. In: Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. Red. M. Basaj – D. Rytel. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy 1994, s. 7 – 14.
- FURDÍK, Juraj: Typy lexikálnej motivácie. In: Jazykovedný zápisník, 17/18, 1998/1999, s. 24 – 27. (Tézy prednášky.)
- FURDÍK, Juraj: Motywacja słowotwórcza między innymi typami motywacji leksykalnej. In: Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów (Katowice 27–29 września 2000 r.). Eds. K. Kleszczowa – L. Selimski. Katowice: Wydawnictwo Gnome 2000, s. 59 – 62.
- FURDÍK, Juraj: K onomaziologickej štruktúre slovtvorne motivovaného slova. In: Slawische Wortbildung. Semantik und Kombinatorik. (Materialien der 5. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Lutherstadt Wittenberg 20.–25. September 2001). Ed. S. Mengel. Münster – Hamburg – London: LIT Verlag 2002, s. 113 – 123.
- FURDÍK, Juraj: Slovenská slovtvorba. (Teória, opis, cvičenia.) Ed. M. Ološtiak. Prešov: Náuka 2004. 200 s. ISBN 80-89038-28-X.

- FURDÍK, Juraj – FURDÍK, Karol: Slovtovorný slovník slovenčiny – softvérové riešenie. In: *Varia IX*. Zborník materiálov z IX. kolokvia mladých jazykovedcov. Modra-Piesok 1. – 3. december 1999. Ed. M. Nábělková – M. Šimková. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV 2002, s. 305 – 316.
- HORECKÝ, Ján: Onomaziologická štruktúra slovenčiny. In: *Spisy Slovenskej jazykovednej spoločnosti*. 5. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV – Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra 2003. 60 s. ISBN 80-967574-9-0.
- OLOŠTIAK, Martin: O interlingválnej motivácii (teoreticko-metodologické a terminologické poznámky). In: *Slovenčina na začiatku 21. storočia*. Na počesť profesora Ivora Ripku. Ed. M. Imrichová. Prešov: Fakulta humanitných a prírodných vied, Prešovská univerzita v Prešove 2004, s. 112 – 122.
- OLOŠTIAK, Martin: Lexikálna motivácia – desideratum alebo realis? In: *Tzv. základní výzkum v lingvistice – desideratum, nebo realis? Sborník příspěvků z 5. mezinárodní konference Setkání mladých lingvistů, konané na Filozofické fakultě Univerzity Palackého ve dnech 17. – 19. května 2004*. Ed. P. Pořízka – V. P. Polách. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci 2006, s. 249 – 256.

doc. Mgr. Martin Ološtiak, PhD.

Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove, Ul. 17. novembra 1, SK-08001 Prešov, Slovensko

e-mail: olo.martin@gmail.com

Проблемы перевода и эквивалентности словообразовательных терминов (на примере перевода работ И. С. Улуханова на немецкий язык)

Stefan Höhbusch

Как лингвисты мы не только изучаем словообразование, но и сами участвуем в процессе образования новых слов и расширения лексического состава языка с помощью словообразовательных и других языковых средств. Новые теории нуждаются в новых понятиях, которые должны быть выражены словами или словосочетаниями путем семантической деривации или путем образования новых слов на базе русского или иноязычного материала. При переводе научных работ переводчик стоит перед той же проблемой – создать систему терминов для выражения данных понятий. Этот процесс можно перефразировать следующим образом: Вопрос, на который переводчик должен найти ответ, состоит в том, как можно выразить содержание исходного термина материалом языка перевода. То есть, текст-оригинал содержит слова с содержанием и формой, которые связаны друг с другом в семантическом и формальном плане, образующие вместе терминологическую систему текста. Вследствие этого переводить надо не только отдельные слова, но и терминологическую систему в целом, перевод которой должен как можно точнее передать семантические и формальные, в том числе и словообразовательные отношения исходной системы. На примере перевода некоторых статей И. С. Улуханова на немецкий язык я хочу рассмотреть роль, которую играет словообразование и его результаты, т. е. мотивированные слова, с одной стороны, в исходной терминологической системе, а, с другой стороны, при переводе этой системы на другой язык с другими средствами и моделями словообразования.

В апреле этого года вышла книга с переводами статей И. С. Улуханова на немецкий язык. Она является результатом трехлетнего проекта, в котором участвовали студенты разных курсов Института славистики Университета им. Мартина Лютера в Галле. Основой проекта служили три семинара по словообразованию славянских языков, которые вела проф. Менгель. Красной нитью во всех семинарах проходила проблематика терминологии словообразования в разных теоретических традициях русистики и германистики. Проблема терминологической эквивалентности оказалась дополнительным затруднением в работе на семинарах, поэтому в курсовых работах студенты должны были обратить внимание именно на это и старались выработать эквивалентную систему терминов в немецком языке. Эта терминология была опробована и переработана при переводе избранных статей И. С. Улуханова. С самого начала этого проекта мы преследовали двойную цель: познакомить немецких читателей с теорией И. С. Улуханова – поскольку его работы еще не переведены на немецкий язык – и создать соответствующую терминологию. За четыре года до издания этой книги в Германии вышел справочник современных теорий русского словообразования (*Handbuch zu den modernen Theorien der russischen Wortbildung*, 2000),

в котором представлены теории русского словообразования как научной дисциплины и их центральные понятия. В нем среди прочих переведены на немецкий язык 14 статей И. С. Улуханова, например: «Словообразовательная система», «Способы словообразования», «Мотивация», «Словообразовательное значение» и т. д. Эта публикация нам очень помогла в работе и вдохновила нас на написание дополнения к ней. Потребность в таком дополнении объясняется спецификой справочника. Он опирается не на одну теорию, а пытается дать обзор русского словообразования, представив его в целом. Его структура ориентирована на ключевые понятия, которые изложены в отдельных статьях со ссылкой на их употребление у разных авторов. Такая структура облегчает поиск информации к одному понятию, но одновременно усложняет понимание читателю, который еще совсем не знаком с русским словообразованием. Профессор Беленчиков поэтому в своей рецензии предлагает иерархическое разделение по принятой систематике дисциплины. По той же причине нам показалось целесообразным предоставить немецким читателям возможность познакомиться с теорией одного из крупнейших специалистов в области русского словообразования, И. С. Улуханова, который оказал и оказывает большое влияние на развитие этой дисциплины в русистике. Поэтому для перевода были выбраны статьи разных лет (с 1974 до 1998 г.), которые дают представление о специфике материала русского словообразования и методике его исследования, применяемой И. С. Улухановым. Во первых, это касается концепции словообразовательного значения в систематике «Русской грамматики» 1980 г., во вторых, объяснительно-исчислительного метода, который доминирует в публикациях 1990-ых годов, и, в третьих, сочетания синхронного и диахронного подходов в словообразовательных исследованиях.

Предметом следующего анализа являются термины из области словообразования и общие лингвистические термины, которые встречаются в текстах-оригиналах И. С. Улуханова, и их переводы на немецкий язык. При этом возможны разные типы отношений между формальными выражениями одного и того же понятия в русском и немецком языках: полное совпадение (т. е. существуют русский и немецкий термины, которые соответствуют друг другу по форме и содержанию), частичное совпадение (т. е. русский и немецкий термины отличаются либо по форме, либо по содержанию) и отсутствие термина в немецком языке. Рассматриваются первые два случая.

а) Полное совпадение

Полное совпадение в данном контексте значит, что для определенного понятия в обоих языках существуют выражения, которые формально идентичны или аналогичны по образованию. К первой группе относятся такие термины, корень которых является заимствованным словом из латинского или древнегреческого языков, например *мотивация* = *Motivation* (от лат. *motivum*), и которые входят в состав интернационализмов в лингвистической грамматической терминологии. Слова с таким корнем могут быть образованы исконными средствами (*мотивировать* = *motivieren*; прилагательные, образованные от причастий в словосочетаниях *мотивирующее слово* = *motivierendes Wort* и *мотивированное слово* = *motiviertes Wort*) или средствами языка корня, см. деривации с латинскими префиксами *de-* и *re-*: *демотивация* = *Demotivation* и *ремотивация* = *Remotivation*. К второй группе относятся слова, которые

на первый взгляд находятся со своими эквивалентами в отношении калькирования – хотя словообразовательные отношения разные: или одно слово действительно калька другого, или оба слова кальки третьего слова, или они случайные одноструктурные образования. Само слово *слов-о-образование* = *Wort-bildung* образовано и в немецком, и в русском языках по той же самой модели из основ с одинаковым значением: сложение из компонентов *слово* = *Wort* и *образование* = *Bildung*. Особенно у терминов-словосочетаний встречается смешение обоих типов: *условная мотивация* = *bedingte Motivation*; *степень мотивированности* = *Grad der Motiviertheit* (*степень* = *Grad*; *мотивировать* → *мотивированный* → *мотивированность* = *motivieren* → *motiviert* → *Motiviertheit*).

б) Частичное совпадение

Большинство случаев неполного совпадения терминов обусловлено разницей в словообразовательных системах. Большое количество русских терминов-словосочетаний передаются в немецком языке сложными словами из тех же компонентов: эквивалентом прилагательного *словообразовательный* в русских словосочетаниях типа *словообразовательная система*, *словообразовательное гнездо* и т. д. служат сложения с элементом *Wortbildung-s-* (*Wortbildungssystem*, *Wortbildungsnest*). И терминам, образованным в русском языке на основе существительного и атрибута в родительном падеже (*способы словообразования*), в немецком соответствуют сложные слова (*Wortbildungsverfahren*). Вследствие продуктивности модели сложения в немецком языке русские словосочетания передаются здесь разными словообразовательными и лексическими средствами. В русском языке результаты словообразовательных процессов *сложения* и *суффиксации* выражены однокоренным прилагательным + *слово*: *сложное слово*, *суффиксальное слово*. В немецком языке эквивалентные термины образованы либо деривационными средствами латинского языка (*Komposition* – *Kompositum*, ср. лат. *verbum compositum* от *componere*, part. perf. pass. *compositum*), либо сложением (*Suffigierung* → *Suffixderivat*, *Konversion* → *Konversionsprodukt*).

Эта тенденция ограничена. В немецком языке редко сочетаются немецкий и латинский корни, поэтому словосочетания *условная мотивация* и *степень мотивированности* передаются также словосочетаниями (см. выше). В русской словообразовательной системе это ограничение значительно слабее (см. ниже).

Вторая тенденция связана с ролью латинских элементов в лингвистических терминах. Русские термины с латинским корнем за исключением некоторых слов (*узус*, *дериват*, *аффикс*) адаптированы к системе русского языка, в то время как немецкие эквиваленты сохранили свойства латинского слова. В единственном числе слово *Formans* совпадает с латинским *formans* (← *formare*), в формах падежей с окончанием соответственно латинскому слову происходит чередование согласных *s* → *t*: ед. ч. *Formans* – мн. ч. *Formantien*. В русском слове *формант* это «чужое» чередование не сохранилось.

Такая близость немецкого языка к латинскому наблюдается и в дериватах, которые образованы от слов с латинским корнем. В русских словах здесь употребляются в основном исконно русские аффиксы: *двуфлекссионный*, *отадъективный*, *безаф-*

фиксальный. В немецких эквивалентах такое совмещение встречается реже, вместо этого употребляются латинские аффиксы: *biflexional*, *deadjektivisch*, *desaffixal*.

Другие различия в терминологических системах обусловлены изначально лексическими различиями, которые имеют последствия для всех дальнейших словообразовательных процессов при составлении терминологии. Приведу как пример словообразовательное гнездо, в которое входят слова *производить*, *производность*, *производящий*, *производный*. В немецком языке употребляются эквиваленты *ableiten*, *Ableitung*, *Ableitungs-* и *abgeleitet*. Разница в отношениях гнезд объясняется различием внутренних форм слов. Русское *производить* описывает процесс из перспективы производящего слова, а немецкое слово *ableiten* из перспективы производного. Поэтому процесс производности выражается пассивной конструкцией *B wird von A abgeleitet*, причем *A* здесь не является логическим субъектом предложения. Поэтому невозможно образовать соответственную активную конструкцию. Вытекающая из этого невозможность употребить причастие действительного залога от слова *ableiten* как эквивалент слова *производящее* заставляет нас использовать существительное *Ableitung* как первый компонент в сложных словах, например *Ableitungsstamm* (*производящая основа*). В качестве второго примера разных внутренних форм приведем еще раз эквиваленты *производящая основа* и *Ableitungsstamm*: термин *Stamm* (*основа*, дословно *ствол*) подобно терминам *корень/Wurzel* опирается на образ дерева, на котором нарастают ветки, т. е. аффиксы.

Приведу еще два примера неполного совпадения, которые обусловлены лексическими особенностями языков. Термин *разнородовой формант* нельзя перевести дословно языковыми средствами немецкого языка. В немецком языке слово *Geschlecht* обозначает одновременно *род* и *пол*, поэтому в научной литературе употребляется не немецкое, а латинское слово *genus*. *Разнородовой формант* поэтому переводится не образованием от слова *Geschlecht*, а с помощью корня *gen-*: употребляется не *verschiedengeschlechtlich*, а *polygenerisch*. Аналогичные отношения являются причиной непереводимости слова *глагольность*. Немецкий эквивалент русского слова *глагол (Verb)* заимствован из латинского *verbum*. Но в дериватах, которые образованы с этим корнем, прослеживается значение латинского слова: ‘слово’, например *verbalisieren* ‘выразить словами’ или *nonverbal* ‘выраженный не словами, а, например, жестами’.

Таким образом, особенно широкое употребление латинского материала в немецких терминах и формальная близость к исходным латинским словам являются причиной различий в степени системности терминологических систем. Судя по материалу переведенных текстов, происхождение корней в русском языке почти не имеет значения для словообразовательных процессов. В параллельных образованиях с исконно русским корнем и с латинским корнем употребляются те же самые или подобные словообразовательные типы: *глагол* → *отглагольный*, *адъектив* → *отадъективный*, *сложение* → *сложное слово*, *суффиксация* → *суффиксальное слово*.

Все до сих пор приведенные случаи различия в терминологических системах относятся к формальной стороне термина, хотя иногда они обусловлены и семантикой корня. Но есть также редкие случаи семантических различий, так называемые «ложные друзья переводчика». Заимствованное слово *флексия* имеет в немецком языке

формальный эквивалент *Flexion*, который обозначает не ‘окончание’, а ‘словоизменение’, поэтому употребляется эквивалент (*флексия* =) *Endung*. Намного сложнее найти решение в тех случаях, когда русский и немецкий термины по содержанию в принципе совпадают, но отличаются в деталях дефиниции понятий. Таким образом, термины *словообразовательное значение* = *Wortbildungsbedeutung* формально совпадают, но отличаются в содержании понятий. В русистике концепция словообразовательного значения связана с теорией И. С. Улуханова и с систематикой описания словообразовательной системы в «Русской грамматике» 1980 г., а также с ее критикой, например, со стороны Е. А. Земской и с работами В. С. Кубряковой. В германистике существует подобная концепция, но, во-первых, она как категория описания словообразовательной системы редко применяется, а, во-вторых, она ссылается не на значение форманта, а на значение словообразовательной структуры. В. Моч в своем введении в словообразование немецкого языка (Motsch 1999) подчеркивает, что аффикс не имеет значения, а индуцирует семантический образец, с которым он может быть в разных степенях ассоциирован. Такие обстоятельства требуют объяснения содержания термина либо в тексте (сохраняющем дефиницию), либо в комментариях переводчика.

Литература

- Handbuch zu den modernen Theorien der russischen Wortbildung. Hrsg. H. Jelitte – N. Schindler. Frankfurt a. M. 2000.
MOTSCH, Wolfgang: Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Berlin – New York 1999.

Stefan Höhbusch
Institut für Slavistik, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Halle, Deutschland

Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka

Editorky

KLÁRA BUZÁSSYOVÁ

BRONISLAVA CHOCHOLOVÁ

Technický redaktor

Mgr. Vladimír Radik

Grafický návrh obálky

Mgr. art. Eva Kovačevičová-Fudala

Zodpovedný redaktor

Emil Borčín

Prvé vydanie. Z tlačových podkladov Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV vydala a vytlačila VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, v Bratislave roku 2013 ako svoju 3993. publikáciu. 240 strán.

ISBN 978-80-224-1309-1